

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ГОД ИЗДАНИЯ
X

3

МАЙ — ИЮНЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА — 1961

РЕДАКЦИЯ

*О. С. Ахманова, Н. А. Баскаков, Е. А. Бокарев, В. В. Виноградов (главный редактор),
В. М. Жирмунский (зам. главного редактора), А. И. Ефимов, Н. И. Конрад
(зам. главного редактора), М. В. Панов, Г. Д. Санжеев, Б. А. Серебренников,
Н. И. Толстой (и. о. отв. секретаря редакции), А. С. Чикобава, Н. Ю. Шведова*

Адрес редакции: Москва, К-31, Кузнецкий мост, 9/10. Тел. Б 8-75-55

В. М. ЖИРМУНСКИЙ

О ГРАНИЦАХ СЛОВА¹

1

Вопрос о границах слова тесно связан с вопросом о природе слова. Слово — это основная единица языка. Между тем определение слова и установление его границ представляет большие трудности, которые вряд ли могут быть преодолены индивидуальными усилиями автора настоящей статьи. Мне хотелось бы только поставить этот важный и сложный вопрос с учетом его многообразных аспектов, без которых невозможно наметить пути к его разрешению.

«Вообще удовлетворительного определения слова нет, да и едва ли можно его дать, — пишет проф. М. Н. Петерсон в своем пособии для преподавателей русского языка, — ... слово — такое простое понятие, которому нельзя дать логического определения, а поэтому приходится удовлетворяться простым указанием или описанием»². Такой эмпирический агностицизм вряд ли может удовлетворить советского исследователя. Гораздо более правильным представляется мне оптимистическое заявление Л. В. Щербы в его докторской диссертации: «Я не разделяю скептицизма по отношению к „слову“. Конечно, есть переходные случаи между словом и морфемой, с одной стороны, и между словом и словосочетанием, с другой стороны. Но в природе нет нигде абсолютных границ; в большинстве же случаев понятие „слово“ очень ясно для сознания говорящих...»³.

Позднее трудности общего определения слова Л. В. Щерба справедливо связывал с конкретными различиями языков. «В самом деле, что такое „слово“? — спрашивает акад. Щерба. — Мне думается, что в разных языках это будет по-разному. Из этого собственно следует, что понятия „слово вообще“ не существует»⁴. Примем это указание как предостережение, ограничивающее значимость тех определений, которые мы вынуждены дать провизорно на материале известных нам языков (в настоящем случае — индоевропейских и тюркских). Для более углубленного решения этого вопроса необходимо широкое сравнительно-типологическое изучение проблемы слова в языках разных систем.

В качестве определения провизорного, имеющего характер рабочей гипотезы, я хотел бы предложить следующее: слово есть кратчайшая единица языка, самостоятельная по своему значению и форме. Семантическое единство слова (т. е. его смысловая цельность и самостоятельность) обязательно для всякого слова и представляется основой цельности и самостоятельности формальной, однако, взятое само по себе, оно еще недостаточно. Поэтому не-

¹ Настоящая статья представляет собой доклад, прочитанный 29 ноября 1960 г. в Ленинграде на конференции Института языкознания АН СССР, посвященной проблемам морфологической структуры слова в языках различных типов.

² М. Н. Петерсон, Русский язык. Пособие для преподавателей, М.—Л., 1925, стр. 23.

³ Л. В. Щерба, Восточнолужицкое наречие, 1, Пг., 1915, стр. 75, примеч. 1.

⁴ Л. В. Щерба, Избр. работы по языкознанию и фонетике, 1, [Л.], 1958, стр. 9.

правильным, вернее недостаточным нужно признать то определение «слова», которое дает словарь Д. Н. Ушакова: слово — «единица речи, представляющая собою звуковое выражение отдельного предмета мысли»⁵. Как известно, *железная дорога*, *Красная Армия* не слова, а стойкие словосочетания, хотя они и обозначают «отдельные предметы мысли». К семантическому единству должны прибавиться признаки формальные: фонетические (например, ударение, особые явления начала и конца слова, «пограничные сигналы» границы слова в смысле Н. С. Трубецкого⁶ и др.) или грамматические (морфологические и синтаксические); последние, однако, отнюдь не ограничиваются, как мы увидим дальше, так называемой «цельнооформленностью» слова, о которой писал проф. А. И. Смирницкий⁷.

Эти формальные признаки могут по-разному взаимодействовать друг с другом, и вместе с тем они не имеют универсального характера. Они различны в разных языках в зависимости от особенностей их фонетико-грамматического строя. Именно наличие таких типологических различий формальной структуры, связанных со всей фоно-морфологической системой данного языка, подразумевал, по-видимому, Л. В. Щерба, когда говорил, что «понятия „слово вообще“ не существует» и что «в разных языках это будет по-разному».

Но различия возможны и в пределах одного языка между разными категориями слов, в особенности между словами знаменательными и служебными. Последние в фонетическом, как и в семантическом отношении менее самостоятельны и могут даже быть совсем несамостоятельными. Например, односложные предлоги не имеют самостоятельного ударения, которое в русском языке является фонетическим признаком знаменательного слова; иногда они состоят из одного согласного, который полностью «прислоняется» к последующему слову (*в*, *к*, *с* и др.); они допускают ассимиляцию по звонкости [*нат-село*м, *ф-сене*], не свойственную по законам русской фонетики конечным согласным знаменательных слов. К ним неприменим и критерий морфологической «цельнооформленности», поскольку такие слова, как предлоги *в* [*ф-столе*], или *к* [*к-брату*], или союзы *а*, *и*, вообще не обладают морфологической оформленностью, характерной для большинства знаменательных слов.

Минимум формальной самостоятельности слова дает в самых разных языках (независимо от характерных различий их фонетико-морфологического строя) критерий потенциальной выделяемости, т. е. отдельности и цельности слова. В семантическом отношении служебное слово, например предлог *в*, хотя оно и не употребляется самостоятельно, без имени, обладает тем не менее, помимо своей грамматической функции, известным минимумом лексического значения, присущего и служебным словам в отличие от морфем: оно обозначает «внутри чего-нибудь» — в отличие, скажем, от *с*, означающего «вместе с чем-нибудь или кем-нибудь». Напротив, морфемы, например падежные окончания *-ы*, *-ам* или глагольные *-у*, *-ат*, не имеют никакого значения вне того слова, часть которого они составляют. С точки зрения формальной предлог обладает, в противоположность морфеме, выделяемостью, представляющей минимум формальной самостоятельности слова. Мы можем сказать: *в саду*, *в твоём саду*, *в твоём цветущем саду* и т. п.

Критерий выделяемости слова следует применить и к хорошо известному примеру Ж. Вандриеса, который неоднократно обсуждался в совет-

⁵ «Толковый словарь русского языка», под ред. Д. Н. Ушакова, IV, М., 1940, стр. 270.

⁶ Н. С. Трубецкой, Основы фонологии, М., 1960, стр. 299—325.

⁷ А. И. Смирницкий, К вопросу о слове (Проблема «отдельности слова»), сб. «Вопросы теории и истории языка в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию», М., 1952, стр. 200 и сл.

ском языкознании. «Во французской фразе *je ne l'ai pas vu* („я его не видел“) школьная грамматика насчитывает шесть отдельных слов. В действительности, — по мнению Вандриеса, — налицо только одно слово, но сложное, образованное из ряда морфем, переплетенных одна с другой»⁸. Мнение Вандриеса разделяет и акад. И. И. Мещанинов, усматривающий в совершенно аналогичном французском примере *je te quitte* («я тебя покидаю») явление, родственное инкорпорации субъекта и объекта, включенных в глагольную форму⁹. Вслед за И. И. Мещаниновым и проф. П. С. Кузнецов находит в другом таком же примере *je-te-le-donne* («я тебе это даю») «черты, характерные для полисинтетического строя» (т. е. для той же «инкорпорации»). «Во французском языке, — пишет он, — местоименные показатели, обозначающие объект (прямой или косвенный), по существу вклиниваются в состав глагольной формы»¹⁰.

Конечно, в принципе, с точки зрения теоретической, нельзя отрицать возможности существования такого, в европейских языках необычного, слова «инкорпорирующего» типа или, точнее, такой глагольной формы, которая включала бы в свой состав отрицание (как это обычно в тюркских языках) и местоименные дополнения (как это возможно в языках семитических). Но предложение Вандриеса *je ne l'ai pas vu* не представляет собою единого слова, потому что все его элементы выделимы и соответственно заменимы как самостоятельные слова. Можно сказать: *je ne l'ai pas vu* и *je l'ai vu*; *je t'ai vu* и *je ne t'ai pas vu*; или *je l'ai vu. tu l'as vu*; *je l'avais vu*; *je ne l'ai jamais vu* и т. п. Раздельное написание является здесь выражением того факта, что сами говорящие сознают эти элементы фразы как отдельные слова, которые могут быть соотнесены с другими словами, в том числе и с полнозначными; ср. *Alfred ne l'a pas vu*.

По мнению Вандриеса, «*je, me, te, tu, le* — это действительно простые морфемы, лишенные самостоятельности», потому что «они не употребляются отдельно». «*Je* существует только в сочетании с глаголом: *je parle* („я говорю“), *je cours* („я бегу“), так же как и *me: tu me dis* („ты говоришь мне“), *tu me frappe* („ты ударяешь меня“»¹¹. На самом деле указанные формы входят в состав соотносительных парадигм склонения личных местоимений 1-го лица: *je — me, moi*; 2-го лица: *tu — te, toi*; 3-го лица: *il — le, lui* (возвр. *se — soi*): при этом *je — me, tu — te, il — le* (возвр. *se*) представляют слабые (неударные) формы именительного и косвенного (вин. и дат.) падежей, чередующиеся с сильными формами *moi, toi, lui* (возвр. *soi*), которые употребляются под ударением. В самостоятельном (т. е. в ударном) положении могут стоять только сильные формы. Ср. *qui est là?* («кто там?») — *c'est moi, c'est toi, c'est lui* «это — я», «это — ты», «это — он», но не *je, tu, il* «я», «ты», «он». Со своей стороны *je* отличается от остальных личных местоимений только тем, что оно лексически изолировано, представляя супплетивную форму, обычную для европейских языков в им. падеже 1-го лица; однако такая изолированность не делает эту форму слова морфемой в отличие от *tu* или *il*, с которыми оно взаимозаменяемо в парадигме спряжения, как и с другими подлежащими, выраженными полнозначными словами (*Alfred*).

Отдельность слова предполагает также его цельность: в состав одного слова не может вклиниваться другое, тогда как морфемы могут встав-

⁸ Ж. Вандриес, Язык, М., 1937, стр. 89.

⁹ И. И. Мещанинов, Члены предложения и части речи, М.—Л., 1945, стр. 25.

¹⁰ П. С. Кузнецов, Морфологическая классификация языков, [М], 1954, стр. 27.

¹¹ Ж. Вандриес, указ. соч., стр. 89. На невозможность самостоятельного употребления французских местоимений этого типа обратил внимание и А. М. Пешковский в статье «Понятие отдельного слова» (см. А. М. Пешковский, Сборник статей. Методика родного языка, лингвистика, стилистика, поэтика, Л., 1925, стр. 124).

ляться между другими морфемами. Ср. русск. соверш. вид: *заманить* — несоверш. вид *заманивать*, нем. уменьш. *Kindchen* — мн. число *Kinderchen* (в немецких диалектах: *bēmtche* «*Bäumchen*» — мн. число *bēmerche*). Морфемы могут вклиниваться и в состав корня как инфиксы; ср. носовой инфикс в презенсе некоторых индоевропейских глаголов (лат. *vinco* — *vīcī*; гот. *standan* — *stōþ*, англ. *stand* — *stood*).

Нарушение цельности слова, разрыв слова другими словами приводятся русскими грамматистами только как редкое исключение. См. примеры В. В. Виноградова на употребление отрицательных местоимений с предлогами: *никто, но ни к кому; некому, но не у кого*¹². Ср. также *ни о ком, ни о чем, ни с которым, не для кого, не с кем*¹³. Однако эти примеры являются лишь иллюстрацией исторической зыбкости границ между сложными словами и устойчивыми словосочетаниями, о чем дальше будет сказано более подробно. Устойчивое словосочетание *ни о ком* является формой слова *никто*, так же как аналитические формы типа *буду писать, je vais écrire, ich werde schreiben* являются формами глагола *писать* (*écrire, schreiben*). «Разрыва» слова при этом не происходит.

Более массовый, принципиально существенный для грамматического строя характер явление это имеет в немецком языке в категории так называемых «отделяемых приставок». Ср., например, инф. *aufstehen* «вставать», причастие II *aufgestanden* «вставший» (слитно в именных формах глагола) — *ich stehe auf* «я встаю», *ich stand auf* «я встал» (раздельно в личных формах). При этом в связи с обычной в немецком синтаксисе «рамочной конструкцией» для глагола и отделяемой приставки характерен дистантный порядок слов: все приглагольные дополнения и обстоятельственные слова располагаются между глаголом и «отделяемой приставкой»: *ich stehe heute früh auf* «я встаю сегодня рано», *ich stand heute ausnahmsweise besonders früh auf* «я встал сегодня особенно рано» и т. п. По тому же типу строятся сложные глаголы с отделяемым первым элементом, в основе которых лежат словосочетания типа сложного сказуемого. Ср. инф. *feststellen* «устанавливать», причастие II *festgestellt* (слитно) — наст. время 1-го лица ед. числа *ich stelle... fest* (раздельно); инф. *teilnehmen* «принимать участие», причастие II *teilgenommen* (слитно) — прош. время 1-го лица ед. числа *ich nahm an diesem Spiele teil* (дистантная позиция); инф. *kennenlernen* «узнать», причастие II *kennengelernt* (слитно) — прош. время 1-го лица ед. числа *ich lernte ihn erst gestern kennen* (дистантная позиция).

К. А. Левковская оспаривает законность традиционных терминов «глаголы с отделяемыми приставками» («trennbare Präfixe») или «разъединимые сложные слова» («trennbare Zusammensetzungen», «unfeste Komposita» и т. п.), принятых в немецких грамматиках для образований этого типа¹⁴. По мнению проф. К. А. Левковской, приставки (префиксы) как словообразовательные морфемы по самой природе своей не могут «отделяться» от основы. «Префиксы, — пишет автор, — это словообразовательные форманты, включенные в основу слов и всегда занимающие (в разных основах) начальное положение»¹⁵ (разрядка моя. — В. Ж.). Поэтому К. А. Левковская рассматривает «отделяемые приставки» как наречия, а образования типа *aufstehen* и *feststellen* не как сложные слова, а как стойкие фразеологические словосочетания. Между тем на самом деле сложные слова и словосочетания различаются в немецком языке достаточ-

¹² В. В. Виноградов, Русский язык, М.—Л., 1947, стр. 10.

¹³ «Грамматика русского языка», 1, М., Изд-во АН СССР, 1952, стр. 406 (§ 659).

¹⁴ См. К. А. Левковская, Лексикология немецкого языка, М., 1956, стр. 216—223, (§ 46). Ср. рецензию того же автора на книгу проф. М. Д. Степановой «Словообразование современного немецкого языка» (М., 1953) в ВЯ (1955, 1, стр. 148). М. Д. Степанова рассматривает отделяемые глагольные приставки как «полупрефиксы» (стр. 315—317, § 253).

¹⁵ К. А. Левковская, Лексикология немецкого языка, стр. 220.

по четким фоно-морфологическим признакам: в сложных словах ударение лежит на первом элементе (при более слабом удареии на втором элементе); ср. *fēststellen* и *Fēststellung*; между тем в словосочетаниях более сильное ударение лежит на втором элементе: *fēste Stēlle*. Ср. еще *Rōtbärt* (сложное слово) и *Rōt Frōnt* (словосочетание). Слитная орфография глаголов этого типа в именных формах является в этом случае наглядным выражением непосредственного языкового восприятия говорящих.

Источник этих взглядов К. А. Левковской — теория, выдвинутая проф. А. И. Смирницким для английского и скандинавских языков. А. И. Смирницкий рассматривает так называемые глагольные послелоги этих языков (ср. англ. *to stand up, I stand up, he stood up*) как приглагольные наречия и сложные глаголы этого типа как «глагольно-адвербиальные фразеологические единицы»¹⁶. Не входя в рассмотрение данного спорного вопроса, поскольку он не имеет прямого отношения к немецкому языку, следует напомнить, что в английском и в скандинавских языках в отличие от немецкого не существует слитных именных форм глагола наряду с раздельными личными формами, т. е. отсутствует та самая проблема, которая нас здесь занимает.

Если мы не хотим отрицать реальных языковых фактов во имя метафизических определений и основанных на них теорий, мы должны и здесь, как в приведенных раньше русских примерах, признать возможность существования стойких словосочетаний рядом со слитными (сложными) словесными единицами как форм одного и того же слова, что и обозначается традиционным термином «отделяемые приставки». Противоречие это (существующее в такой же мере и для аналитических форм слова) имеет диалектический характер и отпадает как мнимое, если рассматривать данное явление, как и всякое явление языка, в его историческом развитии. Немецкий литературный язык зафиксировал и консервировал на определенной ступени процесс превращения приглагольных наречий в предлоги, происходивший в разное время и в разной форме во всех индоевропейских языках. Необходимо учитывать этот «процессуальный» характер данного явления, чтобы правильно понять его место в «синхронной» системе языка.

Следует, разумеется, иметь в виду, что степень цельности и спаянности морфологических элементов слова (как и отдельных слов в составе синтаксической группы — словосочетания) может быть различной в языках разного типа в зависимости от их морфологической структуры. Наибольшей степени эта связанность достигает в языках флективного строя. В языках агглютинирующих, таких, как тюркские, однозначные морфологические элементы — «прилепы» способны, в зависимости от наличия или отсутствия других прилеп, механически отодвигаться к концу слова или придвигаться к его основе. Ср. узб. *ата* «отец», *ата-га* «отцу», *ата-м-га* «моему отцу», *ата-лар* «отцы», *ата-лар-га* «отцам», *ата-лар-ым-га* «моим отцам» и т. п. Возможно даже употребление в конце грамматически однородной синтаксической группы общих формантов, относящихся ко всем членам группы в целом. Ср. узб. *ота, она ва дўстлардан салом* «от отцов, матерей и друзей привет» (*-лар-дан* — суффиксы мн. числа и исходного надежда); турецк. *yarın gelir, alırım* «я завтра приду (и) возьму» (*-im* — суффикс 1-го лица ед. числа); *ne yiyor, ne içiyor, ne de söyliyordu* «не ел, не пил, не говорил» (*-du* — суффикс прошедшего времени 3-го лица ед. числа)¹⁷.

Все это свидетельствует о значительно большей независимости морфем в языках этого типа, прежде всего в тюркских¹⁸. Можно сказать, что

¹⁶ А. И. Смирницкий, Лексикология английского языка, М., 1956, стр. 212—213 (§ 235).

¹⁷ Ср.: А. Н. Кононов, Грамматика современного узбекского литературного языка, М.—Л., 1960, стр. 387—389 (§ 516); е го же, Грамматика современного турецкого литературного языка, М.—Л., 1956, стр. 430—433 (§ 861—867).

¹⁸ См. П. С. Кузнецов, указ. соч., стр. 17—18.

морфологические показатели в таких языках гораздо «синтаксичнее», чем в языках флективных типа индоевропейских, и менее прочно связаны с основой. С другой стороны, эта основа может выступать без всяких показателей как исходная, так называемая «абсолютная» форма слова; ср. в именах *ата* «отец», *таш* «камень» и т. п. Поэтому словоформы вроде *ата-лар-га* «отцам», *ата-лар-ым-га* «моим отцам» в парадигме именного склонения или *бара-ман* «я иду», *бара-сан* «ты идешь», *барган-ман* «я шел», *барып-сан* «ты шел» в парадигме глагола (где основы *бара*, *барган*, *барып* являются глагольными именами, которые могут употребляться и самостоятельно) отличаются гораздо меньшей внутренней спаянностью как формы одного слова, чем падежные и глагольные формы русского или латинского языков, где морфема лексически связана со словами определенного типа (ср. дат. падеж ед. числа *сын-у*, *жен-е*, *тен-и* и т. п.).

Характерно, что единство слова поддерживается во многих агглютинирующих языках специфическим для них морфологическим признаком — так называемым сингармонизмом гласных, объединяющим основу со всей цепочкой аффиксов в рамках «отдельности» слова, границу которого он тем самым намечает. Поэтому формальный показатель имени, находящийся за пределами сингармонической связи, остается послелогом (т. е. служебным словом) даже в тех случаях, когда по своему абстрактно-грамматическому значению он приближается к тому, что в других языках было бы падежной формой (например, послелог *бирлэн*, *блан* «с», «вместе с» — с инструментальным или комитативным значением)¹⁹.

2

Границы слова, если рассматривать его как систему грамматических форм (согласно терминологии акад. В. В. Виноградова)²⁰, определяются границей между словообразованием и словоизменением (формообразованием). Как известно, с исторической точки зрения границы эти — весьма зыбкие в результате процессов редукции окончаний и морфологического переразложения. Так, в современном немецком языке признаками мн. числа являются окончания *-e*, *-er*, *-(e)n*; например: *Tag* — мн. число *Tage*, *Kind* — мн. число *Kinder*, *Sache* — мн. число *Sachen*. Исторически, однако, все эти окончания являются по своему происхождению основообразующими суффиксами индоевропейских основ на *-o-* (герм. *-a-*), на *-es-* (герм. *-ir-*), на *-en/-on-* (герм. *-in/-an-*). Ср. для двух последних русск. *небо* — *небеса*, *племя* — *племена* и т. п.

Границы между словоизменением (формообразованием) и словообразованием являются зыбкими и при синхронном рассмотрении. Вопрос этот имеет не только классификационно-терминологическое значение: от его решения зависит установление грамматической границы слова, т. е. того, какие грамматические категории следует рассматривать как формы одного слова (словоизменение или формообразование), какие — как самостоятельные слова (словообразование).

Как известно, акад. Ф. Ф. Фортунатов и его школа относили к словоизменению только синтаксически обусловленные формы слова²¹: у существительных только склонение по падежам (но не образование мн. числа), у прилагательных — изменение по родам и падежам, у глаголов — лицо, время и наклонение. Категория числа исключалась из словоизменения и относилась к словообразованию (*окно* и *окна* с этой точки зрения представляют два разных слова). Степени сравнения прилагательных и уменьшительные относились к словообразованию (*красный* и *краснее*, *дом* и

¹⁹ См. Н. К. Дмитриев, Грамматика башкирского языка, М.—Л., 1948, стр. 124—122.

²⁰ «Слово как система форм и значений является фокусом соединения и взаимодействия грамматических категорий языка» (В. В. Виноградов, Русский язык, стр. 15).

²¹ См. Ф. Ф. Фортунатов, Избр. труды, I, М., 1956, стр. 155—157.

домик представляют разные слова). Точно так же обстоит дело с категорией вида в глаголе; инфинитивы, причастия и деепричастия вообще исключались из системы глагола как спрягаемого слова и рассматривались как самостоятельные части речи, не имеющие морфологического признака словозменения по лицам, характерного для глагола.

Однако, как справедливо указал А. М. Пешковский, категории времени и наклонения глагола тоже не выражают зависимости составляющих их форм от окружающих форм: одинаково можно сказать и *он стучит*, и *он стучал*, и *он стучал бы* ²². Следовательно, по крайней мере для русского языка, при отсутствии обязательной грамматической последовательности времен и наклонений, они также не являются синтаксическими категориями и — при последовательном проведении точки зрения Фортунатова — не относятся к словозменению глагола.

И. А. Бодуэн де Куртене и его ученики не разделяли этих взглядов фортунатовской школы, как и других проявлений ее крайнего морфологизма. Л. В. Щерба высказался по данному вопросу в своей известной статье «О частях речи в русском языке» (1928), правда, скорее с позиций лингвистического здравого смысла, на ряде убедительных частных примеров, чем с точки зрения строгих грамматических понятий: «Под „формами слова“ в языковедении обыкновенно понимают материально разные слова, обозначающие или разные оттенки одного и того же понятия, или одно и то же понятие в разных его функциях... такие слова, как *писать* и *писатель*, не являющиеся формами одного слова, так как одно означает действие, а другое — человека, обладающего определенными признаками. Даже такие слова, как *худой*, *худоба*, не считаются нами за одно и то же слово. Зато такие слова, как *худой* и *худо*, мы очень склонны считать формами одного слова, и только одинаковость функций слова типа *худо* со словами вроде *вкось*, *наизусть* и т. д. и отсутствие параллельных этим последним прилагательных создают особую категорию наречий и до некоторой степени отделяют *худо* от *худой*. Конечно, как всегда в языке, есть случаи неясные, колеблющиеся. Так, будет ли *столик* формой слова *стол*? Это не так уж ясно, хотя в языковедении обыкновенно говорят об уменьшительных формах существительных. *Предобрый*, конечно, будет формой слова *добрый*, *сделать* будет формой слова *делать*, но *добежать* едва ли будет формой слова *бежать*, так как самое действие представляется как будто различным в этих случаях» ²³.

Академическая грамматика русского языка не прибавила ничего нового к этому зыбкому и по существу эмпирическому (хотя и справедливому в основном) определению, а только выразила его несколько иными словами. «Формами слова называются все те видеизменения одного и того же слова, которые, обозначая одно и то же основное понятие, прибавляют к нему то или другое дополнительное понятие, либо выражают то или другое отношение данного предмета мысли к другим предметам мысли того же предложения» ²⁴.

В. В. Виноградов, следуя в основном за Л. В. Щербой, понимает формообразование чрезвычайно широко. Для этого он вводит понятие «формообразующих» суффиксов в отличие от суффиксов «словообразующих» ²⁵. К формообразованию существительных В. В. Виноградов относит не только уменьшительные в узком смысле, но всю группу «суффик-

²² А. М. Пешковский, Русский синтаксис в научном освещении, 3-е изд., М.—Л., 1928, стр. 33.

²³ Л. В. Щерба, Избр. работы по русскому языку, М., 1947, стр. 76—77, примеч. 2. (Л. В. Щерба, по-видимому, считал, что *добежать* по сравнению с *бежать* содержит дополнительное лексическое значение — успешного завершения действия, но, мне кажется, это в той же мере относится и к слову *сделать*: можно «делать» и не «сделать», как можно «бежать» и не «добежать».)

²⁴ «Грамматика русского языка», I, стр. 15.

²⁵ В. В. Виноградов, Русский язык, стр. 36.

сов субъективной оценки» (уменьшительные, увеличительные, ласкательные, уничижительные и т. п.), например *дом* — *домик* — *домишко* — *домище* — *домица* и т. п. К формообразованию прилагательных он относит не только обычные степени сравнения (*добрый* — *добре* — *добрейший*), их аналитические эквиваленты (*более добрый*, *самый добрый*), но и усиленные типа *предобрый*, *прескверный* (т. е. «очень добрый», «весьма добрый» и т. д.); формы субъективной оценки качества: *желтоватый*, *желтенький* и т. п. К формообразованию глагола относятся, кроме форм времени и наклонения, инфинитивов, причастий и деепричастий, такие видовые и залоговые формы, имеющие соотносительный характер, как *хорошет* — *похорошет*, *слабеть* — *ослабеть*, *надесать* — *надеть*; или: *изучать* — *изучаться*, *брить* — *бриться* и др.

Возникает, однако, вопрос, что означают термин и понятие «формообразование суффиксов»? Не означают ли они введения между флексией (словоизменением в узком смысле) и словообразованием некоей промежуточной или переходной категории, которая как бы призвана примирить точку зрения школы Фортунатова и точку зрения Л. В. Щербы (иными словами, лингвистический формализм и лингвистический «здравый смысл»)? Так, по-видимому, понимает дело Академическая грамматика русского языка, в которой дается разъяснение, что морфемы, «образующие формы слов, называются обыкновенно окончаниями (или флексиями), если эти морфемы выражают синтаксические отношения: напр.: *светл-ый*, *светл-ая*, *светл-ое*, *светл-ого*, *светл-ой*...; *стол*, *стол-а*, *стол-у*» (принцип Фортунатова: мн. число соответственно этому не приводится в числе примеров, с характерным умалчиванием относительно этого особо дискуссионного вопроса). «Однако и морфемы, образующие формы слов (и иногда не стоящие на конце слова), называются тоже суффиксами, подобно словообразующим морфемам, например, суффиксы *-ейш-*, *-айш-* в формах превосходной степени имен прилагательных: *чистейший* (от *чистый*), *глубочайший* (от *глубокий*) и т. п. В отличие от словообразующих суффиксов, суффиксы, образующие формы слов, называются формообразующими»²⁶.

Итак, с точки зрения Академической грамматики, существуют три группы морфем: флексии, формообразующие суффиксы и словообразующие суффиксы. Но нас интересует не название, а принципиальный вопрос: где же проходит в языке граница между словоизменением и словообразованием, тождественно ли понятие формообразования с понятием словоизменения в широком смысле слова, т. е. следует ли считать, что *дом* — *домишко* — *домище* — *домица* — одно слово (т. е. разные формы одного слова), как и *добрый* — *предобрый*, *желтый* — *желтоватый* и др.? Входят ли они в «парадигму» изменения имени и образуют ли такую же систему словоизменения, как глагольные формы *петь* — *пою* — *я пою* — *я пою* — *я пою* — *я буду петь* — *я спою* — *я спел* — *я спел* — *я спел* — *я спел* — *я спел* — *я спел* и т. п., о которых В. В. Виноградов говорит, также взывая к здравому смыслу и национальному языковому чутью: «... никто из русских людей не усомнится», что они «являются грамматическими формами одного и того же глагола. Все эти формы соотносительны»²⁷.

Вопрос этот остается открытым. Можно думать, что под «формообразованием» понимается категория, переходная между словоизменением и словообразованием, очертания которой представляют существенные различия в языках разного типа.

Но и в пределах системы словоизменения («парадигмы» в узком смысле) дискуссионным остается вопрос, является ли каждая форма слова самостоятельным словом, как утверждал, например,

²⁶ «Грамматика русского языка», I, стр. 17.

²⁷ В. В. Виноградов, О формах слова, ИАН ОЛЯ 1944, 1, стр. 5—36.

А. А. Потебня²⁸, или слово, понимаемое как «лексема», есть «система сосуществующих, обуславливающих друг друга и функционально объединенных форм», как учит В. В. Виноградов²⁹. Если же вместе с большинством советских грамматистов признать правильным последнее положение, то следует ли из него, что формы эти представляют лишь комплекс «сосуществующих» и «соотносительных», вполне равноправных «словоформ» (термин проф. А. И. Смирницкого и его школы, подчеркивающий принципиальное равноправие всех форм слова, входящих в систему словоизменения)?³⁰

Последняя точка зрения опирается на авторитет И. А. Бодуэна де Куртене, который писал по этому вопросу так: «Нельзя говорить, что известная форма данного слова служит первоисточником для всех остальных и в них „переходит“. Разные формы известного слова не образуются вовсе одна от другой, а просто сосуществуют. Конечно, между ними устанавливается взаимная психическая связь, и они друг друга обуславливают и путем ассоциации одна другую вызывают. Но с одинаковым правом мы можем говорить, что форма *водá* „переходит“ в форму *вóду*, как и наоборот форма *вóду* в форму *водá*»³¹.

В. В. Виноградов цитирует это положение И. А. Бодуэна де Куртене, по-видимому, сочувственно, хотя и не высказывает прямым образом своего отношения к нему³². Академическая грамматика прямолинейно усвоила эту точку зрения и подносит ее от своего имени: «Не надо думать, что именительный падеж единственного числа является собственно словом, а все остальные формы — лишь его видоизменениями. Именительный падеж — такая же форма, как и все остальные, и только его назывная функция (т. е. назначение служить названием предмета) делает его *у д о б н ы м* п р е д с т а в и т е л е м всей группы форм, которые в целом и составляют единое слово» (разрядка моя. — В. Ж.)³³.

Вряд ли, однако, можно признать это положение правильным. Вопрос не следует, разумеется, ставить в наивно-генетическом плане, против чего и полемизирует И. А. Бодуэн де Куртене: какая форма в какую «переходит» или из какой «образуется»? Но вместе с тем речь идет не только об «удобстве» (удобстве для кого? для составителей школьных грамматик?), а о чем-то гораздо более принципиальном: о функционально соотносительной структуре системы словоизменения и тем самым «лексемы» как системы «словоформ».

Вода, как правильно указывает Академическая грамматика, — это назывная форма, т. е. представляет название предмета. В качестве такового она существует в языке самостоятельно: вот это — «вода». Назывная форма слова не обусловлена связью с другими словами. Напротив, «словоформы» *воды*, *воде* самостоятельно в языке не существуют — они употребляются только в контексте высказывания, в синтаксической обусловленности другими словами и в зависимости от них. Поэтому в семантическом отношении они могут быть названы «производными» от основного, независимого («абсолютного») значения слова *вода*.

Точно так же категория мн. числа «производна» от ед. числа, а не равноправна с ним. *Дом*, *петух* означают, как известно, не только единичный предмет, но и родовое понятие, категорию предметов (как и *вода* в ед. числе — название этого вещества вообще). *Дома́*, *петухи* — это несколько единичных предметов (*домов*, *петухов*). Подобное же положение

²⁸ А. А. Потебня, Из записок по русской грамматике, I—II, Харьков, 1888, стр. 3—4.

²⁹ В. В. Виноградов, О формах слова, стр. 36.

³⁰ А. И. Смирницкий, К вопросу о слове (Проблема «тождества слова»), «Труды Ин-та языкознания», IV, М., 1954, стр. 18—19.

³¹ И. А. Бодуэн де Куртене, [рец. на кн.:] В. Чернышев, Законы и правила русского произношения, ИОРЯС, XII, 2, 1907, стр. 495.

³² В. В. Виноградов, Русский язык, стр. 35.

³³ «Грамматика русского языка», I, стр. 15.

наблюдается и в случаях так называемого «формообразования». *Дом* и *домик* не равноправны: *домик*, *домище*, *домина* означают «маленький дом» или «большой дом», т. е., говоря словами Л. В. Щербы, они представляют «оттенки» понятия *дом*, «производные» от этого основного понятия. С этой точки зрения и формы сравнительной и превосходной степени *добрее*, *добрейший* должны рассматриваться в семантическом отношении как «производные» от положительной степени *добрый*.

Но смысловому (семантическому) соотношению может соответствовать до известной степени и морфологическое. Для флективных индоевропейских языков характерна общая тенденция, осуществляемая с различной последовательностью, к освобождению им. падежа (падежа субъекта действия) от специфического падежного признака, который был ему присущ в древности и делал его в морфологическом отношении равноправным с другими падежами. По словам А. Мейе, «основной чертой индоевропейской системы является то, что в ней слово никогда не существует без особой грамматической характеристики. Во французском есть слово *maison* „дом“; в индоевропейском была форма именительного падежа единственного числа греч. *dōmos* „дом“...; форма винительного падежа единственного числа греч. *dōmon*...; форма винительного падежа множественного числа греч. *dōmous*...; не было ничего, что означало бы „дом“ без грамматической характеристики»³⁴. В новых индоевропейских языках во многих группах имен окончание, характеризовавшее в индоевропейском им. падеж, подверглось редукции. В результате этого русское слово *дом*, в отличие от греч. *dōmos*, не имеет в им. падеже ед. числа показателя падежа и по форме совпадает с чистой основой (или корнем) слова.

Мы привыкли в подобных случаях вслед за Ф. Ф. Фортунатовым говорить о нулевом (или отрицательном) окончании (морфеме 0) им. падежа и ставить его в один ряд с другими окончаниями, выраженными соответствующими флексиями. Однако такая терминология не объясняет, а скорее затемняет существо явления. Следует признать термин «нулевое окончание» правильным в таких случаях, как род. падеж мн. числа *роз* рядом с им. падежом мн. числа *розы*, дат. падеж мн. числа *розам*, но для им. падежа ед. числа термин этот не соответствует специфике явления. Мы имеем здесь не одну «словформу», равноправную с другими «словформами», а исходную форму слова — исходную уже не только в семантическом отношении в качестве назывной формы, но и в отношении морфологическом, поскольку она совпадает с чистой основой (или корнем) слова без каких-либо морфологических показателей (ср. *дом* — *дома*, *дому* и т. д.). Формы косвенных падежей и мн. числа могут рассматриваться как производные уже не только в семантическом, но и в морфологическом отношении (ср. также нем. *Tag*, *Kind*, *Maus*, *Herr*, *Frau* и мн. др.).

Нередко и падеж прямого дополнения (винительный) подвергался такой же редукции окончания и совпадает тогда с им. падежом (так во всех названных примерах, немецких и русских, кроме нем. *Herr* — вин. *Herren*). При этом унификация им. и вин. падежей достигается в ряде случаев не просто фонетической редукцией, а грамматической аналогизацией в пользу того или другого из этих падежей. Аналогия, как всегда в таких случаях, — не механический ассоциативный процесс, как полагали младограмматики; она раскрывает тенденцию внутреннего развития системы³⁵. Исходная форма без показателя закрепляется в падежах субъекта и объекта, в которых предмет выступает как таковой (в своей

³⁴ А. Мейе, Основные особенности германской группы языков, под ред. В. М. Жирмунского, М., 1952, стр. 83.

³⁵ См. В. М. Жирмунский, Внутренние законы развития языка и проблема грамматической аналогии, «Труды Ин-та языкознания [АН СССР]», IV, 1954, стр. 84—100.

назывной форме). Остальные падежи обозначают отношения предмета (понятия) к другим предметам (понятиям).

Крайнюю точку этого процесса представляет английский язык; ср. ед. число *day* — мн. число *days*, *house*—*houses*, *foot* — *feet*, где общая форма ед. числа, тождественная с назывной формой, превратилась (как в тюркских языках) в абсолютную форму слова.

Сложнее обстоит дело с системой словоизменения глагола, где между формами парадигмы наличествуют, по-видимому, менее тесная связь и более равноправные отношения. Конечно, и здесь инфинитив представляет «назывную форму» глагола — «название действия», или «глагольный номинатив», по удачному выражению А. А. Шахматова. А. М. Пешковский писал в развитие этой мысли: «Как именительный падеж (по большей части притом единственного числа) принимается нами за простое, голое название предмета, без тех осложнений в процессе мысли, которые вносятся формами косвенных падежей, так неопределенная форма благодаря своей отвлеченности представляется нам простым, голым выражением идеи действия, без тех осложнений, которые вносятся в нее всеми другими глагольными категориями»³⁶.

Однако название действия не является в семантическом отношении «исходным» для личных форм глагола. Поэтому наряду с инфинитивом, который в данном случае действительно является лишь «удобным представителем» системы, в качестве такого представителя выступает и 1-е лицо ед. числа индикатива настоящего времени — лат. *lego*, греч. λέγω, как в грамматиках и словарях классических языков, или императив, как в некоторых грамматиках тюркских языков, поскольку в этих языках императив совпадает с чистой основой глагола (как, впрочем, и в языках индоевропейских), отличаясь, однако, от основы своей синтаксической направленностью на собеседника (2-е лицо!) и связанной с нею интонацией повеления.

С точки зрения морфологической ни *писать*, ни *schreiben*, ни *écrire* также не являются исходной формой для глагольного спряжения. Иначе, однако, обстоит дело с англ. *write* (в инфинитиве, с аналитическим показателем *to write*). Лишенное флективных показателей, оно совпадает по своей форме с чистой основой (корнем) слова и является тем самым морфологически исходной формой для системы глагольного спряжения. С этим связано явление, получившее в научных грамматиках современного английского языка название «конверсии» (англ. *conversion* — буквально «обращение»), т. е. переход одной части речи в другую. Ср. англ. *love* «любовь» (существит.), (*to*) *love* «любить» (глагол); *warm* «теплый» (прилагат.), «тепло» (нареч.), (*to*) *warm* «отеплять» (глагол); *round* «круглый» (прилагат.), «кругло» (нареч.), *round* «круг» (существ.), (*to*) *round* «округлять» (глагол); *light* «светлый» (прилагат.), «светло» (нареч.), *light* «свет» (существит.), (*to*) *light* «зажигать» (глагол) и т. п. Возможность такого «обращения» одной части речи в другую обусловлена наличием в языке одинаковых исходных (абсолютных) форм слова существительного и глагола, лишенных формальных признаков, с которыми может также совпадать неизменяемое по своей форме прилагательное (и наречие).

Иное понимание конверсии выдвинуто было А. И. Смирницким³⁷. «Конверсией» А. И. Смирницкий называет словообразование без аффиксации, «только при помощи парадигмы». Слова *love* «любовь» и *love* «любить» являются, по его мнению, омонимами с разными нулевыми суффиксами (общего падежа существительного и глагольного инфинитива), входящими в состав разных парадигм. С точки зрения определения кон-

³⁶ А. М. Пешковский, Русский синтаксис в научном освещении, стр. 151.

³⁷ См. А. И. Смирницкий, Так называемая конверсия и чередование звуков в английском языке, «Ин. яз. в школе», 1953, 5; его же, По поводу конверсии в английском языке, там же, 1954, 3.

версии, которое дал А. И. Смирницкий, «конверсия в древнеанглийском в принципе не отличается от конверсии в современном английском» (разрядка моя. — В. Ж.). Др.-англ. *lufu* «любовь» и *lufian* «любить» (или *faru* «поездка» и *faran* «ездить») представляет «в принципе» такую же конверсию, как *love* «любовь» и *to love* «любить»³⁸. Следуя за А. И. Смирницким, К. А. Левковская приводит такие же немецкие примеры конверсии; ср., например, способ словообразования при помощи парадигмы без словообразовательных аффиксов: *Bild* «образ» — *bilden* «образовать»; *laufen* «бежать» — *Lauf* «бег» и даже *Schnitt* «разрез» (который содержит «вариант основы, представленный в формах претерита и причастия прош. времени») от глагола *schneiden*—*schnitt*—*geschnitten*³⁹.

Мы могли бы со своей стороны добавить и русские аналогии подобной конверсии: *зеленый* — *зелень*; *лаять* (*лаю*) — *лай*; *цвести* (*цвету*) — *цвет*; *звать* (*зову*) — *зов* и т. п.; сам А. И. Смирницкий назвал в качестве специфичных для грамматического строя русского языка примеры: *внук* — *внука* («внучка»), *супруг* — *супруга* («жена»), *Александр* — *Александра* и т. п.⁴⁰.

Проблема словообразования без словообразовательных суффиксов имеет, несомненно, большой интерес, и мысль о возможности словообразовательной роли парадигмы представляет заслуживающую внимания, хотя и спорную гипотезу (несклоняемые прилагательные английского языка не имеют парадигмы, поэтому А. И. Смирницкий предпочитает аргументировать на примерах конверсии существительного — глагола).

Однако вряд ли целесообразно употреблять установившийся в науке термин для совершенно другого, более широкого явления, стирая тем самым специфическую разницу между явлениями, обусловленную принципиальными различиями в грамматическом строе языков. Явление, традиционно называемое «конверсией» (т. е. «обращением», переходом одной части речи в другую), характерно для языков с определенной структурой слова, отличной от русского, древнеанглийского и новонемецкого. Основное, как уже было сказано, сводится к наличию в этих языках абсолютной формы слова (глагола и существительного), лишенной формальных показателей, и несклоняемого прилагательного (наречия), совпадающего с ними по форме. Скорее, чем с древнеанглийским или с немецким, здесь возможно типологическое сопоставление с языками агглютинирующими, вроде тюркских.

Нецелесообразным представляется и рассмотрение этих форм как омонимов, которое ставит различие между *love* «любовь» и *love* «любить» в одну плоскость с лексическими омонимами слова *love*—«любовь», «возлюбленный», «амур»⁴¹ или с русским примером, который приводит сам А. И. Смирницкий: *лай* — существительное и *лай* — повелительное наклонение глагола⁴². Я предпочел бы говорить о полиморфизме слова, присущем языкам определенного типа. О так называемых «нулевых аффиксах» я уже сказал раньше: с моей точки зрения, исходная (абсолютная) форма слова не имеет вообще нулевого аффикса, ни одного, ни тем менее нескольких.

3

Говоря о границах слова, необходимо коснуться еще одного дискуссионного вопроса — о границах слова и словосочетания, в частности сло-

³⁸ А. И. Смирницкий, Древнеанглийский язык, М., 1955, стр. 168 (см. § 14); его же, По поводу конверсии в английском языке, стр. 13.

³⁹ К. А. Левковская, Лексикология немецкого языка, стр. 159—161.

⁴⁰ А. И. Смирницкий, По поводу конверсии в английском языке, стр. 24.

⁴¹ А. И. Смирницкий, Так называемая конверсия и чередование звуков..., стр. 21.

⁴² См. А. И. Смирницкий, По поводу конверсии в английском языке, тр. 13.

восочетания и сложного слова, или, подходя к этому вопросу с исторической точки зрения, — о процессах развития словосочетания в сложное слово и о критериях, позволяющих говорить о завершении этих процессов.

Словосочетания были за последние годы предметом особого внимания советских языковедов, в области русского языка — В. В. Виноградова и его школы, в области языков германских и романских — А. И. Смирницкого и О. С. Ахмановой и их учеников, В. Н. Ярцевой и некоторых других. Не вдаваясь в детали обсуждения этого вопроса, скажу, что под словосочетанием в широком смысле я понимаю всякую группу слов, объединенную в смысловом и грамматическом отношении, если она не образует предложения (или, может быть, точнее: если она не рассматривается как предложение). Ограничение словосочетаний только словами знаменательными, принятое Ф. Ф. Фортунатовым и вслед за ним В. В. Виноградовым и большинством советских исследователей⁴³, не представляется мне ни плодотворным, ни правильным по существу. Если служебные слова рассматриваются как слова, а не как морфемы, то сочетание служебного слова со знаменательным логично рассматривать как словосочетание, т. е. как сочетание слов — будь это сочетание с предлогом, с вспомогательным или служебным глаголом и т. п. (например: *на столе, посреди стола, самый смелый, буду писать* и т. п.). Различать словосочетания и простые сочетания слов представляется мне ничем не оправданным терминологическим педантизмом. Выдвигаемая здесь точка зрения тем более необходима, что между служебными и знаменательными словами существует множество переходных оттенков, связанных с большей или меньшей степенью грамматизации служебного слова, т. е. потери им первоначального вещественного значения. Ср. *на столе* — *поверх стола, посреди стола; для устранения — в целях устранения; среди дня — в течение дня, на протяжении дня; буду писать — стану писать — начну писать; самый смелый — очень смелый, весьма смелый* и т. п. Трудно указать с точностью, когда именно в этих примерах сочетание слов становится словосочетанием.

Словосочетание в узком смысле, в большей или меньшей степени «связанное», возникает в результате более тесного грамматического или лексического объединения группы слов с развитием нового значения целого (грамматического или лексического), отличного от значения суммы его частей. Здесь возможны два направления развития: 1) в сторону грамматизации (морфологизации) словосочетания, т. е. превращения группы слов в своеобразную новую аналитическую форму слова; 2) в сторону лексикализации словосочетания, т. е. превращения группы слов в более или менее прочное фразеологическое единство, представляющее в смысловом отношении фразеологический эквивалент слов. И в том, и в другом случае конечным результатом процесса может, хотя и не обязательно должно, явиться объединение словосочетания в единое (сложное) слово.

Грамматизация словосочетания связана с большим или меньшим ослаблением лексического значения одного из его компонентов, с последовательным его превращением из лексически значимого (знаменательного) слова в полуслужебное или служебное, а всей группы слов как целого — в грамматическую форму слова. Ср. нем. *ich habe einen Brief geschrieben* (первоначально: «я имею письмо написанным») > *ich habe geschrieben* («я написал»); так же англ. *I have written a letter*, франц. *j'ai écrit une lettre*.

Грамматизация представляет результат абстрагирования (иногда более, иногда менее полного) от конкретного лексического значения, которое первоначально имело служебное слово; при этом обычно грамматизации подвергаются слова, имеющие сами по себе более широкое (общее)

⁴³ См.: В. В. Виноградов, Основные принципы русского синтаксиса «Грамматике русского языка» Академии наук СССР, ИАН ОЛЯ, 1954, 6, стр. 498—502; «Грамматика русского языка», II, ч. 1, стр. 6 и сл.

значение: глаголы с широкой семантикой, например со значениями «иметь» («владеть»), «начинать» («становиться»), глаголы покоя и движения типа «стоять» («оставаться»), «ходить» и т. п., которые становятся служебными или связочными по своей грамматической функции; глаголы модальные, конкурирующие с наклонениями; личные местоимения, из которых развиваются показатели лица; наречия места или другие обстоятельственные слова широкого значения, которые становятся предлогами; местоимения указательные и неопределенные в функции артиклей; указательные, относительные и вопросительные — в роли подчинительных союзов и др.

Развитие так называемых аналитических форм слова и критерии их грамматизации подробно рассмотрены М. М. Гухман на примере аналитических глагольных конструкций в немецком языке⁴⁴. Автор правильно проводит границу между аналитическими конструкциями со вспомогательными глаголами, сложными сказуемыми с глаголами связочными и словосочетаниями с глаголами модальными типа нем. *ich will schreiben* «я хочу писать». И все же не менее важное значение, чем эти различия, сами по себе не вызывающие сомнения, имеют общие особенности аналитического формообразования, которое имеет характер процесса с переходными случаями большей или меньшей грамматизации. Такой «процессуальный» характер имеет, например, грамматизация русского «аналитического будущего» несовершенного вида в формах *я буду писать, я стану писать, я начну писать*, как она описана В. В. Виноградовым⁴⁵. Последнее словосочетание наименее грамматизовано, и начинательный глагол сохраняет в нем всю полноту лексического значения. Академическая русская грамматика, относящаяся с гораздо большей бдительностью к так называемому «порочному смещению грамматик и лексики», исключила две последние формы из грамматической категории «сложного будущего»⁴⁶.

Спорным является и вопрос об аналитической природе предложных конструкций, например, во французском или в английском языках. При всем различии, существующем между глагольными и предложными конструкциями, последние нередко выступают рядом с падежами как их аналитические эквиваленты.

Вопреки распространенной в советской англистике точке зрения⁴⁷, я полагаю, что форма с предлогом *of* (*the house of my father* «дом моего отца»), полностью утратившим в таких сочетаниях лексическое содержание, является аналитической формой род. падежа (как и аналогичная французская конструкция *la maison de mon père*). По своему грамматическому значению конструкция эта эквивалентна так называемому «саксонскому» род. падежу с флективным элементом *'s* (*my father's house* «дом моего отца»); она отличается лишь некоторыми особенностями употребления, преимущественно характера стилистического. В процессе исторического развития языка аналитические предложные конструкции конкурируют с падежами, как конструкции с модальными глаголами конкурируют с наклонениями, частично заменяя и вытесняя их вследствие большей дифференцированности своих значений. Поэтому история падежей, по крайней мере на синтаксическом уровне, не может рассматриваться в отрыве от истории предложных конструкций.

Существенное теоретическое значение могло бы иметь применение понятия аналитической формы слова к языкам другой морфологической

⁴⁴ М. М. Гухман, Глагольные аналитические конструкции как особый тип сочетаний частичного и полного слова (на материале немецкого языка), сб. «Вопросы грамматического строя», М., 1955.

⁴⁵ В. В. Виноградов, Русский язык, стр. 539—570.

⁴⁶ «Грамматика русского языка», I, стр. 439, § 753: «Будущее несовершенного вида (будущее сложное)».

⁴⁷ Ср., например: В. Н. Жигадло, И. П. Иванова, Л. Л. Иофик, Современный английский язык, М., 1956, стр. 200.

структуры, чем индоевропейские. Так, в парадигме тюркского глагола мы встречаем аналитические формы, ничем не отличающиеся от известных нам английских или французских. Таковы, например, формы аналитического прошедшего, состоящие из глагольного имени (причастия или деепричастия) с вспомогательным (связочным) глаголом *эдим* «был». Ср. давнопрошедшее: узб. *ёзган эдим* «я раньше (сначала) написал» — англ. *I had written*, франц. *j'avais écrit*; предпрошедшее: узб. *ёзиб эдим* «я (только что, недавно) написал»; неопределенный имперфект: *ёзар эдим* «я писал (обычно)» и др. С другой стороны, в тюркских языках чрезвычайно широкое распространение имеют сложные глагольные формы несколько иного типа, передающие различные видовые и модальные оттенки действия. Они образованы из сочетания деепричастия основного глагола с личной формой различных полувспомогательных (служебных) глаголов, утрачивающих при этом в значительной мере свое конкретное лексическое значение. Число таких глаголов велико (более 15). К ним относятся например: узб. *бўлмоқ* «быть» (наиболее близкий по исходному значению к обычным вспомогательным глаголам), *олмоқ* «брать, получить», *бермоқ* «давать», *қолмоқ* «оставить», *қўймоқ* «ставить, класть», *бормоқ* «идти», *юрмоқ* «ходить», *келмоқ* «приходить», *кетмоқ* «уходить», *чиқмоқ* «выходить», *турмоқ* «стоять», *ўтирмоқ* «сидеться», *ётмоқ* «лежать» и некоторые другие⁴⁸. Ср., например: *ёза бермоқ* «продолжать писать», *ёзиб қўймоқ* «написать», *ёзиб бўлмоқ* «кончить писать», *ёзиб олмоқ* «записать для себя» и т. п. Степень грамматизации и обобщенности применения того или другого глагола может быть различной. Характерно, однако, что некоторые из этих конструкций настолько грамматизованы, что вводятся авторами грамматик в качестве сложных форм в состав парадигмы глагольного спряжения. Ср., например, узбекское так называемое «настоящее конкретное», которое образуется при помощи деепричастия на *-(и)б* и вспомогательных глаголов *турмоқ* «стоять», *ўтирмоқ* «сидеть», *юрмоқ* «ходить» или *ётмоқ* «лежать», утративших в этих сочетаниях свое прямое лексическое значение. Ср. *ёзиб турибман* (или *ўтирибман*, или *юрибман*, или *ётибман*) «я пишу (в настоящее время)»⁴⁹.

Изучение степени и характера грамматизации в этих аналитических глагольных формах, имеющих самое широкое распространение, могло бы существенным образом расширить привычное для индоевропейцев понимание аналитических форм слова.

В связи со специальной темой настоящей статьи мы остановимся лишь на развитии аналитических форм слова во флексивные образования вторичного происхождения.

Мы рассматриваем аналитические формы слова типа *ich-habe-geschrieben* как словосочетания, поскольку *ich* [*habe*] *geschrieben* представляют отдельные слова, а не морфемы. Однако словосочетание это грамматизовано (морфологизовано), представляя особую (аналитическую) форму глагола *schreiben*. В процессе грамматизации элементы словосочетания приобретают новое качество, делающее их выражением грамматических отношений.

В языках, где показатели словоизменения являются постфиксами, а не префиксами, такие грамматизованные (аналитические) словосочетания имеют тенденцию к срастанию в единое слово — сперва сложное, потом простое, в котором первоначально самостоятельное служебное слово

⁴⁸ См.: А. Н. Кононов, Грамматика современного узбекского литературного языка, стр. 263—268; его же, Грамматика современного турецкого литературного языка, стр. 209—218; Н. К. Дмитриев, Грамматика башкирского языка, стр. 194—201. Ср. также М. С. Михайлов, Перифрастические формы и категория вида в турецком языке, М., 1954.

⁴⁹ А. Н. Кононов, Грамматика современного узбекского литературного языка, стр. 212—213.

становится аффиксом, однако только в тех случаях, когда служебное слово следовало за знаменательным. Возможно, что одним из факторов этого процесса являются особые условия акцентуации в энклизе по сравнению с проклizei (более сильное атопирование). Однако более вероятным представляется общее воздействие грамматической системы, т. е. характера структуры слова в языках индоевропейских, как и в некоторых других, где словоизменительные аффиксы стоят почти всегда в конце, а не в начале слова.

Случаи такого развития в индоевропейских языках чрезвычайно многочисленны. Ср., например, будущее время в романских языках типа франц. *finirai* < *finir* + *ai* < лат. *finire habeo* «кончить имею» («окончу»); русск. возвр.-страдат.-ся < -себя и др.; исл. *kalla-s* «быть названным», «называться» от *kalla* «звать»; энклитические формы артикля в болгарском и в «капиданавских языках; латинские образования от основы перфекта типа *laudav-eram*, *laudav-ero*, *laudav-erim*, *laudav-issem* или более древний по своему происхождению имперфект *lauda-bam* (из и.-е. **bhūām*): германское слабое прошедшее с суфф.-d-: ср. гот. *hausi-dēdum* «hörten», *salbō-dēdum* «salbten» (-*dēdum* «taten») и другие.

Сходные примеры встречаются и в тюркских языках в сложных временах, которые приводились выше. Ср. узб. *ёзаётурман* «я пишу в настоящее время» («настоящее конкретное») из *ёза-ётурман*, буквально «я пиша лежу», с суффиксированной архаической формой настоящего-будущего служебного глагола «лежать» (*ёт-моғ*). Слитный характер имеют разговорные формы: в Ташкенте — *ёзотман* из *ёза-ёттиб-ман* «я пишу в данный момент», буквально: «я пиша лежал»; в Фергане — *ёзяп-ман* из *ёза-йапп-ман*⁵⁰.

С теоретической точки зрения более существенно то обстоятельство, что в тюркских языках, сохранивших благодаря своим структурным особенностям относительную самостоятельность «прилеп» (морфем), может быть отчетливо прослежено образование личных окончаний глагола из суффиксированных личных местоимений, присоединявшихся к глагольным именам. Ср. узб. наст. время: ед. число 1-го лица *мен ёза-ман*, 2-го лица *сен ёза-сан*, мн. число 1-го лица *биз ёза-миз*, 2-го лица *сиз ёза-сиз*; прош. время причастн.: *мен ёзган-ман* и т. д.; прош. время повествоват.: *мен ёзиб-ман* и т. д.

По своей синтаксической функции эти местоименные окончания восходят к предикативным аффиксам, которые могут присоединяться ко всякому предикативному имени. Ср.: *мен студент-ман* «я — студент», *сен студент-сан* — «ты студент» и т. п.⁵¹

На основе этой типологической аналогии личные окончания индоевропейского глагола (-*mi*, -*ti*, -*si*) могут также со значительной долей вероятности рассматриваться, в соответствии со старой теорией Боппа, как суффиксированные формы древних личных местоимений. Возвращаясь еще раз в свете этих фактов к примеру Вандриеса *je ne l'ai pas vu*, можно добавить к сказанному, что это словосочетание, состоящее из ряда служебных и полуслужебных слов, не стало единым сложным словом с «переплетенными» морфемами уже потому, что служебные слова, стоящие в препозиции, не имеют в индоевропейских языках тенденции превращаться в морфемы слова. По сравнению со случаями суффиксирования формальных элементов в древних индоевропейских языках флективного типа, мы имеем здесь более поздний тип аналитической структуры слова, лежащий в основе глагольной парадигмы во многих индоевропейских языках.

⁵⁰ А. Н. Кононов, Грамматика современного узбекского литературного языка, стр. 241—242.

⁵¹ См. В. Жирмунский, Развитие категории частей речи в тюркских языках по сравнению с индоевропейскими языками, ИАН ОЛЯ, 1945, 3—4, стр. 111—127.

4

Всякое сложное слово либо представляло в прошлом словосочетание, либо построено по модели словосочетания прошлого времени. Это ясно на примере сложных слов недавнего происхождения, которые в немецких грамматиках обозначаются терминами «*Zusammenrückung*» или «*Juxtaposition*» (можно перевести: «синтаксические сдвиги»). Ср. русск. *высокообразованный*, *здравомыслящий*; *полчаса*, *послезавтра*; *еглабь*, *еширь* и т. п.; нем. *keineswegs* «никоим образом», *kurzerhand* «недолго думая», *heutzutage* «на сегодняшний день», *überdem* «сверх того», *währenddessen* «в это время», *zugrunde* «в основе» и др.

Но такими же синтаксическими «сдвигами» были когда-то немецкие слова типа *Jungfrau* «девушка» из срвнем. *die jung frouwe* «молодая женщина» с атрибутивным прилагательным в несклоняемой форме, в соответствии с древним оформлением таких атрибутивных словосочетаний; или слова типа нем. *Königsohn* «королевич» из срвнем. *der küneges sun* с род. падежом принадлежности без артикля, предшествующим определяемому существительному, также в соответствии с более древней синтаксической нормой. Синтаксические сдвиги подобного рода образовали продуктивную модель для дальнейшего словопроизводства по этому типу.

Особенно продуктивным в современных германских языках оказался словобразовательный тип *Fussbrett*, *Waldweg*, *Dampfschiff* и т. п. с существительным, определяющим другое, следующее за ним существительное. Так называемые «полносложные» соединения этого ряда («*eigentliche Zusammensetzungen*») восходят, как известно, к словобразовательной модели типа гот. *folu-baurd* «*Fussbrett*» («пожная скамейка»), т. е. к древнейшей модели словосочетания, восстанавливаемой в протоиндоевропейском в период, который предшествовал дифференциации имен на существительные и прилагательные, когда имя в форме чистой основы (по Хирту, «*casus indefinitus*»), поставленное перед другим именем, имело синтаксическую функцию определения (по типу русск. *жар-птица*, *царь-девица* и т. п.)⁵². Редукция гласного основы (сохранившегося в русском языке как так называемый соединительный гласный) и использование акцентуации как морфологического признака единства сложного слова (сильное ударение на первом элементе, слабое — на втором; ср. *Fússbrètt*, *Fènsterrähmen*) сделало эту модель в новонемецком языке необычайно продуктивной. Она широко используется, с одной стороны, в области терминотворчества, с другой — в нестойких соединениях, эквивалентных по своей синтаксической функции атрибутивному словосочетанию «прилагательное + существительное» и стоящих благодаря этому на грани морфологии и синтаксиса (ср. *Waldweg* «лесная дорога», *Waldquelle* «лесной родник», *Waldvogel* «лесная птица» и т. д.). Возможность образования соединений этого второго типа ограничивается в современном немецком языке только лексической сочетаемостью слов-понятий, не отличаясь принципиально от возможности соединения прилагательного с существительным. Поэтому сложные слова такого рода немецкими словарями не регистрируются.

В процессе создания структурных моделей сложных слов во всех указанных выше случаях (*Jungfrau*, *Königsohn*, *Fussbrett*), при обязательном наличии основного факта — семантического единства группы как целого, решающую роль в морфологическом отношении играет явление, которое Г. Пауль обозначил термином «обособление» («изоляция») ⁵³: выпадение словобразовательной модели сложного слова из фонетико-грамматических норм синтаксически свободных словосочетаний, превращающее словосочетание определенного типа в сложное слово.

Мало убедительными представляются мне те возражения, с которыми

⁵² Ср. Н. Hirt, *Handbuch des Urgermanischen*, II, Heidelberg, 1932, стр. 118.

⁵³ Г. Пауль, *Принципы истории языка*, М., 1960, стр. 389—392.

выступили против этой будто бы устаревшей «младограмматической» теории одновременно К. А. Левковская и М. Д. Степанова⁵⁴. Помимо приведенных выше древних моделей, процесс «обособления» наблюдается и в синтаксических сдвигах недавнего времени и служит важным критерием при различении словосочетаний и сложных слов. Ср., например, акцентные и морфологические особенности таких сдвигов, как *доверху*, *донизу*, *докрасна*, *дочиста*; *насмерть*, *навек*, *сегодня* и мн. др. Там, где такие бесспорные морфологические признаки отсутствуют, наличие единства выступает недостаточно отчетливо, о чем свидетельствуют колебания в написании (раздельно, с дефисом, слитно), отражающие процессы его становления. Мы пишем, например, по орфографическому справочнику⁵⁵ *полметра*, *полчаса*, *полкомнаты* (!) слитно, но *пол-оборота* с дефисом; *Чехословакия* — слитно, но *Австро-Венгрия* с дефисом; мы писали еще недавно прилагательные *экспериментально-фонетический* или *индо-европейский* с дефисом, теперь пишем их слитно. Академическая грамматика русского языка в своем первом издании писала *чернобурых* и *бледнорозовый* в одно слово; орфографический справочник АН СССР, вышедший спустя два года, предлагает писать эти слова с дефисом, и т. д.

Ряд аналогичных вопросов был поставлен Э. В. Севортьяном относительно написания сложных слов (словосочетаний) в тюркских языках. Разброд выступает особенно устрашающе на примерах современного терминотворчества⁵⁶.

Вопрос о критериях различения сложного слова и словосочетания пытался разрешить в общей форме А. И. Смирницкий в статье «К вопросу о слове (Проблема „отдельности слова“)\», которая была уже выше упомянута. Сопоставляя фразеологические единства (словосочетания) терминологического характера типа *железная дорога*, *дом отдыха* и т. п., неразложимые по своему значению, со сложными словами вроде *железнодорожный*, *прямоугольник* и т. п., А. И. Смирницкий поставил под сомнение значение смыслового объединения (по его терминологии, «идиоматизма») в качестве признака отдельности слова, поскольку и *железная дорога* и *железнодорожный* одинаково представляют такое семантическое («идиоматическое») единство, а между тем первое является словосочетанием, а второе сложным словом. Это соответствует общей точке зрения А. И. Смирницкого на проблему слова: «выделение слова по логико-семантическому признаку как таковому... не может быть признано правильным и не может дать удовлетворительных результатов»⁵⁷. Сомневался А. И. Смирницкий и в применимости фонетических признаков, поскольку «в определенных случаях они могут не использоваться или быть вообще неприменимыми, и в целом их никак нельзя рассматривать в качестве основных, определяющих моментов выделяемости слова»⁵⁸.

Железная дорога и *железнодорожный* различаются, согласно А. И. Смирницкому, прежде всего по морфологическому признаку — своей раздельно оформленностью или цельно оформленностью (ср. *железная дорога*, *железной дороги*, но *железнодорожный*, *железнодорожного* и т. п.).

Термины эти привились в нашем языкознании, и как термины они представляют счастливую находку. Однако этот критерий, подходящий для случаев и без того совершенно ясных

⁵⁴ К. А. Левковская, Лексикология немецкого языка, стр. 181; М. Д. Степанова, Словообразование немецкого языка, стр. 71—72.

⁵⁵ «Орфографический словарь русского языка» (АН СССР), М., 1956.

⁵⁶ Э. В. Севортьян, К отношению грамматики и лексики в тюркских языках, сб. «Вопросы теории и истории языка в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию», М., 1952, стр. 319—320.

⁵⁷ А. И. Смирницкий, К вопросу о слове (Проблема «отдельности слова»), стр. 190.

⁵⁸ Там же, стр. 190.

(как русск. *железнодорожный* по сравнению с *железная дорога*), оказывается неприменимым для других более сложных случаев, например для таких синтаксических сдвигов, как *высокообразованный* или *высоко образованный*, *полметра* или *пол метра*, *потому* или *по тому* и т. п. Неприменим он в особенности ко многим языкам, имеющим по своему грамматическому строю менее четкое морфологическое оформление, чем индоевропейские языки флективного типа, например — к языкам, в которых прилагательное неизменяемо, не имеет флективных признаков и синтаксического согласования и, следовательно, ничем с морфологической точки зрения не отличается от атрибутивного существительного в абсолютной форме или от первой, именной части сложного слова. Отсюда в английской грамматике бесполезные и бесплодные споры о том, что представляют собой группы типа *stone wall*, *speech sound*, *cannon ball* и т. п., — атрибутивные сочетания типа нем. *steinerne Wand* («каменная стена») или сложные слова типа нем. *Steinwand* (буквально: «каменстена») ⁵⁹.

Сходным образом обстоит дело и в тюркских языках. Ср. узб. *темир йўл* «железная дорога» (или «железо-дорога», нем. *Eisenbahn*), *тош қўприк* «каменный мост» (или «каменост», нем. *Steinbrücke*); особенно четко это выступает при наличии нового «идиоматического» значения целого, отличного от значения его частей: узб. *сув илон*, буквально: «водяная змея» (или «водозмея», нем. *Wasserschlange*), на самом деле в измененном значении «уж».

*

Мы исходили из положения, что критерий семантического единства является основным и обязательным признаком каждого слова, в том числе и сложного, — положения, которое отнюдь не снимается тем обстоятельством, что словосочетания типа *железная дорога* (по В. В. Виноградову, «фразеологические единства») представляют подобные же семантические единства. Можно говорить лишь о том, что признак этот, всегда безусловно необходимый, не всегда является достаточным и в ряде случаев, когда формальные критерии отсутствуют, не вполне четким. Что касается фонетического и морфологического оформления единства и цельности слов (в том числе и сложного слова по сравнению со словосочетанием), то степень и характер этого оформления, как уже было сказано, целиком зависит от морфологических особенностей данного языка, а в некоторых случаях — и от особенностей данной категории слов.

⁵⁹ См. А. Н. Смирницкий и О. С. Ахманова, Образования типа *stone wall*, *speech sound* в английском языке, «Докл. и сообщ. [Ин-та языкознания АН СССР]», II, 1952, стр. 97—116; А. И. Смирницкий, Лексикология английского языка, стр. 114—123 (§ 116—121).

Ю. С. СОРОКИН

ОБ ОБЩИХ ЗАКОНОМЕРНОСТЯХ РАЗВИТИЯ СЛОВАРНОГО СОСТАВА РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА XIX в.

1

Предмет исторической лексикологии — исследование словарного состава языка в его изменениях во времени. Словарный состав языка представляется прежде всего суммой, совокупностью слов, которыми в данный исторический момент пользуется для общения, для выражения своих понятий о действительности коллектив говорящих на данном языке. Историческая лексикология строит свои выводы, опираясь на исследование истории отдельных слов, прослеживая их появление, существование в языке и функционирование в речи, а в соответствующих случаях их выход из речевого употребления.

Отдельность слова покоится прежде всего на единстве его значения, на той прямой связи, которая соединяет слово языка с определенным предметом нашей мысли и нашими понятиями об этом предмете. История слов тем более занимает нас, что, изучая ее, мы входим в область исследования выражаемых ими понятий. В установлении этой связи понятий и слов мы нередко видим опору для создания подлинно научной биографии слова.

Но как ни радужны перспективы, открывающиеся перед исследователем, интересующимся «жизнью слов», практически именно в этой области лингвистического изучения мы сталкиваемся с большими затруднениями. Именно в лексикологии и прежде всего в исторической лексикологии особенно остро ощущается недостаток отчетливой методологии и соблюдения необходимых научных приемов, обеспечивающих точные результаты исследования.

Трудность историко-лексикологического исследования определяется прежде всего не недостаточностью добытых поисками материалов, а сложностью самого объекта изучения — слова, действием многих переплетающихся факторов на обстоятельства его «жизни» и на характер его изменений, трудностями вскрыть общие закономерности «жизни» слов. Слово представляет собой сгусток различных свойств и особенностей — и автономных, присущих только слову, и отражающих проявление разных внешних и внутренних сил, действующих на язык и скрытых в нем. В слове нередко отражаются напластования различных исторических эпох существования языка и вместе с тем находят свое отражение живые отношения современной языковой системы. Являясь так или иначе элементом языковой системы, слово вместе с тем не теряет своей обособленности, испытывая на себе непосредственное действие «внешних» сил и отражая эволюцию определенных понятий, их историческую связь и преемственность и их зависимость от известных социальных условий, условий материальной и духовной жизни общества и отдельных его рядов и групп.

2

Обычно словарный состав рассматривают как совокупность или сумму всех слов данного языка и вместе с тем как определенный ряд отдельных элементов, не составляющих, строго говоря, органического целого.

Задача лексиколога в данном случае сводится к наблюдению отдельных фактов, к констатации появления в словарном составе отдельных новых элементов или исчезновения некоторых из них и семантических перемен в других. Определить границы такого целого, дать точную количественную характеристику словарного состава оказывается при этом едва ли возможным. Общая качественная характеристика его представляется делом еще более затруднительным. В лучшем случае речь может идти лишь о выделении и характеристике наиболее устойчивых элементов в этом составе, его центра, его ядра.

От представлений о количественной и качественной неопределенности словарного состава естествен переход к скептицизму относительно возможности видеть в нем какую-либо систему, возникают сомнения в возможности применить к изменениям словарного состава понятие развития, ибо оно не исчерпывается понятием одного количественного роста, частных изменений, вызываемых внешними факторами.

Представления о неопределенности границ словарного состава опираются на два основных аргумента: непрерывность изменений словарного состава, безостановочное пополнение его новыми элементами и пестрота этого состава, обусловленная тем, что язык обслуживает самые различные нужды самых различных слоев и групп общества, национального коллектива. Оба эти аргумента нуждаются в критической оценке, особенно применительно к литературному языку как языку, обработанному и систематизированному по преимуществу.

Известный тезис о том, что словарный состав «находится в состоянии почти непрерывного изменения», не следует понимать слишком упрощенно. Признание почти непрерывного изменения словарного состава вовсе не означает отсутствия стабильности, устойчивости в нем как определенном целом. Если процесс утверждения слова в общем употреблении бывает часто непродолжительным, то полному выпадению слова из языка предшествует продолжительная пора его перехода из разряда активной общеупотребительной лексики в разряд пассивно воспринимаемых периферийных слов, что сопровождается обычно постепенной контекстуально-фразеологической изоляцией слова. Более или менее длительное сосуществование устаревающих и новых слов создает условия для установления известных регулярных отношений между ними. Далее, необходимо иметь в виду, что словарный состав языка развивается неравномерно. При соответствующих условиях внешней и внутренней жизни языка возможны существенные перестройки лексической системы в сравнительно ограниченные отрезки времени. В первую очередь это сказывается в изменениях стилистико-фразеологических и синонимических отношений.

Словарь — сфера в языке наиболее проницаемая. В словарный состав литературного языка постоянно проникают разного рода слова, не всегда задерживающиеся в нем. Таковы часто лексические заимствования из других языков, диалектные или жаргонные слова, специальные термины и профессиональные выражения, различные индивидуальные или групповые новообразования, наконец, своего рода «потенциальные слова». В последнем случае речь идет о словах, образованных по известной модели, значение которых не предполагает особой предметной отнесенности, а лишь изменение формальной точки зрения на предмет. Подобные слова, свободно образуемые в речи от случая к случаю, составляют часто ряды, ничем принципиально не ограниченные. Они не всегда удерживаются в языке, их не всегда фиксируют даже самые полные словари данного языка. Полный учет их оказывается затруднительным. Таковы, например, существительные с суффиксом *-ость* по отношению к прилагательным или причастиям, от которых они произведены (ср. *зеленость* при *зеленый*; *усвояемость* при *усвояемый*; *разбитость* при *разбитый*; *пригожест* при *пригожий*; *дряньность* при *дрянной*; *деревянность* при *деревян-*

ный и т. д.), отглагольные существительные с суффиксом *-ие* (ср. *говоре-ние* при *говорить*; *разбитие* при *разбить*; *хождение* при *ходить*; *плетение* при *плести*; *ношение* при *носить* и т. д.) и др. Ср. также слова, занимающие явно еще более промежуточное положение между собственно словами с особым лексическим значением и грамматическими формами слова, вроде различных уменьшительных и увеличительных образований существительных (*домик, домок, домище; хвостик, хвостиче; ящичек, бревнище* и пр.), уменьшительных образований прилагательных (*зеленький, тоненький, легонький* и пр.).

Указанные слова, эпизодически и при определенных условиях проникая в словарный состав, часто не принадлежат ему. Во всяком случае при историко-лексикологическом исследовании нельзя не различать слова, собственно входящие в словарный состав и наделенные особым лексическим значением, и слова, лишь проникающие в него и не располагающие самостоятельным лексическим значением. Следует заметить, что особое положение таких лексических метеоритов важно учитывать при установлении момента вхождения слова в словарный состав литературного языка. Для иноязычных заимствованных слов, например, нередко очень важно различать два момента их жизни в языке: случаи их эпизодического индивидуального употребления и момент прочного вхождения в лексическую систему языка. Так, слово *факт* закономерно считается словом, вошедшим в русский язык в 30-х гг. XIX в., когда вслед за Н. Полевым, многократно употреблявшим его в различных статьях журнала «Московский телеграф», его стали применять и многие другие, когда от него явились производные (прежде всего — *фактический*), когда оно обратило на себя всеобщее внимание, когда, наконец, оно вошло в синонимический ряд русских слов, обособившись по своему значению от таких близких по семантике слов, как *явление, событие, случай* (*факт* ведь не просто явление, событие, случай, но явление, имевшее место в действительности). Между тем слово *факт* эпизодически встречалось в русских сочинениях и до 30-х гг. XIX в. (см., например, произведение Радищева «О человеке, его смертности и бессмертии»). Но это еще не дает оснований считать его словом, вошедшим в словарный состав русского языка в конце XVIII—начале XIX в.

То же следует сказать о ряде специальных терминов, а также и о многих областных словах. Так, слово *зря* можно встретить у отдельных авторов XVIII и первой четверти XIX в. (например, у И. Долгорукова, Д. Давыдова и некот. др.).¹ Но обычным словом литературного просторечия, а не областным оно становится с середины XIX в. (Ср. его закономерное отсутствие в «Словаре церковнославянского и русского языка» 1847 г. и первую фиксацию в «Опыте областного словаря великорусского языка» 1852 г.)

Таким образом, словарный состав языка представляет в сущности не принципиально бесконечный ряд разрозненных единиц, а определенную систему, правда, в отличие от других языковых систем, мало проницаемых и замкнутых (например, системы фонем, грамматических форм), несравненно более сложную, обширную и подвижную, но все-таки определенную систему.

Чем же характеризуется эта сложная и подвижная система? Какие отношения и внутренние связи придают словарному составу систематический характер? Можно отметить по крайней мере пять постоянно действующих факторов, которые определяют судьбу отдельных слов и всей лексической системы языка. Это, во-первых, сила самостоятельного значения слова, его отношения к действительности. Во-вторых, это отношения словопроизводства, генетические и актуальные связи слова с другими словами по форме. Это, в-третьих, отношения слова к другим словам по значению — по близости, сходству общего значения при различии дифференцирующих оттенков (связи синонимические) или по признаку про-

тивопоставленности собственных значений слов, сходящихся, однако, в общей семантической категории (отношения антонимические). В-четвертых, это связи слов по смежности их значения, связи семантико-фразеологические в широком смысле слова. Наконец, в-пятых, это связи слов по речевым контекстам, связи и группировки слов стилистического характера. Эти отношения и связи слов находятся в постоянном взаимодействии, возобладание той или иной из этих действующих сил и определяет конкретную судьбу отдельных слов.

Слово связано самым актом своего рождения с другими словами. Словопроизводственные связи дают слову жизнь и создают его «внутреннюю форму». Но, явившись на свет как отпрыск определенного гнезда слов, слово вместе с тем представляет собою определенный знак определенного предмета, оно связано прямым отношением с явлениями действительности, с нашими понятиями о них. В процессе становления слов эти связи и отношения, факт словопроизводства и факт предметной отнесенности значения сходятся и объединяются. Но затем они могут и решительно разойтись. Прямая номинативная связь оказывается сильнее и устойчивее словообразовательной связи в силу своей исключительности и универсальности, в силу того, что слово становится общим постоянным названием предмета со всеми его возможными признаками. При этом признак, по которому предмет был назван и благодаря которому слово было произведено, может затем оказаться несущественным или даже не существующим. Это приводит к изоляции слова, к отделению его от первоначального гнезда слов. Но именно эта изоляция и придает особую устойчивость слову. Независимость слова как носителя особого значения определяет возможность появления слова в языке вне и помимо действующих в данном языке словопроизводственных связей. Речь идет прежде всего о многочисленных фактах заимствования готовых слов из другого языка.

Но обретенная словом самостоятельность знака дает ему и производительную силу. Слово как отдельная клеточка языка само становится потенциальным родоначальником нового гнезда. Изменение значения слова, его терминологизация нередко приводят к перестройке словопроизводственных отношений.

Словарный состав языка так или иначе пронизывают определенные связи и отношения слов. Н. В. Крушевский отмечал связи слов двоякого рода: основанные, с одной стороны, на ассоциации по сходству, с другой — на ассоциации по смежности объединения слов в определенные гнезда и в определенные ряды.

Уже одни только словообразовательные связи и отношения придают словарному составу языка характер системы. Многие факты свидетельствуют о зависимости судьбы отдельных слов от судьбы известного гнезда слов. Многие факты говорят и о том, что слова определенного образования имеют сходную судьбу, что в данную эпоху активизируются или ослабевают целые разряды слов аналогического образования. Определенные словообразовательные разряды связаны с широкими грамматическими разрядами частей речи. И здесь следует отметить общие закономерности перехода слов из одного разряда в другой и регулярные отношения слов, принадлежащих различным грамматическим разрядам, но связанных по своему значению и происхождению. (Ср. хотя бы связь ряда глаголов с суффиксом *-ировать* и существительных с суффиксом *-ация*; зависимость образования существительных с суффиксом *-ость* от семантических изменений в соответствующих прилагательных и т. д.) Связи слов другого рода прослеживаются, может быть, с большим трудом, более зыбки и неопределенны, чем связи слов по их образованию, но они не менее (пожалуй, даже более) важны, чем связи словообразовательные, и придают словарному составу характер системы, внося в его изменения начало регулярности. Это связи, как уже было указано, семантического, фразеологического и стилистического порядка.

Из связей слов по их собственному значению важнее всего связи синонимические и антонимические. Синонимическая связь слов предполагает не только общность их значения и совпадение их предметной отнесенности, но, что особенно важно, — вызывает семантическую дифференциацию и специализацию этих слов-синонимов, а также различие в их стилистической тональности, связанное с различной широтой их употребления. Не менее важно и установление отношений между словами антонимического характера. В языке нередко наблюдается одновременное появление слов-антонимов и параллелизм совершающихся в них семантических изменений. Ср. часто одновременное появление в языке прилагательных с префиксами *без-* и *не-* и прилагательных, обозначающих само наличие известного качества (*деятельный — бездеятельный, идейный — безыдейный, интересный — неинтересный* и пр.); ср. аналогическую смысловую эволюцию, приводящую к созданию новых образно-переносных значений у таких слов, как *белый — черный, белый — красный, мягкий — твердый, мягкий — жесткий, правый — левый, передовой — отсталый, односторонний — многосторонний, высокий — низкий* и т. д.

Но отношения синонимичности и антонимичности — только частный случай проявления отношений системы в словарном составе; это факты более или менее изолированных и ограниченных связей между словами (хотя часто и объединяющихся в определенные общие типы). Гораздо обширнее связи, которые можно назвать фразеологическими связями слов в широком смысле слова. Под такими связями следует понимать более или менее устойчивые, постоянные, повторяющиеся, обычные объединения слов в однородных по смыслу контекстах, связи слов, основанные на ассоциации представлений по смежности, когда слово определенного значения вызывает в нашем сознании представление о ряде других слов, наиболее часто связываемых с ним в речи. Ср. простейшие случаи таких отношений, как *собака и лаять, ветер и дуть, дерево и ветвь* и т. д. Эти связи могут быть полными, безусловными, исключительными или частичными, условными [в выражении *бить баклуши — баклуши* представляют первый тип связи, *бить* — второй; связь между словами *собака* и *лаять* более тесная и постоянная (хотя и не исключительная, ибо *лаять* может быть связано и со словами *шакал, лисица*), чем между словами *дуть* и *ветер*]. В языке мы постоянно сталкиваемся с более или менее определенными рядами слов, которые обычно ассоциируются в речи в зависимости от их смысла. Важному противопоставлению свободных и фразеологически связанных значений, свободных и несвободных сочетаний слов нельзя придавать абсолютного характера.

Условия и границы сочетаемости слов по смыслу должны явиться предметом самого серьезного изучения. До сих пор фразеология, составляя часть лексикологии или даже своего рода приложение к ней, изучает лишь некоторые разновидности сочетаний слов, а именно — наиболее устойчивые, тесные сочетания их, в состав которых входят слова, связанные только с очень ограниченным кругом других слов, или слова, вообще не употребляемые за пределами данного сочетания. На самом же деле такого рода устойчивые сочетания — только частный случай возможных в языке сочетаний слов. С исторической точки зрения они — результат постепенного ограничения сочетаемости слов, объясняемого процессами, происходящими в лексической системе. Лексикология должна в своих выводах о закономерностях изменений слов пользоваться данными, получаемыми при изучении фразеологических связей, условий смысловой сочетаемости слов и характерных для определенной эпохи сочетаний слов.

Для историко-лексикологического изучения установление границ и условий сочетаемости слов в зависимости от их семантики особенно важно, ибо оно создает предпосылки для выявления определенных закономерностей изменений словарного состава. Оно, во-первых, открывает один из источников образования новых слов путем «сжатия» и «сгуще-

ния» сочетаний слов. Ср. образование многих сложных слов, например: *железнодорожный, злободневный, мирозерцание* (первоначально у Белинского в статьях 1840 г. на базе обычного для него в эту пору сочетания: *мировое созерцание*), *очковтирательство, ничегонеделание, снегшибательный* и пр. Ср. также частое появление на базе различных сочетаний слов ряда префиксальных и даже суффиксальных образований, например прилагательных с префиксом *без-*: *беспросветный, бессистемный, безграничный, безаварийный* и пр. Ср. *набрюшник, подсвечник, напарник* и пр.; *чугунка* (от *чугунная дорога* — первоначальное наименование железной дороги), *непрерывка* и пр.; *баклушничать* и т. д.

Но еще более важно такое изучение потому, что оно открывает пути создания новых значений и новых смысловых реализаций слов. Ср. образование новых значений слов: *подоплека, промышленность, щепетильный* и др. на базе новых фразеологических связей их с другими словами — более широких или, напротив, более узких по сравнению с предшествующим временем. Ср. также еще более многочисленные случаи появления новых смысловых оттенков у таких слов, как *атмосфера, движение, течение, направление, гнет* и пр., в результате изменения сферы их применения и расширения связей с другими словами. Очень важно в связи с этим при характеристике перемен в словарном составе проследить судьбу целых фразеологических серий, закономерности их появления в языке, опирающегося на аналогическое изменение семантики слов, принадлежащих к одному тематическому кругу.

Наконец, большое значение для определения закономерностей в изменениях словарного состава имеет момент стилистический. Наблюдая за изменениями лексики в известный период, можно отметить сходную судьбу широкого ряда слов, занимающих определенное стилистическое положение в системе литературного языка, — их одновременное передвижение от центра системы к ее периферии или наоборот, аналогические изменения семантики у слов, схожих стилистически, и т. д. Характер явлений широкого объема имели, например, в XIX в. процессы выпадения или семантико-стилистического перерождения славянизмов и многих старокнижных лексических элементов. В истории литературного языка XIX в. мы можем наблюдать по крайней мере две волны, которые внесли в литературное употребление большое число новых просторечных и диалектных слов. При этом и в данном случае можно заметить, что входящие в литературный язык новые слова претерпевают сходные семантические изменения и занимают определенное положение в новом для них синонимическом окружении.

Итак, чисто количественная характеристика происходящих в словарном составе изменений далеко не исчерпывает представления о его развитии. Полное представление об объеме и глубине происшедших в лексике перемен возможно лишь при учете происшедших в языке перегруппировок лексики. Можно заметить, что как ни велико в определенные периоды количество новых слов, еще больше число случаев изменения значений уже известных слов.

3

Интенсивность лексических изменений — одна из наиболее важных черт развития русского литературного языка XIX в., особенно в 30—70-х годах. Она определялась как внешними, так и внутренними факторами. Существенные перемены в экономике страны, развитие крупной промышленности и капиталистических отношений, кризис и распадение феодально-крепостнической системы, рост демократического движения, бурное развитие культуры, общественной мысли, науки, с одной стороны, коренная перестройка стилистической системы литературного языка, развитие реализма в русской литературе, с другой стороны, — все это создавало условия для формирования новых лексико-семантических разрядов,

новых фразеологических серий, вело к значительным стилистическим перемещениям в словарном составе.

Прежде всего обращает на себя внимание количественная сторона происходивших в это время изменений, очень значительное число новых слов, вошедших в литературное употребление на протяжении этих нескольких десятилетий. Но дело не только в этой интенсивности лексико-семантических изменений. Процессы развития словарного состава русского литературного языка в XIX в. отличаются от предшествующего времени также особыми направлениями и некоторыми характерными общими закономерностями. Определяя качественное своеобразие лексических изменений в русском литературном языке на протяжении XIX в., особенно с 30—40-х годов, важно учесть: во-первых, какими семантическими разрядами пополнялся литературный язык этого времени; во-вторых, из каких источников и какими путями проходило это пополнение; в-третьих, в каком направлении проходили семантические сдвиги слов; в-четвертых, как изменялись фразеологические связи слов, какие группы лексики активизировались в речи; в-пятых, как видоизменялись синонимические ряды слов и какие семантико-стилистические перегруппировки лексики имели тогда место¹.

Среди слов, появившихся в русском литературном языке за это время, прежде всего выделяется обширная группа слов отвлеченного значения, а среди них — терминология и номенклатура, обозначающая различные понятия общественной жизни, культуры, идеологии, психического мира. В 30—60-х годах XIX в. этот круг лексики складывается в его современном виде, многие из слов такого рода не только появляются в это время, но и канонизируются, становятся единственными, устойчивыми, обычными обозначениями общих понятий, популярными и широко распространенными. Список слов, вошедших в употребление около середины или во второй половине XIX в., был бы очень обширен. Ср., например: *бытовой, бытовать, вдохновить, вдумчивый, вдуматься, видоизменить, взаимодействие (взаимное действие), влиять, влиятельный, вмешательство, впечатлительный, всесторонний, гласность, голосование, голосовать, деспотический, деловитый, жизнедеятельный, жизнерадостный, заболевание, закономерный, законопроект, замкнутость, занятость, западник, злободневный, измышление, казнокрад, крепостник, международный, мероприятие, мировой, мирозерцание (мировоззрение), наглядный, народник, наследственность, научный, незыблемость, невмешательство, нервничать, обобщение, обособление, объединить, обуславливать, осложнить, осмыслить, переживание, пережиток, попустительство, правовой, правомерный, предвзятый, причинность, причастность, равноправный, разгединить, раскрепостить, самодетельный, самосознание, самообладание, самоуправление, созерцательность, соотносить, сопоставлять, сопоставление, собственник, сплоченность, сторонник, творчество, мозаключать, мозаключение и пр. Такое обильное появление новых слов было связано не только с потребностью обозначения новых явлений и понятий. Нужду в новых словах вызывала также необходимость в дифференциации и уточнении ряда общих понятий. Вместе с тем постоянный приток новых слов вызывал к жизни необходимость размежевать их по значению, точнее определить сферу их семантического действия.*

4

Развитие словарного состава русского литературного языка в XVIII в., начиная с 40—50-х годов, было связано с довольно строгой пуристической регламентацией. Был ограничен приток в русский язык иноязычной по своему источнику лексики. Указанные ограничения объяснялись стремлением оградить чистоту и самобытность формирующегося лите-

¹ Здесь нет возможности коснуться существенного вопроса об изменениях в словообразовательной системе, связанных с указанными процессами. Это должно составить предмет особой статьи.

литературного языка. XIX век был связан с расшатыванием и падением этих пуристических ограничений. Одно из наиболее характерных явлений того времени — обильный приток и быстрое усвоение лексических заимствований. Особенно усиливается этот процесс с 30-х годов XIX в. и продолжает последовательно нарастать до 60—70-х годов. Можно смело сказать, что именно в эти годы в основном определился круг терминов западноевропейского происхождения, усвоенных русским литературным языком и вошедших в его лексическую систему. Напротив, сравнительно со второй половиной XVIII в. в XIX в. заметно сокращается число случаев образования калек и изменения значений русских слов под воздействием иноязычных терминов («семантическая индукция»); прямое заимствование слов в эту пору явно первенствует.

В русской лексикографии того времени процесс усвоения литературным языком иноязычной лексики нашел характерное отражение. Академический «Словарь церковнославянского и русского языка» 1847 г. еще во многом держится старых пуристических принципов. В него еще не включено довольно много заимствованных слов, которые практически уже достаточно часто встречались в языке русской журналистики 20—40-х годов². Но В. Даль, несмотря на то, что он занимал пуристические позиции и был противником новых лексических заимствований, включил в первое издание своего толкового словаря (1863—1866 гг.) более 750 заимствованных слов и их производных, вошедших в употребление к этому времени. Симптоматичен и тот поворот, который получила полемика об иностранных словах, возникшая еще в XVIII в. и вновь обострившаяся в 1830—1840-х годах. В этой полемике есть характерные повторения старых споров — шишковцев и карамзинистов. И тем не менее она получила новое направление; здесь иная расстановка сил и другой результат. Представители реакционных сил в публицистике — Ф. В. Булгарин и Н. И. Греч в «Северной пчеле», М. П. Погодин, С. П. Шевырев, Голохвастов, а несколько позднее Ив. Покровский в «Москвитяине» — вот основные поборники пуристических крайностей и противники лексических новшеств, особенно — новых заимствований. Огонь их критики направляется прежде всего против В. Г. Белинского и журналов, находившихся под его идейным влиянием, — против «Московского наблюдателя», затем «Отечественных записок» и «Современника». Главным пунктом обвинения остается по-прежнему обвинение в ненужных варваризмах, в злоупотреблении иностранными словами. Основным убеждением пуристов, как и прежде, является то, что среди русских слов можно найти вполне подходящую замену любому иностранному слову и термину. Остается и прежняя, характерная для А. С. Шишкова непоследовательность: признание *post factum* старых заимствований при категорическом отрицании всех новых.

Эти обвинения встречают решительную отповедь со стороны В. Г. Белинского. Он подвергает подробному разбору позицию своих антагонистов. Две новые черты отличают позицию Белинского. Во-первых, он не только защищает лексические нововведения, как это по преимуществу делали карамзинисты, но и обосновывает их необходимость, переходит от защиты к нападению. Во-вторых, в его критике частный вопрос о новых словах связан с общим вопросом о новых понятиях и идеях, о борьбе двух мировоззрений, вскрыты идеологические корни устарелых политических взглядов, политическая подоплека борьбы против новых слов.

В. Г. Белинский отчетливо разграничивает две стороны вопроса: необходимость введения новых слов, в том числе заимствований, и необ-

² В этом словаре, например, еще не отмечаются следующие слова: *абстрактный, доза, идеализм, индивидуум, инерция, карьера, катастрофа, классификация, комизм, конкретный, либерализм, мемуары, наивный, национальность, объект, okazия, панический, парадокс, парализовать, пари, парламентар, пароль, пассаж, реакция, реальный, реализм, романтик, спекуляция, субъект, фактический, эмбрион, энергия.*

ходимость борьбы со злоупотреблением иностранными словами. Основным требованием при этом является точность и полнота выражения в слове известной идеи. «Какое бы ни было слово — свое или чужое, — лишь бы выражало заключенную в нем мысль, — и если чужое лучше выражает ее, чем свое, — давайте чужое, а свое несите в кладовую старого хлама»³. Вопрос о целесообразности заимствования слов решается в связи с вопросом о необходимой специализации слов по смыслу, об отчужденности определения понятий.

Пуристы 40—50-х годов XIX в., возражая против заимствования слов, указывали, что иноязычные слова имеют синонимы среди русских слов. Так, отрицались права гражданства в русском языке слов *принцип*, *скандал* и *скандальный*, *вибрация*, *ориентироваться*, *фантазер*, *конкретный*, потому что их якобы вполне могут заменить соответственно слова: *начало*, *соблазн* и *соблазнительный*, *сотрясение*, *опознаваться*, *мечтатель*, *вещественный*. Но анализ подобных синонимических отношений открывает существенную сторону и важный результат процесса заимствования. Оно было вызвано не только потребностью в терминах, обозначающих вообще новые понятия, не имевшие до этого в русском языке сложившегося терминированного выражения (напр., *альтруизм*, *буржуазия*, *бюрократия*, *догматизм*, *интеллигенция*, *кооперативный*, *коммунизм*, *реализм*, *социализм*, *спорт* и т. д.). Заимствование новых слов было также тесно связано со стремлением выделить и вербально закрепить некоторые особые, специальные признаки в общих понятиях. То, что раньше выражалось одним общим словом, теперь получает различные обозначения в зависимости от того, какие признаки общего понятия выдвигаются на первый план. Заимствование иноязычных слов, совпадающих с известными русскими словами по своему общему значению, вело к дифференциации, ограничению и уточнению этих значений. Конечно, в первой половине XIX в., когда слова *скандал* и *скандальный* еще не вошли в употребление, соответствующее понятие выражалось словами *соблазн* и *соблазнительный*⁴. Но любопытно, что Даль в своем словаре, объясняя слово *скандал*, уже не ограничивается приведением его старого синонима *соблазн*, но дает еще следующие уточняющие соответствия: «срам, стыд, позор, непристойный случай, поступок». Таким образом, во вторую половину XIX в. из слова *соблазн* уже вычитаются те специфические смысловые характеристики, которые закрепляются за словом *скандал*. Ср. и семантическое размежевание слов: *страх* и *паника*, *крушение* и *крах*, *восторг* и *пафос*, *вызов* и *провокация*, *преобразование* и *реформа*, *явление* и *факт*, *сочувствие* и *симпатия* и т. д.

Это размежевание собственно русских и иноязычных слов иногда вело к полному их расхождению по смыслу (ср. *скандал* и *соблазн*, *конкретный* и *вещественный*). Чаще, однако, слова эти, совпадая в своем общем значении, расходились в специальных оттенках, в круге своего употребления, во фразеологических связях с другими словами. Иноязычные слова оказывались более склонными к терминологизации, к сужению их смысла, они составили необходимую принадлежность научной и публицистической речи. Ср., например, различия в оттенках, фразеологической сочетаемости и стилистической характеристике таких слов, как *активный* и *деятельный*, *пассивный* и *страдательный*, *галлюцинация* и *призрак*, *гуманный* и *человечный*, *интеллект* и *ум*, *инфекция* и *зараза*, *конкуренция* и *соревнование*, *легальный* и *законный*, *наивный* и *простодушный*, *персонаж* и *лицо*, *ренегат* и *отступник*, *симптом* и *признак*, *солидарный* и *согласный*, *энергия* и *сила* и т. п.

³ В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., V, М., 1954, стр. 193.

⁴ Ср. у Пушкина слова Татьяны: «Не потому ли, что мой позор Теперь бы всеми был замечен И мог бы в обществе принести Вам соблазнительную честь», где выражение *соблазнительная честь* равно нашему: *скандальный успех*.

Господство в литературном языке XVIII в. системы трех стилей определяло сосуществование по крайней мере трех обособленных лексических групп: славянской лексики высокого стиля, собственно русских или общих русскому и церковнославянскому языку слов среднего стиля и просторечно-простонародной лексики. Между этими словами часто устанавливались чисто внешние синонимические отношения: сходясь в своем общем значении, будучи дублетами с чисто семантической точки зрения, они резко расходились по сфере своего языкового употребления.

Окончательное разрушение этой старой стилистической системы привело в XIX в. к решительному изменению лексических норм литературного языка. В связи с падением старых стилистических перегородок в XIX в. складываются более сложные и тонкие синонимические отношения между словами разного источника. И здесь, как в случаях столкновения собственно русских и заимствованных слов, происходит смысловая дифференциация слов разного источника, ранее совпадавших в своем значении. Вариантность слов утрачивается. Такова была история многих славянизмов, являвшихся обязательной принадлежностью старого высокого стиля. Одни из них, а именно те, которые не приобрели особых значений, выходили из употребления или оказывались архаическим запасным фондом, употреблявшимся только для специальных целей⁵.

Другие слова из разряда славянизмов оказались широко употребительными, но зато утратили свою прежнюю стилистическую характеристику. Ср. хотя бы судьбу следующих слов, которые в «Словаре Академии Российской» были отмечены пометой «слав.», а в словаре 1847 г. — пометой «церк.»: *бездыханный, беззаконный, безрадостный, бессердечный, возвеличить, возомнить, воссоздать, глумиться, деторождение, исчезновение, обоюдоострый, порицать, пререкание, пособник, присущий, слезоточить, снедь, соглядатай, сопрягать, сотрясаться, стяжать, твердыня, треволнение, трезвенник, уверовать, чревоугодник* и др. Некоторые из них все же продолжали сохранять известную стилистическую тональность возвышенности, книжности. В других случаях изменилось и значение этих слов. Ср., например, определения значений в словаре 1847 г. следующих слов, имеющих там помету «церк.», с теми значениями, которые установились у этих слов в современном литературном языке: *возобладать* [в словаре 1847 г.: «овладеть»; в «Словаре русского языка» 1891 г. (под ред. Грота): «получить верх, господство»]; *возглавить* (в словаре 1847 г.: «соединить под одну главу, под одно начальство»); *порождение* (там же: «род, племя, поколение»); *содружество* (там же: «короткое знакомство, приязнь»); *юнец* (там же: «молодой бык или олень») и пр.

В тех случаях, когда — при достаточно многообразных фразеологических связях с другими словами — славянизмы являлись, с одной стороны, смысловыми дублетами соответствующих русских слов, а с другой — имели и свое особое значение в определенных сочетаниях, происходит сужение и специализация их значения. Прежние синонимические отношения с русскими их соответствиями разрушаются; слова терминологизируются. Нередко в связи с этим является и изменение отношений к родственным словам, перестройка словообразовательного гнезда. Так, в слове *восставать* становится устарелым общее значение, при котором оно было возвышенным синонимом к слову *встать*⁶; его единствен-

⁵ Следует также отметить, что по традиции некоторые слова этого источника продолжали употребляться в поэтической речи как выразительные средства эмоционально приподнятого, возвышенного стиля. Но эта традиция сохраняла силу лишь для отдельных направлений и литературных школ (например, для поэтов-символистов).

⁶ Правда, след этого старого основного значения сохраняется при переносном употреблении слова в очень определенных контекстах. Ср. у Тургенева: «Образ Лизы носстал в его душе во всей своей кроткой ясности» («Дворянское гнездо»).

ным живым значением остается: «подняться на борьбу», «воспротивиться чему-либо». В связи с этим центральным словом в гнезде оказывается *восстание*. Ср. также *восторгать* с его старым общим значением «вырывать, выдергивать» и его позднейшее значение, связанное с существительным *восторг*; *восприятие*, *впечатление* (сохраняется лишь терминированное употребление, связанное со сферой чувства; то же и в глаголах *воспринимать*, *восприять*, *впечатлять*); *восхищать* (устаревает и отпадает старое значение «уносить, похищать», остается лишь значение: «привести в восхищение»); *общаться* (в словаре 1847 г.: «делиться, делать участником») и *общительный* (там же: «уделяющий другим, щедрый») — новое значение этих слов тесно связано со значением слова *общение*. В некоторых случаях мы видим у этих старых книжных слов не столько изменение значения, его «сужение», сколько его «ухудшение», своеобразное наложение на него иронического осмысления. Ср. судьбу таких слов, как *благодушие*, *благодушный* и *благодушествовать*, *пресловутый* (в словаре 1847 г.: «известный, знаменитый»), *разглагольствовать*, *славословие* и др.!

6

Другим следствием изменения стилистической системы литературного языка явился обильный приток в литературную речь в середине XIX в. разговорно-просторечной, областной и профессиональной лексики. Новые стили реалистической литературы с их устремлением к социально-жанровой живописи, к воссозданию многообразных и характерных сцен и картин народного быта, к изображению различных характеров, людей различной среды требовали новых выразительных средств. Пришедшие в литературную речь просторечные, простонародные, областные и профессиональные слова и выражения теряли отпечаток своего специфического происхождения, нередко стилистически «нейтрализовались», еще чаще становились особыми оценочными синонимами книжных слов.

Просторечие в XVIII в. было обособленной, в сущности — внелитературной категорией, очень мало упорядоченной внутри и приуроченной лишь к некоторым «низким» литературным жанрам. В послепушкинскую пору, к середине XIX в. сложился состав «литературного просторечия», т. е. того круга экспрессивно-грубоватой, сниженной, фамильярно-непринужденной лексики и фразеологии, которая выступала в различных стилях не только художественной литературы, но и критики и публицистики или в произведениях научно-популярного характера. По своему источнику это литературное просторечие восходило к устному просторечию, к областным говорам, к своеобразной терминологии различных ремесел. Следует иметь в виду, что в кругу этих слов литературного просторечия, ставших широко употребительными и общеизвестными с 40-х годов XIX в., довольно много таких, которые почти не были известны в литературном употреблении предшествующего времени. Значительно изменился в середине XIX в. и состав областной лексики, известной литературному языку. Вот далеко не полный список областных слов, вошедших в состав литературного просторечия этого времени, т. е. середины и второй половины XIX в., и неизвестных или почти неизвестных старой литературе (во всяком случае мы не встречаем их в предшествующих словарях русского языка, в которых круг просторечной лексики, характерной для простого слога литературного языка, был представлен достаточно широко): *бсшабашный*, *вызволать*, *детвора* (ср. последнее слово в «Иване Федоровиче Шпоньке» Гоголя), *дешевка* (впервые зафиксировано в толковом словаре В. Даля), *дрыгать*, *жулик*, *жульничать*, *забористый*, *завалищий*, *завзятый*, *завсегдатый* (ср. в «Мертвых душах» форму *завсегдатель*), *задира*, *заснайка*, *закорумый* (и *заскорумый*), *залихватский*, *занозистый*, *заправский*, *заядлый*, *злюка*, *зря*, *измываться*, *костить*, *кудлатый*, *лебезить*, *мазурик*, *мальчуган*, *ндоумок*, *несусветный*, *несу-*

разный, неумеха, нудный, оборванец, осовет, охвостье, подхалим, самодур, семенить, склока, смекалка, сутолока, уйма, шустрый, щуплый и т. д.

Помимо этой лексики, потерявшей во второй половине XIX в. свой областной или нелитературный характер, хотя и сохранившей в той или иной степени особый стилистический отпечаток слов эмоционально-экспрессивных, сниженных и грубоватых, можно отметить также ряд областных и просторечных слов, совершенно нейтрализовавшихся на литературной почве. Среди них выделяются, в частности, термины, обозначающие различные явления природы и быта. Ср., например: *занятный, застревать, засиле, каторжанин, колдобина, листва, неудачник, обочина, слащавый, смаковать, умелый, шуриать* и т. п. Ср. также следующие термины: *гадюка* (еще в словаре 1847 г. дается с пометой «обл.»; в толковом словаре Даля отмечается, что слово это южное; но в «Словаре русского языка» 1891 г. приводится уже без всяких ограничительных помет), *заповедник, зеленя, зимник* (путь), *зябь* и *зяблевый, копнить, коренник, корж* (и *коржик*), *межеваться и межевой, наигрыш, настил, папаша, плёс, приработки, рыбалка, смушка, сполохи, тайга* (и *таежный*), *хутор* и др.

Пока нет полного словаря русских народных говоров, трудно сделать точные выводы о территориальном источнике этих новых областных вкраплений в русский литературный язык и отчетливо разграничить во всех случаях просторечные и собственно областные слова. Но некоторые выводы из предварительного обзора областного материала, вошедшего в литературное употребление в середине и второй половине XIX в., все-таки напрашиваются. Во-первых, среди таких слов многие являются словами широкого и достаточно пестрого диалектного ареала. Это и облегчило их акклиматизацию в литературной речи. Во-вторых, заметное место среди этих слов занимают слова, вышедшие из области южнорусских говоров (или, во всяком случае, хорошо известные и южнорусским говорам). Ср. хотя бы: *бубнить* («болтать без умолку»), *буца, выкрутасы, гадюка, гвалт, живалый* (последнее впервые в «Записках охотника» Тургенева), *жуть, заправский, зеленя, казанок, прищипандорить, приработки* (в смысле «заработки на стороне»), *прорва, сигать, слащавый, сутолока, тарахтеть, умелый, халупа, хибара, хутор, чуликать, чуб, шуриать* и др.

Существенным или во всяком случае более значительным, чем в предшествующее время, был во второй половине XIX в. и лексический вклад из говоров Урала и Приуралья, Поволжья, Сибири. В этом нет ничего удивительного, если вспомнить о таких писателях середины и второй половины XIX в., выходцах из южнорусских областей, с Урала, из Сибири и Поволжья, как Тургенев, Л. Толстой, Кольцов, Никитин, Лесков, Гл. Успенский, Н. Успенский, Левитов, Решетников, Мамин-Сибиряк, Эртель, Потанин, Наумов, Каронин и др. Наконец, можно отметить, что из литературного употребления в послепушкинскую пору выходит некоторое число просторечно-простонародных и областных слов, очень популярных в простом слоге XVIII в. Среди них — ряд областных слов севернорусского происхождения. Это, конечно, процесс постепенный, и у писателей старшего поколения отдельные из этих слов встречаются еще и в середине и во второй половине XIX в., но все отчетливее приобретают они снова обособленный, диалектный или внелитературный характер. Ср. такие слова, как *гуня, домовина, зобать, куликать, тазать, назола* и т. п.

Введение в литературный оборот новых просторечных, областных и профессиональных слов также усиливало процесс смысловой дифференциации, умножало и усложняло синонимические ряды слов, увеличивало запасы русской терминологии.

7

Как характерную особенность литературного языка XIX в. следует отметить интенсивность образования всякого рода образно-метафорических, переносных значений и осмыслений у многих слов, как старых, дав-

но известных в их основных, номинативно-предметных значениях русско-му литературному языку, так и у слов, только что усвоенных литературным языком, заимствованных и иных научных терминов, просторечно-областных и профессиональных.

В стилях демократической литературы и публицистики XIX в. все ярче сказывалась увлеченность и страстность, тяга к самому непринужденному общению с расширяющимся кругом одинаково мыслящих людей. Отсюда — характерная особенность фразеологических связей слов в литературных контекстах: свободное и часто подчеркнутое объединение специальных терминов и общеупотребительных слов, книжной лексики и просторечия, лексики экспрессивной и нейтральной, конкретно-предметной и отвлеченно-понятийной. Прямым следствием этих особых фразеологических условий и явилось, с одной стороны, создание новых переносных значений и осмыслений нетерминологического характера (часто повышено-экспрессивных) у ряда терминов и нейтральных книжных слов, а также у слов конкретно-бытового, предметного значения, а с другой стороны — создание новых переносных, но терминированных значений (хотя и не всегда также свободных от особых дополнительных стилистических красок) у слов, не являвшихся до этого времени в строгом смысле терминами. Нередко эта новая жизнь слова (создание на базе его основного значения переносных, фразеологически обусловленных осмыслений) начиналась сразу же после вхождения слова в литературный оборот.

Обращает на себя внимание образование целых фразеологических серий, обширных рядов слов, принадлежащих по своему основному значению к одному предметно-тематическому кругу, у которых создаются в сходных фразеологических условиях новые образно-переносные употребления. В этом смысле характерна, например, история обширного ряда различных терминов точных и естественных наук, у которых появляются новые фразеологически связанные значения или которые начинают в это время употребляться расширительно. Таковы, например, термины математики: *диаметрально-противоположный*, *сумма*, *фактор*, *прямолинейный*, *ноль* (ср. такие выражения, как *полный*, *круглый*, *совершенный ноль*, ср. также шутливое: *ноль внимания*), *наклонная плоскость* (*катиться по наклонной плоскости*), *привести к одному знаменателю* и т. п.; термины физики, механики, астрономии: *атмосфера* (ср. *умственная атмосфера*, *общественная атмосфера* и т. д.), *импульс*, *инерция*, *машина* и *механизм* (ср. *государственная машина*, *общественный механизм*), *фаза(фазис)* [в словаре 1847 г. слово (в форме муж. рода *фаз*) толкуется еще только как астрономический термин: «Вид луны и планет, изменяющийся соответственно положению их в отношении к солнцу». В словаре Даля выступает уже общее толкование: «вид, положение, состояние и оборот дела» с примером: «политика вступила в новый фазис»; такое употребление идет с 40-х годов XIX в.]. Ср. также сочетания: *центр тяжести*, *точка опоры*, *стоять на точке замерзания*, *оптический обман* и т. д.; химические термины и выражения: *ингредиент*, *кристаллизация*, *улетучиваться*, *разложение* и т. д.; термины медицины и биологии: *анатомия* (например, *анатомия общественной жизни*), *физиология* и *физиологический*, *доза* (ср. *доза энергии*, *юмора* и т. д.), *кризис* (в словаре 1847 г. это слово толкуется только как медицинский термин: «перелом болезни»; то же и в ранних словарях иностранных слов; к середине века уже распространяются такие сочетания, как: *промышленный кризис*, *политический кризис* и т. д.), *микроскопический* (начиная с 40-х годов слово употребляется между прочим и как синоним к «очень малый»), *парализировать*, *хронический* (ср. *хроническое непонимание*, *хроническое лицемерие* и т. д.), *поветрие* [последнее слово с течением времени вообще теряет свое первоначальное значение (ср. словарь 1847 г.: «заразительный воздух, причиняющий повальные болезни»), сохраняя только переносное (ср. *идейные поветрия*)] и т. д.

Эта новая фразеологическая серия начинает развиваться с 30-х годов

XIX в., особенно интенсивно в 40—60-х годах. Она зарождается в языке публицистики. Ее развитие отражает повышенный интерес к данным и результатам соответствующих наук. Среди слов этой серии основное место занимают термины заимствованные, и поэтому нет ничего удивительного, что русский литературный язык здесь дает аналогическую картину с рядом других европейских языков, в частности — с французским, немецким, английским. Во многих случаях мы имеем здесь дело с заимствованием не только соответствующих терминов в их основном специальном значении, но и с прямым усвоением особого переносного или расширительного употребления их, обычного для западноевропейских языков.

Другая обширная фразеологическая серия связана с применением терминов литературы и различных искусств, особенно живописи. Ср. судьбу таких слов, как *водевиль, дифирамб, драма, мелодрама, идиллия, роман, трагедия, гротеск, карикатура, кисть, палитра, ландшафт, пейзаж, портрет, эскиз, этюд, очерк, рисунок, набросок, декорация, закулисный; нота* (ср. *ноты в голосе*), *лейтмотив, камертон, унисон* и т. д. Наименования различных жанров и разновидностей литературы и искусства, разных профессиональных предметов и понятий получают образное или расширительное применение, прилагаясь непосредственно к самим явлениям действительности (ср. *роман* как литературный жанр и *роман* как сама история отношений влюбленных). Эта серия складывается уже с конца XVIII в. (первоначально в рамках поэтического языка или языка художественной литературы). К середине века многие из этих новых употреблений становятся очень обычными и широко распространенными.

Можно отметить также создание в XIX в. фразеологически связанных значений у ряда военных терминов (например, *арсенал, вербовать, застрельщик, лагерь, лозунг, мишень, пароль, ранжир, резерв, этап* и т. п.); у ряда терминов конфессиональных — как заимствованных (*догма, догмат, пропаганда, реликвия, фанатизм, фанатик*), так и русских (*изувер, мощи, отщепенец, раскол, ставленник* и т. д.); у ряда терминов коммерческо-промышленных (*капитал, кредит, гарантия, монополия, ликвидация, несостоятельный, крах*). Довольно значительно число профессиональных слов, терминов различных ремесел и занятий, идущих непосредственно из народно-разговорной речи и получающих переносное употребление (ср. *животрепещущий, мелкотравчатый, мягкотелый, разношерстный, скороспелый, доморощенный, приспешник, сплотить, топорный, трафаретный* и т. п.), некоторых терминов карточных игр (ср. *пасовать, ставка, бастовать* и пр.). Можно отметить, что в литературном употреблении первичные узкопрофессиональные значения этих терминов легко затухают и забываются, что не мешает сохранению экспрессивной выразительности сложившегося образно-переносного употребления их. Ср. забвение первичных значений у слов: *мелкотравчатый* (словарь 1847 г.: «покрытый мелкими травами или узорами», например: *мелкотравчатый атлас*), *приспешник* (ср. там же: «пекарь, пирожник», а также «помощник при каком-либо производстве, подготовляющий материал»), *щепетильный* «галантерейный, связанный с торговлей мелочным товаром» и т. д.

Очень обширен круг слов конкретно-предметного значения, которые с середины XIX в. начинают в языке художественной литературы и публицистики прилагаться как эмоционально окрашенные характеристики к понятиям отвлеченного характера, к понятиям о людях и их отношениях. В значительной степени за счет нового употребления этих слов складываются новые ресурсы литературного просторечия. Ср. употребление таких слов, как *базар, балаган, бойня, болото* (в частности, для характеристики политически пассивных групп и направлений), *винегрет, изнанка, подкладка* (и *подоплека*), *кисель, кликуша* (о реакционных крикливых публицистах), *лавочка, лазейка, лакей, ловушка, мешанина, окрошка, пустышка, свора, стадо, тюфяк* и т. д. Ср. эволюцию значений ряда прилагательных, которые начинают около середины века употреблять не только

для обозначения физических качеств и свойств предметов, но и для выражения физических свойств и нравственных качеств, особенностей характера человека [*сдобный, сочный* (ср. *сочный голос*), *рыхлый, сырой, упругий*. Ср. также *деревянный* (взгляд), *дубовый, туманный, угловатый, неустойчивый* и т. п.]. В связи с этим ряд относительных прилагательных получает новые дополнительные качественные значения (например, *халатный, хобульный, кабинетный, кладбищенский*). Ср. также некоторые причастия и их окачествление: *наигранный, непроницаемый* (вид), *потертый, помятый, жеванный, сдавленный* (голос), *дутый* (успех), *отсталый*. Ср. появление новых политико-символических значений или оценочно-психологических осмыслений у прилагательных, обозначающих цвета (*белый, красный, зеленый, серый, розовый*). Очень обширен круг глаголов, у которых в определенных фразеологических условиях также появляется сдвиг в значении от отношений и процессов материальных к явлениям нравственно-социального порядка [ср. *выдыхаться* (= *уставать*), *вылетать, выпаливать* (слова в речи), *душить* (мысль, порывы и т. д.), *замазывать* (недостатки, пороки), *засосать, издергать, изломать* (нравственно), *сколачивать* (группу лиц), *скомкать* (изложение) и т. д.

Выше было указано, что тем же путем перехода от конкретно-вещественных значений к специализированному переносному употреблению складывается терминированное обозначение различных явлений из области общественно-политической, из сферы идеологии и т. д. Ср. новые значения слов: *взгляд* (*прогрессивные, реакционные взгляды*), *вопрос* (*крестьянский, женский вопрос*), *выдержка* (как свойство характера), *задача* (*психологическая задача*), *движение* (*общественное движение, революционное движение*), *направление, течение, убеждение, обстановка, среда* (*социальная среда*), *низы, застой, устой, знет, передовой, отсталый, подполье* и т. д.

Как ни разнообразны эти случаи (по степени экспрессивной выразительности, терминологической определенности, по соотношению исходных и вторичных значений и т. д.), в них отчетливо выступает одно: семантическое развитие их идет от обозначения конкретно-вещественных, материальных признаков, бытовых явлений к выражению явлений психического, мировоззренческого, социального порядка. Это очень важная и показательная сторона как в процессе создания новых слов, так и в процессе семантических изменений, столь обильных на протяжении XIX в. Отметим еще одно характерное для периода около середины XIX в. явление: образование личных значений у ряда слов, первоначально обозначавших качества и свойства (ср. *личность, индивидуальность, знаменитость, посредственность, бездарность, ничтожество*).

*

Сделанный выше обзор изменений словарного состава русского литературного языка в XIX в. показывает не только большой размах и интенсивность этих перемен, но и сложный их характер. Крупные стилистические перегруппировки лексики, важные процессы семантической дифференциации и специализации, захватившие очень широкий круг слов⁷, изменения фразеологических условий употребления многих слов, образование новых синонимических рядов — все это радикально изменило лексическую систему литературного языка.

⁷ Следует заметить, что процесс смысловой дифференциации затронул многие старые слова, и не только в тех случаях, когда являлись новые синонимы к ним. Ср. размежевание по значению у таких прежде синонимических слов, как *помеха* и *помешательство*, *почерк* и *росчерк*, *природа* и *натура* (ср. встречающиеся еще в 1860 г. такие сочетания, как, с одной стороны, *натура предмета, натура обстоятельств*, а с другой — такие, как: «богато одаренные природы», «списывание картинок с природы»). Ср. уточнение и специализацию значений слов: *пошлый* (от значения «заурадный» до «тривиальный» с особым оттенком морально-этического осуждения), *внешность* (угасание общего значения «свойство внешнего» и специализация слова прежде всего на обозначении внешнего облика человека, лица или особи) и т. д.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Э. БЕНВЕНИСТ

ПРОБЛЕМЫ АРМЯНСКОГО КОНСОНАНТИЗМА

Наблюдения над армянским консонантизмом, приводимые в настоящей статье, относятся только к лингвистической стороне разбираемой проблемы в двух ее аспектах: имеются в виду древний период развития армянского языка (классический древнеармянский) и современное его состояние (различные живые диалекты). Поэтому мы не будем здесь останавливаться на гипотезах (впрочем, довольно шатких), которые выдвигались в недавнее время в отношении этнической пред истории армян в связи с интерпретацией фракийских и фригийских собственных имен¹.

В последних номерах «Вопросов языкознания» ряд статей был посвящен проблеме армянского консонантизма. Однако ни одна из них не может служить базой для дискуссии, ибо они уже не соответствуют современному положению вопроса: за истекшее между ними время были выдвинуты новые точки зрения. Статья Ж. Фурке² посвящена тому состоянию интересующей нас проблемы, исследование которого в настоящее время уже является пройденным этапом. Скоро выйдет новая работа того же автора, в которой будет дан обзор и подведены итоги последних исследований в области армянского передвижения³.

Две статьи, опубликованные в «Вопросах языкознания», посвящены связи современных диалектов и классического армянского языка. На вопрос, является ли засвидетельствованный письменностью древнеармянский язык (который, согласно традиционным взглядам, относится к V в. н. э.) единственным предком современных диалектов, А. С. Гарибян дает отрицательный ответ, а Э. Б. Агаян — положительный⁴. Таким образом, концепции этих двух ученых диаметрально противоположны. В зависимости от того, присоединяемся ли мы к той или иной из этих концепций, история армянского языка и хронология фонетических изменений предстают в различном свете. Фактически все зависит от того, как интерпретировать характер системы согласных древнеармянского языка по отношению к индоевропейскому состоянию, с одной стороны, и к современным диалектам — с другой. Следовательно, интересующая нас проблема связана со всей историей развития армянского языка.

Прежде чем непосредственно перейти к рассматриваемым нами вопросам, хотелось бы указать на то обстоятельство, что большая часть фактического материала, которым обычно пользуются при исследовании армянского консонантизма, либо должна быть вовсе устранена, либо нуждается в другом объяснении (это относится особенно к этимологии). Так, в статье Э. Б. Агаяна слово *dēz* (стр. 38) скорее является древним заимствованием из иранского, чем исконным словом. Переход *fr-* в *hr-* не был завершен в самом армянском языке; в настоящее

¹ См. В. И. Георгиев, Передвижение смычных согласных в армянском языке и вопросы этногенеза армян, ВЯ, 1960, 5, стр. 35 и сл.

² Ж. Фурке, Генезис системы согласных в армянском языке, ВЯ, 1959, 6.

³ Ж. Фурке сделал на эту тему в начале 1960 г. доклад в Институте языкознания при Парижском университете.

⁴ А. С. Гарибян, Об армянском консонантизме, ВЯ, 1959, 5; Э. Б. Агаян, О генезисе армянского консонантизма, ВЯ, 1960, 4.

время известно, что этот переход был реализован позднее, в иранском языке, который является источником многих заимствований. В специальной работе я указывал, почему *gan* «удар» и *mēg* «облако» следует считать иранскими заимствованиями⁵: ясно, что такие слова не могут служить примером изменения индоевропейских звуков в армянском (см. мою работу, стр. 42). В армянском сложном слове *gawazan* «палка», которое также заимствовано из иранского, второй элемент происходит не из *zan*- «ударять» (там же, стр. 43), а из *az*- «толкать». При рассмотрении соотношения армянской и сирийской фонетических систем нельзя считать регулярным соответствие сир. *z*-: арм. *j*- в сир. *zifta*: арм. *jiwt'* «смола» (стр. 44), ибо сир. *zōra* дает арм. *zorāy* «иссоп»; возможно, что сир. *zifta*, др.-евр. *ze-jeṭ* и т. д., а также арм. *jiwt'* являются воспроизведением иностранного слова, которое не относится ни к семитическим, ни к индоевропейским языкам. Однако вряд ли целесообразно задерживаться на этих замечаниях, которые не касаются основного вопроса.

По дискутируемой проблеме я частично согласен с каждым из двух упомянутых выше авторов, хотя и не могу принять полностью ни той, ни другой концепции, ибо мне представляется, что основой спора является не совсем правильная постановка вопроса. То, что называют «передвижением согласных», в истории языков наблюдалось лишь в одном случае: в германском передвижении. Вполне возможно, что если бы не существовали германские языки, не существовало бы и самого понятия «передвижение согласных». Нам кажется, что в других языках нельзя наблюдать столь радикального и систематического преобразования трех порядков артикуляций. Однако, в соответствии с традиционной теорией, армянский язык признается в то р ы м примером подобного рода передвижения. Но именно с этим и нельзя согласиться в свете современных данных. Из работы, опубликованной мною в 1959 г.⁶, вытекает: 1) что в древнеармянском сохранялись индоевропейские звонкие придыхательные, 2) что звонкие придыхательные древнеармянского языка существовали до последнего времени в группе восточноармянских диалектов. С этими выводами, к которым я пришел путем новой интерпретации диалектальных данных Р. А. Ачаряна с учетом их реального фонетического содержания и фонологических связей, недавно согласился А. С. Гарибян⁷. Совершенно справедливо он усматривает в них подтверждение своих наблюдений в области консонантизма армянских диалектов. По словам Гарибяна, эти наблюдения были сделаны им до опубликования моей работы. Согласно А. С. Гарибяну, звонкие придыхательные существуют в тринадцати современных диалектах, занимающих территорию древних вилайетов Карин и Муш.

Таким образом, можно считать доказанным, что процесс передвижения в древнеармянском языке не является полным. Данный процесс не затронул ряд звонких придыхательных, унаследованных от индоевропейского состояния. Это влечет за собой глубокое изменение наших взглядов на доисторическую эволюцию взрывных и аффрикат в армянском.

⁵ См. BSLP, 53, 1958, стр. 55.

⁶ BSLP, 54, 1959, стр. 46.

⁷ См. А. Г а р и б я н, О месте и роли армянского языка в системе индоевропейских языков (Доклады, представленные советской делегацией на XXV Международном конгрессе востоковедов), М., 1960, стр. 10. История проблемы в этом сообщении основывается на данных моей статьи. Однако фраза А. Мейе, приведенная мной из его «Предисловия» к «Индоевропейским диалектам», интерпретируется не совсем точно в том смысле, что речь идет будто бы об окончательной концепции Мейе по указанному вопросу. Только после того как я пришел к убеждению, что древнеармянские звонкие являются отражением звонких придыхательных, я стал искать причину, почему эти данные современного армянского языка не принимались во внимание. В связи с этим я обнаружил указанную фразу Мейе, которая до этого времени не учитывалась языковедами. Однако Мейе, в полном противоречии с указанной фразой, которая была написана под впечатлением исследования Х. Педерсена, во втором издании своего «Esquisse» сохранил свою старую концепцию.

Второй вопрос сводится к следующему: можно ли утверждать, что различия между современными армянскими диалектами в области изменения в них взрывных и аффрикат являются, как полагает А. С. Гарибян, основанием для того, чтобы постулировать существование нескольких диалектов в древнеармянском языке? В противоположность А. С. Гарибяну, Э. Б. Агаян считает, что так называемый «классический» армянский является единственным источником современных диалектов. Необходимо уточнить предмет дискуссии между ними. Армянский язык, зафиксированный письменностью в V в., не представлял собой койне, а был единым языком; мы не имеем никаких данных, позволяющих говорить о каком-то слиянии или объединении в нем нескольких диалектов. Вполне возможно, что в рассматриваемый период существовали другие диалекты. Однако мы не располагаем никакими историческими данными, чтобы с уверенностью делать такое утверждение: до нас не дошли никакие тексты на этих диалектах. Таким образом, наше рассуждение может строиться только на основе различий между современными диалектами при учете структуры различных систем согласных в этих диалектах. В связи с этим основной вопрос можно сформулировать так: является ли наличие разных систем согласных в современных диалектах доказательством существования нескольких или одной системы согласных в более ранние периоды существования языка?

Если в указанном выше смысле исправить интерпретацию звонких (в действительности—звонких придыхательных) древнеармянского языка, то становится возможным объяснить на основе этой единой системы эволюцию всех армянских диалектов. Мы попытались это сделать в указанном нами исследовании, где анализируются изменения фонологических связей между артикуляционными рядами. Норвежский лингвист Г. Фогт независимо от нас пришел к тому же выводу (он основывался также на фонетической системе древнеармянского языка, которую сравнивал с фонетическими системами существующих в настоящее время диалектов⁸). В современных диалектах мы не наблюдаем никаких фонетических особенностей в системах согласных, которые были бы несовместимы с фактами, характерными для фонетической системы древнеармянского языка. Таким образом, вряд ли нужно постулировать две или несколько систем согласных в древнеармянском; до сих пор никто этого не доказал.

Самой неотложной работой в настоящее время является перегруппировка всех известных диалектов в соответствии с их диалектальной близостью, которая имеет весьма неоднородный характер в зависимости от географического расположения диалектов. Далее следует дать детальное описание фонетических систем диалектов, выделив при этом существующие фонологические системы с тем, чтобы определить характер изменений, которые их разделяют. Таким путем история армянских диалектов может быть поставлена на прочную базу. Основы этой методики были применены в указанных выше работах (имеются в виду работы Г. Фогта и моя), однако недостаток материала является большой помехой для исследований западных лингвистов. Нам бы очень хотелось, чтобы советские арменисты, которые уже много сделали в области изучения своего языка, приняли такое описание, которое лишь они могут довести до успешного конца. Им следует также изучить современное географическое распределение диалектов в свете этнической истории (перемещения населения, эмиграции и т. д.) и объяснить на этой основе вторичные связи между диалектами различных групп. Изучение др.-арм. языка только выиграет от систематического сопоставления с живыми формами современного языка.

Перевел с французского М. М. Маковский

⁸ См. «Norsk tidsskrift for sprogvidenskap», XVIII, Oslo, 1958.

Г. ФОГТ

ЗАМЕТКИ ПО АРМЯНСКОМУ КОНСОНАНТИЗМУ

Наша статья «Смычные в армянском языке»¹ была посвящена фонетической природе смычных и полусмычных (аффрикат) классического армянского языка, а также характеру образуемой ими системы фонем. Как известно, в изучаемом языке имеются три ряда смычных и полусмычных, образующих трехчленную систему. Ниже мы будем обозначать каждый из трех членов, входящих в эти ряды, следующими символами элементов лабиального ряда — *B*, *P*, *PH*. Нет прямых доказательств фонетической значимости соответствующих букв армянского алфавита. Однако на основе внутреннего изучения системы армянского консонантизма, а также изучения заимствований можно заключить, что звук *PH* был глухим аспирированным [ph] и что при различении *B* и *P* определенную роль играла звонкость.

Отвлечемся на время от древнеармянской системы и обратимся к современным диалектам. Если ограничиться рассмотрением лабиальных в начальной позиции, то в этих диалектах, судя по описаниям Р. Ачаряна, имеются два вида систем смычных: 1) трехчленные системы, которые, как и система классического армянского, представляют собой редукцию четырехчленной системы индоевропейского, и 2) двухчленные системы, которые, должно быть, представляют собой вторичную редукцию трехзначных систем. Трехчленные системы засвидетельствованы в следующем виде:

- 1-я группа (= II группе Гарибяна)² [bh] [p] [ph]
(Ереван, Джульфа, Муш и т. д.)
- 2-я группа (= I группе Гарибяна) [bh] [b] [ph]
(Эрзерум, Эрзинджан и т. д.)
- 3-я группа (= VI группе Гарибяна) [b] [p̥] [ph]
(Тбилиси, Агулис, Артвин и т. д.)

Последняя из приведенных систем идентична системе южнокавказских языков, в которую входят простой звонкий, глоттализированный глухой и глухой аспирированный³. Можно полагать, что на армянский язык в этих районах повлияли местные языки и что вследствие этого изучение его не может быть плодотворным для определения первоначальной системы армянского консонантизма. Мы наблюдаем, таким образом, следующее соотношение с индоевропейской системой в двух первых типах систем:

И.-е.	[ph]	представлено	[ph]
	[bh]	»	[bh]
	[b]	»	[b] или [p]

¹ См. Н. V o g t, Les occlusives en arménien, «Norsk tidsskrift for sprogvidenskap», XVIII, Oslo, 1958.

² Приводимая здесь нумерация групп соответствует нумерации в нашей статье, указанной выше. Для облегчения мы добавляем также нумерацию групп, принятую в статье А. С. Г а р и б я н а «Об армянском консонантизме» (ВЯ, 1959, 5). Здесь опускается IV группа Гарибяна, существование которой связано с так называемой второй армянской перегласовкой (мутацией) согласных и требует решения ряда частных проблем (см. по этому вопросу стр. 153—156 моей статьи, указанной выше).

³ Этот факт специально упоминается Р. Ачаряном.

Индоевропейский глухой неаспирированный *p* в армянском не представлен непосредственно в начале слова (он перешел в [f], затем в [h], [y] или в ноль). Подобные же процессы наблюдаются и в дентальном, палатальном и велярном рядах: простой глухой элиминируется как смычный и превращается в спирант, свистящий или ноль ⁴.

Если придать символу *B* классического армянского языка фонетическую значимость [b] (а соответствующим элементам других рядов — значимости [d], [g] и [j], [ʃ]), то следует либо заключить, что звуки этих центральных диалектов восходят к древней форме армянского, более архаичной, чем классический армянский, и более близкой к индоевропейскому, либо прийти к выводу, что звонкий *B*, который происходит от звонкого аспирированного, в результате своего рода регрессии подвергся обратному преобразованию и перешел в звонкий аспирированный [bh]. Однако обе эти гипотезы наталкиваются на значительные трудности. Более простым решением вопроса было бы предположить, что индоевропейский звонкий аспирированный [bh] остался неизменным в центральных диалектах исторической Армении и, следовательно, буквы армянского алфавита, транскрибируемые как [b], [d], [g], [j], [ʃ], следует транскрибировать [bh], [dh], [gh], [jh], [ʃh]. Исходя из этой гипотезы, можно утверждать, что в классическом армянском существовала трехчленная система, состоящая из двух аспирированных (звонкого и глухого), которые противопоставлялись неаспирированной фонеме, причем звонкость или отсутствие звонкости последней не имели никакой фонематической значимости. Эту систему можно изобразить следующим образом:

$$B [bh] : PH [ph] :: P [p]$$

Трудно установить точную фонетическую значимость неаспирированного элемента. Несомненно, что он был глухим. Однако ввиду неустойчивости указанного члена в диалектах, звук этот можно считать слабым глухим, представленным впоследствии в восточно-центральных диалектах звонким [b], а в западно-центральных диалектах глухим [p]. Вторичное развитие в восточно-центральных диалектах не влечет за собой, однако, никакого изменения в фонематической системе как таковой, поскольку указанная фонема характеризуется исключительно отсутствием аспирации ⁵.

Нам представляется, что более поздние процессы развития в маргинальных диалектах легко объяснить, если исходить из приведенной интерпретации древней системы. В маргинальных диалектах (как в восточных, так и западных) звонкий аспирированный утратил аспирацию и слился с неаспирированным элементом, т. е. с [p] на востоке и с [b] на западе. Эти процессы можно изобразить следующим образом:

Классический армянский		Центрально-восточные диалекты		Восточные маргинальные диалекты (= VII группа Гарибьяна)
[bh]	>	[bh]	>	[p]
[p]	>	[p]	>	[ph]
[ph]	>	[ph]	>	
Классический армянский		Центрально-западные диалекты		Западные маргинальные диалекты (= III группа Гарибьяна)
[bh]	>	[bh]	>	[b]
[p]	>	[b]	>	[ph]
[ph]	>	[ph]	>	

⁴ Таблицы А. С. Гарибьяна создают неправильное впечатление о судьбе простых глухих. В таблицах указывается, что эти фонемы превращаются в аспирированные и затем сливаются с древним индоевропейским аспирированным, что в общем не соответствует действительности.

⁵ В своей статье «Sur la phonétique et la syntaxe de l'arménien classique» (BSLP, 54, 1, 1959) Э. Бенвенист независимо от нас и на основе аргументов, несколько отличных от наших, пришел к тем же выводам относительно консонантизма классического армянского языка.

В обоих случаях основная фонематическая оппозиция остается одной и той же; противопоставляются аспирированный и не аспирированный, причем не аспирированный элемент реализуется либо как звонкий, либо как глухой.

Исходя из этой гипотезы, необходимо обязательно признать классический армянский источником современных диалектов. Эту концепцию разделяли Гюбшман, Мейе, Ачарян и др., которые исходили главным образом из морфологических, синтаксических и лексических фактов. Наша гипотеза, основанная на новой фонетической (и фонематической) интерпретации системы согласных классического армянского языка, не только отличается простотой, но и позволяет объяснить любопытное развитие *B* в [ph] в диалектах Родосто и Малатии (=V группе Гарибяна), где древний звонкий сливается с древним глухим аспирированным, что приводит к следующим результатам:

$$\begin{array}{lcl} \text{Классический} & B & \{bh\} \\ \text{армянский} & PH & \{ph\} \\ & P & [p] > [p] \end{array} > [ph]$$

С фонетической точки зрения этот переход очень трудно объяснить, если исходить из значимости [b] элемента *B*. Конечным результатом развития в обоих указанных диалектах является такая же фонематическая система, как и в других западных маргинальных диалектах. Однако характер генезиса этой системы в обоих случаях не является идентичным. Таким образом, вычленение этих диалектов из центрально-западных следует отнести по крайней мере ко времени отделения других маргинальных западных диалектов, ибо систему согласных этих диалектов нельзя объяснить, исходя из системы западных маргинальных диалектов.

Если принять, согласно нашей гипотезе, значимость [bh] фонемы *B* в классическом армянском языке, можно лучше объяснить и некоторые другие факты, например почти повсеместный переход *B* в [ph] после [r] в современных диалектах. Здесь имеет место, по-видимому, оглушение [bh] в [ph]. Так же можно объяснить и аспирированный в начальной позиции (*k'san* «двадцать», которое, очевидно, происходит из **ghisan*). Из формы **gisan* должна была бы получиться форма **ksan*. Следует отметить, что начальный смычный здесь по отношению к индоевропейскому является вторичным, производным от *w-*. Ввиду того что в древнеармянском не было простых звонких, любой вторичный звонкий смычный подвергался ассимиляции звонких аспирированных. Это же доказывается и армянскими заимствованиями из персидского языка; ср., например, *t'snami* «враг», где начальный аспирированный представляет собой оглушенную форму от [dh]. Ввиду этого персидское слово *dušman* было заимствовано армянским в форме *dhušman-*.

Если наша гипотеза верна, то отпадает параллелизм с германской перекладкой согласных, на что часто указывается в специальной литературе. Когда речь идет об индоевропейских аспирированных (которые в армянском оказались исключительно устойчивыми до наших дней), этот параллелизм явно не оправдывает себя. Согласно нашей гипотезе, характерной чертой развития согласных в армянском является ослабление (спирантизация или полное выпадение) древнего простого глухого. В результате этого развития древняя индоевропейская система превращается в трехчленную.

В индоевропейской системе звонкий противопоставляется глухому. Таким образом, звонкость выполняла фонематическую функцию как в отношении ряда неаспирированных, так и в отношении ряда аспирированных. С исчезновением древнего глухого древний звонкий не противопоставляется больше глухому: он только противопоставляется (по признаку отсутствия аспирации) двум придыхательным. Звонкость в древних звонких утрачивает свою фонематическую функцию. Тот факт, что

в древнеармянском звонкий реализовался в виде слабого глухого, ничего не меняет в системе. Можно объяснить таким путем, почему эти фонемы, с точки зрения звонкости, оказываются особенно неустойчивыми в дальнейшем развитии армянских диалектов, где они представлены то звонкими, то глухими (такая неопределенность отмечается в отдельных позициях уже в классическом армянском, например после носового).

*

В этом кратком очерке нашей концепции армянского консонантизма мы остановились лишь на основных линиях развития, отвлекаясь от множества деталей. Так, например, имеются различия в трактовке элементов индоевропейских рядов лабиальных, дентальных, палатальных и велярных в армянском (особенно это относится к простому глухому, а также к глухому аспирированному). Создание в армянском рядов свистящих и шипящих полусмычных, параллельных рядам смычных, ставит проблемы, которые мы не будем здесь обсуждать. По этим вопросам мы отсылаем читателя к нашей статье «Смычные в армянском языке».

После публикации нашей указанной выше статьи мы познакомились с двумя работами армянских лингвистов, посвященными той же теме. Речь идет о статье А. С. Гарибяна (на которую мы уже указывали выше), а также о статье Э. Б. Агаяна⁶. Отправной пункт концепции Гарибяна сходен с нашим. Гарибян, как и мы, констатирует, что консонантизм современных диалектов нельзя объяснить простой системой [b], [p], [ph], которую он постулирует для классического армянского. В связи с этим Гарибян, как и мы, считает необходимым постулировать систему, близкую к индоевропейской [bh, p, ph]. Однако Гарибян проецирует указанное состояние консонантизма в слишком далекое прошлое, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Он не учитывает, что эту реконструированную систему можно вполне считать присущей классическому армянскому. Именно это нарушение исторической перспективы привело Гарибяна к тому, что он считает первичными по времени диалекты, а не классический армянский, и даже усматривает в системах согласных древних диалектов основу классификации современных диалектов. Агаян в указанной статье решительно выступает против такой концепции истории армянского языка и отстаивает традиционные взгляды Гюбшмана, Мейе, Ачаряна и др., согласно которым классический армянский, известный по текстам V в. н. э., лег в основу всех современных диалектов, развившихся из него в результате вторичной эволюции. Таким образом, при классификации современных диалектов нет оснований придавать фонетическим инновациям больше значения, чем морфологическим. По всем рассмотренным вопросам мы согласны с Агаяном, однако, как мы пытались показать в настоящей статье, традиционная концепция может иметь право на существование лишь в том случае, если систему классического армянского интерпретировать в указанном нами направлении.

Ввиду того что мы вместе с Э. Б. Агаяном считаем, что основу современных диалектов следует искать в самом классическом армянском и что, следовательно, различные системы согласных в современных диалектах не могут пролить свет на предысторию армянского языка, мы не можем принять те выводы, которые В. И. Георгиев делает из нашей интерпретации классической системы в своей статье, посвященной этногенезу армян и соотношениям между фригийским и древнеармянским⁷.

Перевел с французского
М. М. Маковский

⁶ Э. Б. Агаян, О генезисе армянского консонантизма, ВЯ, 1960, 4.

⁷ В. И. Георгиев, Передвижение смычных согласных в армянском языке вопросы этногенеза армян, ВЯ, 1960, 5.

ЯН ОТРЕМБСКИЙ ПО ПОВОДУ АРМЯНСКОГО КОНСОНАНТИЗМА

В «Вопросах языкознания» (1959, 5, стр. 81—99) проф. А. С. Гарибян опубликовал статью «Об армянском консонантизме», в которой указывает на наличие в некоторых армянских диалектах взрывных звонких придыхательных *bh*, *dh*, *gh*. По словам автора, они являются прямым продолжением соответствующих индоевропейских согласных и служат новым доказательством существования этого ряда согласных в индоевропейском языке-основе. А. С. Гарибян указывает, что до сих пор индоевропейцы, реконструируя *bh*, *dh*, *gh* (*g'h*, *g'h*), основывались главным образом на данных древнеиндийского языка.

Внимательное рассмотрение статьи А. С. Гарибяна заставляет усомниться в правильности представленной в ней концепции. Имея дело с явлениями армянского языка, не следует никогда забывать, что это язык, значительно отошедший от индоевропейского языка-основы, и что долгое время индоевропейцы даже не были в состоянии определить его место в группе индоевропейских языков (эту задачу удачно выполнил, как известно, лишь Г. Гюбшман). Одним из признаков своеобразия армянского языка является придыхательный характер его консонантизма, так что придыхательные *bh*, *dh*, *gh* в армянских диалектах в первую очередь следовало подвергнуть изучению именно с этой точки зрения. Но А. С. Гарибян такой методологически необходимой попытки не сделал.

Необходимо понять сущность того диалектного «исключения», которое А. С. Гарибяном предполагается в развитии общеармянского консонантизма. Наука уже давно подметила сходство в развитии между ним и германским консонантизмом. Поэтому, опираясь на достижения германской филологии, мы должны представлять себе ход развития армянского консонантизма следующим образом: 1) взрывные глухие без придыхания превратились в соответствующие придыхательные, которые наравне с унаследованными *ph*, *th*, *kh* подверглись дальнейшим изменениям¹; 2) взрывные звонкие без придыхания перешли соответственно в *p*, *t*, *k*; 3) взрывные звонкие придыхательные изменились в звонкие без придыхания *b*, *d*, *g*. Вследствие этих изменений унаследованный консонантизм стал проще: вместо прежних четырех рядов взрывных согласных получились три, причем исчез ряд взрывных звонких придыхательных. Возникает вопрос, почему индоевропейские *bh*, *dh*, *gh* были вовлечены в ход этих последовательных изменений лишь в той части армянской языковой территории, диалекты которой дали начало (классическому) древнеармянскому языку, и сохранились там, где сложились диалекты, рассматриваемые в статье А. С. Гарибяна?

Я полагаю, что диалектные *bh*, *dh*, *gh* являются новшеством более позднего, уже армянского происхождения. Однако вопрос о том, как они возникли, я вынужден оставить без полного и точного ответа — он останется нерешенным до тех пор, пока не будет обстоятельно исследован хотя бы один из этих диалектов. Тем не менее я позволю себе выдвинуть следующую гипотезу. Согласные *bh*, *dh*, *gh* появились сперва как звон-

¹ См.: Н. Н ü b s c h m a n n, *Armenische Grammatik*, Tl. I — *Armenische Etymologie*, Leipzig, 1897, стр. 407—410; А. М e i l l e t, *Esquisse d'une grammaire comparée de l'arménien classique*, 2-me ed., Vienne, 1936, стр. 25—38.

кие соответствия глухих придыхательных в экспрессивных формах известной группы слов, главным образом в начале слова (*ph: bh, th: dh, kh: gh*) и лишь постепенно стали распространяться за счет *b, d, g*. Речь идет здесь о процессе, который ведет свое начало уже от индоевропейского языка-основы и который в отдельных индоевропейских языках продолжает действовать вплоть до наших дней. Я писал об этом процессе в журнале «Lingua posnaniensis» (V, 1955, стр. 26—30), основываясь главным образом на данных балтийских и славянских языков. Не подлежит никакому сомнению, что этот процесс происходил и в армянском языке. Доказательством служит прежде всего местоимение *du* «ты» рядом с литов. *tù*, ст.-слав. *ty* из **tū*, греч. дорич. *tù* и т. д. Местоимение это обладало первоначально двумя формами: **tu* и **tū*, причем форма с *ū* соответствует эмфатическому произношению. В эпоху самостоятельного развития армянского языка, когда обе формы рассматриваемого местоимения совпали в *thu* ($t > th$ и $ū > u$), прежнее различие между ними стало выражаться иначе: в связи с наличием чередования *th: d* (вместо и.-е. *th: dh*) эмфатический вариант получил форму с *d-*, откуда — «загадочное» до сих пор *du*. Эта форма восторжествовала в той части армянской языковой территории, где образовался (классический) древнеармянский язык.

Было бы весьма интересно исследовать, какую форму имеет местоимение «ты» в тех диалектах, в которых наблюдаются взрывные звонкие придыхательные *bh, dh, gh*. Но если выяснится, что *du* — это общеармянская форма, мы с полным правом можем сказать, что на территории рассматриваемых А. С. Гарибяном диалектов индоевропейским согласным *bh, dh, gh* в прошлом соответствовали те же *b, d, g*, что и в древнеармянском языке, и что, таким образом, диалектные *bh, dh, gh* — не пережиток прошлого, а новое явление.

Недостатком статьи А. С. Гарибяна является то, что в ней нет хотя бы самой общей характеристики тех диалектов, в которых, по мнению автора, сохранились индоевропейские согласные *bh, dh, gh*. Следовало бы ожидать, что в этих диалектах кроме *bh, dh, gh* имеются и другие архаизмы (вроде *du*). Во всяком случае трудно представить себе, чтобы языку или диалектам с сохранившимися индоевропейскими согласными *bh, dh, gh* не были присущи и другие архаические особенности. Их наличие было бы несомненно важным аргументом в пользу гипотезы А. С. Гарибяна. С другой стороны, я полагаю, что отсутствие других архаизмов (кроме *bh, dh, gh*) уже само по себе вызывает большую неуверенность относительно правильности гипотезы автора.

Гипотезу А. С. Гарибяна о происхождении *bh, dh, gh* в диалектах армянского языка я рассмотрел критически с точки зрения индоевропейского языкознания. Но на серьезные возражения натолкнулась эта гипотеза и с точки зрения арменистики (ср. статью Э. Б. Агаяна²). В заключение я выражаю надежду, что А. С. Гарибян и Э. Б. Агаян, знатоки и исследователи армянского языка, не замедлят обстоятельнее познакомиться с индоевропейцами с теми армянскими диалектами, о которых выше шла речь, — это возбудило бы новый интерес к арменистике и способствовало бы ее дальнейшему развитию. Подобное желание выразил уже впрочем проф. В. И. Георгиев³.

² См. ВЯ, 1960, 4.

³ См. ВЯ, 1960, 5, стр. 39.

ОБ ОБЩЕСЛАВЯНСКОМ ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ АТЛАСЕ *

Вопрос № 4: «Если в задачу общеславянского атласа входит выявление структурной типологии славянских языков и диалектов, то в какой мере и как должны учитываться так называемые „микродиалектные миры“?»

Славянский лингвистический атлас не может систематически отражать микродиалектные явления по трем существенным причинам:

1. Для выполнения своей задачи славянский атлас должен отражать языковые явления славянского мира в целом таким образом, чтобы получилась отчетливая картина его дифференциации и взаимоотношений его частей. Славянский атлас не может учитывать явления специальные или узколокального характера, ограниченные одним только языком или диалектом, явления, которые не имеют значения в общеславянском масштабе (например, в Восточной Моравии гипертрофированные дифтонги типа *rouža*, *dřejví* в «дольских» говорах и в окрестностях города Кельч в отличие от *rúže* || *rúža*, *dříví* в других говорах).

2. Надо учитывать то обстоятельство, что диалектное исследование в славянском атласе будет проводиться с относительно редкой сеткой, которая будет подчеркивать только основные различия, охватывающие значительную территорию. Отражение микродиалектных явлений относится к задачам национальных атласов с более густой сеткой, но и в национальных атласах эта задача может представлять затруднения, если исследование не проводится во всех населенных пунктах определенной местности (ср. примеры, приведенные в п. 1).

3. Отражение узко локальных явлений, не имеющих значения для компаративистики, искажало бы общую картину дифференциации (ср. лексикализованные югозападночешские случаи депалатализации типа *fčala*, *jahla* в отличие от общечешского *fčela*, *jehla*, которые можно было бы понять как примеры общей депалатализации в этой области).

Это, однако, не значит, что в славянском языковом атласе не найдут отражения случаи, микродиалектные по отношению к данному диалекту, однако важные с точки зрения общеславянской. Ср. разные реликтовые явления, которые представляют интерес в сравнительно-историческом плане, но в системе данного диалекта являются лишь периферийными или же отмирающими явлениями (например, формы двойственного числа типа *rohatině* «вилы», *perně* «часть амбара» в Южной Чехии, формы прошедшего времени типа *bylach*, *volalach* в словацких оравских диалектах и диалектах копаничарских, а также формы предложного падежа типа *Smrečách*, *Sučách* в среднесловацких диалектах). Подобные специальные явления, если они трудно поддаются картографированию, можно будет отметить и описать в комментариях к картам. Для особо важных случаев можно создать и дополнительные карты с более густой сеткой. Для этих дополнительных карт можно было бы использовать данные национальных анкет.

Чехословацкая диалектологическая
комиссия (Прага)

* Продолжение публикации ответов на анкету, помещенную в № 5 за 1960 г. (стр. 45—46).

Ввиду того что центр тяжести общеславянского языкового атласа лежит на современных отношениях, явившихся результатом определенных процессов развития, в него должна быть включена информация о типологических особенностях отдельных языков и их диалектов. Характерные отношения наблюдаются в болгарском, македонском и в одной части сербскохорватского языка, где выражены важные типологические изменения балканистического типа, однако при сохранении генетических взаимосвязей этих языков. Следовательно, границу между общеславянским атласом и атласами отдельных языков нужно провести в этом случае примерно через XVI в., а существуют основания предполагать, что такую границу можно было бы применить и к другим языкам, учитывая другие процессы. Микролингвистические явления представляют собой отдельный вопрос: если они носят микродиалектный характер, они не заслуживают быть внесенными в общеславянский атлас, — а в сербских и хорватских областях такие явления связаны с большими передвижениями населения, особенно начиная с XVII в. (ср. переплетение признаков екавизма и икавизма в диалектах и с результатами скрещивания в говорах Шумадин и т. д.).

М. Павлович (Белград)

О выявлении структурной типологии славянских языков и диалектов можно говорить лишь после обработки результатов анкетирования. «Микродиалектные миры» либо уже известны из прежних диалектологических разысканий — и в таком случае следует уточнить их границы и выявить новые характеризующие их явления, либо неизвестны — и в таком случае картографирование, если оно ведется на довольно густой сети, выявит их, конечно, при последующем интерпретировании фактов.

А. Росетти (Бухарест)

В задачи общеславянского атласа не входит отражение всех диалектных вариантов каждого из славянских языков. Местные диалектные различия следует учитывать только в тех случаях, когда на небольшой территории обнаруживаются типологические различия или несоответствия в судьбе важных элементов праславянского наследия (например, различные рефлексy специфических праславянских гласных). В таких местах надо давать более густую сеть пунктов.

П. Ивич (Новый Сад)

Микродиалектные явления надо учитывать в атласах отдельных славянских языков. Однако некоторые явления, важные для понимания взаимных отношений славянских языков, могут найти себе место в общеславянском атласе при картографировании отдельных явлений.

А. Лампрект (Брно)

Вопрос № 5: «Что может дать для общеславянского атласа обследование неславянских территорий, где раньше существовало славянское население (например, румынской, венгерской), и как это обследование должно проводиться? В какой степени следует учитывать те явления славянских языков, которые связаны с фактами „языковых союзов“?»

Исследование неславянской территории, несомненно, может помочь при установлении первоначального расселения славян, при определении характера первоначального славянского населения и прояснить, таким образом, картину древней диалектной дифференциации славянской территории. Исследование неславянской территории можно проводить путем установления славянских фонетических и морфологических рефлексов в топонимике и в древних заимствованиях из славянских языков. Тут часто встречаются очень сложные вопросы. Известно, например, что наличие некоторых фонетических особенностей в заимствованных топонимических названиях (ср. распространение группы *žl* на венгерской

территории) не свидетельствует о древних границах данного явления, да и славянское происхождение таких топонимических названий не является всегда несомненным. Кроме того, положение дел не является, по всей вероятности, во всех областях одинаковым; кажется, например, что славянские элементы на румынской и венгерской территории проявляются различно.

Иной вопрос — частичное расширение исследования в сторону изучения соседних неславянских языков, особенно при изучении некоторых вопросов лексики. Надо, наконец, принять во внимание, что в результате простого добавления древних славянских топонимических названий и заимствований неславянской языковой области к материалу современных славянских диалектов на славянской территории получился бы материал неоднородный в отношении хронологии и содержания. Парой к этому материалу должен был бы быть материал того же характера из славянской области. Точная географическая обработка материала из неславянской области является, конечно, существенной и необходимой задачей соответствующих отраслей славяноведения.

Подобное обследование всех неславянских областей не может быть непосредственной задачей славянского лингвистического атласа. Вообще надо предварительно взвесить, можно ли, учитывая особый характер некоторых неславянских областей, охватить их при исследовании.

Славянский лингвистический атлас не может не отразить некоторых явлений, которые связаны с существованием так называемых языковых союзов, в особенности, например, балканского языкового союза. Однако при этом претепдовать на систематичность и полноту славянский лингвистический атлас не может; для этого требуются специальные исследования.

Очень важным и желательным считаем, напротив, диалектологическое обследование древнего славянского населения на чужой территории, а также славянских колоний средневекового происхождения (например, в Трансильвании, Албании, Италии и т. п.). Однако случаи новейшей славянской колонизации учитывать в славянском атласе не следует, так как это не дало бы ничего существенного для сравнительного изучения в плане общеславянском. Эти вопросы должны были бы стать предметом специальных изысканий при непременно тесном взаимодействии диалектологов данного славянского языка и языка (неславянского или славянского), на территории которого эти колонии находятся.

Чехословацкая диалектологическая комиссия

Обследование неславянских территорий, где раньше существовало славянское население (например, румынской, венгерской, албанской), дает, по моему мнению, интересные сведения для исторической фонетики славянских языков — конечно, если при интерпретировании фактов будут тщательно выделены те фонетические явления, которые присущи самим румынскому, венгерскому, албанскому и др. языкам. Так, например, определенные румынские слова древнего южнославянского происхождения позволяют ответить на вопрос о рефлексах группы *-or-*, *-ol-*, фонемы *ѣ*, носовых и т. п., но не в смысле распространения таких рефлексов на территории румынского языка сообразно с древним расселением южных и восточных славян на современной территории Румынии, а в смысле самого их наличия. Дело в том, что древнейшие заимствования расширили свой ареал вместе с самим румынским языком (по крайней мере это можно сказать о ряде слов), в то время как другие слова, тоже южнославянского происхождения, но более новые, распространены только на юге Румынии. При этом исследователь должен считаться и с внутрирумынскими фактами, например «территориальной» синонимикой со словами латинского и иного происхождения.

Исследование румынской и иных неславянских территорий дает также интересный материал для лексикологии и семасиологии славянских языков. Славянский материал, содержащийся в существующем румынском лингвистическом атласе, интерпретировался до сих пор преимущественно с точки зрения румынского языка; несомненно, обследование ряда румынских пунктов на основании общего вопросника, составленного специально для неславянских языков и исходящего при этом из общеславянского вопросника (но включающего также некоторые специфичные вопросы), даст интересные результаты.

Таким образом, после составления общеславянского вопросника специалисты по румынскому, венгерскому и другим языкам должны установить, какие вопросы подходят для данной территории, и предложить некоторые дополнительные вопросы. Что касается самих ответов, то, например, если при исследовании рефлекса *-ol-* обратиться к румынскому слову *plaz*, то оно кажется представленным не во всех румынских пунктах. Там, где будет другой ответ, исследователь отметит его, но картографироваться отдельно он не будет: на карте лишь надо указать специальный знак, что последовал иной ответ (иное слово неславянского происхождения). Так же следует поступать и при картографировании лексического материала; например, при выяснении распространения и значения слова *nevastă* или *babă* «неславянские» ответы не будут картографироваться, ибо это осложнит карты; зато на славянских территориях какое-нибудь заимствованное слово, вытеснившее исконно славянское, должно картографироваться.

Кое-что румынская территория может дать и в отношении грамматики, например в вопросе о распространении звательной формы на *-o* (существительные жен. рода на *-a*), если такой вопрос будет в общеславянском вопроснике. Что касается фактов о «языковых союзах», в частности о «балканском языковом союзе», то было бы целесообразнее, чтобы вопросник был составлен с общеславянской точки зрения, а не с точки зрения данного союза. Последнее могло бы быть предметом, скажем, специального атласа данного лингвистического союза со специально подобранными вопросами. Но в известной мере что-нибудь получится и в этом отношении: например, в грамматическом разделе станет ясным, что в болгарском языке будущее время выражается иначе, чем в других славянских языках, а если это представляет интерес, то данная конструкция может картографироваться и на территориях Румынии, Албании, Греции. Но такие результаты можно получить в общеславянском лингвистическом атласе лишь попутно.

А. Росетти

Ограничить материал общеславянского атласа территориями, где теперь говорят на славянских языках, — значило бы пройти мимо следов прежних фаз развития славянских языков. В областях, где славянский элемент был оттеснен иноязычным, имеются следы часто очень древних славянских процессов, отразившихся на неславянских языковых явлениях. Подобно тому как славянские языки сохраняют следы других языков (ср. сербскохорв. *Дурмитор*, *Пирлитор*, *Визитор*; *бајта*; *раца*; *Задар* < *Diadora*; *Вис* < *Issa*; *Брач*; *Дунав* и пр.), так и другие языки, обнаруживающие признаки адстратных и субстратных симбиозов, указывают на окаменелые и благодаря этому сохранившиеся результаты старых процессов славянских языков. Назальные индикации славянского субстрата дает в известном количестве своих лексем прежде всего венгерский язык (*galamb*, *szombat*, *szent*), а также румынский (*poianjen*, *sfint*, *grinda*), мегленитский (*pujangu*, *grinda*) и аромунский (*grenda*). Ср. также многочисленные лексические элементы (*Ju easte giunaticlu — nu easte praina*, *Ju easte sila — nu easte dreptatča*).

Изолированные славянские поселения на чужих языковых территориях обычно сохраняют очень важные элементы, и изучать их надо в сотрудничестве с научными учреждениями соответствующих государств. Явления, связанные с языковыми союзами, имеют для изучения процессов развития соприкасающихся языков и для хронологии этих процессов весьма большое значение.

М. Паслович

Лишь в исключительных случаях учет элементов, обнаруживаемых в соседних неславянских языках, дал бы возможность вскрыть более древние славянские изоглоссы, пересекавшие эти области. Древние славянские явления обычно скрываются под слоем последующих языковых изменений (в первую очередь здесь следует иметь в виду позднейшее распространение воспринятого заимствования на территории данного неславянского языка и новейшие заимствования тех же лексических элементов из соседних славянских языков). Для поставленной цели полезнее был бы топонимический материал — современный и средневековый. Между тем целесообразного способа включения его в общеславянский атлас не найдено. Несомненно, что в целях практических и учебно-методических было бы хорошо охватить в атласе славянские заимствования в таких языках, как венгерский, румынский и албанский, возможно и балтийские. Карты позволили бы наблюдать интересное явление: самые архаические славянские звуковые формы могут обнаружиться именно там, где больше не говорят на славянском языке. Конечно, следует еще предварительно решить, может ли общеславянский атлас ставить себе цели учебно-методического характера.

Все типологические явления, относящиеся к проблематике «языковых союзов», безусловно должны быть внесены в общеславянский атлас. Освещение этой проблематики в широком объеме можно даже считать одним из основных достижений атласа. Весьма важным, например, является вопрос о том, в какой мере известные «балканизмы» будут обнаружены в таких, скажем, областях, как область украинских говоров, прилегающих к румынской границе, или область сербскохорватских и словенских говоров на Адриатическом побережье, в зоне романских языковых проникновений. Исследуя сербские говоры в румынском Банате, я был поражен происходящим в них, несомненно под сильным румынским влиянием, процессом утраты долгот (даже и под ударением) в говорах с шумадинско-войводинской основой. Еще более поразительно, что в Истрии существует широкий ареал полной утраты долгот в хорватских и словенских говорах, веками соприкасавшихся с романскими. Весьма важным является вопрос о том, будут ли резко очерчиваться границы славянских языковых ареалов, входящих в состав языковых союзов (т. е. будут ли изоглоссы соответствующих языковых явлений в основном совпадать или они рассеиваются). Исследования такого рода дадут возможность сделать выводы, касающиеся как истории этих явлений, так и истории самих говоров. Конечно, в большинстве случаев явления такого порядка будут автоматически включены в вопросник (анкету) по атласу, поскольку они имеют общее значение. Для тех случаев, однако, где речь идет о «менее значительных» явлениях (например, о некоторых синтаксических конструкциях или лексических значениях), следует особенно подчеркнуть необходимость их включения.

И. Ивич

Результаты обследования неславянской территории можно было бы учитывать на так называемых объяснительных схематических картах, касающихся данного явления в целом и абстрагирующихся от отдельных слов.

А. Лампрехт

В. В. МАРТЫНОВ

К ЛИНГВИСТИЧЕСКОМУ ОБОСНОВАНИЮ ГИПОТЕЗЫ О ВИСЛО-ОДЕРСКОЙ ПРАРОДИНЕ СЛАВЯН

В последнее время дискуссия вокруг гипотезы о висло-одерской локализации славян вступила в новую, как кажется, критическую фазу. Это выразилось прежде всего в том, что в самой системе доказательств были обнаружены существенные недостатки. В большинстве прежних исследований было ясно выражено стремление к идентификации территории археологической культуры и области распространения языка. Так, земли лужицкой культуры стали рассматриваться как земли праславян. Археологи для подкрепления своих доводов в пользу этой гипотезы ссылались на данные языковедов, а языковеды — на данные археологов¹. При этом упускалась из виду вполне очевидная возможность того, что представители любой (и, в частности, лужицкой) культуры могли входить в состав разных языковых групп, а следовательно, сама постановка вопроса об идентификации территории лужицкой культуры и праславянской языковой области неверна².

Правильнее было бы говорить об участии или неучастии праславян в развитии лужицкой культуры. Таким образом, археологическое доказательство непрерывности данной культуры должно означать то, что с момента возникновения в ее состав входили одни и те же языковые ингредиенты, соотношение которых внутри данной культуры могло меняться. Непрерывность лужицкой культуры на определенной ограниченной территории подтверждала бы участие в ее развитии неразделившихся славян, если бы лингвисты могли убедительно аргументировать пребывание славян в бассейне Вислы и Одры в V—IV вв. до н. э. Между тем лингвистическую аргументацию, которая преобладает в работах языковедов, посвященных исследуемой проблеме, нельзя считать достаточной для обоснования висло-одерской локализации прародины славян³. Она сводится, во-первых, к статистическому анализу германо-балто-славянских изоглосс, а во-вторых, — к анализу топонимов (главным образом гидронимов) спорной территории.

Статистический анализ изоглосс, будучи полезным для сравнительного языкознания вообще (в частности, славянского), не может помочь определению территориальных рамок прародины, так как в индоевропейских языках любые две группы характеризуются некоторой общностью изоглосс, а статистический их анализ приводит иногда к опасным иллюзиям. Прежде всего, любая инвентаризация изоглосс не может претендо-

¹ Характерно, что именно в этом видят основную слабость работ, посвященных рассматриваемой проблеме, как горячий противник гипотезы о висло-одерской прародине Г. Улашин, так и не менее горячий ее сторонник М. Рудницкий. Ср.: H. Ułaszyn, *Pracjczyzna Słowian*, Łódź, 1959, стр. 78; M. Rudnicki, *Prasłowiańszczyzna Lechia-Polska. I — Wyłonienie się Słowian spośród ludów indoeuropejskich i ich pierwotne siedziby*, Poznań, 1959, стр. 23.

² Ср.: K. Moszyński, *Pierwotny zasięg języka prasłowiańskiego*, Wrocław — Kraków, 1957, стр. 13.

³ Ср. T. Leher-Spławieński, *Zagadnienie pochodzenia Słowian w świetle nauki polskiej i rosyjskiej*, в кн.: «Rozprawy i szkice z dziejów kultury Słowian», Warszawa, 1954, стр. 19.

вать на полноту, а сами изоглоссы не отличаются равноценностью. Кроме того, пучки изоглосс свидетельствуют главным образом об отношениях между индоевропейскими диалектами в рамках индоевропейского языкового единства.

Другой способ лингвистической аргументации — анализ топонимов — также представляет большой интерес для сравнительного языкознания, но мало надежен для определения территории прародины по ряду причин и, прежде всего, из-за склонности топонимов к максимальной дестимологизации. Что касается методов топонимической стратиграфии, то они введены в науку недавно, и их эффективность для решения вопроса о локализации прародины славян еще не определилась. Возникает вопрос, существуют ли иные способы лингвистической аргументации и каких, собственно, результатов вправе ожидать от лингвистов археологи, убежденные в принадлежности славян к лужицкой культуре?

Нам представляется, что единственным вполне надежным видом лингвистической аргументации в пользу висло-одерской локализации прародины славян было бы обнаружение в прагерманском значительного числа праславянских лексических проникновений⁴. Для такого утверждения существуют следующие основания. Основным критерием для определения славянского происхождения того или иного прагерманского слова должно служить первое передвижение согласных в германских языках, датируемое примерно V в. до н. э. Таким образом, V в. до н. э. мог бы стать нижним хронологическим пределом для появления прагерманских слов славянского происхождения. В случае более удаленной датировки первого передвижения согласных в германских языках нижний предел соответственно отодвигается в глубь веков.

Верхним хронологическим пределом для появления прагерманских слов славянского происхождения послужила бы датировка распада германского языкового единства (около III в. до н. э.). Но так как для распространения среди диалектов прагерманского языка слов иноязычного происхождения и их приспособления к его словообразовательной и словоизменительной системе потребовался бы значительный период времени, то приблизительная датировка прагерманских слов славянского происхождения была бы всегда ближе к нижнему пределу. Если вспомнить, что распад лужицкой культуры датируется V в. до н. э., то станет очевидным, что данный вид лингвистической аргументации может приблизить решение всей проблемы в целом. Вопрос, следовательно, ставится следующим образом: если могут быть обнаружены славянизмы в прагерманском, участие славян в лужицкой культуре как территориально смежной с германской⁵ не может вызывать сомнения; в противном случае с такой же неизбежностью следует противоположный вывод.

⁴ Х. Педерсен, В. Ягич, В. Кипарский и другие допускали в отдельных случаях возможность германского заимствования из славянского. В последнее время В. Махек значительно расширил круг такого рода примеров.

⁵ Локализация прародины германцев в границах низовья Лабы, Ютландского п-ова и Южной Скандинавии не вызывала особых споров. Интересно, что Г. Лабуда, пытаясь примирить три гипотезы о локализации прародины славян (между Одрой и Вислой, между Вислой и Днепром, между Припятью и Волгой) и рассматривая все три как более или менее вероятные в хронологически разные периоды, по существу допускает появление славян между Одрой и Вислой в VI в. до н. э. (см. G. Labuda, Okres «wspólnoty» słowiańskiej w świetle źródeł i tradycji historycznej, «Slavia antiqua», I, 1948, стр. 211—212). Это дает основание Я. Чекановскому считать Г. Лабуду сторонником висло-одерской локализации (см. J. Czekański, Wstęp do historii Słowian, Poznań, 1957, стр. 145). Поучительно в связи с этим и старое высказывание К. Мошинского: «В конечном счете они (ранние заимствования из германского. — В. М.) в лучшем случае могли бы только указывать на то, что славяне столкнулись с германцами где-то на грани периода 1000—500 гг. до р. х. Но даже и это указание (никоим образом не исключающее восточного происхождения славян) было бы совсем ненадежным» (? — В. М.) (К. Mościński, Badania nad pochodzeniem i pierwotną kulturą Słowian, I, Kraków, 1925, стр. 128).

Это всегда хорошо понимал М. Фасмер. Еще в 1927 г. он писал: «Если бы лужицкая культура была действительно славянской, тогда это нашло бы свое выражение в славянском влиянии на общегерманский, доказательство чего, однако, до сих пор совершенно отсутствует»⁶. В наши дни аргументацию М. Фасмера повторил Э. Шварц. «И все же, — писал он, — мы не находим у восточногерманских народностей ни одного славянского наименования. Лишь о готах в южной России известно, что они покорили славянские племена и это привело к многочисленным заимствованиям из готского в славянском, которым в готском противостоит одно лишь *plinsjan* «танцевать» из слав. **плАсати*»⁷. Вообще Э. Шварц легко зачеркивал труды археологов, посвященные проблемам славянской прародины⁸.

История изучения древнейших славяно-германских языковых отношений⁹ изобиловала многочисленными драматическими моментами. Тенденциозное рассмотрение проблемы с точки зрения культурной гегемонии германцев приводило ряд исследователей к априорным решениям¹⁰. Первым и основным недостатком большинства упомянутых работ является смешение двух различных форм языковых отношений: заимствования и проникновения. Заимствование, возможное и при отсутствии непосредственной территориальной близости, осуществляется главным образом благодаря торговому и культурному обмену. Существование заимствованных слов обусловлено влиянием культуры одного народа на культуру другого. Поэтому заимствованные слова — это, во-первых, названия реальных, которые передаются вместе с самими реалиями, во-вторых, названия абстрактных понятий, возникающих на высшей ступени материальной культуры. Проникновение возможно лишь при условии длительного, смежного в территориальном отношении сосуществования с неизбежным двуязычием в пограничном районе.

Обе эти столь различные по своей сути и происхождению формы языковых отношений сводились в конечном счете к одной: к заимствованию. На типичность такого рода смешения понятий в современной лингвистике обратил внимание К. Шенфельдер. В обобщающей работе, посвященной данному вопросу, он, в частности, писал о том, что большинство исследований касается заимствования слов, связанных с культурным влиянием¹¹. К. Шенфельдер подчеркнул то обстоятельство, что «в противоположность прямому заимствованию отдельных культурных слов смешение языков всегда имеет своей предпосылкой двуязычие»¹². Различие между нашей точкой зрения¹³ и точкой зрения К. Шенфельдера только количествен-

⁶ M. V a s m e r, Studien über die germanisch-slavischen Beziehungen..., ZfslPh, IV, 3/4, 1927, стр. 361.

⁷ E. S c h w a r z, Germanische Stammeskunde, Heidelberg, 1956, стр. 224.

⁸ См. там же.

⁹ Библиографию вопроса см. в работе: V. Kiparsky, Die gemeinslavischen Lehnwörter aus dem Germanischen (Annales Academiae scientiarum fennicae. Ser. B, XXXII), Helsinki, 1934. См. также: M. V a s m e r, указ. соч.; S. H. C r o s s, Gothic loan-words in the Slavic vocabulary, «Harvard studies and notes in philology and literature», XVI, Cambridge, 1934; K. K n u t s s o n, Zur Frage über die ältesten germanischen Lehnwörter im Slavischen, ZfslPh, XV, 1/2, 1938; R. S m a l - S t o c k i, Slavs and Teutons. The oldest Germanic-Slavic relations, Milwaukee, 1950; J. K u r y ł o w i c z, Związki językowe słowiańsko-germańskie, «Przegląd zachodni», VII, 5/6, 1951; V. M a c h e k, Quelques mots slavo-germaniques, «Slavia», XX, 2—3—1951; XXI, 2—3—1953; XXII, 2—3—1953; H. B a r i ć, Starogermanski tragovi u balkanskim jezicima, в кн.: «Lingvističke studije», Sarajevo, 1954; J. K u r y ł o w i c z, Germańsko-słowiańskie stosunki językowe, в кн.: «Słownik starożytności słowiańskich», Zeszyt dyskusyjny, Wrocław, 1958.

¹⁰ См. об этом: V. M a c h e k, указ. соч., «Slavia», XX, 2—3, 1951, стр. 200.

¹¹ K.-H. S c h ö n f e l d e r, Probleme der Völker- und Sprachmischung, Halle (Saale), 1956, стр. 57—58.

¹² Там же, стр. 43.

¹³ См.: В. В. М а р т ы н о в, К вопросу о древнейших славяно-германских языковых отношениях, «Научн. ежегодник [Одесск. гос. ун-та]», за 1956, 1957, стр. 83. См. также нашу рецензию на кн.: K.-H. Schönfelder, Probleme der Völker- und Sprachmischung (ВЯ, 1959, 3, стр. 125).

ное: он рассматривает смешение языков, мы — взаимопроникновение, он выдвигает в качестве предпосылки двуязычие с полным охватом территории, мы — двуязычие в пограничном районе. Различие это понятно, так как в центре интересов К. Шенфельдера находятся явления полной языковой ассимиляции. В нашем случае речь идет о том, что в древнейшие времена славяно-германские контакты могли принимать формы, аналогичные, например, скандинавским языковым проникновениям в английский язык¹⁴.

Второй и не менее важный недостаток работ, посвященных древнейшим славяно-германским языковым отношениям, заключается в том, что материал этих исследований со времен Ф. Миклошича и Э. Бернекера почти не пополнился новыми фактами и лишь расширился в части аргументации. На это уже обратил внимание М. Фасмер¹⁵. В отличие от славистов, которые приложили немало труда к установлению германских заимствований в славянском, германисты, питая неправомерное предубеждение к возможности обнаружения в германском древнейших заимствований из славянского, до сих пор ничего не сделали в этом направлении. Вот почему вся картина древнейших славяно-германских языковых контактов представлена в неполном виде. Априорное отрицание наличия славянизмов в прагерманском со стороны большинства исследователей приводило к невозможности лингвистического обоснования принадлежности славян к лужицкой культуре¹⁶.

*

Обратимся теперь к рассмотрению фактов, которые, как нам представляется, свидетельствуют о новых возможностях для изучения славяно-германских языковых отношений и лингвистического обоснования висло-одерской локализации славян.

1. Праслав. **tylo* > прагерм. **tīla*. Гот. *gatils* «подходящий, годный», *gatilōn* «достигать», др.-англ. *til* «годный, хороший», др.-в.-нем. *zīl* «печь», др.-исл. и др.-англ. *til* «до» не имеют сколько-нибудь убедительной этимологии¹⁷. Из всего того, что было сделано до сих пор в области установления этимологии германской лексической группы, вполне достоверным может считаться лишь рассмотрение данных слов в качестве источника для фин. *tīla*¹⁸. Фин. *tīla* многозначно. Основные его значения «место, пространство, усадьба, ложе, случай, оказия, положение, состояние». Кроме того, известны следующие производные: *tilanhaltija* «помещик», *tilallinen* «земледелец», *tilaton* «безземельный, не оседлый». Если сопоставить эти значения древнего финского германизма с древнеанглийским отымненным глаголом *tilian* «обрабатывать землю», древнеанглийским же именем *tīlla* «земледелец», др.-фриз. *tīlla* «обрабатывать землю», ср.-н.-нем. *telen* «обрабатывать землю», *teler* «земледелец», в.-нем. *zielen* «выращивать» и т. д., то мы сможем реконструировать прагерм. **til* «обработанная земля»¹⁹.

¹⁴ Вряд ли кто-нибудь станет настаивать на том, что появление в английском языке глагола *die* «умирать», скандинавского по происхождению (др.-англ. *steorfan*), наряду с исконно английским *death* «смерть» обусловлено скандинавским «культурным влиянием». То же самое можно сказать о вытеснении, например, ср.-англ. *ey* «яйцо» скандинавским по происхождению *egg* с тем же значением.

¹⁵ Ср. M. V a s m e r, Zu den alten germanischen Lehnwörtern im Slavischen, ZfslPh, XV, 1/2, 1938, стр. 119.

¹⁶ Прагерманские проникновения в праславянское не обладают такой же силой доказательства в пользу висло-одерской локализации, так как их трудно отличить от восточногерманских, что объясняется тем, что распад славянского языкового единства относится к более позднему периоду.

¹⁷ См.: S. F e i s t, Vergeleichendes Wörterbuch der gotischen Sprache, 3-e Aufl., Leiden, 1939, стр. 477; F. H o l t h a u s e n, Vergleichendes und etymologisches Wörterbuch des Altwestnordischen, Göttingen, 1948, стр. 303; W. W. S k e a t, An etymological dictionary of the English language, Oxford, 1956, стр. 647; F. K l u g e, Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache, 17-e Aufl., unter Mithilfe von A. Schirmer, Berlin, 1957, стр. 885.

¹⁸ V. T h o m s e n, Über den Einfluß der germanischen Sprachen auf die Finnisch-Lappischen, Halle, 1870, стр. 176; T. E. K a r s t e n, Fragen aus dem Gebiete der germanisch-finnischen Berührungen, Helsingfors, 1922, стр. 95.

¹⁹ См. «Reallexikon der germanischen Altertumskunde», hrsg. von J. Hoops, I, Straßburg, 1911, стр. 24.

При этом устанавливается вероятность следующего семантического сдвига: прагерм. *tilian «обрабатывать землю, выращивать» > прагерм. *tilian «добиваться, достигать успеха»²⁰ [ср. праслав. *spěti «созревать» (о растениях) и праслав. *spěti «добиваться, достигать успеха»]. Отсюда понятны семантические вариации в гот. *gatils* «подходящий, годный», *gailōn* «достигать», др.-в.-нем. *zil* «цель» и т. д. В том, что такого рода семантический сдвиг легко происходит в образном и мало приспособленном к абстракциям языке древних, можно убедиться при контекстуальном анализе др.-сакс. *tilian*, для которого зафиксирован следующий единственный случай употребления в «Гелианде» (2544): «...wolda im thâr sô wunsames wastmes *tilian*».

М. Гейне приводит для др.-сакс. *tilian* значения «добиваться, достигать» («*erreichen, erlangen*»). Следовательно, процитированный отрезок текста можно было бы перевести следующим образом: «(он) хотел там *достигнуть* (*добиться*) хорошего урожая». Однако это место можно перевести и иначе: «(он) хотел там *вырастить* хороший урожай». Тогда др.-сакс. *tilian* окажется идентичным в семантическом отношении в.-нем. *zielen* «выращивать». В отличие от германской лексической группы праслав. *tŭlo имеет не вызывающие сомнения индоевропейские параллели: лат. *tellūs* «земля», др.-инд. *talam* «земля» и др.²¹

Так мы приходим к мысли о том, что прагерм. *tila является славянским проникновением. Этимологию эту подкрепляют к тому же и частные данные. Др.-русс. *утѣль* «дырявый, поврежденный», чеш. *utlý* «ломкий», польск. *watły* «слабый, недолговечный» возводятся к праславянскому *qŭtŭl < q (отрицание) + tŭlo (т. е. «без дна, без опоры, без почвы»). Ср. др.-исл. *útile* «повреждение, вред», др.-англ. *untile*, др.-сакс. *ātilla* «негодный». В целом данный пример характеризуется точностью совпадения словообразовательных структур при явном отсутствии генетического родства и невозможности заимствования из германского. Прагерм. *tila является одним из убедительных, как нам кажется, свидетельств в пользу древнейших проникновений из праславянского в прагерманский.

2. Праслав. *skotъ > прагерм. *skataz. Здесь речь идет о германской лексической группе гот. *skatts* «деньги», др.-исл. *skatt* «налог», др.-англ. *sceatt* «деньги, состояние», др.-фриз. *skett* «деньги, скот», др.-сакс. *skatt* «деньги, состояние», др.-в.-нем. *skaz* «деньги, состояние»²², которую большинство этимологов рассматривает как наиболее вероятный источник праслав. *skotъ²³. Однако ни германская, ни славянская лексические группы не имеют сколько-нибудь правдоподобной этимологии²⁴.

Объяснение К. Кнутссона²⁵ основано на предположении Э. Шредера о первоначальном значении для германского слова «чеканные деньги». Несостоятельность этого предположения с исторической точки зрения (германцы в период языковой общности не чеканили денег) показал еще А. Стендер-Петерсен²⁶. К. Кнутссон, основываясь на ложной исторической предпосылке, допустил генетическое родство ново-исл. *skvetta*, швед. *skvetta* и т. д. с рассматриваемой лексической группой, что недоказуемо и с формальной точки зрения. Стремление Ст. Младенова обосновать генетическое родство прагерм. *skataz и праслав. *skotъ путем ссылки на возможность разных корневых определителей²⁷ оказывается безуспешным, так как при этом не называется ни одного надежного соответствия за пределами сравниваемых лексических групп.

Несмотря на отсутствие этимологии у обеих лексических групп, М. Фасмер все же пытался решить вопрос о заимствовании в пользу германского первоисточника. При этом он выдвинул единственный аргумент (наличие *tt* в германском), который должен был подтвердить его точку зрения²⁸.

²⁰ Именно так, а не наоборот, как, очевидно, полагает К. Бак (см. С. D. В u s k, A dictionary of selected synonyms in the principal Indo-European languages, Chicago, 1949, стр. 494).

²¹ См. М. V a s m e r, Russisches etymologisches Wörterbuch, III, Heidelberg, 1958, стр. 110; A. B r ü c k n e r, Słownik etymologiczny języka polskiego, Warszawa, 1957, стр. 571; V. M a c h e k, Etymologický slovník jazyka českého a slovenského, Praha, 1957, стр. 530. О том, что и в латинском первичное значение определялось как «обработанная земля», свидетельствует культ Tellus — «богини плодородия» (см. «Paulys Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft», IX, Stuttgart, 1934, стр. 799).

²² См.: S. F e i s t, указ. словарь, стр. 429; F. H o l t h a u s e n, указ. словарь, стр. 249; F. L u g e, указ. словарь, стр. 638.

²³ М. V a s m e r, указ. словарь, II, 1955, стр. 649; Ст. М л а д е н о в, Этимологические и правописные речник на българския книжовен език, София, 1941, стр. 585; A. B r ü c k n e r, указ. словарь, стр. 495; V. M a c h e k, указ. словарь, стр. 448.

²⁴ В качестве последней из этимологий праслав. *skotъ следует упомянуть необоснованную попытку М. Рудницкого (<*skok-to-s, как *pok-to-s> *pot) (см. М. R u d n i c k i, указ. соч., стр. 30).

²⁵ К. K n u t s s o n, указ. соч., стр. 130.

²⁶ A. S t e n d e r - P e t e r s e n, Slavisch-germanische Lehnwortkunde, Göteborg, 1927, стр. 311.

²⁷ Ст. М л а д е н о в, Старите германски елементи в славянските езици, «Сборник за народни умотворения, наука и книжнина», XV, 7, София, 1909, стр. 107.

²⁸ М. V a s m e r, Studien über die germanisch-slavischen Beziehungen..., стр. 361. Этот довод М. Фасмера со ссылкой на него повторяет и В. Кипарский (см.: V. K i p a r s k y, Die gemeinslavischen Lehnwörter aus dem Germanischen, Helsinki, 1934, стр. 187).

Мы не можем здесь останавливаться на проблеме германской геминатии. Однако одно сейчас не вызывает сомнений: в прагерманском возникло большое число геминат, не связанных по происхождению с ассимилятивными процессами²⁹. Такого рода геминатия, очевидно, могла распространиться и на слова иноязычного происхождения, если последние проникли в германские диалекты в период до распада языкового единства. Поэтому аргумент М. Фасмера не отличается убедительностью и, более того, свидетельствует о возможности иноязычного **skōt-* в качестве источника для германского слова.

Нами была уже предпринята попытка объяснения слав. **skotъ* при помощи так называемого «подвижного *s*»^{29a}. При этом в качестве исходной была принята славянская лексическая группа **kotiti se* «плодить». В данном случае «подвижный *s*» может быть не префиксом *stъ* общеславянской эпохи, а индоевропейским преформантом. Таким образом, предполагается генетическое родство слав. **kotiti* с др.-греч. κτῑοῦν, κτῑοειν «рождать, приживать, наживать, приобретать», κτῑνός «имущество, собственность, скот» и κτῑμα «нажитое, имущество, богатство»³⁰.

Аналогичная зависимость устанавливается нами между праслав. *kotiti se* и *skotъ*, так как др.-греч. κτῑνός [<*(s)kt-ēn-os] свидетельствует о наличии «подвижного *s*» в праслав. *skotъ*. Генетическое родство между *skotъ* и *kotiti se* подтверждается также такими вариантными значениями, как серб.-хорв. *skōt* «род», *skōtna* «беременная» (о животных), словен. *skot* «приплод», т. е. семантическое развитие пло здесь по тому же пути, что и в болг. *dobutъk* «скот» <добит «добытый, приобретенный, рожденный». Таким образом, праслав. *skotъ* не может рассматриваться как заимствованное.

Предположение о генетическом родстве славянских и германских слов, будучи весьма маловероятным в силу изолированности и семантической вторичности прагерм. **skataz*, опровергается также и тем, что «подвижный *s*», как правило, отсутствует в формах, осложненных суффиксацией^{30a}. В нашем же примере, в случае предположения об исконности прагерманского, пришлось бы считать **skattaz* <**skatnaz* [из и.-е. *(s)kot-no-s с сохранением «подвижного *s*» в противоположность др.-греч. κτῑνός].

3. Праслав. **tyнъ* > прагерм. **tūn-*. Ст.-слав. *тынь*, русск. *тын*, укр. *тин*, белорусск. *тын*, сербско-хорв. *тѣн*, словен. *tin*, чеш. *tyn*, польск. *tyп* традиционно, без каких-либо разногласий рассматриваются как заимствование из германского³¹.

В качестве источника славянской лексической группы, как известно, указывается др.-исл. *tún*, др.-англ. *tūn*, др.-сакс. *tūn*, др.-в.-нем. *zūn*³². При этом приводится единственная параллель к германским формам др.-ирл. *dūn* и галльск. *-dunum*³³.

Сближение пракульт. **dūnon* и прагерм. **tūn-* в качестве генетически тождественных основано, как нам кажется, на недоразумении. Формальное сходство и относительная близость одного из значений не всегда дают основания для такого сближения. В то же самое время можно найти данные, противоречащие отождествлению пракульт. **dūnon* и прагерм. **tūn-*. В самом деле, пракульт. **dūnon* можно трактовать не как «забор, изгородь, огороженное место». В латинских глоссах и комментариях к кельтским топонимам с *-dunum* в качестве компонента говорится, что «*Gallica lingua monte vocari dunum ...*»³⁴, т. е. **dūnon* означает «возвышенность, гора» (ср. др.-англ. *dūn* «гора, холм», др.-в.-нем. *dūn* «гора»). Появление вторичного значения «крепость» связано с возведением крепостей на естественных, труднодоступных возвышенностях. Можно, по-видимому, восстановить и более древнее конкретное значение **dūnon*. Судя по таким кельтизмам, как франц. *dune*, исп. *dunas*, итал. *duna* «песчаная насыпь на берегу реки или моря, дюна», пракульт. **dūnon* имело значение «высокий песчаный берег, насыпь» (ср. прагерм. **bergaz* «гора» и праслав. **brěgъ* «берег»),

²⁹ См. A. Martinet, La gemination consonantique d'origine expressive dans les langues germaniques, København—Paris, 1937.

^{29a} В. В. Мартынов, Проблема первісної префіксації і найстаріші слов'яно-германські мовні зв'язки, «Праці Одеськ. ун-ту», 147. Серія філол. наук, 6, 1957, стр. 182—183.

³⁰ Ср. A. Stender-Petersen, указ. соч., стр. 310—311.

^{30a} См. Э. Бенвенист, Индоевропейское именное словообразование, М., 1955, стр. 195. Ср. также Н. М. Hoenigswald, Laryngeals and *s* movable, «Language», 28, 2, 1952, стр. 185, примеч. 14.

³¹ См.: М. Vasmer, указ. словарь, III, стр. 161; A. Brückner, указ. словарь, стр. 589; V. Machek, указ. словарь, стр. 545.

³² См.: F. Holthausen, указ. словарь, стр. 308; W. W. Skeat, указ. словарь, стр. 657; F. Kluge, указ. словарь, стр. 878.

³³ Там же.

³⁴ См. A. Holder, Alt-celtischer Sprachschatz, I, Leipzig, 1896, стр. 1375.

и тогда оно генетически родственно др.-инд. *dhūnōti* «сыплет», литов. *dujā* «пыль» и т. д.

Что же касается прагерм. **tūn-*, то ему свойствен иной круг значений. Можно установить, что **tūn-* означало «плетеный забор», а сначала, по-видимому, — «живая изгородь». Ср. ср.-нидерл. *tunen* «плести», *tuun* «нечто сплетенное из веток», вост.-фриз. *tunen* «сплетать, вить», ср.-н.-нем. *tūn* «живая изгородь из различных кустарниковых».

После отделения кельтской лексической группы германская осталась без этимологии; попытаемся раскрыть этимологию праслав. **tynъ*, допустив его исконность. Реконструкция могла бы дать и.-е. **tūn-*. Такого рода архетипу на славянской почве соответствует первичный глагол **tyti* с основным значением «жиреть, плотнеть»³⁵. Праслав. **tyti* имеет не оставляющие сомнения индоевропейские параллели: др.-инд. *tūyas* «крепкий», лат. *tōtus* «целый» и др. Первоначальное значение корня должно было быть «плотный, густой» (ср. др.-греч. *παχός* «жирный, плотный, густой», лат. *crassus* «жирный, плотный, густой», др.-в.-нем. *dicchi* «толстый, густой» и т. д.). Таким образом, праслав. **tynъ* (< **tyti*) имел, как мы полагаем, значение «густая растительность, плотная живая изгородь». Именно таким значением обладало прагерм. **tūn-*. Следовательно, полагаем прагерм. **tūn-* < праслав. **tynъ*.

4. Праслав. **snědъ* > прагерм. **snēd-*. Др.-англ. *snēdan* «принимать пищу», *snæding* «легкая пища» и др.-исл. *snáð* «пища», *snæða* «есть» рассматриваются как генетически родственные³⁶. Это положение, однако, нуждается в формальном подтверждении, так как существовала возможность древнеанглийского заимствования из скандинавских языков. Такого рода формальное подтверждение сводится к следующему: др.-исл. *ā* (< *ē*) регулярно соответствовало др.-англ. (уэссекс.) *æ*, др.-исл. *ð* (< *dh*) — др.-англ. *ð* (ср. др.-англ. *liþ* < сканд. *lið* при исконном др.-англ. *lid*). Обратное заимствование — др.-исл. *snǫð* < др.-англ. *snæd* также исключается.

Если др.-исл. *snáð* и др.-англ. *snæd* находятся в генетическом родстве, то есть основание предполагать прагерм. **snēd-*, значение которого попытаемся уточнить. Основное значение древнеанглийского слова устанавливается довольно просто. Это «легкая пища, закуска». В древнеисландском на первый взгляд как будто бы представлено лишь значение «пища». Однако рассмотрение контекстуального значения древнеисландского слова приводит к установлению его полной идентичности с древнеанглийским. Ср., например, в «Саге о Фрильофе»: «Hun kvedz eigi nepna at snæða svá spemta» (гл. 14) «Она сказала, что не смогла бы есть так рано (утром)» (в тексте саги трижды в том же значении). Таким образом, *snéða* значит «завтракать»³⁷.

Возникает вопрос, почему рассматриваемое слово не сохранилось в других германских языках. Объяснение этому можно найти в том, что оно должно было слиться с формально и семантически близкой ему лексической группой гот. *sneiþan* «жать» (снимать урожай), др.-исл. *snida*, др.-англ. *snidan*, др.-в.-нем. *snīdan* «резать». Это утверждение можно подкрепить следующими соображениями. Во-первых, существует большая вероятность слияния формально близких лексических групп со значением «резать» и «есть». Ср. праслав. **kpsъ* (< **kpsъ*) «часть, кусок» и праслав. **kuzъ* < гот. *kauþjan* «пробовать, отвеживать». Во-вторых, можно привести примеры промежуточных случаев, где сохраняются варианты обоих значений. Это др.-англ. *snæding-sceap* — пример, который можно толковать и как «овца, предназначенная на съедение» и как «овца, предназначенная на убой». Далее, ср. др.-в.-нем. *snit* «кусок (пищи)».

В правильности перевода можно убедиться, сопоставив соответствующие места евангелия Отфрида и библии Вульфилы. У Отфрида: «... sô er zi thiû tho giuana thaz er thia snitûn thâr firslânt» (IV, 12, 41). У Вульфилы: «Biþe andnan þana hlaib jains, suns galaip ut» (Joh., XIII, 30). Таким образом, гот. *hlaibs* «хлеб, еда» соответствует у Отфрида др.-в.-нем. *snit* «кусок (пищи), *bucella*». Это семантическое развитие, очевидно, нашло свое выражение в ново-нем. *Frühstück* «завтрак» < *früh* «ранний» + *Stück* «кусок»³⁸.

Приведенными соображениями подтверждается наличие прагерм. **snēd-* со значением «завтрак, легкая еда, закуска». Рассматриваемая германская лексическая группа возникла в результате проникновения на германскую почву праслав. **snědъ*.

³⁵ В связи с этим большой интерес представляют сев.-фриз. *tynnun* «плотный, толстый», происхождение которого неясно. Ср. также др.-фриз. *thūnan* «Groschen», «Dickpfennige» (см. об этом F. Holthausen, Etymologisches, KZ, Neue Folge, 69, 3/4, 1951, стр. 166).

³⁶ См. F. Holthausen, указ. словарь, стр. 268, 271. Др.-англ. *æ* в данном случае не может быть улаутом от др.-англ. *ā* (< прагерм. *ai*), так как др.-англ. *snæding* соответствует др.-исл. *snáð*.

³⁷ То, что в др.-исл. *snæða* значило «принимать легкую пищу, закусывать, завтракать», подтверждается интенсификацией значения *eta* «пожирать». Ср. праслав. **slědъ* «закуска» и *obědъ* «обед».

³⁸ См. H. Paul, Deutsches Wörterbuch, Halle (Saale), 1956, стр. 205.

(*sn-edb*; польск. *śniadanie*, чеш. *snídání* «завтрак»; ср. ст.-слав. *сѣдѣ* «нища», русск. диал. *снѣдать* «завтракать». Казалось бы, результатом проникновения должна была явиться прагерм. форма **sunēd-*. Однако появление такой формы в германском практически невозможно: после перенесения акцента на первый слог должен был бы возникнуть бисyllабический корень с последующим долгим гласным, а подобные формы в германском не встречаются. Отсюда либо *ī*, либо *ē* должны были подвергнуться синкопированию, и единственно возможный вариант сводится к синкопе *ī* (<ѣ), краткость которого в праслав. **sēnēdь* усугубляется долгой последующей гласной *ē*. Таким образом, слав. **sēnēdь* должно было дать на германской почве **sned*.

5. Праслав. **varь* > зап.-герм. **vapel*. Ст.-слав. *вана* «болото», др.-русс. *вана* «озеро, болото» генетически соответствуют литов. *ūrė* «река», латыш. *ure* «река, ручей», др.-инд. *vāri* «пруд»³⁹. Как лексическую группу много происхождения рассматривает М. Фасмер др.-русс. *вань* «краска», *ваньно* «известь», сербско-хорв. *vāпно*, чеш. *várно*, польск. *warно* «известь». В своем словаре он отрицает греческое происхождение этих слов (согласившись, таким образом, с точкой зрения Р. Траутмана)⁴⁰.

Прежнюю точку зрения М. Фасмера о греческом первоисточнике др.-русс. *вань*, *ваньно* и их соответствий в других славянских языках сейчас отстаивает В. Махек. В рецензии на словарь Р. Траутмана А. Брюкнер указывал на то, что нельзя отделять др.-русс. *вана* «болото» от *вань* «краска»⁴¹, ибо сами понятия между собой тесно связаны. Он ссылался при этом на аналогию ст.-слав. *blato* и литов. *báltas* «белый». Можно было бы указать еще на одну близкую аналогию: чеш. *blana*, польск. *biały*, русск. диал. *оболонь* с общим значением «заливные луга» и литов. *bálnas* «белый» (масть лошадей и быков)⁴². Судя по всему этому, праслав. **varь* обозначало «заливные луга», «низменность со стоячей водой». Значение «белый» обычно смешивалось со значением «светлый».

Можно считать точку зрения А. Брюкнера достаточно убедительной. Слово **varьно* «известь» является общеславянским. Славяне с древнейших времен пользовались известью для беления стен⁴³. В то же самое время значило «болото, стоячая вода» у западных славян не сохранилось. Вероятно, это объясняется тем, что **varьно* в старом значении «стоячая вода, болото» было вытеснено здесь западнослав. **bagno* «болото». Так мы приходим к выводу о существовании праслав. **varь*, **varьно* со значением «стоячая вода, светлый омут».

При изучении границ распространения данной лексической группы удалось обнаружить ряд западногерманских слов, формально и семантически совпадающих со славянскими и являющихся по всем признакам славянским проникновением в запад ногерманском. Это ср.-н.-нем. *wapel* «стоячая вода, болото», др.-фриз. *wapul* «болото». др.-англ. *wapul* «пена», *wapolian* «течь, бурлить, пениться».

6. Праслав. **dъno* зап.-герм. **denn*. Праслав. **dъno*⁴⁴ по единодушному признанию исследователей возводится к **dubno* (литов. *daubà* «углубление, пещера», *dauburà* «долина», *dubùs* «глубокий», латыш. *diobe* «яма», *dubens* «углубление, основание», гот. *diups* «глубокий» и т. д.) и имеет следующие основные значения: «дно, основание, углубление». В качестве модификации этих значений следует отметить болг. *дъно* «пень» (очевидно, дериват от «ямка после корчевания»; ср. болг. *дъня* «корчевать»), сербско-хорв. *йздан* «исток», словацк. *дни*, полаб. *danū* «внутрь», *daně* «внутри» и др. К этой же лексической группе относятся др.-русс. *дъна* «матка», польск. диал. *dno*, ст.-чеш. *dennik* «чрево», н.-луж. *deno* «брюхо», болг. *дъняк* — «слепая кишка», словен. *danka*, *denka* «прямая кишка».

При рассмотрении перечисленных выше форм К. Фальк⁴⁵ исходит из первичного значения «дупло» (*dobъ* «дупло», «дуплистое дерево»). Однако представление о дупле, видимо, у древнего человека связывалось не с причинами разрушения дерева, о чем он понятия не имел, а с функциональной стороной дупла, которое служило убежищем для мелких животных, птиц, пчел (ср. приводимый у Фалька словен. *dobol* «улей» и русск. *бортъ* «улей в дупле»). Сюда же относится вообще «скрытое место в лесной чаще, которое служило убежищем и местом размножения диких животных». Ср. польск. *matecznik* «девственный лес, логово в лесу» (<*matka*), сербско-хорв. *ѣдмилѡ*, болг. *ко-*

³⁹ См.: М. Vasmer, указ. словарь, I, стр. 168—169; А. Brückner, указ. словарь, стр. 604; V. Machek, указ. словарь, стр. 555.

⁴⁰ R. Trautmann, Baltisch-slavisches Wörterbuch, Göttingen, 1923, стр. 342.

⁴¹ А. Brückner, [рек. на кн.:] R. Trautmann, Baltisch-slavisches Wörterbuch, ZsPh, IV, 1/2, 1927, стр. 218.

⁴² В. Шульце сравнивает также латыш. *rahwa*, *rahja* «встречающиеся в пизменно-стях стоячие воды, содержащие в себе соединения железа» и *rahvinaht* «красить» (см. W. Schulze, Kleine Schriften, Göttingen, 1934, примеч. 2 на стр. 115).

⁴³ См. M. W. Hensel, Słowiańszczyzna wczesnośredniowieczna, Warszawa, 1956, стр. 376.

⁴⁴ См. М. Vasmer, указ. словарь, I, стр. 354—355; F. Sławski, Słownik etymologiczny języka polskiego, I, Kraków, 1952—1956, стр. 149—150; V. Machek, указ. словарь, стр. 90.

⁴⁵ К.-О. Фальк, Славянское название дуба, «Scando-slavica», 4, 1958, стр. 271.

милу «логово» (<**koliti se* «размножаться»). Итак, исходным значением для праслав. **dъno*, **dъbno*, по-видимому, было «лесное убежище, логово, чрево» (ср. также ст.-слав. *дѣбрь* «лесная чаща, овраг, долина»).

Вторичным по отношению к данному служит значение «основание, почва, настил (пол)». Второе относится к первому как синекдоха. «Углубление» обязательно предполагает «дно, основание, почву». Ср. лат. *fundus* «углубление» и «дно, основание, почва». Вторичное значение в свою очередь содержит разные модификации. На них обратил внимание В. Порциг⁴⁶, рассматривая германские слова со значением «дно, основание». Это: 1) «дно сосуда»; 2) «дно водоема» (в широком смысле); 3) «почва, на которой что-либо установлено или растет»; 4) «деревянный настил, помост». Аналогичные модификации содержит и вторичное значение славянской лексической группы («дно водоема, дно сосуда, дно корабля, основание»). Итак, праслав. **dъno*/**dъbno* имело два основных ряда значений: 1) «яма, логово, чрево» и 2) «основание, дно» (водоема, сосуда, корабля).

Мы полагаем, что др.-англ. *denn* «пещера, логовище», н.-нем. *denn* «свиной закус» можно охарактеризовать как праславянское проникновение в западногерманский.

Рассматривая перечисленные германские слова как результат славянского проникновения, мы сталкиваемся с некоторыми трудностями формального порядка, которые, однако, нам кажутся преодолимыми. Слабый *ъ* должен был к тому времени в западославянских диалектах полностью утратить свой лабиальный характер и преобразоваться в краткий закрытый гласный неопределенного тембра. В западногерманском наиболее близко ему соответствовал краткий закрытый *ɛ̃*. Редукция конечного *o*, очевидно, не вызывает сомнения. Чрезвычайную краткость корявого *e* (ə) подчеркивает следующая за ним гемината *nn*. Таким образом, праслав. **dъno* > зап.-герм. **dēnn*.⁴⁷

*

Мы рассмотрели шесть лексических групп. Из них четыре были отнесены к праславянским проникновениям в прагерманский (V—IV вв. до н. э.), две — к праславянским проникновениям в западногерманский (V—VI вв. н. э.). Отсутствие восточногерманских (готских) **tūn*- и **snēd*-легко объяснить относительной лексической бедностью дошедших до нас памятников готского языка. Решающим критерием при определении прагерманских славянизмов должны служить данные северногерманских языков. Для регистрации случаев позднего проникновения из праславянского в западногерманский весьма надежным показателем является отсутствие соответствий в северногерманских языках, которые к этому времени полностью обособились в языковом и территориальном отношении.

Вполне понятно, что рассмотренные здесь случаи не могут сами по себе служить достаточным основанием для заключения в пользу висло-одерской локализации прародины славян. Однако, если общая методика исследования окажется правильной, а частные этимологии надежными, то представляется существенно необходимым дальнейшее накопление такого рода фактов.

⁴⁶ W. Porzig, Boden, «Wörter und Sachen», XV, 1933, стр. 133.

В. В. АКУЛЕНКО

СУЩЕСТВУЕТ ЛИ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНАЯ ЛЕКСИКА ?

1

В современной лингвистической литературе проблеме интернациональной лексики уделяется все больше внимания. Это объясняется той значительной и неуклонно возрастающей ролью, которую играют международные слова и термины в самых различных областях языковой деятельности, так или иначе связанных с процессами соприкосновения и сопоставления языков. В частности, общеизвестно значение интернациональной и псевдоинтернациональной лексики для перевода как художественной литературы, так и — особенно — специальной прозы¹, где интернационализмы оказываются наиболее легко воспринимаемыми элементами иностранного текста. Весьма важна данная категория слов для методики преподавания иностранных языков², а также для практики интерлингвистики, где лексика наиболее распространенных международных вспомогательных языков, таких как интерлингва и, прежде всего, эсперанто, основывается главным образом на интернационализмах современных европейских языков³.

При изучении лексики многих языков как в историческом, так и в синхронно-описательном аспекте исследователи учитывают международный характер соответствующих слов, так как он нередко оказывает существенное влияние на процессы заимствования, а затем закрепления и освоения иноязычного слова⁴, функционирования слова в языке. Интернациональность представляется настолько очевидным признаком слова, что в научной литературе делаются попытки подсчета, пока приблизительного, количества интернациональных слов в отдельных языках. Так, В. В. Виноградов отметил, что русский язык, в основном освоивший фонд интернациональной лексики европейских языков к началу XX в., перед второй мировой войной располагал уже более чем ста тысячами интернациональных слов⁵. По наблюдениям В. Георгиева и И. Дуриданова, среди слов

¹ См., например: Б. А. Грифцов, Заметки по технике перевода, ВЯ, 1952, 5, стр. 87; И. А. Кашкин, В борьбе за реалистический перевод, сб. «Вопросы художественного перевода», М., 1955, стр. 156—157; Я. И. Рецкер, Теория и практика перевода с английского языка на русский, М., 1956, стр. 21—23 и т. д.

² В. С. Цетлин, Методика преподавания французского языка, М., 1955, стр. 219; И. В. Рахманов, Методика преподавания немецкого языка, М., 1956, стр. 302; И. В. Арнольд, Лексикология современного английского языка, М., 1959, стр. 216—218.

³ См. О. С. Ахманова, Е. А. Бокарев, Международный вспомогательный язык как лингвистическая проблема, ВЯ, 1956, № 6, стр. 73. Ср. сообщение В. П. Григорьева о докладе Е. А. Бокарева на тему «Типология искусственных международных языков», ВЯ, 1957, 2, стр. 169—171.

⁴ Так, А. И. Ефимов подчеркивает, что заимствования Петровской эпохи оказались жизненно необходимыми для русского языка, так как «большинство заимствованных тогда слов носило интернациональный характер» (см. А. И. Ефимов, История русского литературного языка, 3-е изд., М., 1957, стр. 127). В отношении немецкого языка отмечается: «...когда речь идет о словах интернациональных, следует учесть и то, что международное распространение этих слов также способствует устойчивости их звучания» (К. А. Левковская, Лексикология немецкого языка, М., 1956, стр. 88).

⁵ В. В. Виноградов, Основные этапы истории русского языка (статья третья), «Р. яз. в шк.», 1940, 5, стр. 9.

болгарского языка, начинающихся с буквы А, около 90% принадлежит к интернациональной лексике ⁶.

В развитии лексики ряда современных европейских, а иногда и неевропейских языков сталкиваются противодействующие тенденции: ориентация на интернациональную лексику и терминологию и пуристические устремления, связанные, в свою очередь, с социально-экономическими факторами. Решение этого вопроса имеет серьезное значение даже для крупных культурных языков, так как поощрение пуризма создает для них, говоря словами А. Доза, опасность остаться в одиночестве ⁷. Тем более важен вопрос об отношении к интернациональным терминам для языков, закладывающих сейчас основы своей научной терминологии. Например, многочисленные младописьменные языки народов СССР широко приобщились к фонду международной терминологии обычно через посредство русского языка, причем этот процесс, частично начавшийся еще в дооктябрьский период, в особенности характерен для советской эпохи ⁸. В ряде случаев здесь были преодолены националистические тенденции, проявлявшиеся, в частности, в попытках подмены интернационализмов искусственно придуманными словами (типа укр. *неділка* «атом», *наворот* «период», *взір* «формула», белорусск. *пярэзрынь* «революция», *грамадзейства* «коммунизм», *слкаказ* «демонстрация» и т. п.) ⁹. В настоящее время отмечается необходимость внедрения интернациональной научно-технической терминологии в языки Индии, где еще только вырабатываются системы стандартных терминов ¹⁰. Характерна при этом особая заинтересованность со стороны представителей науки и техники в развитии интернациональной терминологии, облегчающей чтение специальной литературы на иностранных языках ¹¹.

Установлено, далее, что, хотя древнейшие слои интернационализмов европейских языков восходят еще к отдаленным периодам формирования европейской цивилизации, в широких масштабах международная лексика развивается только в эпоху капитализма, достигая наибольшего развития в эпоху социализма ¹². В интернациональных словах и терминах не без основания видят зародыш элементов будущего единого языка всего человечества ¹³.

Все вышесказанное свидетельствует о том, что «интернациональность» воспринимается лингвистами как достаточно определенная характеристика слов и терминов: имеются в виду лексемы, сходные до степени идентификации в графическом (обычно уже: орфографическом) или в фонематическом отношении с полностью или частично общей семантикой, выражающие понятия международного значения и сосуществующие в нескольких (практически не менее чем в трех) синхронически сопоставляемых языках (в том числе неродственных или неблизкородственных). При этом дан-

⁶ В. Георгиев, И. Дуриданов, Езикознание, София, 1959, стр. 153—154.

⁷ А. Доза, История французского языка, М., 1956 (перевод с французского), стр. 157.

⁸ См.: В. В. Виноградов, Великий русский язык, М., 1945, стр. 157—166; Ю. Д. Дешериев, Развитие младописьменных языков народов СССР, М., 1958, стр. 216—218.

⁹ См.: М. Шулман, О советизмах и интернациональных терминах в национальных языках, сб. «Революция и письменность», 2, М., 1936; П. Плющ, Нариси з історії української літературної мови, Київ, 1958, стр. 286.

¹⁰ См. A. Ghosh, Language policy, «New age», VII, 1, New Delhi, 1958, стр. 14.

¹¹ Ср. Th. H. Savory, The language of science, London, 1953, стр. 159.

¹² См. В. М. Жирмунский, Национальный язык и социальные диалекты, Л., 1936, стр. 168—185.

¹³ См. J. A. Sheard, The words we use, London, 1954, стр. 321.

ная категория слов рассматривалась пока почти исключительно на материале европейских языков.

Рядом исследователей отдельные критерии игнорируются или толкуются несколько иначе, что ведет к известному разнообразию в трактовке понятия интернациональной лексики. Однако расхождения лингвистов-теоретиков не мешают этой лексике реально существовать, играя немалую роль в развитии и функционировании ряда языков, в процессах международного обмена информацией. Таким образом, представляется целесообразным, не ставя под сомнение объективное существование данной лексической категории как таковой¹⁴, добиваться лишь дальнейшего уточнения понятия интернациональной лексики.

Оговорим при этом, что речь идет здесь только о собственно «интернациональных словах» (и терминах)¹⁵ в отличие от остальных типов лексических интернационализмов: интернациональных морфем¹⁶, а также международных словообразовательных, фразеологических и семантических аналогов, возникающих преимущественно в результате калькирования¹⁷.

2

Два языка, приходящие в соприкосновение, становятся базой для образования объективных категорий межъязыкового характера, возникающих из сопоставления систем и элементов этих языков. В частности, лексика таких языков с точки зрения выражаемых ею понятий становится в отношении безэквивалентности или — особенно в языках близкой культуры — эквивалентности (чаще относительной, реже — абсолютной). Последнее возможно главным образом в терминологии и в словах, выражающих простейшие понятия¹⁸. С учетом же соотношения значений и фономорфологической оболочки слов можно говорить о категориях межъязыковой абсолютной и относительной синонимии (в пределах эквивалентной лексики), омонимии и паронимии (в пределах лексики как эквивалентной, так и безэквивалентной). При этом межъязыковые синонимы могут иметь либо совершенно специфическую, либо сходную в обоих языках фономорфологическую оболочку. Для переводчика элементы этих категорий являются его подлинными или ложными «друзьями».

В понятие «ложных друзей», впервые введенное в конце 20-х — начале 30-х годов французскими лингвистами М. Кесслером, Ж. Дерокини¹⁹ и профессором Бристольского университета Ф. Буало²⁰, включаются полностью «ложные друзья» со сходной орфографией и расходящейся се-

¹⁴ См. прежде всего W. E i t z e n, *Der Irrgarten der Sprachen*, Berlin - Bonn, 1929.

¹⁵ О желательности разграничения частного и общего понятий «интернациональное слово» и «интернационализм» см. В. В. А к у л е н к о, Об интернациональных словах в современном русском языке, «Уч. зап. Харківськ. ун-ту», XCIX («Труды филол. фак-ту», 6), 1958, стр. 92.

¹⁶ См., например, диссертацию об интернациональных суффиксах в русском языке: M. F o g a r a s i, *Adalékok az orosz nyelv nemzetközi eredetű képzőinek történetéhez (A kezdetektől a XIX. század közepéig)*, Budapest, 1960, и мн. др.

¹⁷ См., например, материалы работ: Kr. S a n d f e l d - J e n s e n, *Notes sur les calques linguistiques*, «Festschrift V. Thomsen», Leipzig, 1912, стр. 166—173; B. U n b e g a u n, *Le calque dans les langues slaves littéraires*, RESI, XII, 1—2, 1932; O. J. T a i l l g r e n - T u u l i o, *Locutions figurées calquées et non calquées*, *Essai de classification pour une série des langues littéraires*, «Mémoires de la Société néophilologique de Helsingfors», IX, 1932, стр. 227—310 и др. В советском языковедении на интернационализирующую роль калькирования особое внимание обратил В. М. Жирмунский (указ. соч., стр. 196—199).

¹⁸ Ср. Г. В. Ч е р н о в, Вопросы перевода русской безэквивалентной лексики на английский язык. Автореф. канд. диссерт., М., 1958, стр. 3—8.

¹⁹ M. K o e s s l e r, J. D e r o c q u i g n y, *Les faux amis ou les trahisons du vocabulaire anglais. Conseils aux traducteurs*, Paris, 1928; J. D e r o c q u i g r y, *Autres mots anglais perfides*, Paris, 1931.

²⁰ F. B o i l l o t, *Le vrai ami du traducteur anglais-français et français-anglais*. Paris 1930.

мантикой (*faux-amis*) и «частичные ложные друзья» (*faux-amis partiels*) со сходной орфографией и в основном общей семантикой²¹, т. е. межъязыковые омонимы, паронимы и относительные синонимы со сходной оболочкой. Совершенноно абсолютные синонимы сходного вида можно назвать «подлинными друзьями переводчика». Если разные типы «ложных друзей» рассматривались указанными авторами лишь на материале английского и французского языков, то проведенные приблизительно в тот же период исследования немецких ученых основывались на более широком языковом материале, обычно ограничиваясь в то же время более частной группой «вводящих в заблуждение слов иностранного происхождения». Так, В. Эйтцен сопоставлял лексику немецкого, английского и французского языков; из его продолжателей следует отметить прежде всего инженера Е. Вюстера, изучавшего научно-технические термины шести крупнейших европейских языков («*Weltsprachen*»): английского, немецкого, русского, французского, итальянского, испанского²². За последнее время значительное внимание изучению англо-немецких соответствий уделяется американцем К. Кепплером²³. Характер предварительных разведок носит пока изучение англо-русских соответствий.

Потенциально категории «подлинных» и «ложных друзей» существуют для любых двух языков мира; реально же они широко представлены в языках, имеющих генетические или исторические связи, и проявляются в случае активных контактов языков. Так, изоглоссы типа англ. [bæd] и перс. [bād] «плохой» или новогреч. [matil] и малайск. [mate] «глаз» являясь лингвистическими курьезами, тогда как многочисленные аналогичные изоглоссы в тесно связанных языках способствуют взаимопониманию носителей этих языков и нередко создают почву для взаимовлияний языков²⁴. Показательно, например, что в современном украинском языке произошло определенное сближение грамматической формы, некоторых элементов произношения и написания многих интернациональных европеизмов с соответствующими словами русского языка (ср. принятые теперь формы типа *синтаксис*, *парафин*, *инстинктивный*, *амнісія*, *кафедра*, *ефір* и т. п. со старыми *синтáкса*, *парафіна*, *інстинктовий*, *амнесія*, *катéдра*, *етер* и др.).

Изоглоссы межъязыковых синонимов и омонимов (паронимов) могут проходить и более чем через два языка: при определенных условиях мы называем такие слова интернациональными или псевдоинтернациональными.

Прежде всего, широкими массами людей, участвующих в процессах соприкосновения языков, могут осознаваться как интернациональные только слова с такой степенью сходства фоно-морфологической оболочки, при которой они отождествляются с их аналогами в других языках. В большинстве европеизмов, особенно в терминах, это сходство проявляется более наглядно или исключительно в письменной форме речи, где оно редко бывает абсолютным: последнее иногда возможно лишь в языках с общими алфавитами²⁵ (ср., например, ряд интернациональных существи-

²¹ См. F. Boillot, *Le second vrai ami du traducteur anglais-français et français-anglais*, Paris, [1956], стр. 7—10.

²² E. Wüster, *Internationale Sprachnormung in der Technik, besonders in der Elektrotechnik*, Berlin, 1931.

²³ K. Keppler, *Some inaccuracies in German-English dictionaries*, «The German quarterly», XXIV, 3, 1954; ег о ж е, *Misleading German words of foreign origin*, там же, XXVII, 1, 1954; ег о ж е, *Characteristics and difficulties of the German scientific vocabulary*, там же, XXVIII, 3, 1955; ег о ж е, *Problems of German-English dictionary making*, «The modern language journal», XLI, 1, 1957; ег о ж е, *Irreführende Fremdwörter, «Lebende Sprachen»*, II, 5, 1957; ег о ж е, *Misleading German compound nouns*, «The German quarterly», XXXI, 4, 1958; ег о ж е, *The standartization of German scientific and engineering terms*, там же, XXXIII, 1, 1960.

²⁴ Cp. U. Weinreich, *Languages in contact*, New York, 1953, стр. 48—49.

²⁵ Ср. также случай общих иероглифов в неевропейских языках с идеографическим письмом [А. А. Белецкий, Об интернационализмах, «Наук. зап. Київськ. ун-ту», XIV, 2 («36. філол. фак-ту», 8), 1955, стр. 78].

тельных²⁶ в русском и болгарском или в английском, французском и чешском языках). Реже проявляется сходство европеизмов в устной форме речи, где оно всегда относительно²⁷, идеальные же случаи сходства отдельных слов в обеих формах речи возможны лишь для немногих близкородственных языков, охватывающих обычно только часть изоглоссы. Практически возможность отождествления слов в одной форме речи вполне достаточна для выполнения ими функции «интернационализмов»: в особенности это относится к письменной форме речи, в которой преимущественно осуществляются культурные и научно-технические контакты народов, говорящих на европейских языках.

Важнейшим условием интернациональности слов является существенная общность их семантики: по традиции сюда относят слова как с полнотой, так и с частично совпадающей семантикой, т. е. многоязычные «подлинные друзья» переводчика (преимущественно термины) и «частичные ложные друзья», одновременно являющиеся «частичными подлинными друзьями». Мера семантической общности таких слов обычно связана с широтой их употребительности и увеличивается с нарастанием терминологического характера слов. Частичное расхождение значений, особенно при условии общего инварианта значения, нередко оказывается на практике менее опасным, чем можно полагать, исходя из словарных схем: так, носители русского и английского языков, ассоциируя слова *professor*, *professor* с чешск. *profesor*, франц. *professeur* и пр., могут легко учитывать их специфику (не только «высококвалифицированный преподаватель высшего учебного заведения», но и «учитель старших классов средней школы»), правильно переводить их в соответствующем контексте. Чехи ассоциируют свое *profesor* с аналогичным испанским словом в Аргентине, имеющим дополнительные значения «учитель вообще» и даже «квалифицированный ремесленник-портной»²⁸. В ряде случаев частичным расхождением значений слов, обозначающих достаточно расплывчатые бытовые понятия, на практике можно пренебречь: так, хотя англ. *lemonade* обозначает «прохлаждательный напиток с лимонным соком», а не «соком любых фруктов, ягод», как русск. *лимонад* или нем. *Limonade*, все эти слова вполне переводятся одно другим. То же относится к словам типа англ. *compilation*, русск. *компиляция*, или нем. *Kompilation* и т. д., хотя первое слово в отличие от последующих лишено пренебрежительного оттенка. Хотя англ. *practically* в ряде случаев должно переводиться на русский язык, как «фактически» или «почти», а на французский «au fait» или «presque», но если неопытные переводчики во всех случаях ассоциируют его с напрашивающимися аналогами *практически* и *pratiqument*, то такой перевод окажется достаточно близким к истине. Понятно, что «частичные ложные друзья» и особенно многоязычные «ложные друзья», т. е. псевдоинтернационализмы, причиняют наибольшие неудобства, когда они относятся к одним и тем же семантическим полям, в частности, к одинаковым областям науки²⁹. В химической литературе термины русск. *фосфор*, англ. *phosphorus*, нем. *Phosphor*, франц. *phosphore*, итал., исп. *fosforo* и пр. воспринимаются как полные семантические соответствия, хотя итальянское и испанское слова имеют, кроме того, значение «спичка»,

²⁶ Степень сходства морфологической структуры интернациональных слов европейских языков оказывается различной в разных частях речи. Обязательной является интернациональность лишь основы или даже части основы слова: см. V. Fried, *Mezinárodní slova, jejich shoda a úskali*, «Časopis pro moderní filologii», XXXVIII, 4—5, 1956, стр. 284—286; В. В. Акуленко, указ. соч., стр. 107—109.

²⁷ Мы говорим, разумеется, о чисто внешнем сходстве фоно-морфологической оболочки слов: положение тех или иных фонем в системах фонем языков не имеет к процессу практической идентификации слов разных языков никакого отношения.

²⁸ См. И. Ганзелка, М. Зикмунд, Там, за рекою, — Аргентина, М., 1959 (перевод с чешского), стр. 121.

²⁹ Sp. G. P. Meredith, *Language, meaning and mind*, «Nature», 176, 4484, 1955, стр. 674.

итал. *fosforo* имеет поэтическое значение «утренняя звезда» и т. д. Зато общеизвестны, например, затруднения, вызываемые смысловыми расхождениями в изоглоссах терминов *бензин*, *бензол*, *газолин*. Впрочем как раз в области терминологии, особенно естественных и технических наук, возможно, хотя еще недостаточно практикуется, сознательное сближение значений интернациональных слов, обычно в плане общей работы по международной стандартизации терминов: например, в немецком языке наших дней ранее специфические термины *Akkumulator*, *Generator* сближены с их английскими аналогами. Отрицание возможности семантической близости слов различных языков может основываться лишь на отрицании синонимии вообще, а также на приписывании ограниченного узковариационального характера любым понятиям³⁰. Между тем, именно европейские языки издавна являются ярким примером выражения понятий общей цивилизации³¹, а в настоящее время все народы мира в основной части своей языковой практики имеют дело с одними и теми же понятиями и концепциями³². Как отметил В. И. Ленин, «... вся хозяйственная, политическая и духовная жизнь человечества все более интернационализируется уже при капитализме. Социализм целиком интернационализирует ее»³³.

Естественно, в ряде случаев наглядность в сходстве фоно-морфологической оболочки и семантики интернациональных слов может по-разному ощущаться лицами с различным уровнем общего и лингвистического развития. Значительная дистанция отделяет такие, например, ряды форм слов, как русск. *атом*, укр. *атом*, болг. *атом*, чеш. *atom*, польск. *atom*, англ. *atom*, нем. *Atom*, швед. *atom*, норв. *atom*, исл. *atom*, франц. *atome*, исп. *atomo*, итал. *atomo*, алб. *atom*, фин. *atomí*, латыш. *atoms* и мн. др.; русск. *ситуация*, укр. *ситуація*, болг. *ситуация*, чеш. *situace*, польск. *sytuacja*, англ. *situation*, нем. *Situation*, франц. *situation*, итал. *situazione*, исп. *situación* и т. д. и, с другой стороны, не слишком сходные между собой русск. *замша*, чеш. *semiš*, польск. *zamsz*, нем. *Semisch*, англ. *shammy*, франц. *chamois*, или такие ряды значений, как русск. *анатом*, укр. *анатім*, болг. *анатум*, нем. *Apatit*, франц. *apatite*, итал. *apatite* и др.; русск. *театр*, укр. *театр*, болг. *театър*, англ. *theatre*, нем. *Theater*, франц. *théâtre*, итал. *teatro* и др.; русск. *комендант* «начальник гарнизона или крепости; военный начальник на железнодорожной станции, в порту; управляющий общественным зданием» (ср. в ряде значений нем. *Kommandant*), англ. *commandant* «начальник гарнизона, крепости; начальник военного учебного заведения», франц. *commandant* «начальник гарнизона, крепости; командир; майор», итал. *comandante* «командующий начальник гарнизона, крепости; (мор.) капитан», исп. *comandante* «командующий; начальник гарнизона, крепости; командир; майор; (мор.) флагман» и др.

Однако для основной массы интернациональных слов мы вправе говорить об одинаковом их восприятии средними носителями соответствующих литературных языков. Это легко доказывается экспериментом, сходным с опытом В. Георгиева, установившего степень понятности различных категорий лексики ряда славянских языков для среднего интеллигентного болгарина³⁴. Существенно также то, что интернациональные слова используются в процессах международного общения лицами, в какой-то мере знакомыми с иностранными языками.

³⁰ W. Eitzen, указ. соч., стр. 42, 66—67.

³¹ A. Meillet, *Les interférences entre vocabulaires*, «Linguistique historique et linguistique générale», Paris, 1926, стр. 344.

³² «О перспективном плане наших языковедческих исследований на ближайшие годы» (передавая), ВЯ, 1960, 2, стр. 5.

³³ В. И. Ленин, Тезисы по национальному вопросу, Соч., 19, стр. 216.

³⁴ В. Георгиев, *Езиково сближение на славянските народи*, «Език и литература», III, 4, 1948, стр. 244—246.

Вполне оправданы и остальные критерии определения интернациональных слов, несмотря на известную их условность. Все они вытекают из понятия «интернациональности», или «международности», которое относится к явлениям, распространяющимся на несколько или на все народы, не ограниченным рамками одного народа. В свою очередь понятие «несколько», как правило, относится не к двум, а к большому, неопределенно описываемому количеству объектов. Поэтому понятно, что в новейшей литературе выдвинут критерий именно трех языков как минимальной изоглоссы интернационального слова ³⁵.

Далее, мы едва ли назовем «международным» явление, свойственное лишь близкородственным народам, как бы представляющим до настоящего времени ветви одного народа. Так, особенность только славянских или только тюркских народов (resp. языков) — еще не интернациональное явление. Отсюда ясно, что в изоглоссе подлинного интернационализма должны встретиться не только близкородственные, но и неблизкородственные или неродственные языки. По-видимому, несомненно интернациональным можно считать лишь слово, изоглосса которого проходит через языки трех неблизкородственных семей, хотя уже прохождение ее через языки двух семей есть первый этап интернационализации слова.

Социальная база языков, входящих в изоглоссу, разумеется, не влияет на факт интернациональности слова. Но она безразлична для определения распространенности, авторитетности изоглоссы, поэтому было бы целесообразно разграничивать интернационализмы с более широкой и более узкой социальной базой. Можно, например, условиться называть слова безоговорочно интернациональными, если в их изоглоссах есть не менее двух из числа крупнейших языков мира ³⁶, в случае же изоглосс с меньшими социальными базами говорить об «интернациональных словах более узкого распространения» и т. п. Подобные условные рабочие критерии, не меняя сути изучаемой категории, могут лишь способствовать ее более глубокому изучению.

Из приведенной трактовки понятия «международности» вытекают и ограничения, связанные с характером выражаемого интернациональным словом понятия. Естественна ориентация лингвистов на слова, выражающие интернациональные понятия ³⁷: от таких слов несколько отличается международно известная экзотическая лексика, передающая «местный колорит» жизни одного народа (преимущественно в художественной литературе) и начавшая распространяться с эпохи романтизма.

Следует, таким образом, различать лингвистические критерии, объединяющие интернациональную лексику с более общими категориями «подлинных» и «частичных ложных друзей» переводчика, и критерии логические, связанные с понятием «интернациональности». Введение последних вполне оправдано, так как они отражают объективно существующее и интенсивно развивающееся явление, имеющее несомненное значение как для межязыковых связей, так и для отдельных языков, где интернациональные слова, в отличие от большей части двуязычных «друзей», нередко широко опираются на международную традицию и в семантическом и в фонетико-структурном отношении ³⁸.

3

Проблема интернациональной лексики не должна отождествляться с проблемой заимствований, с которой она тесно связана: первая существует в плоскости синхронии, вторая — в диахронии. Разумеется, чисто син-

³⁵ См. V. F r i e d, указ. соч., стр. 206. Ср. А. А. Б е л е ц к и й, указ. соч., стр. 79.

³⁶ Предложение В. Фрида (V. F r i e d, указ. соч., стр. 214), относящееся, правда, только к европейским языкам.

³⁷ Р. А. Б у д а г о в, Введение в науку о языке, М., 1958, стр. 113.

³⁸ Ср. А. И. С м и р н и ц к и й, Лексикология английского языка, М., 1956, стр. 243.

хронический или диахронический подход к языку с целью выявления и изучения категорий его функционирования или развития основан на определенной абстракции: в реальной жизни языка синхрония и диахрония неразрывно связаны, и линия, которую между ними проводил Ф. де Соссюр, в действительности не существует³⁹. Но это не значит, что категории синхронии и диахронии теряют свое специфическое содержание и назначение и могут механически накладываться друг на друга. В частности, различие между интернациональной лексикой и заимствованиями заключается не просто в способе рассмотрения одного и того же материала, как полагает М. М. Маковский⁴⁰. Даже с генетической точки зрения с таким утверждением мы не можем согласиться. В конкретном языке интернациональные слова исторически могут возникать на базе фонетических заимствований (например, нем. *Quartz* — русск. *кварц*, англ. *quartz*, франц. *quartz*...), словообразовательных калек или полукалек (франц. *général-major*, нем. *Generalmajor* — русск. *генерал-майор*; франц. *humanité*, нем. *Humanität* — русск. *гуманность*)⁴¹, а также собственных слов языка, заимствованных другими языками (русск. *спутник*), «обратных калек» на классические языки (русск. «пожирающая клетка» — *фагоцит*)⁴², в результате независимого образования в ряде языков от интернациональных слов интернациональных же производных (русск. *совет* — *советский*, англ. *Soviet* — существит. и прилагат., нем. *Sowjet* — *sowjetisch*, франц. *soviet* — *soviétique*, итал. *soviet* — *sovietico*...) или — в единичных случаях — независимого образования слов на базе общечеловеческой естественной звуковой символики (русск. *кукушка*, франц. *coucou*, исп. *cisco*, англ. *cuckoo*, нем. *Kuckuck* и др.).

Следует возразить против весьма распространенного отнесения всех без исключения интернациональных слов к «своим», т. е. не ощущаемым как иностранные, словам языка⁴³. Решающим является не сам факт интернациональности слова, а степень активности изоглоссы слова, реальных связей языков, через которые изоглосса проходит. Например, в украинском языке «пассивное» международное слово *валіза* (ср. итал. *valigia*, франц. *valise*, англ. *valise*, польск. *waliza*, алб. *valishë*) было отнесено словом *чемодан*, опиравшимся на аналогичное русское слово. Во многих европейских языках оказалась слабой и почти одновременно была отеснена неинтернациональными словами изоглосса: русск. *аэроплан*, укр. *аероплан*, болг. *аероплан*, польск. *aeroplan*, чешск. *aeroplan*, нем. *Aeroplan*, англ. *aeroplane*, франц. *aéroplane* и пр. [сейчас главным образом или исключительно *самолет*, *лимак*, *самолет*, *samolot*, *letadlo*, *Flugzeug*, *airplane* (или *plane*), *avion* (или *aéro*) и пр.]. Важную роль в закреплении слова играют и системные, внутриязыковые факторы: так, на употребление в русском языке слова *дефект* влияет тот факт, что оно дублирует распространенные слова *недостаток*, *недочёт*, *пробел*; закреплению термина *гравитационный* способствует невозможность образования прилагательного от термина *тяготение*.

Синхронно-сопоставительное изучение лексики различных языков мира показывает, что в настоящее время существует несколько основных ареалов интернационализмов, сложившихся вокруг великих языков челове-

³⁹ См.: В. Т р н к а, *Obecné otázky strukturálního jazykozpytu*, SaS, IX, 2—3, Praha, 1943, стр. 57; ср. Г. О. В и н о к у р, О задачах истории языка, сб. «Избранные работы по русскому языку», М., 1959, стр. 214—215.

⁴⁰ М. М. Маковский, К. проблеме так называемой «интернациональной» лексики, ВЯ, 1960, 1, стр. 45.

⁴¹ См. Н. М. Ш а н с к и й, Очерки по русскому словообразованию и лексикологии, М., 1959, стр. 202—203.

⁴² См. В. П. Г р и г о р ь е в, Так называемые интернациональные сложные слова в современном русском языке, ВЯ, 1959, 1, стр. 71.

⁴³ См., например, Л. Р. З и н д е р и Т. В. С т р о е в а, Современный немецкий язык 3-е изд., М., 1957, стр. 372.

ческой цивилизации⁴⁴. Это район европейских языков⁴⁵ с греко-латинским, французским и некоторыми новыми центрами влияний, включая русский, район языков СССР (с русским языком в качестве основного источника изоглосс международной лексики и, в частности, распространителя европеизмов), район языков Ближнего и Среднего Востока и некоторых других языков Азии и Африки (район влияний классического арабского языка), район Индийского океана (район влияний санскрита, персидского и арабского языков), район языков Дальнего Востока (с основным китайским центром межъязыковых влияний). В составе этих больших ареалов, частично перекрывающих друг друга, существуют и более узкие районы интернационализмов типа более изученного балканского района⁴⁶ с греческим, румынским, турецким и другими источниками международных слов, иногда проникающих и в соседние языки за пределы Балкан.

Европейские языки пользовались почти исключительным вниманием исследователей интернациональной лексики, начиная от первых авторов⁴⁷ и до настоящего времени⁴⁸. Это, по-видимому, объясняется не только наибольшей их изученностью, но и особенно большим количеством наблюдаемых здесь интернациональных изоглосс, а возможно, и особым авторитетом европеизмов: в силу определенных исторических причин европейские языки оказали и продолжают оказывать влияние на интернациональную лексику ряда языков иных районов⁴⁹. Так, через английское посредство европеизмы проникли в хинди, японский язык (особенно широко с 1945 г.) и другие языки, французский язык принес их в Турцию, Персию, Вьетнам, некоторые языки Африки и пр. Настало время, продолжая углубленное изучение интернационализмов европейского ареала, начать систематическое обследование интернациональной лексики иных районов.

*

Мы затронули лишь отдельные аспекты проблемы интернациональной лексики как одного из существеннейших проявлений сближения языков. При изучении этой проблемы важно избежать разноречивых крайностей: недооценки фоно-морфологических, грамматических, семантико-стилистических расхождений международных слов и терминов в различных языках и абсолютизации этих расхождений. Сочетание национальных и интернациональных характеристик представляет собой особое достоинство интернациональной лексики: известные национальные отличия соответствующих лексем обеспечивают их системность и самобытность в каждом языке, тогда как их межъязыковая общность делает их важным подспорьем в процессах международного обмена информацией⁵⁰.

⁴⁴ См. A. Meillet, *Introduction à la classification des langues*, «Linguistique historique et linguistique générale», II, Paris, 1936, стр. 59.

⁴⁵ В первую очередь это европейско-американский район (ср. L. D e r o u, *L'emp-runt linguistique*, Paris, 1956, стр. 335).

⁴⁶ См., например: G. P a s c u, *Rumänische Elemente in den Balkansprachen*, Genève, 1924; K r. S a n d f e l d, *Linguistique balkanique*, Paris, 1930; K r. S a n d f e l d, P. S k o k, *Langues balkaniques*, «Revue internationale des études balkaniques», Beograd, 1936, 2(4), стр. 465—481, и мн. др.

⁴⁷ См. E. R i c h t e r, *Fremdwortkunde*, Leipzig, 1919, стр. 94—97.

⁴⁸ Например, Е. Вюстер ограничивается крупнейшими романскими, германскими языками и русским языком, Э. Хауген говорит только о западноевропейских языках (E. H a u g e n, *The analysis of linguistic borrowing*, «Language», 26, 2, 1950, стр. 227).

⁴⁹ Ср. A. M a r t i n e t, *La linguistique et les langues artificielles*, «Word», 2, 1, 1946, стр. 41—42.

⁵⁰ Ср. А. А. Р е ф о р м а т с к и й, *Введение в языкознание*, М., 1960, стр. 93.

Р. Б. ЛИЗ

ЧТО ТАКОЕ ТРАНСФОРМАЦИЯ?

В современной лингвистической литературе имеются многочисленные ссылки на особый вид исследования языка и соответствующую грамматическую теорию, разрабатываемую в Массачусетском технологическом институте и в других учреждениях и часто называемую «трансформационным подходом» или «трансформационной грамматикой». Эти термины были созданы не случайно и безусловно требуют разъяснения. В частности, многим даже из числа тех, кто использует эти термины, не совсем ясно точное значение слов «трансформационный» и «трансформа»¹.

В истории американской лингвистики понятие грамматической трансформации появилось, насколько мне известно, в процессе работы З. Харриса над анализом речи². Это исследование Харриса и его учеников сводилось в основном к следующему. При наличии определенного текста и при использовании различных лингвистических приемов его исследования, скажем, методов, изложенных в книге Харриса «Methods in structural linguistics»³, каждой фразе указанного текста можно приписать правильный грамматический анализ. Это означает, по Харрису, что указанные фразы можно сегментировать на значимые части и, обозначив грамматические категории, выражаемые каждой из таких частей, выделить скобками непосредственно-составляющие. Обычно, однако, определенные морфемно различные составляющие в двух и более предложениях входят в один и тот же внутренний контекст. Такие предложения анализируемого текста можно «свести» к одинаковому типу предложений этого текста. Свертывание подобных предложений при одинаковости контекста служит для уменьшения количества семантически сходных выражений и, таким образом, ведет к сжатию текста до его крайнего минимума.

Однако свертывание часто оказывается недостаточно полным; можно легко наблюдать, что многие непосредственно-составляющие текста, будущи семантически эквивалентными, остаются не свернутыми, так как они не входят точно в одинаковые контексты при делении фразы на непосредственные составляющие (НС). Если, однако, предложение в действительном залоге и соответствующее ему предложение в пассиве или утверждение и соответствующее вопросительное предложение можно считать

¹ Вряд ли необходимо подробно документировать использование этих терминов в литературе. Приведу лишь названия некоторых работ: S. C. G u d s c h i n s k y, Discourse analysis of a Mazatec text, «International journal of American linguistics», 25, 3, 1959; е е ж е, Mazatec kernel constructions and transformations, там же, 25, 2; W. H a a s, [пер. на кн.:] A. A. Hill, Introduction to linguistic structures, «Word», 16, 2, 1960; F. W. H o u s h o l d e r, On linguistic primes, «Word», 15, 2, 1959; е р о ж е, [пер. на кн.:] Ch. F. Hockett, A course in modern linguistics, «Language», 35, 3, 1959 (см. особенно стр. 506—507); R. P. S t o c k w e l l, [пер. на кн.:] «Studies in linguistic analysis», «International journal of American linguistics», 25, 4, 1959; D. S. W o r t h, Transform analysis of Russian instrumental constructions, «Word», 14, 2-3, 1958; е р о ж е, Linear contexts, linguistics and machine translation, «Word», 15, 1, 1959.

² См.: Z. S. H a r r i s, Discourse analysis, «Language», 28, 1, 1952; е р о ж е, Discourse analysis: a sample text, там же, 28, 4; е р о ж е, Co-occurrence and transformation in linguistic structure, «Language», 33, 3, 1957.

³ Z. S. H a r r i s, Methods in structural linguistics, Chicago, 1951.

эквивалентными в каком-либо (хотя бы и новом) смысле, то возможно дальнейшее свертывание текста до нескольких простейших фраз, представляющих собой сжатое выражение всего текста.

Так З. Харрис подошел к исследованию межфразовых соотношений. Это понятие до Харриса не рассматривалось в лингвистике, хотя оно было вполне обычным в традиционной грамматической литературе ⁴. В полном соответствии со своими лингвистическими взглядами Харрис определил это понятие в терминах множества операций, которым исследователь подвергает предложения текста с целью трансформации данных типов предложений в другие типы. Например, при помощи одной из таких операций предложения в действительном залоге можно трансформировать в соответствующие пассивные и наоборот. Посредством другой операции ядерную глагольную структуру предложения можно подвергнуть тому или иному виду номинализации и наоборот. Эти операции З. Харрис, в соответствии со своей склонностью к математическим терминам, назвал «трансформациями». Позднее он и его ученики продолжали определять и изучать множество подобных же соотношений между типами предложений, основываясь при этом на принципе одновременной встречаемости (co-occurrence) определенных составляющих в пределах определенных контекстов. Сам Харрис считал трансформационные исследования развитием дескриптивной лингвистики, а не ее частью.

Рассмотрим более подробно сущность этих исследований. Новые методы соотношения предложений дали возможность выработать приемы определения или создания новых трансформаций путем соотнесения тех типов предложений, которые, хотя и отличаются друг от друга при разложении на НС, содержат элементы, одинаково ограниченные в отношении определенных морфем, возможных в их составе. Например, если учесть, что простые утвердительные предложения типа приводимых ниже ограничены таким образом, что реально возможны лишь фразы, не отмеченные звездочкой: 1) *Иван изумляет Петра*, 2) *Книга изумляет Петра*, 3) * *Иван изумляет книгу*, — и что одновременно простые утверждения в пассиве (типа приводимых ниже) подвержены точно таким же ограничениям: 4) *Петр изумлен Иваном*, 5) *Петр изумлен книгой*, 6) * *Книга изумлена Петром*, то можно произвести «трансформацию», связывающую оба типа предложений и превращающую один в другой в любом направлении⁵. Таким образом, можно было утверждать, что предложения обладают грамматическими структурами и, кроме того, связаны с другими предложениями путем трансформаций. Было обнаружено, что

⁴ При помощи современного лингвистического анализа нельзя формализовать старое традиционное представление о том, что предложение в пассиве производится от соответствующего предложения в действительном залоге.

⁵ Здесь не имеет значения, обусловлена ли недопустимость фразы № 3 возможностью применять какое-либо формальное правило русской грамматики или просто абсурдностью значения этой фразы. Достаточно указать, что при невозможности фразы типа 3 обязательно оказывается недопустимой и соответствующая фраза типа 6. Однако, во избежание путаницы, я сразу замечу, что наличие формальных синтаксических правил русской грамматики, согласно которым типы предложений 3, 6 невозможны, вполне оправдано. Это должно стать ясным из следующих простых примеров. Не вызывает сомнений, что высказывание *Идти спит* грамматически неправильно, ибо подлежащее предложения должно выражаться существительным, а не глаголом. Фраза *Человек спит* грамматически неверна, так как подлежащее в ед. числе не может управлять сказуемым во мн. числе. Наконец, высказывание *Человек случается* грамматически неправильно, так как существительное *человек* (с конкретным номинативным значением, одушевленное и т. д.) не может быть подлежащим при глаголе *случается*, который требует неодушевленного субъекта типа *событие*. Таким образом, если классификация русских существительных на одушевленные и неодушевленные (эта классификация необходима для определения формы вып. падежа) и классификация глаголов на такие, которые требуют одушевленного/неодушевленного субъекта (или того и другого), служат для объяснения многих закономерностей построения русских предложений, то вполне можно сказать, что разбираемое здесь различие является чисто формальной грамматической особенностью языка. Можно, следовательно, утверждать, что предложение № 3 — грамматически неверно. Что «грамматически непра-

в большинстве случаев эти трансформации являются обратимыми. Все сказанное выше представляет собой лишь историю вопроса и никак не объясняет использование термина «трансформация» в трудах лингвистов Массачусетского технологического института, где он явно имеет совсем другое значение.

Среди учеников З. Харриса, работавших над анализом речи и другими связанными проблемами, выделяется Н. А. Хомский. Позднее в обществе стипендиатов Гарвардского университета Хомский попытался сформулировать теорию грамматического описания, на основе которой можно было бы объяснить все или большую часть того, что нам известно о лингвистической структуре. Он представил свою теорию в форме, часто используемой при изучении логики и основ математики, а именно в виде ряда абстрактных правил, или алгоритма, позволяющих на основе ограниченного словаря символов вывести бесконечный ряд репрезентаций (изображений) всех грамматически правильных предложений. При этом каждой порожденной цепочке репрезентаций автоматически приписывался правильный грамматический анализ⁶.

Минимальным требованием к синтаксической структуре, которую следует приписать каждой фразе в зависимости от способа ее деривации на основе указанных грамматических правил, несомненно, является проведение известного анализа по непосредственно составляющим [т. е. заключение в скобки или употребление диаграмм кустов (так называемое «дерево НС»)]. Нетрудно вкратце сформулировать соответствующее правилам грамматики условие для определения структуры НС порождаемых при деривации предложений: при использовании определенного правила за одну операцию разворачивается не более одного абстрактного грамматического символа в цепочке. Если это требование удовлетворяется простыми правилами переписывания, которые можно сформулировать для порождения последовательностей морфем, то каждой порожденной цепочке будет соответствовать исключительно определенное деривационное дерево, выражающее требуемые структурные свойства анализа по НС.

Вполне естественно, что Н. А. Хомский исследовал количество различных типов английских предложений, которое можно порождать посредством достаточно простого ряда правил переписывания при условии, что эти правила удовлетворяют указанному нами требованию. В принципе, если простые правила этого типа можно было бы сформулировать в виде «внятного» и «бессмысленного» — не зависящие друг от друга понятия, можно легко видеть из того факта, что высказывания, считаемые обычно грамматически неверными, тем не менее без труда понимаются всеми (ср., например, речь маленького ребенка или иностранца, плохо владеющего русским языком). Весьма трудным оказывается парафразировать значение многих высказываний, считаемых грамматически верными. Так, когда богослов заявляет, что человеческая душа бессмертна, я воспринимаю это высказывание как фразу на своем родном языке, хотя и не понимаю точного ее смысла.

⁶ Полное описание этого вида лингвистических исследований можно найти, например, в следующих работах: N. Chomsky, Syntactic structures, 's-Gravenhage, 1957; ег о же, Logical structures in language, «American documentation», VIII, 4, 1957; ег о же, Three models for the description of language, «I.R.E. Transactions on information theory», IT-2, 1956; ег о же, On certain formal properties of grammars, «Information and control», 2, 2, 1959; ег о же, Semantic considerations in grammar, «Monograph series of languages and linguistics», Georgetown university, Washington, 8, 1955; ег о же, A transformational approach to syntax, «Proceedings of 1958 symposium on problems in the analysis of English», University of Texas, 1958; ег о же, On the notion «rule of grammar», «Proceedings of the Symposium of the American mathematical society on the structure of language and its mathematical aspects» (в печати); N. Chomsky, M. Halle F. Lukoff, On accent and juncture in English, сб. «For Roman Jakobson», The Hague, 1956; M. Halle, The sound pattern of Russian, 's-Gravenhage, 1959; ег о же, On the role of simplicity in linguistic descriptions, «Proceedings of the Symposium of the American mathematical society...»; R. B. Lees, [пец. на кн.:] N. Chomsky, Syntactic structures, «Language», 33, 3, 1957; ег о же, The grammar of English nominalizations, [Bloomington], 1960; ег о же, A multiply ambiguous adjectival construction in English, «Language», 36, 2, 1960; ег о же, The grammatical basis of some semantic notions, «Georgetown University XI-th annual round table [conference]. Monograph series», 13, 1960.

виде достаточно простого алгоритма для всех английских предложений или по крайней мере для всех грамматически максимально правильных английских фраз, то открылись бы широкие возможности создания всеобъемлющей теории синтаксических структур для языка в целом, так как основные черты такой грамматики были бы относительно ясны. Однако здесь сразу же возникает ряд, казавшихся непреодолимыми, трудностей.

В самом деле, трудности возникали именно там, где различные авторы уже подметили неудовлетворительные стороны анализа по НС, хотя никто еще не предлагал правильного решения вопроса. Я рассмотрю лишь некоторые из этих трудностей, что, однако, будет достаточно для моих целей, которые заключаются в следующем: показать истоки, природу и необходимость грамматических трансформаций.

Самая большая и серьезная трудность заключается в том, что формулировка правил развертывания НС для всех простых, грамматически максимально правильных предложений оказывается невозможной без грамматических усложнений, полностью противоречащих интуиции. В частности, целые ряды правил более низкого уровня необходимо было бы просто повторить *en masse* в грамматике; это требовалось бы именно в тех случаях, где З. Харрис и его ученики наблюдали ко-окуррентные составляющие в идентичных контекстах. Так, например, надо было бы располагать рядом грамматических правил для того, чтобы породить предложения в активе только типа 1 и 2, но не 3. Подобным же образом необходимо было бы иметь какие-то грамматические правила для того, чтобы получить утвердительные предложения в пассиве только типа 4 и 5, но не 6. Однако оказывается, что как первый, так и второй ряд правил полностью совпадают по своему содержанию. Вообще нет каких-либо возможностей совмещения этих двух рядов избирательных правил низшего уровня — их просто следует повторить. Другими словами, по-видимому, нет *п р о с т о г о*, «прямого» ряда правил развертывания НС, дававших бы возможность правильно порождать все обыкновенные предложения. Быть может, здесь отражается сложная природа языка. Однако ввиду других трудностей, которые будут рассмотрены ниже, вопрос представляется в несколько ином свете. Дело в том, что деривация предложений основана, видимо, не только на простом развертывании НС, но и на других процессах.

Вторая трудность возникла в связи со следующим. В то время как многие двусмысленности в грамматике (*grammatical ambiguities*) НС можно было бы объяснить существованием двух или более законных (*bona fide*) путей деривации по правилам, дающим идентичные морфемные последовательности (что вполне возможно), всегда оставалось бы некоторое количество двусмысленностей того же рода, которые, однако, невозможно было бы объяснить различием при разбиении на НС. Например, применение одного из путей дериваций в русской грамматике дает предложения вида: 7) *Мы нашли содействующие окислению кислоты способы*. Второй путь деривации дает предложение типа: 8) *Мы нашли содействующие осаждению окисления кислоты*. Однако в первый ряд предложений будет также входить фраза типа: 9) *Мы нашли содействующие реакции окисления кислоты*. Та же последовательность морфем встречается и во втором ряду ⁷.

Таким образом, двусмысленность в примере 9 легко объяснить как различие в структуре НС, ибо при деривации первым способом эта фраза разбивается следующим образом: 10) *(Мы) ((нашли) (содействующие (реакции*

Мы вполне сознаем, что эти предложения являются стилистическими вариантами несколько более благозвучных предложений, в которых дополнение к глаголу стоит на третьем месте, а определяющие причастные выражения следуют за ним (они отделены запятой от предшествующих существительных): 7') *Мы нашли способы, содействующие окислению кислоты*; 8') *Мы нашли окисления кислоты, содействующие осаждению*; 9') *Мы нашли кислоты, содействующие реакции окисления, Мы нашли окисления кислоты, содействующие реакции*. Тем не менее приведенные нами предложения являются грамматически правильными в русском языке (их разбиение на НС показано в примерах 10 и 11). Кроме того, мы полагаем, что примеры 7 и 8 не явля-

окисления) кислоты)). Если же деривация производится вторым способом, то предложение разбивается так: 11) (Мы) ((нашли) (содействующие реакции) (окисления кислоты)). Трудность возникает, однако, при рассмотрении предложений с двойственной семантикой типа следующего: 12) *Посещения родственников могут быть неприятны*⁸. Нет оснований разбивать эту цепочку двумя различными путями, так как в синтаксически противоположных, но недвусмысленных предложениях типа нижеиследующих, разбиение такое же: 13) *Падение мостов может быть неприятно* и 14) *Учение языков может быть неприятно*. Вопрос не в том, являются ли два варианта примера 12 грамматически идентичными или различными. Любой говорящий на русском языке знает, что они радикально различны по своей синтаксической структуре. Дело в том, что нет оснований создавать такую грамматику НС, в которой при использовании двух различных путей деривации порождаются указанные два типа предложений. Если же в плане общей лингвистической теории оговорить, что двусмысленные цепочки в с е г д а должны порождаться при помощи двух приемов деривации, то это не является решением вопроса, так как это было бы равносильно добровольному отказу от употребления двусмысленных фраз для эмпирической проверки грамматической правильности предложений.

Третья трудность заключается в невозможности правильно классифицировать некоторые типы предложений на основе структуры НС. Так, каждый говорящий знает, что 15) *Иван любит Петра* является утвердительным предложением, а фразы 16) *Любит ли Иван Петра?* и 17) *Кто любит Петра?* являются вопросительными. Однако, если исходить из структуры НС, нет каких-либо оснований для такой классификации. В примере 16 — обратный порядок слов, но в примере 17 его нет; в примере 16 может быть особый интонационный рисунок, который отсутствует в примере 17. Вообще вопрос вовсе не в том, можем мы или нет установить какой-либо сложный ряд критериев для выделения именно вопросительных типов предложения. Если говорить о синтаксической структуре вычлененных последовательностей морфем, то вопрос заключается скорее в том, что для такой классификации нет никакой формальной мотивации. Иными словами, теоретические предпосылки деривации НС всех других предложений автоматически не влекут за собой объединения примеров 16 и 17 как вопросительных фраз в противоположность примеру 15.

Наконец, хотелось бы указать еще на один убедительный аргумент против рассмотрения грамматической структуры исключительно как суммы НС, т. е. как дерева составляющих, в котором узлы являются грамматическими категориями. Никто, конечно, не будет возражать против анализа координированных конструкций как сложных кустов такого дерева. В самом деле, именно в этом состоит, очевидно, само значение термина «координированный». В противоположность субординированным конструкциям все элементы координированной конструкции находятся на о д н о м и т о м ж е у р о в н е разветвления; они не заключены д р у г в д р у г е, а выстроены д р у г з а д р у г о м. Рассмотрим в качестве конкретного примера сочетание типа *мужчины, женщины и дети*. Понятно, что такие конструкции могут быть бесконечно длинными. Поэтому правила их порождения должны по возможности быть итеративными или рекурсивными. Это значит, что указанные правила должны тем или иным путем как бы возвращаться, чтобы исполнить свою функцию снова

ются двусмысленными в связи с наличием грамматических правил, согласно которым построение ядерных предложений типа **Способ имеет кислоты* и **Оно осаждает окисления* невозможно (мы отвлекаемся при этом от детального рассмотрения существа этих правил). С другой стороны, можно считать, что в основе двух правильных вариантов примера 9 лежат ядерные предложения *окисление реакцией* и *оно окисляет кислоты*.

⁸ Двусмысленность в примере 12 выступает особенно ясно, если учесть различия в ядерных предложениях, лежащих в его основе: *Мы посещаем родственников/Родственники посещают нас*.

и снова, и так много раз. К порожденной цепочке каждый раз прибавляется при этом новый соединительный член или координирующий элемент. Предположим, что при анализе сочетания существительных мы применим три правила типа следующих (они сформулированы в нашей грамматике развертывания НС):

- А) $I \rightarrow \Phi u (Чсд)$
 Б) $Чсд \rightarrow u + I$
 В) $\Phi u \rightarrow C + O^9$.

При помощи первого правила А от имени производится деривация именной фразы с последующим соединительным членом (или без него). При помощи второго правила Б этот соединительный член (если он был избран в соответствии с правилом А) развертывается в последовательность «и + другое имя». Наконец, согласно правилу В, каждая именная фраза развертывается в существительное и его суффикс. Если при применении правила А и з б р а е т с я соединительный член, то имя будет содержать в себе другое имя (полученное по правилу Б), которое, в свою очередь, опять можно развернуть таким образом, что оно будет содержать в себе третье имя. Таким путем, постоянно оперируя правилами А и Б, можно получить любое количество заключенных друг в друга имен, причем полученная последовательность может быть бесконечной длины. Таким образом, три простых правила развертывания НС дают возможность породить бесконечный ряд сочетаний.

Следует отметить, что разбиение указанных сочетаний дает слишком много внутренних разветвлений по НС, ибо каждый раз, когда снова применяются правила А и Б, порождается новый ряд субординированных внутренних структур. Это означает, что цепочка типа *мужчины и женщины и дети* будет иметь деривационное дерево вида (см. рис. 1):

Рис. 1

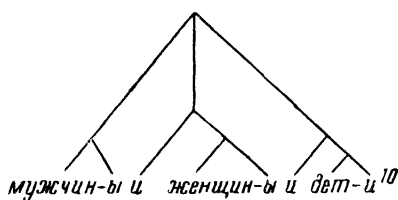

Рис. 2

На рис. 1 структура НС координированных выражений изображена неверно. Структуру эту скорее можно было бы представить так, как это показано на рис. 2.

Каковы правила развертывания НС, необходимые для получения у к а з а н н о й структуры сочетаний? Можно, например, сформулировать следующее правило:

- Г) $I \rightarrow \Phi u (Чсд) (Чсд)$,

промежуточное между правилами А и Б. При помощи этого правила мож-

⁹ Здесь и далее принимаем следующие сокращения: *И* — имя, *Ф*и — именная фраза, *Ф*г — глагольная фраза, *Ф* — фраза, *Г*сп — вспомогательный глагол, *Г*гл — главный глагол, *Г*пер — переходный глагол, *Чсд* — соединительный член, *С* — существительное, *О* — окончание, *Са* — абстрактное существительное, *Мч* — морфема числа, *Пим* — именительный падеж, *Млц* — морфема лица, *Мвр* — морфема времени, *Пвин* — винительный падеж, *Мсуц* — суффикс номинализации, *Прод* — родительный падеж, *Птв* — творительный падеж, *X* и *У* — произвольные цепочки, *Добт* — объективное дополнение.

¹⁰ При изображении структуры НС этих выражений мы исходили из произвольного допущения, что суффиксальная часть каждого существительного правильно группируется соответствующей основой этого же существительного. Это, очевидно, не совсем так. Именные суффиксальные морфемы порождаются другими элементами предложений (например, суффикс вин. падежа может обуславливаться предшествующим глаголом, который управляет этим падежом имени объекта) и в дальнейшем располагаются в виде окончаний к соответствующим существительным путем обязательных (obligatory) трансформаций. Так или иначе на нашей диаграмме показано то, о чем говорится в тексте независимо от того, как аффиксальные морфемы объединяются для образования деривационного дерева.

но получить нужную координированную структуру. К сожалению, однако, оно дает возможность производить деривацию лишь б и н а р н ы х сочетаний. В связи с этим необходимо добавить еще одно правило:

Д) $I \rightarrow \Phi u \backslash (Ced) (Ced) (Ced)$.

Отсюда ясно, что единственный способ породить в с е возможные сочетания, независимо от их длины, и в то же время придать каждому из них типичную для него координированную структуру можно видеть в наличии б е с к о н е ч н о г о числа грамматических правил.

Конечно, нет каких-либо априорных формальных причин, из-за которых наличие в грамматике бесконечного числа правил оказывалось бы невозможным. Есть, однако, следующие серьезные эмпирические возражения. Прежде всего, если в грамматике может содержаться бесконечное количество правил, изучение ее становится бессмысленным, ибо в этом случае ничто не может препятствовать введению в грамматику новых правил для каждого порождаемого предложения (в связи с чем грамматика утрачивает свою объяснительную силу). Во-вторых, если согласиться с предположкой, что грамматика применяется говорящими при составлении предложений, то следует полагать, что в мозгу говорящих хранится бесконечное количество правил. В-третьих, в любом случае нет необходимости использовать грамматику с бесконечным числом правил, ибо очевидно, что формулировка сочетательных конструкций возможна с использованием лишь конечного количества правил, на основе которых, однако, порождаются координированные цепочки любой длины. Единственная трудность заключается в том, что такая формулировка должна нарушить ограничения, связанные с правилами развертывания структуры НС. Это означает, что грамматическая структура русских предложений не может выражаться исключительно посредством структур НС.

Н. А. Хомский вскоре установил, что всех указанных трудностей проведения анализа по НС (а также других трудностей) легко можно избежать, если включить в грамматику ряд правил нового типа. Действие этих правил, по Хомскому, должно выходить за пределы действия правил развертывания НС. Они должны формально выражать соотношения между предложениями различных типов (с этим Хомский познакомился уже в процессе своей совместной работы с Харрисом). Другими словами, Хомский предложил расширить действие грамматических правил с тем, чтобы в том или ином виде включить в них «трансформации» Харриса.

При помощи этих новых правил полностью развернутые предложения, порожденные обычным путем на основе грамматики НС, должны трансформироваться в новые производные предложения. Для безошибочного проведения этой операции в новых правилах должны учитываться не только НС той или иной цепочки, но и (принимая во внимание рассмотренные выше двусмысленные цепочки, порожденные на основе грамматики НС) «история» деривации цепочки, которую следует трансформировать. Так, оба приводимых ниже предложения подвергаются одинаковому разбиению: 18) *Мы построили машину для опыта*, 19) *Мы построили машину для школы*. Однако из этих двух предложений лишь пример 18 можно подвергнуть номинализации: 20) *Наш опыт в постройке машины...*, ибо нельзя сказать: 21) *Наша школа в постройке машины...*¹¹.

Ввиду того, что фразы 18 и 19 подвергаются одинаковому разбиению, различие между ними должно состоять в «истории» их предшествующей трансформации. Следовательно, правило номинализации, при помощи которого порождается пример 20 (но не 21), должно помочь найти и учесть это различие. Так, Хомский предполагал, что трансформационные правила

¹¹ В качестве контрастирующих ядерных предложений, лежащих в основе примеров 18 и 19, можно привести следующие: *Мы построили машину. У нас опыт; Мы построили машину, У школы машина.*

служат не для порождения одних цепочек из других, а скорее для порождения целых деривационных деревьев из других деревьев.

Вполне понятно, что действие трансформационных правил нельзя ограничивать трансформацией одного символа в процессе одной операции. Поэтому производные деревья нельзя автоматически реконструировать путем применения самого правила, не добавляя к нему дополнительных условий в отношении структуры порождаемых НС. Например, в плане грамматической теории, очевидно, было бы правильным утверждать, что структура НС какого-либо выражения соответствует структуре того составляющего, которое она заменила при породившей ее трансформации.

Читатель должен ясно понять различия между прежним понятием трансформации, выдвинутым З. Харрисом, и современной концепцией трансформационного правила, используемой в работах Н. А. Хомского, М. Халле, Р. В. Лиза и др. В понимании Харриса трансформация (которая часто была обратимой) представляла собой просто соотношение между двумя типами предложений, которые нередко включали общие для обоих предложений ко-окурренты. Однако то, что обычно называется трансформацией в работах Хомского, представляет собой совершенно другое понятие. В общих чертах трансформация по Хомскому — это определенный тип грамматического правила в рамках порождающей грамматики предложения; правило это служит для того, чтобы на его основе производить определенный тип деревьев НС из других деревьев путем перестановок, добавлений или эллипсиса элементов. Как и всякое другое грамматическое правило, оно, в основном, необратимо. В самом деле, обратимость грамматических правил вряд ли вообще имеет смысл. Трансформационное правило можно рассматривать как упорядоченное единство трех элементов: 1) деривационного дерева НС (D), 2) определенного анализа, или разбиения (P) последнего разветвления D и 3) элементарной трансформации ($\mathcal{E}$). Это правило показывает, каким преобразованиям следует подвергнуть элементы P , чтобы получить новое производное дерево D' [иногда производную цепочку называют трансформой (последнего разветвления D)]. Таким образом,

(Правило) [$D, P, \mathcal{E}$] $\rightarrow D'$.

Очень многие правила факультативной (optional) грамматической трансформации служат для того, чтобы включить трансформированный вариант одного предложения в другое путем замещения одного из составляющих последнего. Так, ядерное предложение, являющееся исходным для правила, в действительности состоит из двух ядерных структур. Это конечно, не должно усложнять основную символику выражения трансформационных правил, ибо можно условиться, что верхний узел деривационного дерева D представляет собой $\neq Prd \neq Prd$, а не только $\neq Prd \neq$ (где $\neq$ — граница предложения и Prd — предложение), а нижняя линия (предложение, которое должно быть подвергнуто трансформации) является сцеплением двух входных ядерных предложений.

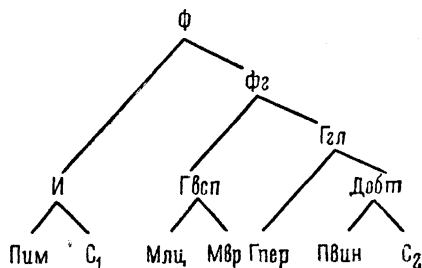
В качестве примера такого факультативного (так называемого «генерализованного») грамматического правила укажу, как некоторые типы предложений в русском языке можно номинализовать таким образом, что порождаются именные составляющие в других предложениях. Ввиду того, что мне неизвестны многие формальные синтаксические подробности русской грамматики развертывания НС, некоторые детали этого примера могут оказаться неверными. Тем не менее очень вероятно, что процесс номинализации, выраженный приводимым правилом, в общем формализуется верно. При использовании принятых здесь сокращенных обозначений составляющих мы не свертываем лишь последнее разветвление каждого релевантного деривационного дерева. Не следует, однако, забывать, что, строго говоря, действие приводимого правила для ядерного выражения распространяется на все деривационное дерево НС.

$$\left. \begin{array}{l} \text{(Правило)} \quad X + Ca + Mc + Y \\ \text{Пим} + C_1 + \text{Млц} + \text{Мер} + \text{Гнер} (\text{Пеин} + C_2) \end{array} \right\} \longrightarrow \begin{array}{l} X + \text{Гнер} + \text{Мсуц} + \\ + \text{Мч} (\text{Прод} + C_2) \text{Пте} + \\ + C_1 + Y \end{array}$$

При изображении второго ядерного предложения (того, которое номинализуется) дается нестандартный порядок элементов, т. е. большинство именных и глагольных суффиксов предшествует морфемам соответствующей основы. Как и в английской грамматике, такой порядок допускает наличие простейшей грамматической структуры НС. Для порождения обычного порядка морфем мы полагаем в дальнейшем воспользоваться обязательным правилом русской грамматики, согласно которому все эти окончания присоединяются к непосредственно последующим основным существительному или глаголу. В этом случае порожденная цепочка будет иметь следующий вид:

$$\longrightarrow X + \text{Гнер} + \text{Мсуц} + \text{Мч} + \text{пад.} (C_2 + \text{Прод}) C_1 + \text{Пте} + Y,$$

где пад. — падежное окончание исходного *Ca*, заключенного внутри произвольной цепочки *X* в первом ядерном предложении и подвергнутого замещению. Дерево структуры НС второго ядерного предложения может тогда иметь следующий вид:

Приведем пример того, как при помощи предложенного правила можно порождать ряд фраз, содержащих глагольное имя на *-ание*:

Пусть: *X* — *Пим*, *ч* — *ед.*, *У* — *изумляет нас*, *C₁* — *человек* + *ед.*, *вр* — *наст.*, *Гнер* — *писа(ть)*, *C₂* — *книг(а)* + *ед.*

Пим + *Ca* + *ед.* + *изумляет* + *нас*

Пим + *человек* + *ед.* + *3-е* + *наст.* + *писа* + *Пеин* + *книг* + *ед.*

Пим + *писа* + *Мсуц* + *ед.* + *Прод* + *книг* + *ед.* + *Пте* + *человек* + *ед.* + *изумляет* + *нас*

$\longrightarrow$ *писа* + *Мсуц* + *ед.* + *Пим* + *книг* + *ед.* + *Прод* + *человек* + *ед.* + *Пте* + *человек* + *ед.* + *изумляет* + *нас*

$\longrightarrow$ *писа* + *ани* + *е* + *книг* + *и* + *человек* + *ом* + *изумляет* + *нас*

$\longrightarrow$ *Писание книги человеком изумляет нас,*

где из самого второго ядерного предложения при дальнейшем применении всех морфофонематических правил можно было бы породить:

человек + *ед.* + *Пим.* + *писа* + *наст.* + *3-е* + *книг* + *ед.* + *Пеин*

$\longrightarrow$ *человек* + *ф* + *писа* + *е* + *т* + *книг* + *у*

$\longrightarrow$ *человек* + *пиш* + *е* + *т* + *книг* + *у*

$\longrightarrow$ *Человек пишет книгу.*

Перевел с английского М. М. Маковский

Т. М. НИКОЛАЕВА

ПИСЬМЕННАЯ РЕЧЬ И СПЕЦИФИКА ЕЕ ИЗУЧЕНИЯ

1. В большинстве существующих традиционных описаний любого языка этот язык обычно представляется некоторой системой однородных знаков, допускающих один способ выражения, одну норму. Однако для каждого языка с давней письменной традицией существует понятие двух языковых стандартов, двух норм — письменной и устной. Специфичность каждой из этих норм обусловлена тремя факторами: наличием собственных средств выражения, наличием собственных единиц и своим собственным строем.

Проблема письменной речи обычно отождествляется с проблемой письма вообще, а последняя — с вопросом о соответствии графических единиц (графем) единицам звуковой речи (фонемам) и с вопросом о разнообразии форм письма у разных народов и об отличии этих форм друг от друга. Однако помимо этого письменная речь должна рассматриваться как особая языковая норма, реализующаяся в письменном тексте.

1. Письменная речь обладает специфическими средствами выражения¹. Такими средствами являются прежде всего знаки алфавита. Во-вторых, средствами выражения в письменной речи являются и единицы второго порядка: а) единицы пунктуационные, под которыми мы понимаем знаки препинания, б) абзац, пробел, курсив, разрядка, подчеркивание, знаки параграфов, различие букв по их количественным данным, различие букв и слов по цвету. Эти средства выражения второго порядка могут быть нормативными (знаки препинания и в меньшей степени знак абзаца) и факультативными (все остальные знаки). В последнем случае они указывают на индивидуальное отношение пишущего к сообщаемому. В устной речи этим знакам приблизительно соответствуют различные интонационные средства (приблизительно — постольку, поскольку членение звучащего отрезка речи не совпадает с членением соответствующего письменного текста).

2. Помимо специфических средств выражения, письменная речь обладает и своими единицами. Единицами письменной речи служат буквы и слова. По замечанию Бодуэна де Куртене, письменный язык прерывен, речь — непрерывна². Это означает, что устное высказывание (фразу) мы воспринимаем как целостный отрезок речи, написанное предложение — как набор дискретных единиц. Об этой особенности звучащей фразы писал С. И. Карцевский³. Единицы звуковой речи в этом случае не соответствуют единицам письменной речи не только на уровне фонем и графем, о чем уже неоднократно писалось, но и на уровне более крупных

В этом случае и в дальнейшем речь будет идти главным образом о языках с латинизированной и кириллической письменной традицией. Содержание соотношения письменной и устной речи как двух языковых норм находится в зависимости от форм устной речи и форм письма. В данном случае мы имеем в виду звуковую речь, как она представлена в соответственной форме главных европейских языков, письменную речь, как она дается в современном письме европейских народов, пользующихся латинской и славянской графикой.

² См. И. А. Бодуэн де Куртене, Об отношении русского письма к русскому языку, СПб., 1912, стр. 16.

³ S. K a r c e v s k i j, Sur la phonologie de la phrase, TCLP, 4, 1931.

единиц — слов. В частности, в звуковой речи проклитические и энклитические элементы примыкают к основному слову и образуют с ним одно целое. В письменной речи, напротив, не существует проклитических и энклитических элементов, а есть лишь линейная последовательность слов, т. е. расстояний между двумя пробелами.

3. Письменный язык отличается от устного и своим строем. Так, например, лексический состав письменного языка не совпадает с лексическим составом устного языка. В частности, двум единицам письменного языка может соответствовать одна единица устного языка (*луг* и *лук* в письменной речи и *лук* в устной). Напротив, одной единице письменной речи могут соответствовать две единицы устной речи. Глагол *нарезать* в письменной речи (при условии, что ударение не ставится) соответствует двум глаголам устного языка — *нарёзать* и *нарезать*. Ниже будет показано различие в морфологии для устной и письменной речи в русском языке.

II. Изучение специфических моделей письменной речи на каждом историческом этапе ее существования и в рамках так называемой «орфографии» может явиться автономной областью языкознания. Ф. де Соссюр, излагая сущность графической системы выражения, видел ее основную функцию лишь в передаче акустических образов⁴. Однако в сознании носителя этих языковых норм каждая единица плана выражения может быть в равной степени связана и с акустическим, и со зрительным образом, или с двумя этими манифестациями одновременно, поскольку «план выражения может манифестироваться как в акустической, так и в графической субстанции»⁵. Во всяком обществе, обладающем письменностью, носители языка являются одновременно посетителями двух языковых стандартов — письменного и устного. В этой связи можно говорить о «биномиримизме» или даже о «билингвизме» людей, знакомых с письменной нормой⁶.

Полное совпадение письменного и устного стандартов не наблюдается в известных языках с письменной традицией. Подобное совпадение возможно в искусственном языке, представляющем собой полные параллели двух стандартов на всех уровнях. Степень различия между этими нормами далеко не всегда обусловлена давностью письменной традиции. Поэтому изучение отношения «письменная речь/устная речь» для различных языков и сопоставительное изучение этих отношений — новая задача для языкознания, еще не получившая освещения в русской лингвистической традиции⁷. Однако возможен и другой метод сопоставления этих норм — от мелких единиц (низший уровень) к более крупным (высший уровень).

III. Системой знаков, выражающих письменную языковую норму, является п и с ь м о. Саму же письменную норму нельзя смешивать с ее письменным выражением, которое является реализацией этой письменной речи. Письмо как система определенных знаков связано с другими зрительно-визуальными средствами выражения, известными человеку. Само же по себе письменное высказывание (но не письменная речь) может существовать в двух вариантах — рукописном и печатном. При переводе одного

⁴ Ф. де Соссюр, Курс общей лингвистики, М., 1933, стр. 46.

⁵ H. Spang-Hanssen, On the simplicity of descriptions, «Recherches structurales» (TCLC, V), 1949, стр. 64.

⁶ J. Vachek, Zum Problem der geschriebenen Sprache, TCLP, 8, 1939.

⁷ Изучение этого отношения важно не только для изучения синхронного состояния языка, но и при исследовании его исторического развития. См. по этому поводу И. А. Бодуэн де Куртене, указ. соч., стр. 38, где говорится, что «в сущности нельзя говорить о „памятниках языка“... Памятники принадлежат к области писанно-зрительной, и поэтому единственно точным выражением будет „памятники письма“». В этом плане история соотношений графем и фонем для определенного периода развития английского языка прослеживается Й. Вахком (J. Vachek, Two chapters of written English, «Brno studies in English», 1, 1959); Г. Хаммарштром предлагает анализ письменных памятников на уровне графем как особый вид анализа речи (G. Hammarström, Graphème, son et phonème dans la description des vieux textes, «Studia neophilologica», XXX, 1959).

варианта в другой происходит лишь изменение единиц низшего уровня (графем) и частичная замена вторичных единиц (замена подчеркивания курсивом, разрядкой и т. д.), сам же строй письменной речи остается неизменным как сам по себе, так и в отношении к устной норме. При неизменности «выражаемого», которое может оставаться инвариантным, «выражающее» графического текста может подвергаться преобразованиям, т. е. конструироваться как из гомогенных единиц (т. е. из графем данного письменного языка), так и из гетерогенных единиц (графем языка и символов науки и т. д.). Наименьшие единицы письменной речи — графемы — в каждом языке образуют свою систему, подобную фонологической системе. Однако несмотря на отдельные попытки⁸ графемология до сих пор не вызвала должного интереса исследователей.

IV. Письменные и устные нормы как две различные знаковые системы могут по-разному пересекаться с другими знаковыми системами. Так, в частности, знаки письменной речи могут соотноситься со знаками других кодов. Такими знаками являются, например, знак градуса, знак «и», цифры и т. д.⁹ Особое значение приобретает изучение подобного рода пересечений при анализе языка таких наук, как математика или химия, располагающих развитыми системами знаков и символов.

V. Специфика письменной речи как знаковой системы, обладающей своими средствами выражения, делает возможным создание особого рода «языков», рассчитанных в основном на прочтение глазами. Таким «языком» является, в частности, язык реклам и объявлений. Средства выражения, характерные для языка рекламы, отличаются от средств выражения обычного письменного языка. Это объясняется особенностью самих реклам (установкой на целостность зрительного охвата). В этом язык реклам отличается от устного, который рассчитан на процессуальное восприятие. В соответствии с этим орфография языка реклам во многих случаях является фонетической. Так, крем для бритья пишется во французской рекламе *razvit* (вместо *rase vite*), чулки — *filpas* (вместо *filent pas*)¹⁰ и т. д. Графема *o* становится средством передачи *o*, *au*, *eau* и т. п. (например, *bometal* вместо *beaumétal*).

VI. Развитие новых точных методов изучения языка, применение математических методов в языкознании¹¹ делает еще более насущным строгое различение того, какая из двух имеющихся языковых норм изучается исследователем¹². Работы в области машинного перевода письменных

⁸ См.: Ф. Тагиров, Удобочитаемость графем новых латинизированных алфавитов (в рукописи); В. А. Артемов, Технографический анализ суммарных букв Нового Алфавита, «Письменность и революция», сб. I (к VI пленуму ВЦК ЦА), М.—Л., 1933; Т. М. Николаева, Классификация русских графем, «Доклады на Конференции по обработке информации, машинному переводу и автоматическому чтению текста», 6, М., 1961, и др. В данном случае необходимо оговорить своего рода случайность единиц алфавита по отношению к языку и их некоторую, так сказать, навязанность извне для носителей этого языка. См. по этому поводу: S. K a r c e v s k i j, Sur la rationalisation de l'orthographe russe, «Зборник у част А. Белића», Београд, 1937.

⁹ Подробное описание знаков, пересекающихся со знаками письменной речи, см. в кн.: I. J. G e l b, A study of writing, London, 1952.

¹⁰ Примеры взяты из книги: M. G a l l i o t, Essai sur la langue de la réclame contemporaine, Toulouse, 1955.

¹¹ Именно развитие прикладного языкознания во многом породило проблему точного описания синхронного состояния письменной речи.

¹² В частности, различение структур письменной и устной речи как с точки зрения различения их строя, так и с точки зрения возможностей их выражения имеет очень большое значение для решения проблем машинного перевода. См. об этом: В. А. Успенский, Итоги работы секции машинного перевода, «Машинный перевод и прикладная лингвистика», 1959, 1(8), стр. 59. Интересные сведения о количестве информации на каждую единицу устной и письменной речи приводят А. М. и И. М. Яглом (А. М. Яглом и И. М. Яглом, Вероятность и информация, М., 1960, стр. 187—214). Авторы учитывают пробел как единицу алфавита в письменной речи, а интонационные моменты и логическое ударение — как единицы устной речи. В книге предлагается формула для установления связи между избыточностью устной и письменной речи: $H \propto$ (фонемы) = $H \propto$ (буквы) · ω , где ω — есть среднее число букв, приходящихся на одну фонему («средняя длина фонемы»).

текстов, статистическое обследование языка, изучение разного рода вероятностных предсказаний в языке каждый раз требуют предварительного ответа на вопрос, к а к о й « я з ы к » м ы и з у ч а е м.

I. Постараемся на конкретном материале показать, что русской письменной речи свойствен свой специфический набор морфем. Будем считать, что типы и количество склонений существительного для устной и письменной речи в русском языке отличаются в следующих случаях: а) когда каждая из этих норм обладает разным набором флексий, посредством которых формируются падежи; б) когда для каждой из этих норм характерно различное распределение флексий по падежам, т. е. каждая норма обладает своими типами склонений; в) когда каждая из этих норм характеризуется специфическими изменениями основ существительного; г) когда для каждой нормы специфично особое распределение основ по падежам.

Первые два условия мы признаем обязательными, так как все существительные изменяются по падежам, присоединяя флексии ¹³. Последние два условия факультативны, так как не все существительные изменяют основу.

II. Если рассмотреть соотношение основы и флексии для слов *дням* и *столам* в письменной и устной речи, то мы увидим следующую картину. Письменная речь: а) *кон* + *ям*, б) *стол* + *ам*; устная речь: а) /кон' + +ам/, б) /стол + ам/, т. е. в данном падеже (дат. падеж мн. числа) в письменной речи существуют две флексии (*-ам* и *-ям*), в устной речи — одна /-ам/. В им. падеже ед. числа существительные мужского рода имеют в письменной речи следующие окончания: нулевое (*φ*), *-ь*, *-й* (*стол*, *конь*, *бой*). Ср. *стол* + *а*, *кон* + *я*, *бо* + *я*. В устной речи все эти существительные имеют только одно окончание — нулевое: /стол/, /кон'-/, /боj-/. ср. /стол+а/, /кон'+а/, /боj+а/ ¹⁴.

Аналогичным образом различаются в письменной и устной речи окончания других падежей. Различие флексий, присоединяемых в отдельных

Таблица 1

		Окончания	
Число	Падежи	Устная речь	Письменная речь
Единствен- ное	им.	φ, /о/, /е/, /а/	-е, -ь, -й, -о, -е, -ё, -а, -я
	род.	/а/, /у/, /ы/, /и/	-а, -я, -у, -ю, -ы, -и
	дат.	/у/, /е/, /и/	-ю, -у, -е, -и
	вин.	/а/, /е/, /у/, /о/, /е/	-а, -е, -я, -ю, -у, -ь, -й, -о, -е
	твор.	/ом/, /ем/, /оj/, /ej/, /jy/	-ом, -ем, -ём, -ой, -ей, -ёй, -ьн
	предл.	/е/, /и/	-е, -и
Множе- ственное	им.	/ы/, /и/, /а/	-и, -ы, -а, -я
	род.	/оф/, /ej/, φ, /еф/	-ей, -ов, -ёв, -ев, -ф, -й
	дат.	/ам/	-ям, -ам
	вин.	/оф/, /и/, /ы/, /а/, φ, /ё/, /еф/	-и, -ей, -ов, -ев, -ёв, -ф, -й, -ы, -а, -я
	твор.	/ами/	-ями, -ами
	предл.	/ах/	-ях, -ах

¹³ Неизменяемые существительные в русском языке немногочисленны и могут в данном случае не учитываться.

¹⁴ Разумеется, в данном случае необходимо учитывать «декретированность» русского правописания. Возможные дальнейшие изменения в орфографии позволяют говорить о письменном языке лишь на данный момент.

падажах, представлены в таблице 1, на которой для каждого падежа выписаны все возможные окончания (с различием письменной и устной речи, причем подразумевается, что окончания в устной речи могут существовать в двух вариантах — ударном и безударном). В основу транскрипции, используемой в данном сообщении, положен один из трех типов лингвистической транскрипции, предложенных Р. И. Аванесовым¹⁵, — так называемая «морфофонематическая транскрипция» с добавлением различения фонем /и/ и /ы/.

Данные табл. 1 говорят о том, что первое наше условие различения морфологии письменной и устной речи выполнено. Таблица показывает, что письменная речь обладает своими морфемами, отличающимися от морфем устной речи¹⁶.

III. Необходимо проверить другое условие — отличаются ли наборы флексий, присоединяемых к основе, для письменной и устной речи, т. е. установить различие типов склонения в данных двух нормах. Для этих целей было проведено исследование, в результате которого составлены две таблицы: одна — для устной, другая — для письменной речи. В каждой таблице по горизонтали указывались все возможные окончания, по вертикали располагались типы склонений, каждое из которых характеризовалось специфическим (не совпадающим ни с одним другим) распределением окончаний (т. е. набором плюсов). Для устной речи каждое из окончаний учитывалось в двух вариантах — ударном и безударном. Различие этих вариантов рассматривалось как достаточное условие для выделения особого типа склонения на фонетическом уровне. Различие в показателях вин. падежа ед. числа для существительных мужского рода и того же падежа мн. числа для мужского и женского рода не считалось достаточным фактором для формирования особого типа. В соответствии с этим слова типа *звук* и *пленник* были отнесены к одному типу склонения.

Данные составленных двух таблиц говорят о том, что в устной речи можно выделить 56 типов склонения существительного, а в письменной речи — 36. Наличие разных типов склонения в устной и письменной речи говорит не только о различиях в самых флексиях, а также в наборе флексий, присоединяемых каждым типом, но и о разном соотношении основы и флексии для письменной и устной речи. Так, например, слова *бой*, *конь* в устной речи одноморфемны и в им. падеже ед. числа представлены чистой основой /боj/, /кон'/, а в письменной речи — двуморфемны и получают в им. падеже ед. числа окончание -ь или -й. Аналогичным образом в род. падеже мн. числа в устной речи слова типа *бань*, *гостей*, *статей* представлены чистой основой, а в письменной — основой и окончанием. Нулевая морфема как значащий показатель падежа в устной речи может в письменной речи соответствовать полнозначной морфеме — /кон'/ : *конь* = ϕ : ь и нулевой морфеме — /стол/ : *стол* = ϕ : ϕ . При этом нулевой морфеме письменной речи в с е г д а¹⁷ соответствует нулевая морфема устной речи, обратное же соотношение не выдерживается.

Различия в типах склонений существительного в устной и письменной речи, установленные на основании данных этих двух таблиц, говорят о выполнении второго условия отличия морфологии русского существительного для устной и письменной речи.

¹⁵ См. Р. И. Аванесов, Фонетика современного русского литературного языка, М., 1956, стр. 213—236.

¹⁶ Существование такого рода морфем уже отмечалось в лингвистической литературе. См., например: D. L. Bolinger, Visual morphemes, «Language», 22, 4, 1946. Однако и здесь и в дальнейшем необходимо учитывать, что речь идет в строгом смысле слова не о морфологии, а о морфемике; письменная и устная речь в русском языке отличается составом и качеством алломорф. Морфемы же в общем смысле в письменной и устной речи соответствуют друг другу, что делает письменную и устную речь вариантами одного языка.

¹⁷ Выше мы указывали, что учитываем здесь лишь современное состояние письма.

IV. Третье условие предполагает различие в изменениях типа основ при образовании падежных форм. Выберем наиболее характерное изменение основы русского существительного при его склонении. В русском языке это изменение осуществляется при помощи добавления или исчезновения так называемого «беглого гласного». Условимся считать подобным изменением основы процесс, когда между двумя согласными (или соответствующими графемами) в пределах одного слова может появляться, исчезать или заменяться определенный гласный (или соответствующая графема), что в то же время не влечет за собой изменений в слове за пределами этих двух согласных.

Обозначим для устной речи первую согласную через x , вторую — через y , соответствующие мягкие варианты — как x_1 и y_1 . При этом в качестве изменяющегося гласного в русском языке могут выступать e , o , u . Опишем в общем виде все возможные типы подобных чередований для существительных в устной речи, считая исходной форму им. падежа ед. числа.

Таблица 2

№ типа	Чередование	Примеры
I	$x_1 + /e/ + y_1 \rightarrow x + y_1$	день $\rightarrow$ дня,
II	$x_1 + /e/ + y \rightarrow x_1 + y$	лев $\rightarrow$ льва
III	$x + /o/ + y \rightarrow x + y$	ров $\rightarrow$ рва
IV	$x + /o/ + y_1 \rightarrow x + y_1$	огонь $\rightarrow$ огня
V	$x_1 + y \rightarrow x_1 + /e/ + y$	кольцо $\rightarrow$ колец
VI	$x + y \rightarrow x_1 + /e/ + y$	сердце $\rightarrow$ сердец
VII	$x + y_1 \rightarrow x_1 + /e/ + y_1$	земля $\rightarrow$ земель, деревня $\rightarrow$ деревень
VIII	$x_1 + y_1 \rightarrow x_1 + /e/ + y$	басня $\rightarrow$ басен, спальня $\rightarrow$ спален
IX	$x + y \rightarrow x + /o/ + y$	сказка $\rightarrow$ сказок, окно $\rightarrow$ окон
X	$x + y_1 \rightarrow x + /o/ + y_1$	кухня $\rightarrow$ кухонь
XI	$x_1 + /u/ + /y/ \rightarrow x + y$	один $\rightarrow$ одна

Составим такую же таблицу типов чередования для письменной речи, обозначив через x и y графемы, соответствующие согласным фонемам. Элементами, подлежащими изменению, в данном случае будут графемы e , o , $\bar{y}$, u , $\bar{y}$.

Таблица 3

№ типа	Чередование	Примеры
I	$x + e + y \rightarrow x + \bar{y} + y$	палец $\rightarrow$ пальца
II	$\phi + e + y \rightarrow \phi + \bar{y} + y$	боец $\rightarrow$ бойца
III	$x + e + y \rightarrow x + y$	день $\rightarrow$ дня
IV	$x + o + y \rightarrow x + y$	рот $\rightarrow$ рта
V	$x + \bar{y} + y \rightarrow x + e + y$	кольцо $\rightarrow$ колец
VI	$x + y \rightarrow x + e + y$	сердце $\rightarrow$ сердец
VII	$x + \bar{y} + \phi \rightarrow x + e + \phi$	статья $\rightarrow$ статей
VIII	$\phi + \bar{y} + y \rightarrow \phi + e + y$	чайка $\rightarrow$ чаек
IX	$x + y \rightarrow x + o + y$	сказка $\rightarrow$ сказок
X	$x + \bar{y} + \phi \rightarrow x + u + \bar{y}$	гостья $\rightarrow$ гостей
XI	$\phi + \bar{y} + y \rightarrow \phi + \bar{y} + y$	заяц $\rightarrow$ зайца
XII	$x + u + y \rightarrow x + y$	один $\rightarrow$ одна

Как видно из сопоставления этих таблиц, типы чередований в устной и письменной речи отличаются следующим:

1. В устной речи обязательно противопоставление двучленного выражения трехчленному $\begin{pmatrix} x+y & x+e & o, u+y \\ 1 & 2 & 1 \end{pmatrix} \begin{pmatrix} 2 & 1 & 3 \end{pmatrix}$; в письменной речи возможно противопоставление и трехчленных выражений $\begin{pmatrix} na+a & e & u \\ 1+2+3 & 1+2+3 \end{pmatrix} \rightarrow na+a & b & u+a$, и двучленного выражения — трехчленному $\begin{pmatrix} p & o & m \\ 1+2+3 \end{pmatrix} \rightarrow p & m & a$

2. Число изменяющихся элементов в письменной речи (*e, o, b, u, я, й*) отличается от числа изменяющихся элементов в устной речи (*/e, o, и/*).

3. В одних и тех же словах в устной речи в чередовании участвуют (обязательно) элементы *x* и *y*, в письменной речи один из них может замениться нулем. Например:

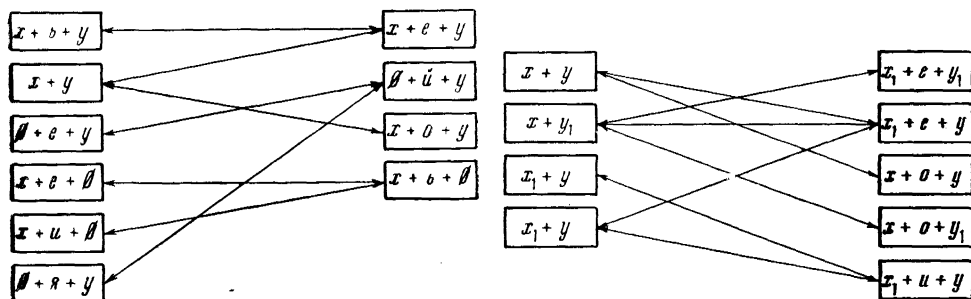
$$\begin{matrix} /бо\dot{е}ц \rightarrow бо\dot{я}ц/ & бо\dot{е}ц \rightarrow бо\dot{й}ц \\ x + /e/ + y & x + y \end{matrix} \quad \text{и} \quad \begin{matrix} бо\dot{е}ц \rightarrow бо\dot{й}ц \\ ey & xy \end{matrix}$$

4. Одни и те же слова в письменной и устной речи могут попадать в различные группы. Так, например, в устной речи слово */бас'н'a* → *бас'ен/* объединяется в один тип со словом */спал'н'a* → *спал'ен/* (тип VIII: $x_1 + y_1 \rightarrow x_1 + e + y$). В письменной речи *басня* → *басен* объединяется в один тип со словом *сердце* → *сердец* (тип VI: $x + y \rightarrow x + e + y$), а *спальня* → *спален* объединяется со словами типа *кольцо* → *колец* (тип V: $x + b + y \rightarrow x + e + y$).

При выделении типа чередований исходной считалась форма им. падежа ед. числа. Если считать процесс чередования обратимым, т. е. записать $a \rightarrow b$ и $b \rightarrow a$ как $a \leftrightarrow b$, то число типов чередований для письменной и устной речи соответственно уменьшится. Так, например, тип IX (в устной речи) будет равен типу III ($ска + э + a \rightarrow ска + зок$; $рос + a \rightarrow рв + a$). Подобное упрощение можно ввести, так как существенным представляется тип изменения группы между двумя согласными, а не то, какая именно основа существительного выступает в каждом падеже. Запишем в таком общем виде возможности чередований для устной и письменной речи.

П и с ь м е н н а я р е ч ь:

У с т н а я р е ч ь:

Как видно и из этих обобщенных типов, изменение внутри основ существительного в письменной русской речи отличается от тех же изменений в устной речи. Таким образом, и третье условие можно считать выполненным.

V. Четвертое условие — различие в количестве основ (выше речь шла о качестве основ) и о распределении их по падежам. В современном русском языке можно выделить 4 типа существительных в зависимости от количества основ и от их распределения по падежам:

I тип — все падежи образуются от одной основы (*стол, дом*).

II тип — им. падеж ед. числа образуется от одной основы, все остальные падежи образуются от второй основы (*конец — конца*).

III тип — все падежи ед. числа и пять падежей мн. числа образуются от одной основы, род. падеж мн. числа образуется от второй основы (*письмо — писем*).

IV тип — все падежи ед. числа образуются от одной основы, все падежи мн. числа образуются от второй основы (*гражданин — граждане*).

В устной и письменной речи одни и те же слова могут принадлежать к различным типам. Например, слова *сосед*, *черт* в письменной речи принадлежат к типу I (имеют одну основу), в устной речи — к типу IV (в ед. числе основа оканчивается на твердый согласный, во мн. числе — на мягкий).

Итак, получив положительный ответ на поставленные четыре условия, морфологию существительного для устного и письменного вариантов русского языка можно считать различной.

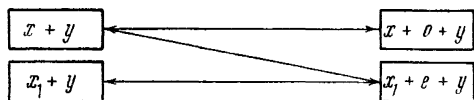
VI. Расхождение между типами словоизменения в устной и письменной речи наиболее ярко выражено у прилагательного. Склонение прилагательного в русском языке с этой точки зрения дает менее яркую картину. Так, у прилагательного и в устном, и в письменном стандарте сохраняется основное различие двух типов склонения (тип *красный* и тип *синий*). Однако для устной речи нет необходимости выделять, как это обычно делается, в качестве особого типа прилагательные, оканчивающиеся на так называемую «мягкую шипящую» (*горячая*, *блестящая*). В устной речи такого рода прилагательные объединяются с типом *синий*. В письменной речи тип *блестящий*, *горячий* также не выделяется в самостоятельную группу, но совпадает при этом не с типом *синий*, а с типом *свежий*.

Всегда в устной речи внутри полных непряжательных прилагательных существует (без различия флексий по ударности) 4 типа склонения: тип I /красно́й — красна́я/ ¹⁸; тип II /с'и́н'и́й — с'и́н'а́я/, /гѡр'ач'и́й — гѡр'ача́я/; тип III /жи́дко́й — жи́дка́я, жи́дко́во/; тип IV /св'ѣ́жо́й — св'ѣ́жа́я, св'ѣ́жево/.

В письменной речи для тех же прилагательных различается 5 типов склонения: тип I *голубой* — *голубая* ¹⁹; тип II *синий* — *синяя*; тип III *красный* — *красная*; тип IV *свежий* — *свежая*, *горячий* — *горячая*; тип V *жидкий* — *жидкая*.

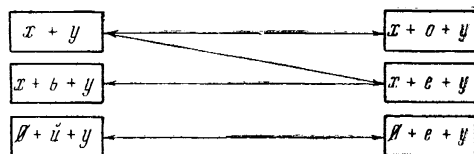
Эти склонения отличаются для устного и письменного варианта не только количеством типов, но и распределением внутри них одних и тех же слов. Изменения основы при склонении прилагательных в русском языке менее разнообразны, чем при склонении существительных. Сопоставим те же изменения с «беглым гласным», которые рассматривались при анализе существительного. Для прилагательного при сохранении принятой формы записи можно выделить следующие типы чередований:

Устная речь:

(г. е. /н'и́зка → н'и́зок/, /бол'на → бол'ен/, /б'една → б'ѣд'ен/).

Письменная речь:

(г. е. *ни́зка* → *ни́зок*, *боле́на* → *боле́н*, *бе́дна* → *бе́ден*, *бойка* → *боек*).

¹⁸ Тип *голубой* в устной речи можно не считать самостоятельным типом, так как он различается лишь флексией *-ой* в им. падеже ед. числа, которая, будучи всегда под ударением, может считаться позиционным вариантом морфемы *-ый*, не встречающейся под ударением.

¹⁹ Для письменной речи различие между *-ой* и *-ый* является релевантным.

Итак, склонение прилагательного в русском языке также различается в зависимости от его использования в устной или письменной речи*.

VII. Для русского глагола морфология письменного и устного стандартов различается на основе следующих данных:

1. Глагольные флексии в устной и письменной речи отличаются в количественном отношении: а) в 3-м лице мн. числа устная речь имеет две флексии — /ут/, /ат/, в письменной речи — четыре (-ут, -ют, -ат, -ят); б) в 1-м лице ед. числа в устной речи имеется одно окончание — /у/, в письменной речи — два: -у и -ю; в) повелительное наклонение в устной речи формируется или из чистой основы (/р'еш/) или при помощи флексии -и. В письменной речи повелительное наклонение формируется при помощи трех окончаний: -ь (*режь*), -й (*пой*) и -и (*неси*); г) при образовании деепричастия настоящего времени в устной речи употребляется окончание /а/, в письменной — -а и -я.

2. Основное различие для глагола в устной и письменной речи в русском языке представляет расхождение в количестве основ для большинства глаголов. Так, для глаголов типа *читать*, *дуть*, *гни* и т. д. в письменной речи существует одна основа (*чита-*, *ду-*, *гни-*), от которой образуются все глагольные формы. В устной речи эти глаголы двусловны — /гни-, гни + j-/, /чита-, чита + j-/, /ду-, ду + j-/ и совпадают по распределению основ с глаголами типа *рисовать*, *брать* и т. п., имеющими две основы.

*

Специфика письменной речи как особым образом организованной знаковой системы может явиться достаточным основанием для построения описательных грамматик, базирующихся только на зрительном восприятии речи. Такие описания, в частности, были бы очень полезны для растущих нужд прикладного языкознания.

* Поправка. На схеме, помещенной на стр. 84, в третьем столбце последнюю строку надлежит читать: $x_1 + y_1$ вместо напечатанного $x_1 + y$.

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

П. С. ПОПОВ

О ЛОГИЧЕСКОМ УДАРЕНИИ

При попытке подойти к вопросу о логическом ударении и его значимости легко убедиться, что этот вопрос логиками почти не затрагивается. Филологи знают и выделяют логическое ударение. Как известно, обычно различаются следующие типы ударения: эмфатическое, фразовое и логическое. Эмфатическое ударение есть ударение эмоциональное — оно служит выражением чувства. Наряду с этим имеется ударение фразовое — оно выделяет группу слов, представляющих единое смысловое целое. Наконец, к области логических ударений обычно относят все то, что не входит в круг эмфатических и фразовых ударений: оттенки мысли, выделение частей суждения, подчеркивание параллелей и т. п. Если мы теперь постараемся разобраться в многообразии логических ударений, то нам прежде всего бросится в глаза большая сложность и нестрога: мы наталкиваемся на целый калейдоскоп мнений и терминов, причем в конечном итоге остаются неясными критерии выделения логического ударения. Порою же происходит смешение разных понятий, например уклон в сторону психологии.

В специальных работах вообще не всегда фигурирует термин «логическое ударение». Иногда языковеды вводят другие термины. Так, например, Марузо выдвигает термин «интеллектуальное ударение»¹; часто речь идет об ударении смысловом; говорят и об ударении «настоятельности» («d'insistance») — соответствующие указания мы находим у Л. Руде и М. Граммона². Используются также такие термины, как «accent de nouveauté» («ударение новизны»), «accent d'opposition» («ударение противоположности»), «accent de contraste» («ударение контраста»). И тут же, как бы сдвывая позиции, филологи часто заявляют, что правильнее говорить «психологическое ударение».

Наметим, пока чисто догматически, те группы, которые, на наш взгляд, надлежит отличать. Думается, что прежде всего следует раскрыть взаимоотношение фразового и логического ударения. Часто у лингвистов, когда они говорят о необходимости различения того или другого момента, все сводится к тому, что одно противопоставляется другому, и этим анализ кончается. Так, в работе М. И. Матусевич логическое ударение отмежевывается от ударения фразового; формулировка такова: логическое ударение представляет собой особый тип ударения, который необходимо отличать от фразового, тем более что часто оно с ним даже вовсе и не совпадает³.

Предвосхищая дальнейшее, скажем, что с оговоркой можно фразовое ударение отнести к ударению логическому. Но нельзя утверждать обратного, поскольку не всякое логическое ударение есть ударение фразовое. В диссертации К. П. Гинтовт о фразовом ударении дается такое определение логического ударения: «Логическое ударение, несущее функцию под-

¹ J. Marouzeau, Accent affectif et accent intellectuel, BSLP, 25, 1, 1924.

² L. Roudet, A propos de l'accent d'insistance en français, BSLP, 26, 2, 1925; M. Grammont, L'accent d'insistance, «Mélanges publiés en l'honneur de P. Boyer», Paris, 1925.

³ М. И. Матусевич, Введение в общую фонетику, Л., 1941, стр. 76—77.

черкивания смыслового центра в предложении, выделяется и своими характерными интонационными особенностями»⁴. Автор считает, что логическое ударение представляет собою один из трех типов фразового ударения. В свою очередь, по Гинтовт, логическое ударение может быть трояким: это — либо предикативное логическое ударение, либо контрастное логическое ударение, либо, наконец, — модальное, подчеркивающее отношение говорящего к высказыванию. При таком делении нельзя не отметить смешения логических и психологических категорий.

В противоположность подобного рода группировкам можно выдвинуть следующую классификацию. Логические ударения распадаются на три группы. Во-первых, это ударения, используемые в целях осмысления. Фраза, синтагма, всякая единица речи не есть механическая связь слов, составляющих данную единицу речи: все эти слова охвачены одним смыслом. Смысл этот может быть нейтральным и четко явствовать из конкретного состава речи. Тем не менее какое-то минимальное интонационное стягивание при осмыслении этого отрезка речи необходимо. Прежде всего мы можем отличать непосредственное логическое ударение осмысления, потому что речь — это не механическое воспроизведение каких-то звуков; всегда происходит хотя бы едва заметное выделение. Абсолютно нейтрального произнесения быть не может. Иное дело ударение, которое фиксирует оттенки речи. Оттенки речи не обязательно подлежат выявлению. Они зависят от других дополнительных факторов (в основном от известных противопоставлений) и находятся в связи с контекстом или обуславливаются противопоставлениями внутри того же отрезка речи. А это уже нечто иное, чем интонационное стягивание первоначального смысла, раскрываемого высказыванием. И, наконец, третье: нужно особо отличать логическое ударение, которое можно назвать «созидательным»; это такое ударение, которое устанавливает н о в ы е смыслы, выявляет н о в ы е качества, вносит н о в о е понимание. Соответствующее ударение можно, пожалуй, назвать также ударением компенсирующим — таково ударение, которое заменяет слово, недостающее в данной речи; введением этого ударения вносятся качественно новый смысл.

В этой связи интересна поучительная брошюра мало известного русского логика Н. А. Васильева⁵; все его исследование построено на том, как понимать слово *некоторые*. Н. А. Васильев приводит следующие слова проф. А. И. Введенского: «Есть случаи, когда в одном предложении высказываются сразу два суждения. Так это бывает в том случае, когда предложение высказывает частное суждение, но так, что логическое ударение ставится на знаке частности (*некоторые, иногда* и т. п.). Например, предложение: *Некоторые простые тела суть металлы* будет высказывать то одно суждение, то два. Высказанное без ударения на слове *некоторые*, это предложение означает такую мысль: „Некоторые простые тела, т. е. некоторая часть объема простых тел, принадлежит к металлам“; причем про другую часть их объема мы не говорим ровно ничего, она может и принадлежать и не принадлежать к металлам. Если же мы сделаем логическое ударение на слове *некоторые*, именно скажем так: *Некоторые простые тела суть металлы*, то тем же самым предложением, как и прежде, мы выскажем не одно, а два суждения сразу, именно: 1) „Некоторая часть простых тел принадлежит к металлам“; 2) „Другая их часть к металлам не принадлежит“. Связь речи всегда дает возможность угадать, как рассматривать данное предложение, как высказывающее одно или два суждения...»⁶ В связи с этой последней установкой мы получаем новые взаимоотношения между суждениями и новую систему умозаключений.

⁴ К. П. Гинтовт, Фразовое ударение в современном английском языке. Канд. диссерт., М., 1955, стр. 173.

⁵ Н. А. Васильев, О частных суждениях, о треугольнике противоположностей, о законе исключенного четвертого, Казань, 1910

⁶ Там же, стр. 14.

Если *некоторые* будет значить «только некоторые», то суждения *I* и *O* уже не будут подчинены суждениям *A* и *E*, а будут им противополагаться. Если верно, что некоторые цветы пахучи, а другие не пахучи, то из суждения *Все цветы пахучи* не будет следовать, что и некоторые определенные цветы пахучи. Взаимоотношение суждений будет строиться иначе; мы будем иметь не квадрат, а треугольник противоположностей. В соответствии с этим меняются и формы дедукции.

Вскоре после того, как Н. А. Васильев выдвинул проблему частных суждений, подобные же выкладки появились и в работах, опубликованных во Франции. В статье С. Гинзберга, посвященной двусмысленности предложений⁷, дается соответствующий анализ французских терминов. Таким образом, нельзя думать (как это иногда делают лингвисты), что тут все зависит от особенностей речи в том или ином языке. Немецкое *einige*, французское *quelques* и русское *некоторые* одинаково несут в себе выявленную выше двусмысленность. Есть языки, в которых имеется большее количество слов, служащих для выявления чисто логических моментов речи. Таков латинский язык. Недаром в старой филологии иногда выдвигалась мысль, что латинский язык имеет все преимущества наилучше оформленного языка в логико-грамматическом отношении. В латинском языке имеются два слова, эквивалентные выражению *некоторые* в разных смыслах: *nonnulli* «во всяком случае некоторые, а может быть, и все» и *alii* «некоторые» в противоположность «другим». Слово *alii* всегда коррелятивно другому слову *alii* (выявленному или скрыто подразумеваемому), поэтому *alii* значит «только некоторые» («одни таковы, другие нет»).

Наиболее четко интересующий нас вопрос был сформулирован давно — еще Т. Липпсом и Ф. Вегенером. По Липпсу, в немецком языке средством обозначения предиката суждения служит ударение⁸. У Ф. Вегенера так и сказано: «Член предложения, на котором стоит ударение, — это и есть логический предикат»⁹.

По мнению Ф. Вегенера, логическое ударение всегда привносит «новое», «заинтересовывающее», «ценное». А. Марти в своей работе «О различении грамматического, логического и психологического субъекта» выдвигает своеобразную точку зрения с интересными деталями: предметом суждения, имеющего личную форму, в сообщениях оказывается то, на что слушатель должен обратить внимание, но это не есть, как думают Ф. Вегенер и Т. Липпс, обязательно ударяемое слово или слово, занимающее главное место (Г. Габеленц). Оба момента функционально различно проявляются в разных языках, да и в пределах одного языка¹⁰.

Наконец, обратимся еще к одному примеру из области учения о разделительных умозаклключениях; оно, как известно, связано со значением союза *или* (*entweder — oder*). *Или*, которое является основным стержнем для разделительных умозаклключения, имеет два совершенно различных смысла: 1) значение различия, строгого размежевания одного от другого; 2) чисто перечислительное значение без отграничения одного члена от другого. Слово здесь одно, а понятия разные, причем понятия эти такие, что в зависимости от них меняется и природа, и структура разделительного умозаклключения. В связи с этим современная математическая логика различает строгую и ослабленную дизъюнкцию. Интересно, что в английском законодательстве употребляется даже особое вспомогательное средство для

⁷ S. Ginzberg, 'Note sur le sens équivoque des propositions particulières, «Revue de métaphysique et de morale», 1913.

⁸ Th. Lipp s., Grundzüge der Logik, Hamburg, 1893, стр. 40.

⁹ Ph. W e g e n e r, Untersuchungen über die Grundfragen des Sprachlebens, Halle, 1885 стр. 29.

¹⁰ A. M a r t y, Über die Scheidung von grammatischem, logischem und psychologischem Subjekt resp. Prädikat, «Gesammelte Schriften», II, Abt. 1, Halle (Saale), 1918, стр. 351.

замены тона и логического ударения: когда «или-или» не должно выражать строго разделительного суждения, то его пишут так: $\frac{и}{или}$.

Не только логики, но и многие лингвисты отмечали, что логическое ударение не просто выделяет, не просто подчеркивает, а творит новый смысл, восполняя отсутствие других факторов, которыми почему-либо речь не может пользоваться. Наиболее отчетливо из русских лингвистов это выявил А. М. Пешковский. Сравнивая два высказывания: *Ты куда?* и *Ты куда спешишь?*, Пешковский пишет: «... во всех неполных предложениях интонация прямо создает важнейшую форму словосочетания — предложение. Мало того, даже в тех случаях, когда эта форма выражена другими средствами, именно в так называемых п о л н ы х предложениях, интонация все же п о м о г а е т выразить этот оттенок, так как ведь и полные предложения произносятся все с той же интонацией законченной мысли»¹¹.

Слова: *пожар, воды, спасите, куда, назад*, взятые как таковые, — не предложения. Если же я воскликну: *Пожар! Воды! Спасите! Куда? Назад!* — то это уже предложения. Таким образом, неполное предложение буквально создается интонацией. Мы как бы стягиваем в одно слово интонацию целой фразы. Точные наблюдения над вопросительной интонацией показывают, что она тем слабее звучит, чем большую роль играют другие средства. Так, фразу: *Читал ли ты это?* мы обычно произносим с гораздо меньшим повышением голоса на ударном слоге слова *читал*, чем фразу: *Читал ты это?* А эту фразу в свою очередь — с меньшим повышением, чем фразу: *Ты читал это?* Вся вопросительность высказывания *Ты читал это?* создается интонацией¹². Без этой интонации не было бы вопросительного предложения: ударение здесь творит смысл.

А. М. Пешковский подметил еще одну тонкую деталь. Он говорит в связи с вопросом о подлежащем и сказуемом: «Нам думается..., что ударение на глаголе (в широком смысле)... должно требовать для себя при прочих равных условиях м е н ь ш е й с и л ы, чем ударение на каком-нибудь другом слове. Гипотезу эту мы основываем на том, что в этом случае фразно-интонационный фактор (в его внутренней сущности) и грамматический фактор с о в н а д а ю т..., а в том случае, когда ударение делается на подлежащем или зависящем от него неглагольном слове, расходятся, тянут в разные стороны. Во втором случае интонационный фактор как будто бы должен громче (и в переносном и в буквальном смысле) заявить о себе»¹³. Возьмем классический пример: *Древние персы поклонялись солнцу*. Я произношу это высказывание безотносительно, но фразовое ударение тут все-таки останется. Оно распространится на глагол и дополнение. Глагол и дополнение будут как-то выделяться по сравнению с тем, как произносятся слова *древние персы*. Далее я могу начать вносить логические оттенки: *Древние персы поклонялись солнцу*. Это значит, что современные персы солнцу не поклоняются. *Древние персы поклонялись солнцу*. Здесь подразумевается, что предметом поклонения, например, индусов, был другой объект. Я могу далее сказать: *Древние персы покло-*

¹¹ А. М. Пешковский, Русский синтаксис в научном освещении, 6-е изд., М., 1938, стр. 70.

¹² А. М. Пешковский, указ. соч., стр. 75. В настоящем экскурсе не проводятся различия между предложением и фразой, на чем так настаивает Пешковский. Для данной интерпретации это различие значения не имеет. Что же касается термина «интонация», вводимого в этом разделе Пешковским, то он более правильный. И действительно, дело не в одной ударности слога. Та же Матусевич пишет: «В слове, получающем логическое ударение, обычный ударный слог становится еще более сильным и высоким по тону» (стр. 74). Для А. А. Реформатского сила или слабость произнесения есть лишь момент интонации («Введение в языкознание», М., 1955, стр. 153). Следовательно, правильнее было бы говорить «логическая интонация» (ударность — лишь ингредиент). Однако принятое словупотребление «логическое ударение» не позволяет с ним не считаться.

¹³ Там же, стр. 177.

нялись *солнцу*. Следовательно, не луне, не Зевсу, а именно солнцу. И, наконец, я могу сказать, что *Древние персы поклонялись солнцу*, а не игнорировали его с мифологической точки зрения, как, например, могут его игнорировать современные иранцы.

Таким образом, на слове *поклонялись* может быть двоякое ударение. В случае нейтрального произнесения интересующей нас фразы у меня будет чувствоваться едва заметное ударение, которое выразит смысл фразы в целом, но не выявит никакого оттенка. При усиленном же выделении слова *поклонялись* образуется антитеза. Во всех других вышеприведенных случаях выражается особый оттенок, причем подразумевается антитеза: так или иначе предполагается, что есть современные индусы, которые относятся к солнцу не так, как древние персы, или есть древние народности, которые не обоготворяли солнца, наконец, есть различное отношение к солнцу: можно ему поклоняться, а можно не придавать ему никакого значения.

Все это очень важно для подтверждения того, как ударение творит новые ценности, созидает новые смыслы, порою совершенно неожиданные и непредвиденные. Это не просто выявление смысла — и без того подразумеваемого, и без того данного.

У О. Бехагеля в его «Истории немецкого языка»¹⁴ для логического ударения выдвигается следующее общее правило. Два слова получают одинаково сильное ударение в случае, если они для слушателя имеют одинаковое значение. Обычно их ударение различно, если нет такой одинаковости. Так объясняется наблюдаемая Франком разница между «модальным» и «предикативным» наречием. Смысл предложения *Es wird schlecht gehen* всецело зависит от ударения. Как отмечает Бехагель, если ударение распространяется равномерно над *schlecht* и *gehen*, тогда смысл будет: «дело пойдет с трудом». Если же произносить это предложение, выделяя первое слово *schlecht*, то это даст оттенок: «дело кончится печально».

Приведем французские примеры (из М. Граммона): *la ville entière* «все население», *la ville entière* «весь народ в целом»; *un maître d'hôtel* «метр-д-отель», *le maître de l'hôtel* «хозяин гостиницы». Надо обратить внимание еще на следующее. У нас всегда оказывается больше ударения на *entière*, чем на *ville*, как бы мы ни старались уравновесить два этих слова. Ведь французский язык принципиально тяготеет к ударению на последнем слове. Поэтому, чтобы состоялся логически нужный эффект, нужно еще дополнительно сделать «оттяжку», пустить в ход особую логическую паузу. Это и естественно. Мы знаем, что если последний удар в колокол очень силен, то нужно сделать паузу, чтобы этот последний удар не заглушил предшествующего. Так и здесь — во французском примере, приведенном М. Граммоном.

В русском языке наблюдается то же самое. Приведу любопытный пример. В «Евгении Онегине» мы читаем: «Служив отлично-благородно, долгом жил его отец». Издатели стали ставить запятую между *отлично* и *благородно*. Получился другой смысл, ибо одно дело сказать: «Служив отлично, благородно», другое дело: «отлично-благородно», ибо *отлично благородно* в качестве самостоятельной синтагмы на языке прошлого значило: «отменно благородно» или «очень благородно»¹⁵. Между прочим, есть такое выражение (оно сохранилось до наших дней): *отлично хорошо*. Можно сказать: *Мы отвечали отлично, хорошо*, а можно сказать *отлично хорошо* («отменно хорошо»). Вплоть до самой Октябрьской революции в некоторых учебных заведениях в аттестатах писалось: ... *при отлично хорошем поведении*.

¹⁴ О. Behagel, Geschichte der deutschen Sprache, 5-te Aufl., Berlin—Leipzig, 1928.

¹⁵ См. Н. О. Лернер, Пушкинологовические этюды, V — Об одной запятой в «Евгении Онегине», «Звенья», V, М.—Л., 1935, стр. 60—62.

Приведем пример из Крылова — его знаменитую концовку: «А ларчик просто открывался». Фраза эта уже давно превратилась в поговорку. Мы произносим так: «А ларчик *просто* открывался». Если же читать всю басню целиком, то так произносить бессмысленно. По содержанию басни был вызван механик-мудрец. Он выяснил, что видимого замка нет, стал прощупывать гвоздики, т. е. искать запор. Поэтому в заключении нужно сказать: «А ларчик просто *открывался*» — ударение должно быть на слове *открывался*, ибо, вопреки домыслам мудреца, ящик не был вовсе заперт. Интересен немецкий пример (О. Бехагеля): *Sie redeten zusammen* «Они говорили между собой»; *Sie redeten zusammen* «Они говорили одновременно». Этот пример, однако, можно истолковать и иначе, если иметь в виду, что под *zusammen* без отношения к ударению можно разуметь и то, и другое: то ли они говорили между собой, то ли одновременно. Бехагель, однако, считает, что здесь разные смыслы «творяются» интонацией.

Обратимся теперь к более сложному примеру. Мне представляется, что значение популярнейших лекций нашего крупнейшего историка в стенах Московского университета В. О. Ключевского зависело от богатства его логических (творческих) ударений. Его лекции уже были напечатаны, текст был распространен. Можно было следить, как он читает по печатным или литографированным изданиям, а аудитория тем не менее неуклонно из года в год продолжала расти. Нужно подчеркнуть, как свидетельствуют ученики В. О. Ключевского, что он произносил свои лекции, неукоснительно следуя печатному тексту, мало что добавляя от себя. Близкие друзья и знакомые В. О. Ключевского порою недоумевали: каким образом он поднялся до высоты первоклассного оратора, когда в жизни был зайкой. Пользовался же Ключевский своим заиканием следующим образом. Обыкновенно у зайк происходит срыв на последних словах. Ключевский задерживал и, так сказать, предупреждал этот срыв, делая нарочитую паузу и как бы завлекая внимание слушателей. Если следовать теории Липпса, то можно сказать, что Ключевский нарочито выделял логическое сказуемое и этим подчеркивал смысл предложения в целом.

Логическое ударение зависит от того, что можно назвать контрапозицией. Наша речь может быть уподоблена движению конькобежца. Мы отталкиваемся одной ногой, а другой скользим вперед. Для того чтобы что-нибудь подчеркнуть, нужно от чего-нибудь оттолкнуться. Тогда мы будем опираться на контрасты; для отчетливости и выразительности необходимо, чтобы речь была контрапозитивна. Тогда дается фон, который позволяет играть логическими ударениями.

Есть очень поучительная мемуарная статья о Ключевском, принадлежащая перу опытного литератора, историка, ученика Ключевского А. А. Кизеветтера. По первому впечатлению она может показаться несколько загадочной, если не вдуматься в те черты Ключевского как оратора, на которых настаивает мемуарист. Посвящена статья Ключевскому как преподавателю¹⁶. Автор начинает с вопроса о значении лекционного способа преподавания. Часто не без основания говорят: зачем читать с кафедры то, что может быть удобно напечатано в форме книги. В чем значение лектора? Мемуарист разъясняет, что нового давал В. О. Ключевский в своих лекциях. Оказывается, своей творческой лабораторией Ключевский не показывал, он мало что, а пожалуй, и ничего не прибавлял на лекциях, не делал никаких непредвиденных экскурсов. Он держался трафарета. Что же он давал все-таки нового и ценного? Мемуарист поясняет: «И разве мы, его бывшие слушатели, прочитывая теперь этот курс, не дополняем каждый раз читаемого невольным воспроизведением в своей памяти голоса, интонаций, игры лица нашего учителя и разве это мысленное воспроизведение не помогает нам глубже проникнуть в намерения автора этого курса?». Ниже А. А. Кизеветтер пишет: «Чтобы чтение лекций со-

¹⁶ См. А. Кизеветтер, В. О. Ключевский как преподаватель, «Русская мысль», кн. XII, М., 1911.

храняло свое значение, несмотря на существование книгопечатания, нужно читать их так, чтобы самый с п о с о б и х п р о и з н е с е н и я (подчеркнуто нами. — П. П.) создавал особенно благоприятное условие для проникновения в смысл читаемого. Наивысшей степенью этого дара и обладал Ключевский. Я хотел бы, чтобы меня поняли. Я говорю не об эстетических эмоциях от мастерского чтения... Я хочу сказать, что на способе произнесения лекций нашим учителем ярко отражался самый склад его научного мышления» (стр. 5).

В. О. Ключевский окрашивал соответствующими интонациями всякий оттенок своей мысли. Бывали в его лекциях патетические места, когда голос лектора падал почти до шепота и слова выговаривались с особой многозначительной медленностью, а аудитория замирала в жутком волнении. Бывали и такие лекции, когда ходили слушать, как Ключевский произнесет ту или иную фразу. Возникает вопрос: что собственно ходили слушать студенты? Без претензии на парадокс можно сказать: ходили слушать логические ударения. Это, разумеется, не значит, что имелись в виду только самые логические ударения или интонации голоса. Нет, это значит другое. Если логическое ударение ставится там, где есть контрапозиция, то последняя предполагает разные возможности. Это создает богатейший фон тех исторических сведений, тех картин прошлого, откуда автор как бы выхватывает отдельные звенья и преподносит их нам. Здесь чувствуется потенциально гораздо более мощное богатство внутреннего содержания, чем при обычной речи. То, что в подобном объяснении нет ничего нарочитого, подтверждается анализом ряда примеров.

Цитируемый мною мемуарист ставит вопрос: что запечатлевалось слушателями раз и навсегда? Дается пример, причем автор оговаривается: «В печатном тексте курса соответствующее место изложено несколько иначе. Я цитирую по собственной дословной студенческой записи». Пример из Ключевского взят такой: «Когда разрушается сильный физический организм, его разрушение сказывается тяжкими вздохами и стонами. Когда гибнет общественный союз, живший долгой и сильной жизнью, его гибель обыкновенно предваряется или сопровождается [пауза] *легендой*» (стр. 11). Сопоставим с печатным текстом курса Ключевского. В печатном тексте Ключевский снял основное логическое ударение со слова «легенда». В издании логическое ударение оказалось ненужным, и там соответствующий текст таков: «Когда разрушается сильный физический организм, его разрушение сказывается тяжкими вздохами и стонами; когда гибнет общественный союз, живший долгой и сильной жизнью, его гибель обыкновенно предваряется или сопровождается легендой, в которую отливается усиленная работа мысли современников над тем, что ими ожидалось или что с ними случилось»¹⁷. Здесь нет применения логического ударения, свои же лекции Ключевский строил так, чтобы иметь материал для игры интонациями.

Еще один пример. В курсе русской истории В. О. Ключевского имеется следующая характеристика Елизаветы: «Это была веселая и набожная царица: от вечерни она ездила на бал, а с бала отправлялась к заутрене; она высоко чтит святыни русских монастырей и оставила после себя гардероб в несколько тысяч платьев; она побеждала Фридриха Великого, брала Берлин и усердно поила своих министров мадерою высокого качества. Будучи воспитана французом Рамбуром и царствуя в национальном духе, она до тонкости знала русскую кухню и до страсти любила французские спектакли, поражала современников недостатком своего образования и основала первый в России университет — Московский»¹⁸. Эти сведения сохранились и в печатном курсе¹⁹, но там они рассортированы

¹⁷ В. К л ю ч е в с к и й, Курс русской истории, ч. II, М., 1906, стр. 126.

¹⁸ В. О. К л ю ч е в с к и й, Новая русская история [курс лекций], [М.], 1881—1882, стр. 189 (литограф. изд.).

¹⁹ В. К л ю ч е в с к и й, Курс русской истории, ч. IV, М., 1910

для систематического изложения. Когда Ключевский стал печатать свой курс, он стал отделять сходное от несходного. Приведенные фразы из литографированного курса, который он несомненно держал перед глазами, когда обрабатывал свой печатный текст, распределены в курсе 1910-го года уже по признаку сходства, а не по контрасту — тут больше систематичности, но меньше выразительности. Таков, например, текст: «Елизавета жила и царствовала в золоченой нищете, она оставила после себя в гардеробе слишком 15 000 платьев, два сундука шелковых чулок, кучу неплаченных счетов и недостроенный громадный Зимний дворец» (стр. 454). И особняком: «Она... побеждала первого стратега того времени Фридриха Великого, брала Берлин, уложила пропасть солдат на полях Цорндорфа и Кунерсдорфа» (стр. 452). В печатных лекциях нет игры контрастов, нет противопоставлений, имеющих в литографированном курсе, в котором отразились изустные логические ударения Ключевского, обозначающего этими ударениями свои лекции.

*

Попробуем четче проклассифицировать приведенный материал. Основная цель — выделить ту группу логических ударений, которая представляется определяющей для выявления познавательно ценных ударений. Прежде всего нужно отделить логическое ударение, сводящееся к раскрытию непосредственного смысла. Каждое высказывание содержит смысл, каждое высказывание стягивается в некоторое единство речи. Это создается при помощи фразового ударения, без которого не может обойтись речь. Вторую разновидность можно назвать так: это есть ударение, коренящееся в к о н т р а п о з и ц и и или основанное на подчеркивании оттенков. Эти оттенки могут быть вскрыты при помощи различного контекста. Тут в свою очередь возможны три случая: во-первых, сама фразовая единица, сама синтагма может содержать такие элементы, которые друг от друга «отталкиваются», например, один элемент бросает свет на другой или второй — на предшествующий. Здесь второй элемент может оказаться или раскрытием состава первого элемента, или контрастом в собственном смысле слова; он может стоять в форме род. падежа, в то время как второй элемент имеет форму им. падежа и т. п. Тут разные возможности. Возьмем пример: *Так ведь я это не только видел, но выследил.* Здесь «отталкиваются» друг от друга *видел* и *выследил*. Это есть контрапозиция в пределах данного отрезка речи. То, что позволяет здесь поставить логическое ударение, содержится в пределах данного речевого отрезка.

Но может быть другая, не имманентная контрапозиция. Я могу взять то же высказывание, но подчеркнуть: *Так ведь я-то это видел* — значит я за это отвечаю. Итак, тут «отталкивание» предполагает некий контекст за пределами данного речевого отрезка.

Может быть еще более детальная контрапозиция. Она заключается в том, что не в пределах данного речевого отрезка, а в пределах с л о в а существуют такие составные части, префиксы и т. п., которые «сталкиваются» с другими аналогичными частями соседнего слова той же фразы. Таким образом, речь строится на борьбе и прогнотивопоставлении не слов, а отдельных частей слов, которые по существу различны. Приведем пример. *L'infanterie était bonne, la cavalerie mauvaise.* Тут не *infanterie* противостоит *cavalerie*, а *in* и *ca* как составные части двух слов. Это приводит к любопытному конфликту, ибо в таких случаях может развернуться борьба ударений в пределах одного и того же слова, что особенно заметно во французском языке. Ведь французский язык дает ударение в конце слова, а когда происходит такая борьба, как между *infanterie* и *cavalerie*, тогда эти слова, произносимые с ослабленным естественным ударением, свойственным французской речи, сопровождаются особой выделяющей оттяжкой первого слога

Возьмем пример из русского языка: *антифашистский, профашистский*. Что чему противостоит? *Фашистский* остается, а *про* и *анти* противостоят друг другу; следовательно, отталкиваются, контрастируют отдельные составные части данного слова, в данном случае — префиксы. Конечно, ударение теряет в приведенных случаях свой логический оттенок, если дело сводится лишь к тому, что плохо расслышанное повторяется для уяснения. Например, не *пятьдесят*, а *шестьдесят*. Немецкий пример: *nicht dreißig, sondern dreizehn*.

Итак, во второй группе можно наблюдать контрапозицию трех различных видов. Первую можно назвать контрапозицией в н у т р и ф р а з о в о й. Под внутрифразовой здесь разумеется то, что контрастные элементы заключены в состав самого отрезка речи. Затем выделяется контрапозиция к о н т е к с т н а я, внефразовая, когда элемент для истолкования не находится в пределах данного отрезка речи. Наконец, имеется конгруппационная внутрисловная, когда составные части самого слова вступают в борьбу. Все эти подвиды составят вторую группу логического ударения.

Первый случай: схема — $[b + a + a_1]$
 Второй случай: схема — $[a + b + c] (a_1)$
 Третий случай: схема — $[ab + a_1b + c]$

Под a и a_1 разумеются контрапозитивные элементы; знак плюс отделяет одно слово (или слова) от другого; прямые скобки замыкают отдельные отрезки речи (фразы). Во второй схеме в особые скобки заключено a_1 , ибо содержание a_1 — неопределенно, оно дано лишь потенциально.

Третья разновидность логических ударений, подлежащая особому изучению, — это созидательное логическое ударение. Тут уже обнаруживаются новые ценности. Как мы видели, имеется совершенно особое понимание слова *некоторые*, когда оно находится под ударением. Размежевание разных групп неизбежно, ибо оно практически дает возможность отказаться от произвольных классификаций логического ударения, содержащихся в многочисленных специальных работах по этому вопросу.

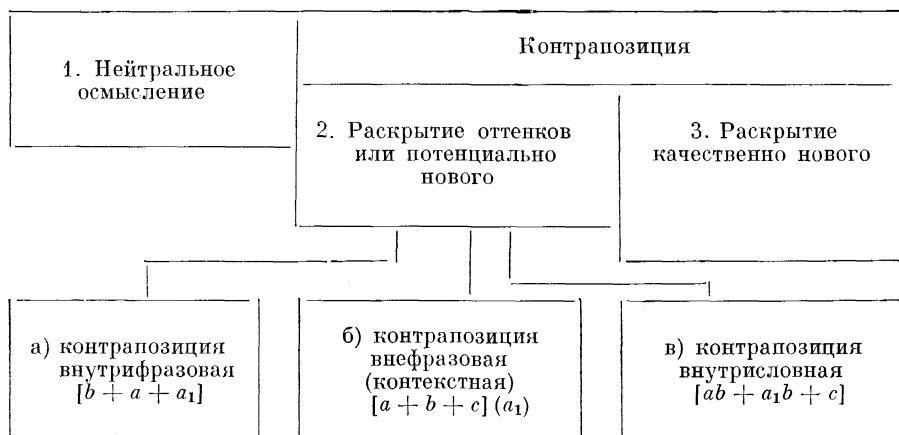
Можно предложить следующую схему рассматриваемой классификации.

Логические ударения

1-я группа

2-я группа

3-я группа

Примеры. 1) *Древние персы поклонялись солнцу* (чуть заметное ударение в конце); 2а) *Я не только слышал, я это видел* своими глазами; 2б) *Древние персы поклонялись солнцу*; 2в) *Он не разрубил, а перерубил*; 3) *Служив отлично благородно* [т. е. весьма благородно]; *Мы ходили*

гулять за город (но: Артиллерийские снаряды не повредили зданиям, ибо попадали за город); Ты пришел? (а не ты пришел); Шляпа! (в смысле: «Эх ты, простофиля!»).

Остается сказать об эмфатическом ударе. С нашей точки зрения фразовое ударение — это своего рода частный случай логического ударения (раскрытие смысла). Что же касается эмфатического ударения, то при попытках решительно отмежевать эмфатические ударения от смысловых отдельные исследователи склонны забывать, что и чувства не что значат, и чувства связаны с целями, особенно когда они выражаются повторно. Французские лингвисты придерживаются такого размежевания: если мы признали эмфатический характер за ударением, то к интеллектуальному ударению данное ударение уже не имеет никакого отношения. Но то же повторное чувство уже не есть только чувство, оно осуществляется во имя какой-то определенной, сознательной цели.

В одном письме 1887 г. А. П. Чехов пишет Н. А. Лейкину: «Насчет литературного фонда — с удовольствием. Если выбаллотируют, то уплатите им не из январского гонорара, а из будущего февральского, ибо сейчас не имею ни гроша. Буквально: ни-гро-ша!»²⁰. Надо обратить внимание на то, что последнее слово, как и текст всего письма, написано, а не было произнесено. Итак, Чехов имел какую-то определенную интеллектуальную цель для того, чтобы расчленил последние два слова. Какую же цель он преследовал? Логическую, смысловую. Ведь между выражениями *Я не имею денег* и *Не имею ни-гро-ша* очень четкая смысловая разница. Чехову хочется сказать: «Поймите всю мысль не только собирательно, но и раздельно, фактически у меня н и ч е г о нет». Разве это просто эмфазис, простая эмоция? Здесь есть эмоциональный момент, но он сознательно используется с целью раскрыть некоторый особый раздельный смысл того, что Чехов сообщает своему корреспонденту. Приведу еще один пример из переписки С. А. Толстой с Л. Н. Толстым, относящейся к 1892 г. В этом году Толстой выступил с очень резкими высказываниями по поводу голода, распространявшегося с ужасающей быстротой из-за режима царствования Александра III. Правительство было взбудоражено деятельностью Толстого. Известно, что в придворных сферах горячо обсуждался вопрос, можно ли терпеть выступления Толстого впредь, не следует ли его репрессировать. Александр III отвел все проектировавшиеся мероприятия указанием, что он не хочет делать из Толстого мученика и создавать ему ореол. Поэтому Толстого оставили в покое. Как известно, Лев Николаевич жил в голодающих губерниях. Софья Андреевна оставалась в Москве и очень волновалась в связи с нависшей над головой мужа угрозой. В одном письме к нему она пишет: «В московском свеге взяли такой тон: *la pauvre comtesse, comme elle est dérangée*. Вчера мне передали²¹, что великая княгиня²² мне очень сочувствует и велит мне сказать, чтоб я не беспокоилась, qu'il n'y a rien, rien à craindre. Второй раз на *rien* делается особое ударение»²³. Поставим вопрос так: о каком ударении пишет С. А. Толстая? Это ударение эмфатическое или логическое? Оно, может быть, первоначально было эмфатическим, но цель его логическая, и тут выявляется новый смысл, который сводится к тому, что Л. Н. Толстой может вовсе не бояться н и к а к и х репрессий. Что значит это ударение на втором слове? Это значит: «решительно ничего нет», «вам совершенно нечего опасаться». Таким образом, здесь эмфатическое ударение имеет явно познавательный смысл, смысл раздельного понимания высказываемой мысли.

²⁰ А. П. Чехов. Полн. собр. соч. и писем, XIII — Письма, М., 1948, стр. 273.

²¹ А. М. Олсуфьева, из придворных кругов.

²² Елизавета Федоровна.

²³ См. С. А. Толстая. Письма к Л. Н. Толстому. 1862—1910, М.—Л., 1936, стр. 497.

В начале XX в. вышла книга И. Л. Смоленского о логическом ударении²⁴. В ней самое ценное — ее заглавие, которое действительно ставит проблему. В своей работе Смоленский замечает, что он нашел всего одного автора, который дает известные указания о логическом ударении в сфере логики. Это — Джевонс. Спора нет, Смоленский преуменьшает. Кое-какие разрозненные наблюдения все же для логики были сделаны. Но чаще всего до сих пор исследователи блуждали вокруг да около, беря за исходное не смысловое определение логического ударения, а фонетическое. Отдельные указания можно найти еще в литературе начала XIX в., но, насколько мне известно, первое определение было дано Гельмгольцем в его исследовании о слуховых ощущениях 1862 г.: «Логическое ударение с акустической стороны есть у с и л е н и е в соединении с п о в ы ш е н и е м звука приблизительно на один тон выше остальных слов предложения». Разумеется, указание Гельмгольца (более чем сомнительное) прежде всего подлежит экспериментальной проверке, но, кроме того, определение Гельмгольца есть определение с несущественной стороны.

Конечно, фонетическая сторона в ударении (resp. интонация) имеется, но не ею определяется функция ударения. Разные виды классификаций ударений у лингвистов не удовлетворяют именно тем, что чаще всего классификация устанавливается по признаку фонетическому. Но с точки зрения логического осмысления это признак несущественный. Для того чтобы разобраться, нужно выделить признак функциональный, т. е. смысловой, а фонетически подходить к этому вопросу — значит обрекать логическое ударение на то, что оно будет жить на задворках в связи со специфическими проблемами фонетики и появляться в логике на первый план лишь вынужденно, когда к тому обнаруживается потребность.

²⁴ И. Л. Смоленский, О логическом ударении. Недостающая в трудах по логике глава, Одесса, 1907.

О. М. БАРСОВА

О ТРЕХ СТЕПЕНЯХ СЛИТНОСТИ ИМЕННОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

(На материале современного английского языка)

Изучение моделей предложения методами современной зарубежной лингвистики связано, с одной стороны, с выбором единиц, в терминах которых описывается предложение, с другой стороны — с приемами изучения предложения как в системе языка, так и в речи (тексте).

Для описания состава предложения в литературе известны в основном два пути: формальные классы дескриптивных лингвистов и синтагматический анализ последователей де Соссюра. Формальные классы в том виде, в котором их дает, например, Ч. К. Фриз¹, включают слова, объединенные по признаку синтаксической функции и синтаксической сочетаемости, а в пределах синтаксических функций — с учетом форм словообразования и словоизменения. Ч. К. Фриз считает свою классификацию результатом нового подхода к предложению, основанного на принципиально новом понимании грамматики. Все указанные моменты учитываются, как известно, и в наших курсах, но классификация Фриза более близка к тем классификациям, которые возникают при работе в области машинного перевода. Но-видимому, работы в указанной области, как у нас, так и за рубежом, приведут к известным изменениям и уточнениям распределения слов по разрядам, однако переход теоретической грамматики на намечаемые классы представляется в настоящее время по меньшей мере преждевременным, поскольку на данном этапе работы не исключаются и фантастические с теоретической точки зрения деления слов².

Интересно отметить, что анализ по непосредственным составляющим дескриптивных лингвистов дает, по крайней мере для английского языка, результаты, сходные с результатами подсчетов при синтагматическом анализе в отношении числа подсчитанных единиц. Так, в одном и том же предложении: *The king of England opened Parliament* — Ф. Микунс считает 7 мнем и $(7-1) = 6$ синтагматических структур³, тогда как Р. Уэллс усматривает 12 мнем, но признает наличие шести составных структур, к которым добавляется седьмая — предложение в целом⁴.

Таким образом, Уэллс получает $(6 - 1) = 7$, т. е. то же уравнение, что и Микунс; некоторые различия существуют лишь в методике подсчета.

Двучленность синтагмы как первичной и основной синтаксической единицы нередко считается основанием для типологических сопоставлений разных языков в плане синхронии. В зарубежном языкознании эти идеи связываются отчасти с идеалистическим пониманием языков как выразителей общечеловеческих, вневременных и наднациональных катего-

¹ Ch. C. Fries, *The structure of English. An introduction to the construction of English sentences*, New York, 1952.

² Ср. выступление А. А. Реформатского по данному вопросу на IV Международном съезде славистов 9 сентября 1958 г.

³ F. Mikuus, *Quelle est en fin de compte la structure-type du langage*, «Lingua», III, 4, 1953.

⁴ R. S. Wells, *Immediate constituents*, «Language», XXIII, 2, 1947.

рий⁵ (как, например, у Ж. Вандриеса⁶, с положениями которого согласен Л. Ельмслев⁷), отчасти также и со смешением методики анализа с семантико-синтаксическим членением предложения (как у Н. Трубецкого⁸). Особенно сложным и устойчивым смешением понятий отличаются взгляды Ш. Балли, который то отличает актуальное членение предложения от его грамматического членения⁹, то пренебрегает этим различием¹⁰, одновременно приравнивая понятия субъекта действия и действия к общему содержанию подлежащего и сказуемого индоевропейских языков¹¹; при этом Ш. Балли утверждает, что синтагма, образованная переходным глаголом и прямым дополнением, бинарна, указывая также и на невозможность употребления всякого глагола без его субъекта¹², т. е. повторяет ошибку Н. Трубецкого. Содержательная статья И. И. Мещанинова о синтаксических группах¹³, к сожалению, также не дает широкому кругу читателей точных представлений о подлежащем и субъекте в разных языках. В частности, остается неясным, предлагает ли И. И. Мещанинов отвергнуть такое положение, как, например, замечание А. И. Смирницкого о трех главных членах предложения некоторых языков¹⁴. Возможность изучения моделей предложения в системе языка теоретически допускается рядом авторов, но практически не разрабатывается.

Изучение связей моделей предложения в тексте не характерно для современной зарубежной лингвистики. Дж. Трейдджер и Г. Смит ограничиваются установлением трех типов стыка на границе предложений¹⁵. Л. Блумфилд и Е. Найда только упоминают о различных составах вопросно-ответных реплик¹⁶. Использование вопросов и ответов у Ч. К. Фриза служит целям определения 15 групп служебных слов, а отчасти и выделению фразеологических единиц; оно не оказывает влияния на уже принятую классификацию предложений. Таким образом, представляется справедливым признать, что современная зарубежная лингвистика до настоящего времени не обнаружила и не уточнила каких-либо новых фактов, относящихся к распределению моделей предложения, к их связям в системе языка и в речи. Не выходят за пределы одного предложения, притом только повествовательного предложения научно-технической литературы, и исследования, связанные с машинным переводом, как у нас, так и за рубежом¹⁷.

Настоящая статья представляет собой попытку осветить — в традициях русского и советского языкознания — вопрос о способах выражения средствами современного английского языка одного из основных синтаксических отношений, именно — отношения основы и ядра высказывания (высказывания «чего-то о чем-то») с учетом грамматического членения предложения. Материалом исследования служит художественная литература Англии и Америки от второй половины прошлого века до наших дней.

⁵ Ср. О. С. Ахманова, О стилистической дифференциации слов, «Сборник статей по языкознанию. Профессору МГУ В. В. Виноградову», М., 1958, стр. 25.

⁶ J. V e n d r y è s, La comparaison en linguistique, BSLP, 42 (1942—1945), 1, 1946.

⁷ См. его статью в «Acta linguistica», IV, 3, Copenhagen, 1944.

⁸ N. T r u b e t z k o y, Le rapport entre le déterminé, le déterminant et le défini, сб. «Mélanges Bally», Genève, 1939, стр. 75—82.

⁹ Ш. Б а л л и, Общая лингвистика и вопросы французского языка, М., 1955, §105.

¹⁰ Там же, §§ 154—155.

¹¹ Там же, § 154 (ср. замечание А. И. С м и р н и ц к о г о, Синтаксис английского языка, М., 1957, стр. 110).

¹² Там же, § 190, примеч.

¹³ И. И. М е щ а н и н о в, Синтаксические группы, ВЯ, 1958, 3.

¹⁴ А. И. С м и р н и ц к и й, Синтаксис английского языка, стр. 199.

¹⁵ G. L. T r a g e r, H. L. S m i t h, An outline of English structure, Oklahoma, 1951.

¹⁶ L. B l o o m f i e l d, Language, New York, 1933, стр. 176; E. A. N i d a, Linguistic interludes, Glendale (California), 1944, стр. 57.

¹⁷ См. соответствующие статьи в журнале «Вопросы языкознания» за 1956—1960 гг. и доклады на IV Международном съезде славистов.

*

Среди структурно-семантических типов предложения современного английского языка выделяется группа, которую можно иллюстрировать следующими примерами: «... I can just remember the „Titanic“! Awful, the waste in the world» (J. Galsworthy) «... я вспоминаю судьбу „Титаника“! Ужасны эти потери в мире!»; «Curious thing, the mentality of a child!» (Bennett) «Странная вещь — ум ребенка!»; «... you may call me if you want anything in the night. — Wonderful civility this!» (Ch. Brontë) «... вы можете позвать меня, если вам что-нибудь понадобится ночью. — Удивительная любезность это!».

Характерными признаками данного типа предложения является наличие двух элементов, разделенных паузой (на письме обычно запятой) при отсутствии личной формы глагола-связки. Первый элемент, по-видимому, несет на себе главное ударение, сопровождаемое падением тона; второй элемент произносится с более слабым ударением и в пониженном регистре. Общее грамматическое значение данной модели представляется возможным определить как характеристику предмета его признаком; в этом отношении, как и по своей эмоциональной окрашенности, она подобна двусоставным предложениям с именным сказуемым и инверсией главных членов, описанным Л. М. Булгаковой¹⁸.

В отличие от двусоставного предложения со связкой, данный тип предложения не имеет «паузы сказуемости» (в понимании акад. Л. В. Щербы) и не допускает переноса главного ударения с одной части на другую. Этой закреплённости интонационного рисунка соответствует закреплённость за двумя элементами предложения членения на основу и ядро высказывания. Членение предложения «основа — ядро» в данном случае всегда совпадает с членением по грамматическому составу и с синтаксическим (ритмо-мелодическим) членением. Два главных элемента рассматриваемой модели поставлены рядом, соотнесены друг с другом, но сохраняют следы раздельности: более или менее ясную срединную паузу, различный для каждого элемента особый рисунок интонационного оформления. Таким образом, данная модель как бы не имеет той полноты единства, той степени слитности, которая присуща обычному двусоставному предложению. Такие предложения вряд ли можно назвать простыми предложениями. Назовем их «предложениями неполной слитности типа I».

Предложение неполной слитности типа I может иметь в своем составе в качестве первого элемента (назовем его «элементом Б») имя прилагательное, или имя существительное, или соответствующее словосочетание; во втором элементе (назовем его «элементом А») — имя существительное, или местоименное существительное, особенно указательное (см. примеры выше), равно как и словосочетание с именем существительным в качестве стержневого слова.

Данный тип предложения был уже не раз описан, но без сопоставления актуального членения модели с ее грамматическим членением. Е. Крейзинга называет его «предложением с присоединенным подлежащим» (appended subject)¹⁹, О. Есперсен помещает его в третий тип «предикатов без глагола»²⁰; Дж. Рис выделяет из именных структур особый тип, в котором он предполагает пропуск местоименного подлежащего и связки в начале предложения с восстановлением подлежащего «после предварительного окончания предложения»²¹. Английский пример Риса: (*He is*) *a wonderful man, your father!* — неудачен, поскольку неопределенный артикль в данной модели неупотребителен, а употребительность местоимения во

¹⁸ Л. М. Булгакова, Место подлежащего относительно сказуемого в современном английском языке, «Ин. яз. в шк.», 1950, 2, стр. 30.

¹⁹ E. Kruisinga, A handbook of present-day English, pt. 3, Utrecht, 1925, стр. 426.

²⁰ O. Jespersen, Modern English grammar on historical principles, 2, pt. 3, Heidelberg, 1927, стр. 372.

²¹ J. Ries, Was ist ein Satz?, Prag, 1931, стр. 171.

втором элементе противоречит предположению о пропуске его в первой части.

Характерно, что в начальном положении данной модели может находиться не более одного слова или словосочетания, т. е. элементу А может предшествовать только одиночный элемент Б. Возможные другие элементы, однородные элементу Б, занимают место в постпозиции относительно элемента А. При этом постпозитивная характеристика сама является основой для следующей характеристики, например: «... they passed the Cenotaph. „Curiously symptomatic — that thing“, — said sir Lawrence, — „monument to the dread of swank — most characteristic“» (Galsworthy) «...они прошли памятник неизвестному солдату. „Удивительно симптоматична эта вещь, — сказал сэр Лоренс, — памятник боязни хвастовства — чрезвычайно характерно“».

*

В современном английском языке существует и второй тип предложения, которое представляется возможным отнести к предложениям неполной слитности (назовем его предложением неполной слитности типа II). Здесь наблюдаются различные степени объединения двух элементов (соответствующие примеры ниже отмечены буквенными обозначениями «а» и «б»): а) «Michael not cheerful!» (Galsworthy) «Майкл невесел!; «... he thought of his life... The pain and the struggle, the long bitter years of pain and struggle—useless» (Maltz) «...он думал о своей жизни... страдание и борьба, долгие, горькие годы страдания и борьбы — и все напрасно!; б) «Dear old Nick! Such a good fellow, but a racketsy chap!» (Galsworthy) «Славный старина Ник! Такой хороший парень, но беспорядочный!; «Women! — he cried, — Our hope and our despair!» (Caldwell) «Женщины! — вскричал он, — Наша надежда и наше отчаяние!».

Из приведенных примеров только примеры первого ряда (ряда «а») упоминаются в грамматиках О. Есперсена, Е. Крейзинги, Дж. Кёрма и др. О. Есперсен относит их к первому типу «предикатов без глагола»²². Дж. Кёрм видит в них «старый аппозиционный тип предложения»²³. Дж. Рис, напротив, усматривает в них нарочитую примитивность, переходящую в свою противоположность — утонченный стилистический прием²⁴.

Второй ряд (ряд «б») в грамматиках не упоминается. Он был определен в процессе изучения синтаксической сочетаемости именных контекстуальных предложений современного английского языка. Была обнаружена повторяющаяся последовательность субстантивного предложения, близко напоминающего русский «именительный представления» (для английского языка можно говорить об «именном», в отличие от «местоименного», именительного), и второго именного предложения, контекстуального, со значением характеристики предмета, обозначенного первым предложением.

Следует отметить, что такая последовательность в современном английском языке не является ни единственной, ни наиболее употребительной; именное предложение со значением характеристики предмета, названного в предшествующем предложении, сочетается и с предложением обычного типа, в котором характеризуемый предмет выражен чаще всего прямым дополнением.

Характерной особенностью предложения неполной слитности типа II является его употребительность в переспросе и повторе. Предложение неполной слитности типа I в указанных условиях не употребительно.

²² О. Есперсен, указ. соч., стр. 372.

²³ G. O. Curme, A grammar of the English language, III— Syntax, Boston — New York — Chicago, 1934, стр. 28—30.

²⁴ J. Ries, указ. соч., стр. 170.

*

Нетрудно заметить, что описанные выше два типа предложения неполной слитности современного английского языка напоминают «сегментированные предложения» Ш. Балли²⁵ с их различным порядком следования членов, а разновидность «б» типа II напоминает «сочиненные предложения» Ш. Балли. Отличие описанных выше моделей предложения от предложений Ш. Балли заключается в следующем:

1. Явления сегментации и сочинения у Ш. Балли показаны на искусственных примерах условного «детского» языка, к которым приравнены, по признаку функционального сходжения, развернутые сложные предложения современного французского языка. В настоящей работе три степени слитности именных предложений показаны на фактическом материале художественной литературы современного английского языка, где они употребительны в прямой, несобственной прямой речи и в описаниях.

2. Сочинение, сегментация и связанное предложение, по мнению Ш. Балли, могут рассматриваться как показатели генезиса двусоставного предложения с именным сказуемым индоевропейского типа. В настоящей статье исследование проведено в плане синхронии, что дает возможность изучать явления на общедоступном языковом материале, не прибегая к сугубо гипотетическому эмбриональному состоянию.

Рассмотренные здесь явления выходят за пределы синтаксиса английского языка. Действительно, подобные модели предложения существуют и в других языках, например: *Was für ein Tölpel, dieser Bursche!*²⁶; *Jolie, cette petite!*²⁷. С другой стороны, здесь, как кажется, намечаются пути дальнейшего исследования предложений с именным сказуемым, в отличие от предложений с глагольным сказуемым, с точки зрения соотношений актуального членения и членения грамматического. Ведь еще А. А. Шахматов подчеркивал «определенные отношения к возможности стать выразителем субъекта или предиката» в простом предложении с простым именным сказуемым в русском языке²⁸.

По данным современного английского языка отношение основы (темы) и ядра высказывания (иначе: высказывание чего-то о чем-то) может быть выражено синтаксическими построениями по меньшей мере трех различных степеней слитности. Синтаксическая сочетаемость (первая степень), предложение неполной слитности (вторая степень) и обычный тип двусоставного предложения с именным сказуемым (третья степень) обнаруживаются с полной прозрачностью на моделях типа II с порядком следования АБ. Первая степень слитности: грамматически независимые предложения, оформленные интонацией законченности, семантически соотносены как основа и ядро высказывания: «*My poor, poor Tess, my dearest darling Tess! So sweet, so good, so true!*» (Th. Hardy) «Моя бедная, бедная Тэсс, моя дорогая голубушка Тэсс! Такая нежная, такая добрая, такая верная!». Вторая степень слитности: предложение неполной слитности с тем же семантическим соотношением элементов: «*Michael not cheerful!*» (Galsworthy) «Майкл невесел!». Третья степень слитности: двусоставное предложение обычного типа с именным сказуемым: «*That chap Cardigan,— he said, —is a funny fellow!*» (Galsworthy) «Этот Кардиган,— сказал он,— странный парень».

Вопрос о возможности дальнейшего увеличения слитности членов предложения и соответствующего опрощения его структуры выходит за рамки настоящей статьи. Для предложений неполной слитности типа I установить три степени слитности на материале современного английского

²⁵ Ш. Балли, указ. соч., стр. 64 и сл.

²⁶ Пример заимствован у Риса.

²⁷ Пример заимствован из курса О. И. Богомоловой «Современный французский язык», М., 1948, стр. 365.

²⁸ А. А. Шахматов, Синтаксис русского языка, Л., 1941, стр. 22—23 и примеч. на стр. 25.

языка не удастся, поскольку грамматически независимые предложения с данной смысловой зависимостью при порядке следования БА встречаются исключительно редко. Представляется справедливым считать, что интонационный рисунок описанных здесь предложений неполной слитности заслуживает экспериментального исследования.

*

Заслуживает внимания и то обстоятельство, что в описанных типах предложения неполной слитности наблюдается своеобразное ограничение семантической структуры категории модальности и категории времени.

В предложениях неполной слитности типа I (с порядком следования членов БА) возможно только или прямое утверждение, или прямое отрицание. С этим связана неупотребительность данной модели в вопросительной форме. Предложения неполной слитности типа II (с порядком следования членов АБ) могут быть восклицательными и повествовательными; восклицательный тип может быть и вопросительным; повествовательному типу вопросительная форма, вообще говоря, не свойственна. Вопросительная форма восклицательного, т. е. эмоционально окрашенного предложения данной модели, характеризуется особым модальным значением — значением заведомого несоответствия высказывания действительности. Модальная дифференциация идет здесь по линии противопоставления несомненности и несовместности. Этим вопросительная форма предложения неполной слитности типа II (как и некоторые другие модели двусоставного предложения современного английского языка, не содержащие в своем составе личной формы глагола) отличается от вопросительной формы обычного двусоставного предложения, которая только ставит под сомнение соответствие высказывания действительности, но не отвергает его.

Указанная особенность (*nexus of deprecation*, по терминологии О. Ес-персена) характерна для моделей предложений эмоционально окрашенных и употребительных в разговорной речи, но не для моделей, лишенных эмоциональной окраски и употребительных в так называемой «небрежной речи», описание которой выходит за рамки настоящей статьи и которая имеет свои, особые нормы, относящиеся к области синтаксиса простого предложения. Действительно, сравним два примера, из которых первый относится к разговорному общему языку, второй — к так называемой «небрежной речи»: 1) вопросительная форма предложения неполной слитности типа II: «You, — I said, — a favourite with Mr. Rochester? You gifted with the power of pleasing him? You of importance to him in any way? Go! your folly sickens me» (Ch. Brontë) «Ты, — сказала я, — избранница мистера Рочестера? Ты одарена способностью нравиться ему? Ты представляешь для него какой-нибудь интерес? Брось! Мне противно твое безумие»; 2) предложение «небрежной речи»: «Everything all right? — Haviland asked» (Mitchel Wilson) «Все в порядке? — спросил Хэвиленд».

Категория времени, определяемая, как правило, общим планом повествования, не выходит за пределы значений настоящего и прошедшего времени: признак приписывается предмету на большем или меньшем отрезке, включающем момент речи, или на отрезке прошедшего времени, обычно более ограниченного периода. Будущее время может быть выражено только лексически — наречиями времени: «Tessy.... My wife — soon!» (Th. Hardy) «Тэсси... Моя жена — скоро!».

Наблюдения, относящиеся к значениям объективной модальности и времени, подтверждаются случаями так называемого расчлененного вопроса, когда предложение неполной слитности присоединяет к себе краткий вопрос, состоящий из местоимения, замещающего подлежащее, и служебного глагола — представителя сказуемого. В таких случаях встречается только связочный глагол *to be* и только в синтаксических формах, т. е. в формах настоящего и прошедшего времени неопределенной группы (изъявительного наклонения).

Г. Г. ЛЕБЕДЕВА

К ПРОБЛЕМЕ ОТНОСИТЕЛЬНОГО БУДУЩЕГО В ИТАЛЬЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

Во всех основных романских языках, кроме румынского, новая форма условного наклонения сложилась аналитическим путем из имперфекта или перфекта глагола *habere* и инфинитива спрягаемого глагола. Та же форма стала употребляться с индикативным модальным значением для выражения относительного будущего в системе времен прошедшего плана. Как в модальной, так и во временной функции романские языки сохраняют корреляцию простой и сложной формы. Можно спорить о модальном и временном значениях этих форм, но очевидно, что современные испанский, португальский, французский и провансальский языки сохраняют простой и описательный кондиционалис, простое и сложное относительное будущее.

Занятия историческим синтаксисом итальянского языка приводят к мысли о том, что взаимоотношения между простой и сложной формой кондиционалиса сложились здесь иначе, чем в других романских языках. Синтаксические инновации, происшедшие в итальянском языке в XIX в. в сфере употребления будущего в прошедшем, не имели места в других перечисленных выше романских языках. Эти инновации дают возможность по-новому подойти к проблеме соотношения условного наклонения и относительного будущего в романских языках.

Изменения, имевшие место в этой области, связаны с трансформациями, происшедшими в системе вида итальянского (а шире — общероманского) глагола. Развитие итальянского языка приводит, очевидно, к постепенной утрате современным языком грамматических способов выражения вида, которое достигалось противопоставлением простого и сложного относительного будущего. Нельзя считать, однако, это объяснение исчерпывающим и единственно правильным.

В итальянском языке мы встречаемся с несколько необычным (по сравнению с другими романскими языками) употреблением простой и сложной формы будущего в прошедшем. Сравнительный анализ употребления форм относительного будущего в языке А. Мандзони и в современном языке дает ответ на поставленный вопрос: простое или сложное относительное будущее? Прежде всего бросается в глаза предпочтение, которое Мандзони оказывает простому относительному будущему. Часто оно употребляется для выражения будущего действия, которое может быть представлено как длительное во времени. Особенно ярок этот видовой оттенок протяженности при пассивной форме глагола: «...fece sparger la voce, che la sua casa sarebbe aperta a chiunque ci si volesse rifugiare...» (Manzoni, стр. 357)»¹ «... он заставил распространить слух, что его дом будет открыт для любого, кто захотел бы искать в нем убежище».

Трудно согласиться с точкой зрения Ф. Палацци, который объясняет употребление простой и сложной формы относительного будущего совпадением (простая форма) или несовпадением (сложная форма) в дальнейшем

¹ В статье используется материал следующих произведений: A. Manzoni, I Promessi Sposi, Milano, 1893; A. Moravia, La Romana, Milano, 1957, E. De Amicis, Novelle, Milano, 1913.

действия с реальной действительностью². В характеристике относительного будущего главное заключается не в том, совпадет или не совпадет в будущем действие с реальной действительностью, а в том, что относительное будущее так же, как и простое будущее, выражает индикативную модальность, модальное содержание этих форм адекватно.

Сложная форма относительного будущего встречается в дополнительной конструкции значительно реже, чем простая форма. Большая часть этих примеров падает на модальные глаголы. Анализ всех случаев ее употребления у Мандзони показывает, что она является выразителем двух значений: значения результитивного относительного будущего и гипотетической модальности: «Il curato rispose che... nè i guadagni della professione, nè le rendite di certi campicelli... non sarebbero bastate, in quell'annata, a metterlo in istato d'esser liberale con gli altri (Manzoni, стр. 298). «... священник ответил, что... ни заработков от профессии, ни доходов с небольших участков... не хватило бы в этот год, чтобы дать ему возможность быть либеральным с другими...».

Очень часто в сложной форме совпадают и модальное и видовое значение, т. е. форма выражает возможное в будущем действие, представленное не как длительное во времени, а как законченное и результитивное. Сопоставление подобных случаев с простым относительным будущим по видовому признаку также возможно. Возьмем два примера с глаголом *sapere* в значении «уметь»: «Fece intendere che, in ogni caso, la sua famiglia avrebbe saputo prendersi una soddisfazione...» (Manzoni, стр. 60—61) «Он дал понять, что во всяком случае его семья сумела бы добиться удовлетворения»; «... s'andava figurando ugualmente che quella Provvidenza medesima..., saprebbe trovar la maniera di far che Renzo si rassegnasse anche lui, non pensasse più...» (Manzoni, стр. 290) «... она представляла также, что само Провидение... сумеет найти способ сделать так, чтобы Ренцо тоже смирился, не думал больше...».

В русском переводе видовая характеристика форм стирается, во втором случае глагол *saprebbe* следует понимать как «будет уметь; находится в состоянии умения». Умение провидения завершать свои дела рассматривается героиней как постоянный признак, т. е. длительный во времени, в то время как в первом примере для говорящего важен результат действия.

Следовательно, Мандзони для выражения будущего в прошедшем употребляет простую форму относительного будущего, которая выражает длительное действие. Если для говорящего лица важно подчеркнуть, что действие закончится и будет налицо его результат, употребляется сложное относительное будущее, т. е. *disse che comprerebbe* и *disse che avrebbe comprato* могут быть противопоставлены по видовому признаку. Сложная форма является также средством выражения гипотетической модальности в плане прошедшего, она двусмысленна. Часто оба значения совпадают, тогда сложная форма имеет значение результитивного действия, возможного в будущем.

После Мандзони картина резко меняется, и то, что являлось правилом для этого автора, для других становится исключением. Сложная форма относительного будущего явно становится преобладающей в литературных текстах. Она распространяется на все глаголы, независимо от их семантики. Употребление простой формы относительного будущего становится чрезвычайно редким, а в современном языке сложная форма вытеснила окончательно простое относительное будущее из плана прошедшего.

Тенденция употреблять сложную форму вместо простой выявляется особенно ярко при сопоставлении употребления глагола *essere* у Мандзони и у современных авторов. Этот глагол в соединении с именной частью, выраженной прилагательным или причастием, образует предикат, обозначающий признак, длительный во времени. У Мандзони в подобных

² F. P a l a z z i, Grammatica moderna, Milano, 1947, стр. 226.

случаях мы встречаем простую форму относительного будущего: «... e pensò che, anche lì, una dormitina sarebbe ben saporita» (Manzoni, стр. 214). «... и он подумал, что даже там будет приятно немного соснуть» (дословно: «недлительный сон будет приятен»).

В аналогичных синтаксических условиях у современных авторов всегда сложная форма относительного будущего: «... pensavo che il mio amore sarebbe stato più forte della sua avversione e che, alla fine, ... lui mi avrebbe a sua volta amata» (Moravia, стр. 334) «... Я думала, что моя любовь будет сильнее его отвращения, и что в конце концов... он в свою очередь полюбит меня».

Сложная форма относительного будущего распространилась на все глаголы, независимо от их семантики, а простое относительное будущее вышло из сферы плана прошедшего. Следовательно, в современном языке сложная форма должна была совместить в себе свои функции с функциями вышедшей из употребления формы. Так как, исходя из текстов первой половины и середины XIX в., мы можем говорить об употреблении двух форм для выражения относительного будущего, а у современных авторов наблюдается тенденция всюду употреблять сложное относительное будущее, то, очевидно, меняется вся система времен прошедшего плана. Таким образом, схема, основанная на видовом противопоставлении простой и сложной формы относительного будущего, сводится к схеме, в которой это видовое противопоставление нарушается в результате выпадения простого относительного будущего.

И с х е м а (до Манцони включительно)

Главное предложение	Придаточное предложение	
	следование	
		с результативным оттенком
1. imperfetto	1. futuro semplice nel passato	1. futuro composto nel passato
2. passato remoto	2. imperfetto indicativo	
3. passato prossimo	3. imperfetto congiuntivo	
4. trapassato prossimo		

И с х е м а (по текстам современных авторов)

Главное предложение	Придаточное предложение
	следование
1. imperfetto	1. futuro composto nel passato
2. passato remoto	2. imperfetto indicativo
3. passato prossimo	3. imperfetto congiuntivo
4. trapassato prossimo	

Выпадение простого относительного будущего из системы времен прошедшего плана привело к нарушению существовавшей ранее соотносительности простой и сложной формы по видовым признакам. Осталась одна форма, в которой должны были совпасть три значения: значение вышедшего из употребления будущего в прошедшем и существовавшие ранее значения сложной формы.

Выше говорилось о том, что сложная форма относительного будущего распространилась на все глаголы, независимо от их семантики. В ней совпали три значения: значение простого относительного будущего, значение результативного будущего и значение гипотетической модальности. В результате прежняя корреляция была нарушена. До XIX в. видовые различия выражались морфологически, путем противопоставления сложной и простой формы, но затем развитие языка привело к уничтожению грамматических способов выражения вида.

Трудно сказать, какие причины вызвали замену *disse che scriverebbe* формой *disse che avrebbe scritto*. Возможно, выпадение простого относительного будущего было вызвано тем, что в плане прошедшего более естественным было употребление сложных времен, так как сложная форма точнее выражала прошедшее законченное действие. Во всяком случае, вытеснение простой формы сложной вносило больше гармонии в систему времен настоящего плана, поскольку уничтожало грамматическую омонимию, существовавшую ранее между *scriverebbe*, употребляемом для выражения относительного будущего, и *etc.* — той же формой, имеющей модальное значение в плане настоящего. Если мы не можем точно установить, каковы были причины подобного сдвига времен, мы можем с уверенностью констатировать, что этот сдвиг произошел только в итальянском языке и что сложное будущее вытеснило простое из плана прошедших времен.

Сложная форма стала употребляться по отношению к будущему, лишенному видовой характеристики, так как сама по себе потеряла способность выражать видовые оттенки. Иногда сложное относительное будущее употребляется как вышедшее из употребления простое. Встречаются случаи, когда сложное будущее приобретает видовой оттенок законченности — однако и результативность, и длительность действия не являются его грамматическими значениями, видовые оттенки привносятся окружающим контекстом.

Оттенок длительности чаще всего достигается употреблением рядом со сложным будущим различных обстоятельственных речений времени, благодаря которым действие растягивается в будущем (*giorno per giorno*, *sempre* и т. д.): «*Si diceva che la guerra sarebbe durata anni ed anni*» (Amicis, стр. 155) «Говорили, что война будет длиться долгие годы». Тенденция к распространению сложной формы вместо простой привела к изменениям в соотношении времен не только в плане прошедшего, но затронула и систему плана настоящего. Если у Мандзони синтагме *dice che farà* соответствует в системе прошедших времен *disse che farebbe* и *disse che avrebbe fatto*, то в современном языке ей уже соответствует только *disse che avrebbe fatto*. Развитие языка привело к утрате грамматических способов выражения вида.

Сложная форма претерпела большие изменения в значении. У Мандзони она была результативным будущим и соотносилась с простым, которое было противоположно ей по значению. В современном языке она стала нейтральным временем, способным выражать видовые оттенки только в соответствующем контексте.

Выпадение простого относительного будущего из системы времен прошедшего плана изменило соотношение времен и в другом аспекте, а именно — в модальном. Синтагме *dice che farebbe* настоящего плана соответствовало в системе прошедших времен *disse che avrebbe fatto*. Благодаря наличию простого относительного будущего противопоставление модального и временного употребления форм в какой-то степени сохранялось (именно в какой-то степени, ибо это противопоставление можно назвать таковым только относительно современного положения в языке, в котором подобное соотношение нарушено). Действительно, так как существовала временная синтагма *disse che farebbe*, модальная синтагма *disse che avrebbe fatto* противопоставлялась ей не только по значению, но и по форме. Но подобное сопоставление нарушалось тем обстоятельством, что синтагма *disse che*

avrebbe fatto могла также употребляться с временно-видовым значением, т. е. как относительное будущее. Когда простое будущее вышло из сферы относительных времен, противопоставление временной и модальной формы было совершенно утрачено, так как в оставшейся сложной форме совпали два значения: значение относительного будущего и значение гипотетической модальности. Выход из употребления простого относительного будущего в современном языке привел к двум противоположным результатам. С одной стороны, его выпадение из плана прошедшего и ограничение тем самым его употребления только планом настоящего для выражения модального значения привели к уничтожению существовавшей ранее омонимии и внесли больше стройности в систему согласования времен, ибо употребление простой формы в плане прошедшего было менее логичным, чем употребление сложной формы. С другой стороны, в результате выпадения простого будущего омонимия увеличилась в сфере прошедших времен, так как сложная форма стала выразителем относительного будущего и гипотетической модальности. Сдвиг времен от простого будущего в прошедшем к сложному важен для разрешения проблемы соотношения условного наклонения и относительного будущего в итальянском языке.

Не ставя своей целью изложение истории и теории этой проблемы в романистике, укажем на ее некоторые новые аспекты, возникающие в связи с указанным сдвигом времен. При решении проблемы соотношения временного и модального употребления формы, образованной от имперфекта глагола *habere* и инфинитива спрягаемого глагола, исходят главным образом из ее значения. Если рассматриваемая форма имеет такое модальное содержание, которое отличает ее от значения других имеющихся в языке наклонений, то это служит достаточным основанием для выделения ее в самостоятельное наклонение.

Для итальянского языка этот критерий не может иметь такого решающего значения, как, например, для французского языка, так как семантическая и синтаксическая характеристика условного и сослагательного наклонений в последнем гораздо резче, чем характеристика тех же наклонений в итальянском. Это происходит потому, что итальянское сослагательное наклонение, сохранившееся в условном периоде, может выражать и обуславливающее и обусловленное действие, т. е. выражение гипотетической модальности присуще не только условному наклонению, но и сослагательному. Значение этих двух наклонений частично совпадает в итальянском языке. Это обстоятельство делает необходимым привлечение новых аргументов, логически вытекающих в связи с рассмотренным выше сдвигом времен.

Удельный вес простой и сложной формы на разных этапах развития итальянского языка был различен. Во временной функции, как мы видели, их соотношение изменялось в пользу сложной формы. Параллельный процесс наблюдается в употреблении времен внутри условного наклонения. Их соотношение, например, в условном периоде можно выразить следующим образом: чем дальше от древнего состояния языка, тем чаще употребление сложной формы кондиционалиса в условном периоде. Эта давно уже установленная закономерность развития романских языков распространяется и на итальянский язык. Не имея возможности заниматься здесь подробным анализом итальянского условного наклонения в историческом плане, отметим одну его интересную особенность, связанную с рассмотренной выше эволюцией сложного относительного будущего. В современном языке сложный кондиционалис в условном периоде (*disse che avrebbe fatto, se avesse potuto*) начинает выражать также действие, соотношенное с будущим.

Расширение семантики сложного кондиционалиса в подобных случаях связано, без сомнения, с эволюцией относительного будущего. Новое значение у сложной формы кондиционалиса, которая обозначала сначала действие, соотношенное с прошедшим и с настоящим, развивается под

влиянием сложного относительного будущего. Так как сложная форма, вытеснив простую, стала употребляться как будущее в прошедшем и приобрела значение будущего действия, сложная форма в модальной функции получила способность выражать в условном периоде соотносимое с будущим действие.

Таким образом, употребление и значение модальной и временной форм взаимосвязаны. Изменения, происходящие в семантике одной, отражаются на значении другой. Влияние временной формы на модальную, доказывающее их тесную связь, опровергает точку зрения тех лингвистов, которые хотели бы резко разграничить модальную и временную формы, отнеся их к различным наклонениям. Взаимные влияния двух форм, устанавливаемые при анализе их употребления в историческом плане, приводят к мысли о том, что при рассмотрении проблемы соотношения условного наклонения и относительного будущего одного синхронного анализа не достаточно. Их взаимосвязанность заставляет видеть в модальном и временном значении формы, образованной от перфекта глагола *habere* и инфинитива спрягаемого глагола, случай полисемии, а не случай грамматической омонимии. Можно было бы высказать еще одно соображение в пользу этой точки зрения.

Развитие итальянского языка привело к тому, что будущее в прошедшем стало выражаться здесь только сложной формой. Если бы мы исходили из современного состояния языка, то наличие одной только формы казалось бы странным и необъяснимым. Исторический анализ употребления относительного будущего доказывает нам, что современному состоянию предшествовал значительный по времени период, в течение которого существовала корреляция сложной и простой форм. Эта корреляция была утрачена языком во второй половине XIX в. Если относительное будущее является самостоятельным временем, независимым от условного наклонения и совершенно не связанным с последним, то оно должно употребляться как время со всеми своими формами. Тот факт, что в современном языке стало грамматической нормой употребление только сложного относительного будущего, говорит о том, что условное наклонение и будущее в прошедшем являются не омонимичными формами, а двумя значениями одной формы.

Исторический анализ соотношения простых и сложных времен внутри условного наклонения и относительного будущего дает возможность утверждать, что условное наклонение и относительное будущее в итальянском языке являются двумя значениями одной формы.

Подведем итоги. Синтаксические инновации, происшедшие в итальянском языке во второй половине XIX в., не имели места в других романских языках, которые употребляют параллельную ему форму для условного наклонения и относительного будущего. Сдвиг времен от простого относительного будущего к сложному мы объясняем утратой морфологических способов выражения вида и стремлением к употреблению в плане прошедшего сложных времен в зависимых конструкциях.

Е. М. БЫКОВА

ПРЕДЛОЖЕНИЯ С ИНФИНИТНО-ГЛАГОЛЬНЫМИ ОБОРОТАМИ В БЕНГАЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

Одним из важных и до сих пор не разрешенных вопросов синтаксиса бенгальского языка является вопрос о структуре предложения с абсолютными оборотами и об их соотношении с простыми предложениями, с одной стороны, и со сложными предложениями, — с другой. Структурный тип бенгальского предложения *dāt thākte tār maryyada kehai bujhe nā* (пословица) «Пока зубы целы, их никто не ценит» (буквально: «Зуб существуя, никто не понимает его важности») находит свое типологическое соответствие во многих языках: индоарийских, тюркских, финно-угорских, монгольских, дагестанских, дравидийских и др.¹

Большинство исследователей бенгальского языка, считая одним из основных признаков предложения, в том числе и придаточного, наличие финитного глагола, все предложения с инфинитно-глагольными конструкциями относят к простому предложению². Некоторые относят их к сложноподчиненному предложению³. При этом в качестве примеров такого «простого» или «сложного» предложения с инфинитно-глагольным оборотом приводятся главным образом предложения с оборотами, образуемыми условным дееспричастием (формой на *-ile*).

Прежде чем анализировать критерии, которыми следует пользоваться при определении типа предложений с оборотами, образуемыми инфинитными формами глагола, и прежде чем зачислять эти обороты в тот или иной разряд, отметим основные грамматические значения, выражаемые этими оборотами. Остановимся также на случаях их сочетаемости с рядом служебных слов, конкретизирующих (или приносящих) временные, видовые и модальные отношения. Условное дееспричастие образует обороты с условно-временным отношением: *grahan lagle sabai dekhe* (пословица) «Затмение солнца все видят» [буквально: «Затмение солнца если (когда)-начавшись, все видят»]; *ek man hale samudra śukay* (пословица) «Если все как один, так и море высушить можно» (буквально: «Единая душа если-ставши, море высыхает»); *kari kṛṣṇa dui bhāi, kari hale kṛṣṇa pāi* (пословица) «Деньги и бог родные братья, есть деньги — бога получаю». Условное дееспричастие может сопровождаться послелогом *par* «после»: *kānti jal khāile par brāhman tāhar paricay tailen* (Р. Тагор, Счастливые смотритны) «После того как Канти напился воды, брахман спросил у него, кто он?». Эта форма может сочетаться также с частицами *i* и *o*, и тогда ее значение несколько изменяется: *parikṣār phal bahir hailei se bāri yāibe* (Р. Тагор, Крупение) «Как только будут известны результаты экзаменов, он придет домой»; *bārite musalman baburci thākar vyāparṭā sakale nā janileo e kathātā sabāi jānita ye, . . .* (Шоротчондро, Последний вопрос) «Хотя не всем было известно, что в доме есть повар-мусульманин, все считали, что. . .».

В образовании инфинитно-глагольных абсолютных оборотов принимают участие еще две дееспричастные формы; одна из них — форма на *-ite*, обозначающая действие не совершившееся или одновременное другому, вторая — форма на *-iyā*, обозначающая действие совершившееся или предшествующее другому. Значение каждой из этих форм, т. е. способность выражать совершенность или несовершенность действия, определяется ее аспектные отношения, в каких находятся между собою абсолютный оборот и главная часть предложения.

В оборотах с формой на *-ite* выражаются действие или состояние, происходящее в тот же отрезок времени, на протяжении которого совершается действие в главной части предложения: *dāt thākte tār maryyādā kehai bujhe nā* (см. выше);

¹ К этому же структурному типу, вероятно, следует отнести английский оборот *Weather permitting, we start to-morrow* (пример заимствован из книги А. И. Смирницкого «Синтаксис английского языка», М., 1957, стр. 279).

² См.: Śrī jagadīścandra Ghos, Mātrbhāṣā, Kalikātā, 1954, стр. 118; его же, Adhunik bānlā vyākaraṇ, Kalikātā, 1956, стр. 274; Haranāth Ghos o Śrisukumār Sen, Bānlā bhāṣār vyākaraṇ, Kalikātā, 1956, стр. 294.

³ Śrīsunitikumār Caṭṭopādhyāy, Bhāṣā — Prakāś Bāṅgālā vyākaraṇ, Kalikātā, 1945, стр. 366.

paraksane aśubabu tāhar kanyake laiya praveś karite sakalei sasammāne tāhāder abhyarthana karilen (Шоротчондро, Последний вопрос) «Вслед за тем вошел Ашу-бабу со своей дочерью, и все почтительно их приветствовали»; *ghora nā hatei cābuk* (пословица) «Коня нет, зато кнут есть»; *daityata bhor na hatei... gāye āsto* (Кх. Миттро, Сказка) «Не успевало наступить утро (утро не наступая), как чудовище... приходило в деревню»; *rayas barte bayle tar deher māper badal hay* (Р. Тагор, О бенгальском языке) «С возрастом (возраст увеличиваясь) происходит изменения (человеческого) тела».

В оборотах с формой на *-iya* выражается действие или состояние, предшествующее тому, о чем сообщается в главной части предложения: ...*khanik pare āoya, kamiya jal phutite thake* (М. Бондопадхай, Совесть) «...а затем шум утихает (шум утихнув), и уже слышно бульканье закипевшей воды».

Абсолютные обороты в бенгальском языке образуются также при помощи формы на *-iba*, равно как и основы глагола. Форма на *-iba*, по своему происхождению — причастие будущего времени, в современном бенгали имеет главным образом значение имени действия, в котором и выступает в абсолютных оборотах. Основа глагола имеет два главных грамматических значения: причастия прошедшего времени (пассивного) или активного в зависимости от семантики глагольного корня и имени действия; в абсолютных конструкциях используется основа глагола в значении имени действия (при этом в большинстве случаев она оформляется показателем местного падежа).

Имя действия на *-iba* употребляется в абсолютных оборотах в сочетаниях со служебными словами: с частицей *matra* «только, лишь» или с послелогами *par* «после», *age*, *pūrve* «до» и т. п., которые и придают обстоятельственное значение обороту. Например: ...*serip suyog ghatibar pūrve itimadhye nanda vatsare vatsare prāiz paile lagila* (Р. Тагор, Неудача) «...пока это не произошло (буквально: такой случай до совершения), Нондо каждый год получал награды»; *gach parbar age gacher bādar bhāge* (пословица) «Обезьяны разбегаются с дерева еще до того, как оно упадет»; ...*se... pāta kinārāy lāgibāmātra tīre uthila* (Н. Бидданагор, Басни) «...как только лист пристал к берегу, он (муравей)... выполз на берег».

Конструкции с основой глагола-именем действия образуют обороты с временным и причинным отношением: *banla deśe tar musta bara dṛṣṭanta bankimcandra. tar age bhāsar madhye asarata chila; tini jagiye deoyāte tar yena sparśabodh gela bere* (Р. Тагор, О бенгальском языке) «Яркий пример этого в Бенгалии — Бонкимчондро. До него язык был точно окостеневшим. Бонким разбудил его (буквально: он в разбуживании), и способность его к восприятию как бы усилилась; ...*pāta pipīlikar sammukhe parate se tāhar upar ūhiya basila* (Н. Бидданагор, Басни) «...когда лист упал (лист в падении) к ногам муравья, тот взобрался на него».

Переходя к вопросу об основных критериях, которые следует учитывать при определении типа рассмотренных выше предложений, отметим, что если подходить к ним с точки зрения логики, т. е. если говорить о наличии в указанных предложениях сложного суждения и, в частности об их смысловом соответствии сложному предложению, то можно прийти к выводу о том, что все инфинитно-глагольные обороты представляют собой придаточные предложения.

Однако подход к анализу предложения с логической точки зрения всегда чреват, как известно, определенными опасностями. Как, например, логические субъект и предикат не обязательно соответствуют грамматическим подлежащему и сказуемому, так и сложное суждение не обязательно должно быть выражено формально точно соответствующей ему конструкции предложения. Гораздо важнее учет грамматических особенностей.

Чрезвычайно существенным является то, что инфинитно-глагольный оборот в бенгальском языке может содержать свое предикативное словосочетание. Такими предикативными словосочетаниями в инфинитно-глагольных оборотах в приведенных выше предложениях служат сочетания имени или местоимения в им. падеже с той или иной инфинитно-глагольной формой: *grahan lage* «затмение солнца, если (когда)-начавшись», *kanti jal khaile par* «Канти воду когда-выпивши затем», *garam haleo* «жара если-даже-бывши», *dāt thakte* «зуб будучи», *tini jagiye parāte* «он в разбуживании», *gach parbar age* «дерево падения-до» и т. д.

Сочетания эти можно назвать сочетаниями подлежащего и сказуемого или, иначе, предикативными словосочетаниями⁴. Основанием для этого служит, во-первых, то, что в них выражаются связи между субъектом и предикатом, причем субъект

⁴ Мы не считаем, что для предикативного словосочетания, как и для предложения в целом, обязательно наличие финитной формы глагола. Личная форма глагола является наиболее употребительным средством выражения сказуемого, но она совершенно не обязательна. Во многих языках известны такие предложения, которые строятся без помощи личной формы глагола. Сказуемое в них может быть выражено именем или даже неличной формой глагола, как, например, в бенгальском: ...*sañge ke ekti strilok dāriye* (Шоротчондро, Последний вопрос) «Рядом с ним какая-то женщина стоит (встала)», где сказуемое выражено глагольной формой на *-iya* (= *-iye*).

обозначен словом в независимой форме — в форме им. падежа. Во-вторых, субъект инфинитно-глагольного оборота отличен от субъекта главной части предложения; отличается и действие: инфинитно-глагольная форма, его обозначающая, не имеет непосредственных ни смысловых, ни грамматических связей с субъектом главной части предложения. Ср. предложения, приведенные выше, с такими: *ekdin sakāle kānti baṭe basiyā banduker cañ svahaste pariškār karitechen* (Р. Тагор, Счастливые (смотрины) «Однажды утром Канти, сидя в лодке, чистил ружье»; *adṛṣṭe thākilē rīpad kothāy nā ghaṭe* (Р. Тагор, Неправимое несчастье) «...если суждено, несчастье где угодно настигнет»; *nālāy paribāmātrai adhikañṣa lavan jal lāgiyā galiyā gela* (И. Биддашагор, Басни) «Упав в канаву, большая часть соли, намкнув в воде, растаяла».

Но можно ли этот признак, т. е. наличие подлежащего и сказуемого, выдвинуть в качестве решающего при определении структурного типа предложения, в состав которого входит инфинитно-глагольный оборот? Некоторые исследователи отвечают на этот вопрос положительно. Так, например, Н. З. Гаджиева, полемизируя с теми, кто относит все предложения с подобными оборотами в тюркских языках к простым или сложным, и уточняя тезис об относительной логической самостоятельности придаточного предложения, в качестве основного критерия выдвигает обязательное наличие в придаточном предложении подлежащего и сказуемого⁵.

Однако решение вопроса о том, является ли инфинитно-глагольная конструкция придаточным предложением на основании того, есть в нем самостоятельное подлежащее или нет, неправомерно уже потому, что любое предложение, простое или входящее в состав сложного, может быть односоставным. Наличие подлежащего не является общим признаком и для инфинитно-глагольных конструкций, эквивалентных по содержанию придаточному предложению. В бенгальском языке существуют такие инфинитно-глагольные конструкции, в которых нет подлежащего (оно не подразумевается и не требуется по смыслу); отношения таких конструкций к главной части предложения в общем не отличаются от тех отношений, в которых находится инфинитно-глагольная конструкция, содержащая предикативное сочетание слов в качестве своего организующего центра, структурной основы. Инфинитно-глагольные обороты и без подлежащего логически могут выражать зависимое суждение, эквивалентное суждению, выражаемому придаточным предложением: *hajar taka dileo kata kan jora lage nā* (пословица) «Отрезанное ухо не прирастет, не поможет и тысячи рулий» (буквально: «Тысячу рулий если даже давши...»); *sapke dudh khāoya leo biṣ kame nā* (пословица) «Змею хоть молоком отпаивай, яда у нее не убавится» (буквально: «Змею молоком если-даже-покормиши...»); *gaṅgāy maylā phelle gaṅgār mahatmya gay na* (пословица) «Если в Гангу грязь набросать, величие ее не убавится».

Таким образом, способность абсолютных оборотов содержать свое предикативное словосочетание еще не позволяет ответить на вопрос, к какому структурному типу следует относить предложение, в состав которых они входят. Другой характерной особенностью инфинитно-глагольного оборота является порядок слов в нем: неличная форма глагола, как правило, заключает собою весь оборот. Закрытая конструкция как обязательный признак инфинитно-глагольного оборота отличает его от простого предложения или главного, входящего в состав сложного, так как в простом предложении сказуемое может занимать любое место. Однако и этот признак не относится к таким, на основании которых может быть определен структурный тип предложения с абсолютным оборотом, потому что закрытая конструкция характерна для всех типов инфинитно-глагольных оборотов, а не только для абсолютных (см. ниже).

Этот вопрос можно разрешить, лишь определив, какие категории предикативности могут быть выражены в пределах инфинитно-глагольной абсолютной конструкции и какие грамматические средства используются при образовании предложения с инфинитно-глагольным абсолютным оборотом.

Категории предикативности проявляются⁶ в абсолютной конструкции опосредствованно. Это не означает, что инфинитно-глагольным формам на *-ile, ite, -iyā, -ibā* и глагольной основе совершенно не свойственна, например, грамматическая категория времени, — как известно, все инфинитно-глагольные формы бенгальского языка восходят к древнеиндийским причастиям настоящего, прошедшего и будущего времени; значение времени в известной мере проявляется в них и сейчас. Так, в предложении *iḥāte hāsibār ki pāile* (Р. Тагор, Берег Бибхи) «Что в этом смешного?» (дословно: «Что ты получила в этом, над чем можно смеяться?») в форме *hāsibār* «[то], над чем можно смеяться» выражено модальное значение возможности совершения действия, причем значение будущего времени здесь еще остается довольно опутанным. В известной степени это временное значение проявляется и в абсолютном обороте, но только через отношение к действию главной части предложения: в таких случаях последнее, как правило, предшествует действию инфинитно-глагольного оборота (см. примеры на стр. 110—111).

⁵ «Грамматическое оформление придаточного предложения, как и простого, во всех языках находит свое выражение в подлежащем и сказуемом, двух неотъемлемых структурных элементах предложения. Взаимоотношения между этими основными элементами предложения и создают те отношения, которые обычно называют предикативностью» (Н. З. Гаджиева, Критерии выделения придаточных предложений в тюркских языках, ВЯ, 1957, 3, стр. 113).

Таким образом, категория относительного времени, выражаемого в форме на *-iba*, не дает возможности говорящему соотносить ту часть высказывания, в состав которой она входит, с реальной действительностью непосредственно. Наличие в форме на *-iba* лишь категории относительного времени связано с тенденцией этой формы к утрате категории времени вообще, благодаря чему оказалось возможным использовать ее в качестве обычного несогласованного определения, совершенно безотносительного ко времени: *parbar śabda* «звук падения». Примерно ту же утрату категории времени претерпели и дееспричастия на *-ite*, *-iya* и *-ile*. В каждой из этих форм преобладает либо значение совершенности, либо значение несовершенности. Время же проявляется в них относительно, поэтому они могут обозначать действие или одновременное, или предшествующее другому действию. В инфинитивно-глагольном абсолютном обороте с дееспричастием на *-ile* наряду с категорией относительного времени (форма на *-ile* передает действие предшествующее) выражается категория модальности — отношение говорящего к действию как к условному, как к возможному. Однако в этой форме может быть выражена любая степень достоверности действия. Ср. примеры, приведенные выше (стр. 110—111), с таким инфинитивно-глагольным оборотом: *śakti na thakile anek granthakār mārā yaiten* (Т. Гонгопадхай, Шорнолота) «Если бы у писателей не было этой силы, многие из них умерли бы», где конкретная модальность (нереальность) выражается лишь в результате связи и соотношения с главной частью предложения.

Грамматическими средствами связи инфинитивно-глагольного оборота с главной частью предложения являются примыкание или управление. Благодаря таким связям при отсутствии интонационной завершенности инфинитивно-глагольная конструкция слабо отграничена от развернутого второстепенного члена. Особенно показательны в данном случае конструкции с формой на *-ibā*, равно как и с основой глагола в род. падеже плюс послелоги *pare* «после», *āge*, *pūrvē* «до» и т. д., где чисто именной характер связи сказуемого инфинитивно-глагольного оборота и, таким образом, всего оборота с главной частью предложения сближает их с второстепенным членом. И только то, что такие инфинитивно-глагольные конструкции относятся не к одному из членов главной части предложения, а ко всей этой части, способность их иметь свой предикативный центр не позволяет нам приравнивать их к второстепенным членам и, следовательно, не позволяет определять все синтаксическое целое, в состав которого они входят, как простое предложение. Предложения с инфинитивно-глагольными конструкциями, о которых здесь идет речь, следует относить к особой структурной категории, отличной от простого и от сложного предложений.

Предложения с абсолютными оборотами для некоторых языков явились той промежуточной ступенью («вторым путем»), которая привела к образованию сложного предложения. Однако абсолютные обороты — это все еще обороты, обладающие содержанием придаточных предложений, но не получившие еще формы придаточных предложений. Последняя возникает только тогда, когда, как это случилось в аккадском, место дееспричастия, причастия и инфинитива занимает спрягаемая форма глагола⁶.

Материал бенгальского языка показывает, что из всех точек зрения на природу предложений с инфинитивно-глагольными конструкциями наиболее приемлемой оказывается та, согласно которой инфинитивно-глагольные конструкции рассматриваются как своеобразные синтаксические обороты. Такой точки зрения придерживаются многие исследователи других языков, где наблюдаются типологически сходные конструкции⁷. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что к особой структурной единице, отличной от простого и от сложного предложений, следует относить лишь предложения с абсолютными инфинитивно-глагольными оборотами, в которых неличная глагольная форма не имеет грамматического отношения ни к какому члену основной части предложения. Такие предложения, как *nālay paribāmātrai adhikāṇṣa lavan jal lāgiyā galiyā gela* (см. выше), повторяют структуру простого предложения и, следовательно, не могут быть объединены одним структурным типом предложения с предложением *dāt thākte...* и ему подобными.

Эту основную черту абсолютного инфинитивно-глагольного оборота при определении типа предложения, в состав которого он входит (отсутствие грамматического отношения неличной глагольной формы к какому-либо члену главной части предложения), необходимо иметь в виду также потому, что в бенгальском языке существуют такие инфинитивно-глагольные конструкции, которые характеризуются некусными отношениями, очень сходными с некусными отношениями абсолютного оборота, но не обладают основной его чертой и потому не могут быть поставлены в один ряд с ним. Таково, например, в бенгальском языке сочетание *sāksi nā thākā* «свидетель небыть» в предложении *satya ghaṭanār sāksir saṅkhyā parimita eman-ki āksi nā thākāo asambhav nay* (Р. Тагор, Дом и мир) «Число свидетелей происшед-

⁶ А. Рифтин, О двух путях развития сложного предложения в аккадском языке, «Советское языковедение», III, Л., 1937, стр. 66.

⁷ См., например: П. Н. Перевощиков, О некоторых синтаксических конструкциях в удмуртском языке, ВЯ, 1952, 6; А. Н. Кононов, Грамматика современного турецкого литературного языка, М.—Л., 1956, стр. 440; М. М. Гаджиев, Сложноподчиненное предложение в лезгинском языке, ВЯ, 1956, 1; А. И. Смирнин и Г. Д. Сажеев, Современный монгольский язык, М., 1959, стр. 93 и сл.

ших событий ограничено, и не исключена возможность, что их и вовсе не окажется» («даже свидетель небытие не невозможно»); таковы же сочетания *vr̥ṣṭi theme yāoyā* и *jal parbār* в предложении *vr̥ṣṭi theme yāoyā śānta andhakāre, nārkel pātā theke t̥up t̥up kare t̥iner cālāy jal parbār śabder saṅge ekākār haye yāy bhiṇe māṭi ār bel-phuler gandha* (Н. Гонгопаддхай, Кукла) «Дождь перестал, и в мягкой ночной темноте [(когда) дождь переставший в мягкой темноте] редкий стук капель (вместе со звуком падения вода), падавших с пальмовых листьев на крышу, сливался с запахом влажной земли и ароматом жасмина».

В приведенных сочетаниях выражаются такие же логические связи, какие существуют между субъектом и предикатом, но отсутствуют грамматические отношения, характерные для соответствующих этим логическим категориям подлежащего и сказуемого, так как неличная глагольная форма каждого такого сочетания грамматически и семантически тесно связана с одним из членов предложения, не входящих в состав данного сочетания. Слова подобных конструкций, одно из которых соответствует субъекту, а другое — предикату, выступают в составе предложения не как два его члена — подлежащее и сказуемое, а как один, как своеобразный развернутый член предложения. Функция такого развернутого члена предложения определяется характером грамматических связей неличной глагольной формы с тем членом предложения, к которому она относится. Сочетание *sāksī nā thākā*, таким образом, выступает в роли подлежащего, а сочетания *vr̥ṣṭi theme yāoyā* и *jal parbār* — в роли определения; возможны и такие случаи, когда подобная инфинитно-глагольная конструкция функционирует как дополнение.

*

Итак, в современном бенгальском языке, помимо простого и сложного предложений, следует выделять еще один структурный тип предложений — предложения с абсолютными инфинитно-глагольными оборотами. Для абсолютных оборотов характерно наличие признаков, сближающих эти обороты с придаточными предложениями (смысловая эквивалентность придаточному предложению, способность содержать свое предикативное словосочетание), и признаков, сближающих их с второстепенными членами предложения (неполное и опосредствованное проявление категорий предикативности, характер синтаксических связей, сходный с характером синтаксических связей второстепенного члена предложения с другими его членами, — управление и примыкание).

ИЗ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО НАСЛЕДСТВА

Н. И. КОНРАД

О ТАНГУТСКОМ ЯЗЫКЕ И ТАНГУТСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

(К выходу из печати «Тангутской филологии» Н. А. Невского)

В конце 1960 г. посмертным изданием вышли в свет две книги «Тангутской филологии» Н. А. Невского¹. В них собрано все, что Н. А. Невский успел сделать в области изучения письма и языка тангутов — как опубликованное при жизни автора, так и неопубликованное [ныне хранящееся в Архиве востоковедов Института народов Азии (б. Института востоковедения) Академии наук СССР]; из неопубликованного отобрано то, что имеет законченный вид. Появление трудов Н. А. Невского, несомненно, открывает совершенно новые перспективы в тангутоведении. Вместе с тем многое, что содержится в изданных материалах, представляет, как нам кажется, интерес и для языкознания вообще. Именно с этой стороны освещаются ниже некоторые части опубликованных в настоящее время работ².

1

В 1908 г. известный географ — исследователь Центральной Азии П. К. Козлов побывал на месте засыпанных песками развалин Харахото — «Черного города», или «Мертвого города», как называли эти развалины монгольские пастухи, заходявшие со своими стадами на эту полупустынную, полустепную окраину Гоби. Раскапывая один из субурганов, П. К. Козлов обнаружил в замурованной гробнице целую библиотеку ксилографов и рукописей, написанных неизвестным письмом. Все, что он смог тогда с собою взять, было в дальнейшем доставлено в Петербург и поступило в Азиатский музей Академии наук³. При создании в 1931 г. специального Института востоковедения АН СССР в архив его перешли все книжные и рукописные фонды Азиатского музея, в том числе и то, что было вывезено из Харахото.

При первом же ознакомлении с находкой П. К. Козлова было ясно, что письменность, представленная этими материалами, — тангутская. Этого можно было ожидать, так как на мест «Мертвого города» когда-то стоял один из старых китайских городов-крепостей, в V в. отошедший в пределы Тангутского царства (по китайскому наименованию — государства Си-Ся), возникшего у восточного края Центральной Азии в конце IX в.⁴ и переставшего существовать в 20-х годах XIII в. в результате нашествия монголов (т. е. близко ко времени гибели Хорезма — государства, находившегося у западного края Центральной Азии). Монгольское нашествие означало тогда для этих государств не просто утрату политической самостоятельности, но именно гибель в точном смысле этого слова, т. е. полное разорение страны, превращение в развалины городов, истребление или угон населения. На оставшиеся беззащитными земли затем двинулись уже никем и ничем не сдерживаемые пески пустыни и воздвигли над погибшими царствами могильные холмы.

Как Хорезм, так и Си-Ся были государствами, образовавшимися на периферии двух древних очагов культуры: первое — около индо-иранского, в который тогда входила и культура арабского мира, второе — около китайского, в который уже давно вошли многие элементы культуры народов Индии и Средней Азии. История этих двух государств открывает при этом одно важное по своему историческому значению явление: живя рядом с древними культурными народами, народы этих молодых государств,

¹ Н. А. Невский, Тангутская филология. Исследования и словарь в двух книгах, Изд-во Восточной литературы, М., 1960.

² Предварительное сообщение о предстоящем выходе в свет работ Н. А. Невского сделано З. И. Горбачевой. [См. З. И. Горбачева, Новый этап в развитии тангутоведения (К выходу в свет трудов Н. А. Невского по тангутоведению), «Проблемы востоковедения», 1959, 6].

³ О находках в Харахото см.: П. К. Козлов, Монголия и Амдо и мертвый город Хара-Хото, 2-е сокращ. изд., М., 1947, стр. 81, 86.

⁴ Эта дата возникновения государства тангутов связана со вторжением в 875 г. тангутов, живших в районе Кукунора и Амдо, в земли, ныне входящие в состав китайской провинции Нинся (тогда эта провинция находилась под контролем тибетцев); имеющиеся данные позволяют считать, что именно в то время у тангутов появились ранние формы государственности.

естественно, во многом подчинились цивилизации своих соседей, но вместе с тем сумели сохранить не только свою политическую независимость, но и самостоятельность своей культуры.

История тангутов свидетельствует даже о том, что, находясь рядом с китайцами, обладавшими тогда уже более чем двухтысячелетней письменностью, тангуты не заимствовали письменность у них, а создали свою. Этот факт должен быть особо отмечен, так как язык тангутов, как мы теперь знаем, был того же типа, что и современный ему китайский, а из этого следовало, что китайская пероглифическая письменность могла быть приспособлена и к тангутскому языку (именно так произошло с вьетнамским языком, являющимся языком, однотипным с китайским). Тем не менее, при всей возможности и легкости создать письменность путем использования китайских пероглифов, тангуты создали свое собственное письмо. Как и следовало ожидать, оно оказалось пероглифическим, но иным, чем китайское.

Этот факт следует оценить очень высоко. Мы знаем, что и другие народы, обитавшие на периферии китайского круга земель, — корейцы и японцы, кидане и чжурчжени, монголы и маньчжуры — также создали свою письменность, но языки этих народов были иного типа, чем китайский, и не могли удовлетворительно обслуживаться письменностью, возникшей в китайской языковой действительности. Поэтому создание собственной письменности тангутами представляет собой выдающийся факт в истории возникновения письма у различных народов. Однако, если мы знаем причины, по которым корейцы и японцы, сначала пользовавшиеся китайским письмом, в дальнейшем пришли к необходимости выработки для своего языка собственного письма, то причины, по которым это же сделали и тангуты, пока недостаточно ясны. Помимо причин политических, наличие которых в данном случае можно предполагать, должны были существовать и причины языковые; именно они должны были сыграть в данном случае основную роль. Пока мы знаем тангутский язык еще так мало, что осветить вопрос с этой стороны сейчас невозможно.

Все же есть надежда, что в недалеком будущем мы будем знать его лучше, как, впрочем, и все остальное о тангутах. До сих пор наши познания об этом народе, его истории почерпнуты из китайских источников. Китайская историография добросовестно зафиксировала очень много данных о жизни народов сопредельных земель; мы должны быть только благодарны историографам средневекового Китая. И о Хорезме мы также черпаем сведения из арабских, персидских и монгольских источников. Но если есть памятники, созданные самими исчезнувшими народами, за сведениями в первую очередь следует обращаться к таким памятникам. А памятники эти существуют — и для изучения истории Хорезма, и для раскрытия истории Си-Ся. Один из них свидетельствует, другие говорят. Для Хорезма есть только первые — остатки материальной культуры; для Си-Ся — и первые, и вторые: книги и рукописи. История Хорезма скрыта под песками среднеазиатских пустынь, история тангутов — под песками центрально-азиатских пустынь, но она также лежит и на стеллажах книгохранилища Ленинградского отделения Института народов Азии. Однако эти последние памятники нужно прочитать, а для того чтобы это сделать, нужно понимать тангутскую письменность. Понимать письменность означает понимать и язык. Сложность положения в данном случае в том, что из-за отсутствия живых носителей тангутского языка единственным источником для восстановления этого языка является его письменность. Поэтому пока все дело в ней.

2

Выше было сказано, что после ознакомления с материалами, привезенными П. К. Козловым, стало ясно, что письменность эта — тангутская. Об этом свидетельствовало и само место находок; о том же говорили уже имевшиеся тогда сведения о тангутской письменности, полученные на основании ранее открытых памятников этой письменности. Как известно, первым из таких памятников, попавшим в поле зрения исследователей, была шестизычная надпись на воротах Цзюйюнгуань, относящаяся к 1345 г. Снимок с нее был опубликован в 1895 г. во Франции Р. Бонапартом⁵. Уже тогда возникло предположение, что письмо некоторых частей этой надписи — тангутское. В дальнейшем была обнаружена выполненная таким же письмом надпись на стеле в монастыре Даюньсы, относящаяся к 1094 г. Эстампаж с нее был опубликован в 1898 г. Принадлежность этой надписи к тангутской письменности не оставляла сомнений, чем и был решен также вопрос о происхождении неясной до сих пор части шестизычной надписи на воротах Цзюйюнгуань. Однако Деверия, издавший этот эстампаж, мог только сказать, что письмо его — тангутское, прочесть же сами знаки не умел.

За некоторое время до этого было найдено несколько монет, принадлежавших тангутскому царству. Знаки на них тоже подтверждали тангутское происхождение знаков на указанных надписях. Однако С. Бушель, изучавший эти знаки, установил только, что они обозначают собственные имена, прочитать же их также не мог. Впервые некоторое количество знаков было прочитано А. Уайли и Э. Шаванном. Изучая упомянутую шестизычную надпись, они по тем частям ее, которые были написаны на извест-

⁵ Факты из истории тангутоведения в настоящей статье заимствованы из работ Н. А. Невского «Очерк истории тангутоведения» и «Тангутская письменность и ее фонды» («Тангутская филология», кн. 1, стр. 19—32 и 74—94); см. также вышеупомянутую статью З. И. Горбачевой.

ных им языках, в первую очередь — на китайском, открыли, что текст этой надписи — транскрипция на разных языках санскритских dhāraṇī. Поскольку текст этих dhāraṇī был известен, постольку можно было подставить под знаки тангутской транскрипции, как и под знаки китайской, определенные звуковые комплексы — слоги. Тем самым тангутские знаки были прочитаны (конечно, без уверенности в точности, так как всякая практическая транскрипция всегда более или менее условно передает звуки чужого языка). Знаки были прочитаны, но не были поняты: они ведь были в этом случае только знаками фонетической транскрипции, т. е. сами по себе не обозначали какого-либо слова; каждый же знак иероглифического письма, как правило, обозначает слово или его часть, имеющую свое вещественное значение, т. е. каждый знак соединен с определенной значительностью.

Дело несколько продвинулось, когда была найдена целая тангутская книга. На первом листе ее у ряда тангутских знаков чьей-то рукой (судя по почерку, китайца) были приписаны китайские иероглифы. По всему было видно, что это — установленные читавшим эту книгу китайским исследователем китайские эквиваленты соответствующих тангутских знаков. Это обстоятельство дало возможность определить, что данная книга — сутра Саддхарма-пундарика в тангутском переводе. Тем самым по китайским эквивалентам можно было установить значение ряда тангутских иероглифов, по транскрипции же собственных имен, найти которые в уже известном тексте было нетрудно, можно было определить для ряда других иероглифов их «чтение». Поскольку же в данном случае в руках исследователя был связный текст, можно было подметить кое-какие правила порядка слов, т. е. некоторые черты грамматического строя. Всем этим начавшееся тангутоведение обязано французскому исследователю М. Мориссу, опубликовавшему в 1904 г. работу, посвященную этому памятнику.

Результаты все же пока были ничтожны. Прочитать можно было лишь те тангутские знаки, которые были употреблены для транскрипции собственных имен, имеющих в сутре (переведенной, как потом оказалось, с китайского перевода), значения же этих знаков оставались неизвестными. В других случаях, когда можно было предполагать, что данный знак призван передавать такое-то слово китайского перевода, можно было понять этот знак, но не прочесть его. К тому же позднейшие исследования показали, что тангутские знаки, употребляемые для транскрибирования слов чужого языка, как либо специально предназначенными для этой цели, либо употребляемыми для написания собственных имен, т. е. в обоих случаях знаками фонетического письма⁶.

Материалы, привезенные П. К. Козловым, сразу изменили положение вещей. А. И. Иванов, синолог по специальности, разбивавший тангутский фонд Азиатского музея, сделал поистине драгоценную находку: он обнаружил в нем тангутско-китайский словарь. Структура этого словаря заслуживает особого описания. На первом месте того, что мы называли бы словарной статьей, в нем дается тангутское слово, но не в тангутской графике, а в китайской транскрипции; на втором месте приводится тангутское написание данного слова; на третьем — значение этого слова в китайском переводе; на последнем — произношение слова китайского перевода, раскрываемое средствами тангутской транскрипции. Тем самым оказывались раскрытыми все аспекты тангутского слова: и как оно звучит, и что оно значит, и как оно пишется по-тангутски. Но назвать этот словарь только тангутско-китайским словарем переводного типа нельзя: этому препятствует наличие последней части словарной статьи.

Словарную статью можно читать с двух сторон. Если читать с одного конца, словарь оказывается предназначенным для китайца: китаец ищет в словаре тангутское слово, произношение которого он знает, значение же — нет, и находит его в начале статьи написанным в понятной ему китайской транскрипции; далее он узнает, как слово пишется по-тангутски; наконец, из третьей части статьи он узнает — по китайскому переводу — значение этого слова. Если считать началом статьи ее другой конец, словарь оказывается предназначенным для тангута: тангут хочет узнать, что значит такое-то китайское слово; он находит его в словаре по тангутской транскрипции; тут же видит, как оно пишется по-китайски; и, наконец, далее находит его значение в тангутском переводе. Если представить себе такую статью, например, для слова *frère* — *brat* во францужско-русском словаре, она имела бы следующий вид:

fr̥p̥ — fr̥r̥e — br̥at — br̥at.

Таким образом это — как бы двусторонний словарь, одновременно и тангутско-китайский, и китайско-тангутский. Особенностью его является то, что искомое слово дается в обоих случаях не в своей национальной графике, а в иностранной транскрипции. Это свидетельствует о том, что слова отыскивались не по их письменному облику, а по их звучанию, открываемому китайцу китайской транскрипцией, тангуту — тангутской. Тем самым иероглифическое письмо и того и другого языка выступает в двух функциях: как письмо идеографическое, и как письмо фонетическое, причем именно в последней своей функции оно и обуславливает возможность отыскания слова в словаре. Из этого следует, что словарь предназначался не для чтения текста, а для общения посредством звучавшей речи. Об этом, впрочем, с полной ясностью сказал составитель словаря. В словаре есть «Предисловие», где составитель писал, что «имел своей целью облегчить тангутам понимание китайского языка, а китайцам — тангутского, чтобы способство-

⁶ Это важное открытие было сделано Н. А. Невским. См. «Тангутская филология», кн. 1, стр. 22—23.

вать теснейшему сближению двух народов»⁷. Эти слова были написаны в 1190 г., т. е. почти девять столетий тому назад. Написал их тангут по имени Гулэ Маоцай. Мы полагаем, что имя это, как и **самый** словарь, имеют право занять почетное место в истории мировой лексикографии, причем словарь — соответственно своему названию. В те времена словари воспринимались как нечто индивидуальное и получали поэтому собственные имена. Имя данного словаря — «Перл в руке» (по-китайски — «Чжан-чжун чжу»).

3

А. И. Иванов, нашедший этот словарь, в 1909 г. опубликовал небольшую статью («Zur Kenntnis der Hsi-hsia Sprache»), в которой дал описание словаря и привел некоторое количество тангутских слов из него, установив по китайской транскрипции их звучание, по китайскому переводу — их значение. Если учесть, что синологи, начавшие изучать тангутское письмо и тангутский язык, имели в своем распоряжении совершенно ничтожный по количеству и мало что дающий по характеру материал, можно понять, какой эффект произвела эта скромная публикация: она вводила в научный обиход, пусть еще и ограниченно, совсем новый материал. И, конечно, более всего взволновал тангутоведов самый факт существования такого словаря. Естественно, все взоры обратились на А. И. Иванова, в чьих руках был словарь. Следует отметить, что он с полной готовностью пошел навстречу научному интересу тангутоведов.

Одним из первых получивших от А. И. Иванова фотоснимки нескольких страниц словаря был известный китайский филолог Ло Чжэн-юй, находившийся тогда в Японии, в Киото. Он поспешил издать эти снимки, имея в виду интересы синологов своей страны и Японии, где также начали тогда разysкивать памятники тангутской письменности. Этой письменностью занимались и оба сына китайского ученого — Ло Фу-чэн и Ло Фу-чан. Первый работал над упомянутым тангутским переводом сутры Саддхармапундарика и в 1914 г. опубликовал книгу об этой памятнике. По получении фотоснимков словаря он издал тангутский глоссарий, куда вошли знаки, содержащиеся в переводе сутры, и знаки из ставших известными страниц словаря. На основе этого материала и вообще всего, что было к тому времени известно, Ло Фу-чан, его младший брат, в том же 1914 г. выпустил «Краткое описание тангутской письменности». В этом описании он свел все, что можно было тогда сказать о письме и языке тангутов.

Наиболее существенным из нового, содержащегося в этой работе, было определение типа тангутской письменности. Ло Фу-чан показал, что письменность эта — иероглифическая, причем иероглифическая — китайского типа. Одним из доказательств этого он справедливо считал наличие в тангутских иероглифах детерминативов, «ключей», как говорят у нас. Интересно отметить, что независимо от Ло Фу-чана к тому же выводу пришли А. Бернгарди и Е. фон Цах. Их работа была опубликована в 1919 г. Окончательное подтверждение такое понимание тангутского письма получило позднее в работах Н. А. Невского, который не только увидел наличие в тангутских иероглифах детерминативов, но и составил список их.

Раскрытие типа тангутского иероглифического письма очень облегчило дальнейшее изучение тангутских памятников, но помимо этого оно имеет, как нам кажется, и самостоятельное значение — для истории письменности вообще. Нам понятна система китайского иероглифического письма. Понятно наличие в ней различных категорий письменных знаков, в том числе и таких, в которых присутствует детерминатив. Когда значение слова не могло быть передано простым рисунком предмета, языковым наименованием которого это слово являлось, на помощь приходил детерминатив, указывающий на ту сферу, к которой относится значение этого слова. Например, рисунок дерева как детерминатив указывал, что дело идет о каком-нибудь дереве или о чем-то, сделанном из дерева; рисунок сердца как детерминатив свидетельствовал, что значение слова, обозначенного знаком с таким детерминативом, относится к сфере чувств, эмоций. Появление таких знаков, как и всяких других, понятно в свете истории китайской письменности, рассматриваемой вместе с историей языка и мышления.

У тангутского письма нет истории — в смысле длительного стихийного развития. Считается, что оно изобретено. Китайская историография определенно говорит об этом. Правда, разные источники называют разные имена изобретателей, но все согласны в том, что письменность эта именно изобретена. Видимо, так думали и сами тангуты. В разобранных Н. А. Невским тангутских материалах из фонда П. К. Козлова имелась целая «ода», воспевающая «учителя Ири» — изобретателя тангутской письменности. Н. А. Невский не только нашел эту оду, но только расшифровал ее, но и перевел на русский язык⁸.

Конечно, приписывание создания письма какому-нибудь лицу или группе лиц не всегда означает, что данное письмо действительно изобретено ими. Речь может идти не о создателях письма, а о тех, кто привел в порядок письмо, уже существующее на практике: установил количество знаков, предложил определенные формы их, выработал правила пользования; возможно, что так же было и в тангутском случае. Но остается несомненным, что тангутское письмо, если и имеет свою историю, т. е. если существовало до своего упорядочения, то сравнительно недолгое время. Не забудем, что историческая жизнь у тангутов началась, видимо, во второй половине IX в., когда у них

⁷ См. «Тангутская филология», кн. 1, стр. 23.

⁸ «Тангутская филология», кн. 1, стр. 80.

возникли первоначальные формы государственности, а в 1132 г., т. е. через полтора столетия, у них уже был словарь своего языка (о котором будет сказано ниже), что свидетельствует уже о вполне сложившемся, развитом, лингвистически осознанном и приведенном в систему письме.

Быстрое развитие письменности у тангутов легко приписать влиянию существующего рядом, известного образованным тангутам китайского письма; конечно, такое влияние было, и многое в тангутской письменности им объясняется. Но ведь не создали же кидане и чжурчжени, исторические современники тангутов, также жившие бок о бок с китайцами, свое письмо в духе китайского. Решающим в подобных случаях оказывается не соседство, не влияние культуры, пусть и гораздо более высокой, а природа языка. Язык чжурчженей по типу принадлежал к языкам, называемым нами маньчжуро-тунгусскими, т. е. к языкам другого строя, чем китайский. Если письменность тангутов в основных чертах своей структуры близка к китайской, то это свидетельствует прежде всего о том, что подобный тип письменности отвечал природе самого тангутского языка, отвечал типу языкового мышления, сопряженного с тангутским языком. В таком случае характер, природу, структуру и китайской письменности можно лучше понять не через формально-историческую констатацию возникновения таких-то и таких-то категорий знаков и их форм, а через историю китайского языка в соединении с историей мышления.

Появление фотоснимков страниц словаря, открытого А. И. Ивановым, позволило первым тангутоведам попытаться осветить вопрос не только о характере письменности тангутов, но и о характере их языка. Работу в этом направлении повел Б. Лауфер. Соответствующая его работа вышла в свет в 1916 г. Учитывая географическое положение территории, заселенной тангутами, Б. Лауфер стал сравнивать все, что было известно о языке тангутов, со сведениями, которыми располагала наука о языках их ближайших соседей: китайцев, тибетцев и различных народностей, заселявших обширные пространства современного юго-западного Китая. Такое сопоставление привело его к мысли, что тангутский язык входит в семью китайско-тибетских языков, причем более близок к языкам лоло и мосо. Он даже предложил выделить эти три языка в особую группу, назвав ее по начальным слогам наименований народностей: си-ся (тангуты), лоло и мосо — «языками силомо».

Таково было состояние изучения языка и письменности тангутов в начале 20-х годов XX в. К сообщенному добавим только, что по следам П. К. Козлова к развалинам Харахото отправился известный английский исследователь. А. Стейн. Он также вывез оттуда некоторое количество тангутских ксилографов, поступивших затем в Британский музей. Образовался некоторый тангутский фонд и в парижской Национальной библиотеке из памятников, собранных П. Пеллио. Старался собрать тангутские материалы в Китае и уже упомянутый Ло Чжэнь-юй. Часть имеющихся в Китае материалов была затем приобретена Киотским университетом в Японии.

4

А. И. Иванов, в распоряжении которого был тангутский фонд Азиатского музея, продолжал и далее информировать ученый мир о новых материалах по тангутской филологии. Приехав в 1923 г. в Пекин в качестве главного драгомана Советского полпредства в Китае, А. И. Иванов взял с собой фотоснимки различных тангутских материалов, предполагая работать над ними. К сожалению, прямые служебные обязанности в Пекине и после возвращения на родину не дали ему возможности продолжать свое исследование тангутской письменности. Все, что он успел сделать для тангутоведения до своей кончины в 1937 г., это — опубликовать в 1909 г. указанную выше статью о найденном им словаре «Чжан-чжун-чжу», издать в 1916 г. в Петрограде найденный им тангутский перевод сутры «*Maitreya vyākaraṇā*» (литограф. издание факультета восточных языков, Пг., 1916) и напечатать в 1923 г. в Пекине на китайском языке в октябрьском номере журнала Пекинского университета «Госюэ ликань» (заголовок по-английски — «*A journal of the Sinological studies*») статью «О тангутской письменности». Статья эта носит обзорный характер, и новое в ней представляет лишь предположение, что по своей графической структуре тангутская письменность повторяет черты письма «чжуань» — одной из древних форм китайской иероглифической письменности.

Не успев сделать многое сам, А. И. Иванов старался помогать своими материалами другим тангутоведам. Так, он разрешил упомянутому выше Ло Фу-чзуну, бывшему тогда уже в Пекине, снять копии с имевшихся у него фотоснимков становившегося все более и более известным тангутско-китайского словаря. Эти копии Ло Чжань-юй немедленно издал в Тяньцзине. Но самым существенным для тангутоведения на этом этапе оказалась встреча в 1925 г. А. И. Иванова в Пекине с приехавшим туда Н. А. Невским.

Н. А. Невский по окончании в 1914 г. японо-китайского отделения факультета восточных языков Петербургского университета был в 1915 г. направлен факультетом для научных занятий в Японию. По окончании срока командировки он остался в Японии, ведя преподавательскую работу в японских институтах иностранных языков — сначала в Саппоро, затем в Осака. Заинтересовавшись тангутским письмом и познакомившись с тем, что можно было найти в Японии, Н. А. Невский летом 1925 г. приехал в Пекин к А. И. Иванову — своему бывшему профессору. Из всего, что тогда показал ему А. И. Иванов, Н. А. Невского более всего заинтересовали фотокопии отрывков текстов буддийского содержания. Особенною этих текстов было то, что тангут-

ская иероглифика в них была снабжена «чтением», т. е. указанием, как звучали слова, этими иероглифами обозначенные; «чтение» же было дано при помощи транскрипции, но не китайской, а тибетской. С разрешения А. И. Иванова Невский снял с этих текстов копии.

Находка тангутского текста с тибетской транскрипцией открывала для тангутоведения новые перспективы: возникла возможность установления звукового облика тангутских слов по данным двух транскрипций — китайской и тибетской; можно было проверять то, что давала одна транскрипция, тем, что давала другая. А. И. Иванов показал Н. А. Невскому и фотокопии других тангутских письменных памятников, но тогда Невский, по его собственному признанию, мог воспользоваться только упомянутыми текстами с тибетской транскрипцией. Вернувшись в Японию, он издал в 1926 г. в Осака «Краткий свод тангутских знаков с тибетской транскрипцией»⁹.

Содержание этого «Свода» гораздо шире, чем можно предполагать по его названию. В этой работе Н. А. Невский собрал и те данные, которые он извлек из известных к тому времени материалов, так что получился тангутский глоссарий, в котором каждый тангутский знак сопровождался тибетской транскрипцией (по материалам, полученным от А. И. Иванова), китайской транскрипцией (по известным частям словаря «Чжан-чжун чжу» и по материалам, извлеченным из тангутских переводов буддийских текстов), с присоединением к последней японских, т. е. старых, китайских по происхождению, «чтений» китайских знаков; далее шли «китайские эквиваленты», как пишет Н. А. Невский, соответствующих тангутских знаков, т. е. значения тангутских слов в китайском переводе. Всего, таким образом, было определено 334 тангутских знака. Это был уже настоящий словарь тангутского языка — первый, созданный исследователем-тангутоведом. В 1929 г. Н. А. Невским было подготовлено расширенное издание этого словаря, в котором объяснено уже свыше 500 тангутских знаков. Материалы эти были переданы научной библиотеке «Тоё бунко» в Токио для издания. Отъезд Н. А. Невского на родину помешал, однако, осуществлению этого издания.

5

Вернувшись в Ленинград, Н. А. Невский приступил к преподавательской работе в родном для него университете. Ввиду того, что возвратившийся из Пекина А. И. Иванов отошел от тангутоведения, тангутским фондом стал ведать Н. А. Невский. Таким образом, Н. А. Невский мог продолжать свою работу на такой материальной базе, какой не имел тогда ни один тангутовед. Работа эта по необходимости должна была иметь двухсторонний характер: письмо и язык тангутов раскрывались по мере изучения фонда; в то же время определение того, что есть в этом фонде, зависело от объема знания письменности. Поэтому дальнейшая деятельность Н. А. Невского в этой области пошла одновременно по двум направлениям: описание тангутского фонда и изучение письма и языка. Всем, что мы теперь имеем в этих двух областях, мы целиком обязаны Н. А. Невскому.

Уже при поступлении находок Н. К. Козлова в Азиатский музей было ясно, что это собрание количественно превосходит все, что имелось тогда в других местах. И теперь, когда тангутские фонды появились и в Британском музее, и в Национальной библиотеке в Париже, положение осталось тем же: наш фонд во много раз превышает все имеющееся в других собраниях, вместе взятое. Теперь мы знаем, что никакие другие собрания не могут идти в сравнение с нашим фондом и по составу¹⁰.

Тангутские материалы, имеющиеся в других местах, состоят почти исключительно из буддийских сочинений. Этот факт имеет большое значение: он свидетельствует о распространении среди тангутов буддизма, а это тогда было одним из признаков культуры, так как обширная литература, на том или ином основании вошедшая в орбиту буддизма, слагалась из очень различных произведений: тут были и сочинения по философии, и повествовательные произведения, и поэзия. Появление такой литературы создавало возможность нового шага вперед по пути общего культурного прогресса. Вместе с тем эти буддийские сочинения и сами говорили о культурном уровне тангутов в то время. Буддизм проникал к тангутам главным образом из Китая. В Китае к тому времени почти вся буддийская литература уже была переведена. Тангуты могли пойти по тому же пути, по которому до них пошла в этой области и японцы: усваивать буддизм в его китайском языковом выражении. Они этого, однако, не сделали, а стали переводить буддийское писание на свой язык. Это свидетельствует, во-первых, о высоком уровне развития их языка, оказавшегося в состоянии справиться с трудностями передачи сложнейшей системы понятий, образов, символов, возникшей в другой языковой среде и на другой культурно-исторической основе; во-вторых, об удовлетворительности созданного ими письма; в-третьих, о наличии переводчиков, знавших язык — китайский, с которого сделана большая часть переводов, и тибетский, с которого переведены некоторые тексты. Знали переводчики и язык оригиналов — санскрит и пали, поскольку имена, названия и многие реалии оставались и при переводе в оболочке этих языков.

⁹ Работа была издана на английском языке: N. N e v s k y, A brief manual of the Si-hia characters with Tibetan transcriptions, «Research review of the Osaka Asiatic society», 4, 1926.

¹⁰ См. «Тангутская филология», кн. 1, стр. 94.

Полное понимание всего этого было достигнуто, однако, не благодаря тому немногочисленному, что есть в различных собраниях, а после того как Н. А. Невский в какой-то мере разобрал наши фонды, в которых также обнаружено очень много буддийских произведений. Тем самым стало восприниматься как нечто вполне реальное то, о чем сообщают нам китайские историографы: тангутские правители, принимавшие меры к насаждению буддизма в своей стране, старались приобретать буддийские сочинения в Китае для перевода их на свой язык, выменивая сутры на коней (коневодство, как известно, было одной из важных отраслей хозяйства всех кочевых и полукочевых народов, китайская же конница нуждалась в хороших конях).

Сейчас, когда в результате работы Н. А. Невского мы несколько разобрались в нашем тангутском фонде, мы знаем, что у тангутов существовала переводная литература с китайского не только буддийского содержания: обнаружены переводы произведений, относящихся к разряду конфуцианских, как, например, «Лунь-юй» («Суждения и беседы» Конфуция и его учеников), «Сяо-цзин» («Книга о сыновнем долге»), переводы классических трактатов по военному искусству, как, например, «Сунь-цзы», «Лю-тао», «Сань-лио»; переводы китайских исторических энциклопедий. Таким образом, стало ясно, что тангуты в X—XII вв. знали многое в китайской литературе и старались наиболее нужное для себя переводить. Но особенно важно то, что наряду с переводами найдены и оригинальные произведения: сочинения на буддийские темы, трактаты по астрономии и астрологии, энциклопедии китайского типа, т. е. своды разнообразных сведений о природе, хозяйстве, государственном устройстве, общественном строе, о предметах быта и т. д. Открыты и поэтические произведения, в том числе и упоминутая выше ода в честь создателя тангутской письменности. Наконец, был обнаружен состоящий из 20 томов свод законов тангутского государства. Его составление относится к 50—60-м годам XII в.¹¹ Эти открытия свидетельствовали об успешном продвижении на пути изучения письменности и языка тангутов. Вместе с тем каждый открываемый памятник давал новые материалы для дальнейших успехов в данном изучении. К тому же в фонде оказались и такие материалы, которые прямо служили этому делу.

6

Еще в 1918 г. А. И. Иванов сообщил, что им обнаружены в тангутском фонде три словаря. Н. А. Невский познакомился с ними впервые в 1925 г. в Пекине во время своей встречи с Ивановым (см. выше). По возвращении в Ленинград Н. А. Невский стал работать над этими словарями. Один из словарей носил название, которое Н. А. Невский передал словом «Гомофоны». Это оказался глоссарий, состоящий из 6132 слов. По-видимому, составитель собрал здесь те слова, которые он считал наиболее существенными в своем языке. Ценность такого свода вполне ясна; не менее интересно и то, что в XI в. у тангутов существовало некое подобие представления об основном словарном фонде. На мысль об этом наводит форма подачи слов: каждое из них, напечатанное крупным шрифтом, сопровождается двумя или иногда несколькими другими, выполненными мелким шрифтом и расположенными по обе стороны основного слова. Как объясняет Н. А. Невский, это — те слова, с которыми основное слово образует, как говорит Н. А. Невский, наиболее употребительное словосочетание в языке. При этом обозначено даже место слова, напечатанного мелким шрифтом, в словосочетании: если оно составляет начальный элемент сочетания, то обозначающий его иероглиф помещен справа от главного; если — второй элемент, то его иероглиф находится слева¹². По-видимому, здесь предусматриваются как словосочетания, так и сложные слова, так что «мелкие» (поясняющие) знаки как справа, так и слева могут обозначать и слово в словосочетании, и часть сложного слова. Специально обозначаются знаки, употребляемые для собственных имен, для транскрипции китайских и санскритских слов, вошедших в тангутский язык.

Чем же определяется в этом глоссарии место слова? Слова расположены не по иероглифическому признаку, что было бы возможно, хотя бы, например, в порядке детерминативов: естественно, они не могли быть расположены и по алфавиту, так как алфавита тангутская письменность не знала. Слова расположены по фонетическому признаку — по начальному звуку, т. е. по начальному согласному, поскольку в тангутском языке в начале слога стоит согласный. Н. А. Невский переводит тангутские обозначения этих начальных согласных следующим образом: 1) лабиальные (губные смычные), 2) лабиальные спиранты, 3) дентальные (зубные), 4) палатальные (нёбные), 5) велярные (заднеязычные), 6) дентально-альвеолярные (спиранты и аффрикаты), 7) палатально-альвеолярные (спиранты и аффрикаты), 8) гортанные, 9) ликвиды (плавные).

Давая такие обозначения, Н. А. Невский почти буквально повторил тангутские наименования фонетических групп или же дал их по-русски в несколько уточненном виде. Классификация же эта отнюдь не создана тангутами; она повторяет лишь обычную тогда для языкознания у народов Восточной Азии китайскую классификацию. Эта классификация встречается в фонетических трактатах уже в первой половине X в., данный же тангутский глоссарий появился в 1132 г., что делает зависимость тангутской классификации от китайской вполне ясной. Наименования в китайской классификации в буквальном переводе следующие: 1) губные тяжелые (*p*, *p'*, *b*, *m*), 2) губные

¹¹ См. «Тангутская филология», кн. 1, стр. 89.

¹² См. «Тангутская филология», кн. 1, стр. 97.

легкие (*f, f', v, w*), 3) язычные тяжелые (*t, t', d, n*), 4) язычные легкие (*ch, ch', dj, n*), 5) нижнезубные (*k, k', q, nq*), 6) верхнезубные тяжелые (*ts, ts', dz, s, z*), 7) верхнезубные легкие (*ch, ch', dj, zh, sh*), 8) гортанные (*yy, hh, y, h*), 9) полуязычные (*l*), 10) полугубные (*j*). Тангутская классификация отличается от китайской только отсутствием 10-й группы.

Название рассматриваемого глоссария, переданное Н. А. Невским словом «Гомофоны», буквально, если судить по китайской передаче, должно быть передано по-русски: «одинаковые начальные», т. е. «Глоссарий по одинаковым начальным звукам». Китайская фонетическая наука различала две категории звуков языка, обозначая их словами *инь* и *юнь*. Первое служило для обозначения начального элемента слога, второе — конечного. Поскольку начальным элементом был согласный, основной же частью конечного был гласный, постольку такая классификация была китайским вариантом общей для всего человечества классификации звуков языка по гласным и согласным. Хорошо известно при этом, что фонетическая наука в средневековом Китае очень многим обязана индийскому языкознанию.

Если оказались возможны словари, в которых слова размещены в порядке фонетической классификации — по начальным элементам слога, столь же возможны были и словари по конечным элементам слога. Ввиду того что главной частью в этом случае был гласный, классификация была построена на созвучии именно гласных. Поскольку же такие созвучия в поэзии играют роль эвфонического средства, близкого по своей природе к рифме, постольку такие словари получили в синологии наименование рифмических. В Китае такие словари существовали; оказался такой словарь и у тангутов. Его название в переводе — «Море начертаний». Словарь этот в нашем фонде имеется, к сожалению, по-видимому, не в полном виде.

Тем не менее он представляет большую ценность прежде всего потому, что это — не глоссарий, а именно словарь в точном смысле слова, так как при каждом знаке приводится его «чтение», т. е. звучание слова, этим знаком обозначаемого, и его значение. Кроме того, дается и так называемый «анализ» иероглифического знака, т. е. разбираются элементы его графической структуры. Слова же размещены, как указано выше, по признаку конечного элемента слова. Следует отметить только, что в фонетический состав этого элемента входил и так называемый «тон», который наличествовал в тангутском языке, как и в китайском. Количество тонов в тангутском языке определить точно пока не удалось, но во всяком случае три из известных нам по китайскому языку тона — «ровный», «восходящий» и «входящий» — существовали. Поэтому размещение слов в словаре сначала произведено по тону, внутри каждой тональной группы — по рифме, внутри же каждой рифмической группы — по начальному согласному данного слова в порядке приведенной выше классификации согласных.

В этом словаре заслуживает особого внимания способ, которым указывается «чтение» данного иероглифа: этот способ оказывается полностью китайским. Как известно, в такой письменности, как китайская, указание на произношение слова, обозначенного данным знаком, осуществляется двояким способом: ссылкой на другое слово, омонимичное с данным, и аналитически — указанием фонетического качества начального элемента (*инь*) и конечного (*юнь*). В соответствии с вторым способом приводится знак, обозначающий то слово, начальный элемент которого именно такой, как в определяемом слове, а затем — другой знак, обозначающий слово с нужным в данном случае конечным элементом. Например, для обозначения звукового состава слова *цюань* можно взять слова *ци* и *сянь*; от первого в таком случае берется *ц*, от второго — *юань*. Такой именно способ применяет и составитель рассматриваемого тангутского словаря.

Использование этого способа нельзя считать простым подражанием китайским словарям. Принятие китайского способа обозначения звукового состава слова объясняется тем, что этот способ, как и ссылка на омоним, только и возможен в условиях иероглифической письменности, в которой каждый знак с фонетической стороны есть обозначение слога, а не отдельного звука, слог же рассматривается состоящим из двух фонетических единиц. Обращение составителя тангутского словаря к такому способу служит только новым и убедительным свидетельством тождества фонетической природы тангутского и китайского слогов.

Разумеется, и тангут, и китаец, обращающиеся к такому словарю своего языка, могли узнать «чтение» данного иероглифа по двум другим лишь в том случае, если они знали «чтение» этих других. Но следует помнить, что обращение к словарю любого языка требует грамотности, т. е. умения писать и читать. Для приобретения такого умения требуется заучить «азбуку», т. е. определенное число знаков с присвоенными им «чтениями». Там, где знаки письма образуют отдельные звуки-фонемы, «азбука» состоит из сравнительно небольшого числа знаков; там, где знаки письма с фонетической стороны обозначают слоги, различающиеся, к тому же, не только по качественному составу своих слагаемых, но и по тону, в «азбуку» по необходимости входит много знаков. Китайцы включили их в свою «азбуку» целую тысячу, отчего она и получила наименование «Тысячеслов» (Цяньцзывэнь).

Не следует думать, что число «тысяча» в точности определяет количество слогов в китайском языке; помимо слогов учащий должен был усвоить и определенное число знаков — как графических комплексов. Число «тысяча» и тут не означает, что в китайском письме именно столько «типовых» знаков; помимо письма, заучивающий «азбу-

ку» должен был усвоить и некоторый запас слов; слова же отбирались такие, какие нужны были для приобретения некоего круга знаний, признанных необходимыми для элементарной грамотности. Поэтому и знаки в «Тысячеслове» даются не изолированно, а в связном тексте, т. е. в составе фраз, содержание которых что-то сообщает. Например, знаки, обозначающие слова «море», «река», «соленый», «пресный», даются в составе фраз: «море — соленое, река — пресная»; знаки «осень», «жаты», «зима», «хранить» — в составе фраз: «осенью жнут, зимою хранят»; знаки «роса», «иней», «твердеть», «образовать» — во фразах: «роса твердеет (и) образует иней». С учетом всех этих задач и был выбран минимум в тысячу знаков-слов. Это дало возможность дать в «букваре», как может быть назван такой «Тысячеслов», 250 четырехзначных — четырехсловных фраз, содержащих различные сведения, придать этим фразам характер четверостиший, т. е. ввести в уже существующую метрическую форму рифму и мелодику и превратить таким образом «букварь» в некое стихотворное произведение, что облегчало учащимся запоминание.

Такой китайский «Тысячеслов» оказался в нашем тангутском фонде. Это свидетельствует о том, что тангуты изучали китайский язык по этому пособию. Поскольку же самый принцип такого пособия был вполне применим и для их собственного языка, постольку вполне возможно предположить, что могли существовать и тангутские «Тысячесловы», которые и обеспечивали возможность пользоваться рассмотренными словарями, в частности — уметь определить «чтение» искомого знака по двум другим.

Насколько важно правильное понимание всей этой техники «чтения» тангутских иероглифов, т. е. восстановления звукового облика обозначенных этими иероглифами слов, а отсюда — и фонетической природы слова, показывает, что получилось, когда указания словаря были поняты неверно. А. И. Иванов, предложивший «чтения» иероглифов в части найденного им словаря «Чжап-чжун чжу», вывел эти чтения из приданных иероглифу двух знаков, прочитав их наоборот. Из этого получилось не только неверное «чтение», но и неверная картина фонетического состава тангутского слова. Оно получилось двусловным, в то время как на деле оно — однословное. Ошибка А. И. Иванова была вскрыта Невским. Вскрыть же ее было важно также и потому, что Б. Лауфер часть своих соображений об языке тангутов основывал на работе А. И. Иванова.

Исключительно важное значение для реконструкции языка тангутов имела и другая часть труда Н. А. Невского. Звуковая сторона тангутского языка реконструировалась главным образом по данным китайской и тибетской транскрипции, но эту транскрипцию нужно было правильно читать, т. е. учить, с каким диалектом китайского или тибетского языка тангуты имели дело и как звучал этот диалект тогда, т. е. в XI—XII вв. Словом, требовался строгий учет диалектальной принадлежности китайского и тибетского языков, отраженных в китайской и тибетской транскрипции тангутских словарей, и данных исторической фонетики этих диалектов. Н. А. Невский и тут нашел правильный путь к решению этой проблемы, чем исправил и вторую ошибку А. И. Иванова, не ставившего перед собой этот вопрос и некритически прочитавшего китайские знаки согласно их «чтению» в пекинском диалекте, да еще в современном произношении.

7

Работа Н. А. Невского над тангутским материалом приводила к результатам в разных аспектах познания тангутского языка: пополнялись сведения о составе нашего тангутского фонда, росло число понятых иероглифов, все яснее становился самый язык. Благодаря всему этому постепенно создавалась возможность изучения истории и культуры тангутов по письменным памятникам, принадлежащим им самим. В две книги «Тангутской филологии» вошли все тангутоведческие работы Н. А. Невского — как опубликованные при жизни автора, так и оставшиеся в его бумагах, в том числе и незаконченные. Своего рода общим введением в тангутоведение служит «Очерк истории тангутоведения», опубликованный в 1931 г. В нем Н. А. Невский дал обзор всего, что к тому времени было сделано в мировом тангутоведении. Обзор этот — не просто информационный, но и критический, причем критическая сторона основана на уже проделанной работе самого автора, сразу поставившей его в первые ряды тангутоведов. Поэтому «Очерк» должен рассматриваться как первое сообщение Н. А. Невского о своих открытиях в области тангутского письма и языка.

Первостепенное значение имеет статья «Тангутская письменность и ее фонды», опубликованная в 1936 г. К этому времени все расширявшееся и углублявшееся знание тангутской письменности позволило Н. А. Невскому приоткрыть завесу, которая скрывала от нас содержание тангутского фонда, и увидеть в нем памятники литературы — переводной и оригинальной. Эти открытия не только конкретизировали имевшиеся у нас представления о тангутах, их государстве и их культуре, не только значительно дополнили их, но заставили во многом по-иному относиться к культуре тангутов. Так, благодаря Н. А. Невскому мы узнали о существовании у тангутов своей художественной литературы. Он не только обнаружил ее памятники, но сумел даже кое-что перевести на русский язык. Эти переводы — вообще первые, появившиеся в тангутоведении.

Естественно, особое внимание Н. А. Невского привлекли те материалы, которые непосредственно относились к письменности и языку. Еще во время пребывания в Японии (в 1926 г.) Н. А. Невский издал «A brief manual of the Si-hia characters with

Tibetan transcriptions». В этой работе, как сказано выше, он опубликовал некоторое количество тангутских иероглифов с тибетской транскрипцией, как извлеченных из материалов А. И. Иванова, так и найденных им самим в разных источниках. «Предисловие» к этой работе, в котором дается анализ тибетской и китайской транскрипций тангутских syllab, включено в «Тангутскую филологию». Точно так же включена в переводе статья «Concerning Tangut dictionaries», опубликованная Н. А. Невским в Японии в 1927 г. В ней изложены сведения о словарях «Гомофоны» и «Море начертаний» — в той мере, в какой автор узнал об этих словарях из материалов, полученных в Пекине от А. И. Иванова.

Об одной крайне важной находке, сделанной Н. А. Невским уже после возвращения на родину, он специально сообщает в статье «Тангутские фонетические таблицы», обнаруженной среди его бумаг. Также впервые публикуется другая его работа: «Материалы для изучения тангутского произношения». Автор дает в ней не только описание найденных им в тангутском фонде памятников, могущих дать материал для восстановления фонетической картины тангутского языка, но и сводку того, что он мог извлечь для этого из памятников. Две другие работы — «Лексико-грамматические материалы» и «Краткое исследование служебных частиц в тангутском языке» — свидетельствуют, что Н. А. Невский наряду с фонетикой занимался и грамматическим строем тангутского языка. Всем этим он не только заложил прочные основы изучения тангутского языка и письменности, но и серьезно продвинулся по пути этого изучения. Любый исследователь, который пожелает вести работу по дальнейшему раскрытию этого языка, отныне должен исходить из этих работ нашего тангутоведа.

Публикуются и две работы Н. А. Невского, относящиеся уже к истории и культуре тангутов. Одна из них «Культ небесных светил в тангутском государстве XII в.», относящаяся к 1931 г., публикуется впервые; другая — «О наименовании тангутского государства» — была напечатана в 1936 г.

Все же главной задачей, от решения которой зависела вся работа по тангутоведению, была расшифровка тангутской письменности, поскольку все памятники, в том числе и те, которые относятся прямо к тангутскому языку, написаны тангутскими иероглифами, и, чтобы воспользоваться тем, что такие памятники могут дать, надо было их прочесть. Н. А. Невский, как было упомянуто выше, приступил к изучению тангутского фонда со знанием 500 иероглифов, расшифрованных им еще во время работы в Японии. С этим можно было начать, но и только. Поэтому больше всего сил затратил Н. А. Невский на увеличение запаса распознанных иероглифов. Приехал он на родину со знанием 500 знаков, закончил со знанием более 5000. И это было знание не только знаков письма, но и слов, этими знаками обозначенных; не только самих слов с их значением, но и их употребления в языке. Все это Н. А. Невский вложил в свой тангутский словарь, который он начал систематически составлять в процессе работы над изучением тангутского фонда. Словарь остался неоконченным, но и в существующем виде он представляет собой такую исключительную ценность, что было сочтено необходимым напечатать рукопись словаря в том состоянии, в каком она оставлена автором. Она воспроизведена фототипическим способом, но почерк Н. А. Невского настолько четкий, владение им тангутским письмом настолько искусное, что пользование его рукописью не представляет трудностей.

8

З. И. Горбачева, разобравшая и описавшая архив Н. А. Невского и подготовившая к изданию рукописи словаря, с достаточной полнотой объяснила, как составлялся словарь и что представляет собой его статья. На последнем следует остановиться особо. В начале статьи дается иероглиф. Это означает, что словарь — иероглифический, т. е. в нем отыскивается письменный знак. Такой принцип объясняется и происхождением словаря, и его назначением. Н. А. Невский работал по тангутским материалам; первое, что он видел в них, были знаки, из которых он мог знать только небольшую часть. Поэтому первое, что требовалось сделать, это — определить «чтение» и значение такого знака, т. е. звуковой облик и значение слова или лексемы, этим знаком обозначенных. Но если словарь создан в процессе работы с текстом, то он и предназначен для работы над текстом. Поскольку же все дальнейшее развитие тангутоведения зависит от успешности дальнейшего раскрытия памятников, постольку иероглифический словарь — как раз то, что нужно тангутоведению.

Н. А. Невскому надо было решить далее вопрос, как располагать иероглифы в словаре. Он пошел здесь по пути, естественному для словарей языков с иероглифической письменностью, когда она еще не перестала сама по себе отражать семантическую сферу языка: он расположил иероглифы по детерминативам. Правда, дело это было легкое, так как извлечь данные о детерминативах из известных ему тангутских источников не удалось и пришлось самому определять детерминативы, в этом же деле всегда возможно принять за детерминатив чисто графический элемент, повторяющийся во многих знаках. Число знаков, определенных Н. А. Невским как детерминативы, несколько превышает 400. Вполне возможно, что это не полный список; относительно правомочности некоторых из них считаться детерминативами были сомнения и у самого Н. А. Невского. Но само это число скорее говорит в пользу его предположения, что найденные им знаки именно детерминативы и есть. Китайцы, как известно, также находили в своей письменности детерминативы. Однако число знаков, признаваемых

за детерминативы, неуклонно изменялось: понятие детерминатива исторически развивалось, в связи с чем изменялось и число их. Наиболее близким по времени к указанным выше тангутским словарям, относящимся к XII в., был китайский словарь «Лэй пинь», составленный Сыма Гуаном (XI в.). В этом словаре 544 детерминатива. Насколько мы можем судить, тангутская письменность в XI—XII вв. по своему характеру и уровню развития была близка к китайской письменности своего времени. Поэтому 400—500 знаков могли быть в ней именно детерминативами.

Вслед за иероглифом Н. А. Невский, естественно, должен был дать «чтение» иероглифа, т. е. слово, этим иероглифом обозначенное. Такое «чтение» он дал в международной фонетической транскрипции соответственно своим изысканиям в области исторической фонетики китайского и тибетского языков, служащей ключом к определению произношения тангутских слов. Тут же он приводил и китайскую транскрипцию звучания данного слова, так что пользующийся словарем всегда видит, из чего исходил автор. Для более ясного раскрытия фонетического облика слова Н. А. Невский указывал ту фонетическую группу (лабиальные, дентальные и т. д.), к которой относится начальный согласный в данном слове. Эти данные он заимствовал из упомянутых выше специальных тангутских словарей. Далее Н. А. Невский выписывал из найденных им материалов переводы данного тангутского слова на китайский и там, где это можно, на тибетский язык. Тут же дается и перевод на русский и английский, если он находит последний у кого-либо из тангутоведов. Наконец, приводятся сложные слова, одним из компонентов которых является данное слово, а также фразеология, частично — с переводом на русский или английский, частично — без него. Эта часть словарной статьи составлена из материала, извлеченного из разных источников, на которые тут же даны ссылки. В качестве особого дополнения к статье приложены параллели из других языков тибето-бирманской группы.

Все это свидетельствует, что словарь был задуман автором как своеобразная сводка всего, что он мог найти и сказать о письменности и языке тангутов, как собрание материалов для лингвистических исследований. Он не успел придать словарю законченный вид даже в пределах отобранного им числа знаков. Сами условия работы не позволяли вести составление словаря планомерно в определенном порядке: содержание каждой статьи зависело от того, что мог найти об этом знаке составитель, а последнее в свою очередь зависело от того, что составитель мог вообще разобрать в тангутском фонде. Ввиду этого одни статьи дают больше сведений, другие меньше; естественно встречаются и знаки, совсем не объясненные. И все же более 5000 знаков из 6000, собранных автором, с большей или меньшей полнотой определены, и это делает словарь даже в нынешнем состоянии не только драгоценным сводом материала для лингвистических исследований: он открывает широкую дорогу к дальнейшей работе по изучению нашего тангутского фонда, делает возможным прочтение содержащихся в нем памятников. Если же учесть, какое значение имеют эти памятники для раскрытия истории и культуры исчезнувшего народа, одно время игравшего выдающуюся роль в истории Восточной Азии, труд Н. А. Невского должен быть оценен исключительно высоко. Строго говоря, Н. А. Невский создал языковедческую базу для всего тангутоведения.

*

Для того чтобы проделать такую работу, которая открывает совершенно новые перспективы в тангутоведении, необходимо было знать китайский и тибетский языки, причем не только в современном их состоянии, но и в их истории, а особенно — в части исторической фонетики и диалектологии; нужно было в известных пределах знать санскрит и пали; надо было также в некоторой мере знать языки различных народностей, обитавших по соседству с тангутами; необходимо было знать основные положения китайского языкознания; нужно было знать буддийскую и китайскую классическую литературу так, чтобы по отрывку или выражению, по собственному имени, встретившемуся в неизвестном тангутском тексте, понять, что этот текст — перевод такого-то буддийского или китайского сочинения. Н. А. Невский суммой этих знаний обладал, что и позволило ему фактически создать языковедческую базу для тангутоведения. Вместе с тем он показал, что обладание именно такими знаниями позволяет приступить к расшифровке неведомого письма и к раскрытию неизвестного языка, оставаясь на твердой почве реальности, а это в свою очередь создает наибольшие гарантии того, что и расшифровка эта будет реальной.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

«СЛОВАРЬ ЛИНГВИСТИКИ ПРАЖСКОЙ ШКОЛЫ» *

В последние годы отмечается усиленный интерес к вопросам терминологии и к разработке терминологических тем. Это понятно: каждая наука, разрастаясь вширь и вглубь, нуждается в том, чтобы упорядочить свои понятия, отраженные в терминологии, проверить свою терминологическую традицию, разобраться в потоке новых терминов и их суррогатов, неизбежно возникающих при искании новых путей научного исследования.

Перед лингвистикой и лингвистами в области терминологии могут стоять две задачи. Одна — общая, одновременно и теоретическая и прикладная: теоретически — это лексикологическая проблема термина и терминологии, выяснение терминологической типологии, изучение состава и источников той или иной терминологии; практически — это выработка правил рациональной терминологии для любых отраслей знания и человеческой деятельности и упорядочение терминологии разных наук и технологий, составление терминологических научных и отраслевых словарей. Другая задача — частная и специальная: исследование и упорядочение «своего хозяйства» — лингвистической терминологии.

За последнее десятилетие за рубежом вышло несколько словарей лингвистической терминологии¹. Среди этих термино-

* J. Vachek, Dictionnaire de linguistique de l'École de Prague, Utrecht — Anvers, 1960 (Comité International permanent des linguistes [CIPL]).

¹ Здесь прежде всего назовем 3-е издание труда: J. Marouzeau, Lexique de la terminologie linguistique (français, allemand, anglais, italien), Paris, 1951 (Ж. Марузо, Словарь лингвистических терминов, перевод с франц. Н. Д. Андреева, под ред. А. А. Реформатского, предисл. В. А. Звегинцева, М., 1960), а также следующие работы: A. mador E. H. M., Diccionario grammatical, Barcelona, 1954; E. P. Hamp, A glossary of American technical linguistic usage 1925—1950, Utrecht/Antwerp, 1957; M. A. Pei and F. G. aynor, A dictionary of linguistics, New York, 1954; B. Kielski, Słownik terminologii gramatycznej francuskiej i polskiej, Łódź, 1959; «Rusko-český slovník lingvistické terminologie», Praha, 1960;

логических изданий «Словарь лингвистики пражской школы» занимает совершенно особое положение. Он не преследует цели упорядочения лингвистической терминологии вообще; в нем термины не отобраны, а собраны. Это — прежде всего систематизированный материал по истории лингвистических учений XX в., где представлены термины, употреблявшиеся в работах членов Пражского лингвистического кружка в 20—30-х гг. и в кругу чешских ученых в послевоенное время.

В предисловии к «Словарю лингвистики пражской школы» его автор проф. И. Вахек разъясняет, что пражская лингвистическая школа была впервые официально провозглашена на I Международном конгрессе фонетических наук в 1932 г., но Пражский лингвистический кружок уже в 1929 г. выступал печатно со своими «Тезисами», предназначенными для обсуждения на I Международном конгрессе славистов в Праге². Кружок, выработавший основные положения пражской школы, функционировал до начала второй мировой войны, когда германская оккупация Чехословакии пресекла нормальную культурную жизнь и вынудила многих членов кружка эмигрировать. По окончании второй мировой войны пражская школа возобновила свою деятельность; поэтому И. Вахек в своем «Словаре» подытоживает 30 лет деятельности пражской школы (1928—1958).

Словник «Словаря» И. Вахека базируется в основном на работах чешских ученых указанного периода. Это, прежде всего. «патриарх» пражской школы В. Матезиус, а также главные деятели и хранители ее традиций — Б. Гавранек, И. Вахек, Б. Трыка, В. Скаличка, Я. Мукаржовский, И. Коржинек, К. Горалек, кроме того, П. Трост, М. Докудиль, Я. Ружичка и др. Наряду с трудами чешских ученых учтены и работы русских лингвистов, примыкавших к пражской школе и игравших значительную роль в разработке ее теорий; это — Н. С. Трубецкой, Р. О. Якобсон (имеются в виду его работы до второй мировой войны) и С. И. Карцевский, а также

готовится к печати под ред. И. Кноблоха (Heidelberg) «Sprachwissenschaftliches Wörterbuch» (предполагается 10 выпусков).

² См. TCLP, 1, 1929.

Н. Н. Дурново. Среди фамилий авторов, с учетом чьих работ строился словник, нет К. Бюлера, сыгравшего видную роль в разработке пражской лингвистической системы, а также печатавшегося в пражских «Трудах» Е. Д. Поливанова; отсутствие имени Э. Зейделя (автора книги библиографического характера «Das Wesen der Phonologie», Kopenhagen—București, 1943), очевидно, имеет объективные основания.

Объяснения терминов, как правило, представлены в «Словаре» цитацией соответствующих мест тех работ пражской школы, где наиболее прямо и убедительно дается определение и толкование данного термина. Основной язык «Словаря» — французский; параллельно дан перевод терминов на английский, немецкий и чешский языки. Относительно русского языка И. Вахек пишет в «Предисловии»: «Мы бы хотели присоединить к чешским терминам также и русские термины (так как многие фонологические термины были употреблены в первый раз по-русски)»; надо думать, что намерение «восполнить соответствующим образом эту лакуну нашего словаря» (стр. 8) будет реализовано при переиздании «Словаря», когда уже вышел в свет русский перевод «Grundzüge» Трубецкого³. Пока что термины, имевшиеся налицо только в чешском, словацком и русском виде, были переведены И. Дубским на французский язык.

Наряду со специфическими терминами пражской школы в «Словарь» включены и те общепринятые термины, которые в практике этой школы получили особое значение. Термины, помеченные звездочкой (*), придуманы Вахком для заполнения лагун: *accord de négation, *adéquation du signe linguistique, *corrélation en typologie, *corrélation de relation (en morphologie), *exposants morphologiques, *homonymes complets, *langue vécue, *phonèmes symétriques, *structure oratoire du contexte. Как видно из приведенных примеров, лакуны не касаются основной терминологии и в плане общей лингвистики, и в плане ее разделов. Есть далее случаи, где звездочкой помечена лишь пролонгация термина, например: *ordre des mots grammatical et *grammaticalisé*.

При отборе терминов для словника «Словаря» было учтено, что некоторые термины, бытовавшие в пражских работах 20—30-х гг., в процессе развития идей пражской школы отсеялись; такие термины приводятся в «Словаре» со знаком -. Например, -archiphonème [terme abandonné après 1939], -disjonction, -morphonème, -unité phonologique [terme non usé après 1940. Remplacé... par élément distinctif du phonème]. Случаев «отсева» терминов очень мало, но это термины первой степени важности. Как бы ни относиться к таким отменам и заменам терминов, важно, что эти изменения особо отме-

чены в «Словаре» и снабжены комментарием.

Какие же термины, а тем самым и научные понятия дает «Словарь» И. Вахка? Если бы их выписать все подряд, то получился бы хороший словник для любого словаря лингвистической терминологии, не претендующего на особый «модерн»; в этом и заслуга пражской школы. Поэтому И. Вахек, собирая «свое» пражское, инкорпорирует в «Словаре» все главное и существенное, что вообще было разъяснено в основном в области общей лингвистики в 20—30-е гг. и что так или иначе было в обращении в «Трудах» пражской школы.

В «Словаре» мы видим и самые общие лингвистические термины, такие как *langue* — во всех его аспектах (*langue* — un système de signes, *langue* — un système de systèmes, *langue* — un système fonctionnel, *langue* — une norme, *langue* et parole, *langue* et pensée, *langue* et société, *langue* et culture, *langue* et biologie, *langue* écrite, *langue* littéraire, *langue* imprimée, *langue* artificielle и т. д. и даже: *langue* du commerce и *langue* et jeu d'échecs, *langue* et partie d'échecs); *signe* (*signe* — un phénomène social, *signe* linguistique, zéro); *sémantique* — ses lois; *synchronie* et *diachronie*; *structure* et *système* dans la *langue*; *grammaire* et *lexique*; *phonétique* (с детализацией: *phonétique historique*, *phonétique organogénétique*, *phonétique phénoménologique*); *phonologie* (с детализацией: *phonologie du mot*, *phonologie du syntagme*, *phonologie et distributionalisme*, *phonologie et morphologie*, *phonologie et phonétique* — deux sciences ou une?, *phonologie et psychologie*, *phonologie et versification*, *phonologie historique*, *phonologie syntaxique*); *type* de *langue*; *unions régionales* des *langues*; *dialecte*; *géographie linguistique*, *linguistique historique* et *structuralisme* pragois; *linguistique mathématique* et *synchronie*, *linguistique structurale*, *linguistique synchronique* — ses tâches; *loi diachronique* et *loi synchronique*, *lois de sémantique*, *lois phonologiques générales*; *méthode comparative* — ses possibilités nouvelles; *progrès* dans la *langue* и т. д.

В области фонетики (фонологии) особенно много терминов, что понятно, так как в 20-е и 30-е гг. именно пражцы много потрудились в разработке фонетических понятий; здесь и общие термины: *son* — fait physique, *son* — réalisation du phonème (с 19-ю подразделениями); *opposition*, *corrélation* (с 60-ю подразделениями); *neutralisation*; *position phonique*; *syllabe*, *prosodème*; *système phonologique*; *changements phonétiques*; имеются и частные термины: *consonne neutre*, *voyelle neutre*, *fricatives*, *liquides*; *cadence*, *aigü*, *accent de phrase*, *icte*, *geminatio prosodique*.

В области грамматики представлены как термины общего характера: *morphème*; *morphologie* — ses tâches, *morphologie et phonologie*, *morphologie structurale*; *morphonologie*; *syntaxe*; *syntagme*; *accord grammatical*; *analogie morphologique*; *formation des mots*; так и термины частные: *génitif*, *datif*; *cas plein*; *rection du verbe*. В обла-

³ Н. С. Трубецкой, Основы фонологии, перевод с немецкого А. А. Холодoviча, редакция С. Д. Кацнельсона, послесловие А. А. Реформатского, М., 1960.

ти лексики: *lexique — sa stabilisation, lexicque — son évolution, lexicque — un système?*; *mot; mot et morphème; emprunt; ellipse; néologisme; archaïsme; mots tabou; étymologie populaire; argot; purisme* и др.

Значит ли это (если судить хотя бы по приведенным примерам), что «Словарь» Й. Вахка дает исчерпывающий и систематический подбор терминов в каждой области лингвистики? Нет, «Словарь» и не ставил перед собой этой цели. Таких общих терминов, как *linguistique, grammaire, lexicque, lexicologie, valeur, méthode comparative, proposition, prononciation*, в «Словаре» нет, а могут они встречаться лишь в особом ракурсе и в сопровождении специальных характеристик (*linguistique structurale, linguistique synchronique — ses tâches, méthode comparative — ses possibilités nouvelles, grammaire et lexicque, lexicque — un système?* и т. п.).

Зато наряду с собственно терминами в «Словаре» на равных правах выступают характерные для пражской школы фразеологизмы и тематические формулировки типа: *«bon sens» et langue; caractère arbitraire et expressif des sons; changements phonétiques et système de la langue; division actuelle de la phrase; langue et partie d'échecs; l'École de Prague — ses erreurs en théorie phonologique; tendances statistiques de l'évolution linguistique; l'individu et la collectivité dans le développement de la langue* и т. п. Все это определено замыслом «Словаря». Тем самым он не просто толково-переводной словарь, а скорее энциклопедия и путеводитель по этапам развития лингвистических идей пражской школы.

В плане редакционного оформления «Словарь» издан наилучшим образом: словарному тексту, как было уже сказано выше, предшествует обстоятельное «Предисловие» составителя, в котором разъясняются цели и задачи этого издания, после чего дан список использованных источников и употребляемых аббревиатур, в алфавитном порядке; список этот представляет собой тщательно подобранную и снабженную лаконичными, но вполне достаточными индексами библиографию.

Сам «Словарь», как уже говорилось выше, распадается на расположенные по алфавиту словарные статьи, состоящие из: вокабулы (заглавного слова), данной по-французски и, когда это надо, снабженной знаками * или -/- (см. выше), переводов вокабулы на английский, немецкий и чешский языки (в круглых скобках) и толкования в виде цитаты из работ того или иного представителя пражской школы с аббревиатурным указанием источника. Таким образом, все, что приведено в «Словаре», строго документировано. Вот примеры этих словарных статей.

Структурализм (Structuralism. Strukturalismus. Strukturalismus) «Структурализм — это... концепция, согласно которой совокупность явлений той или иной области понимается как структура (целое, конструкция). С точки зрения структурализма струк-

тура как высшее единство (целое) складывается из индивидуальных явлений; при этом свойства целого чужды его частям; структура — это не только совокупность, сумма составляющих частей. Явления не есть отделяемые части целого, поддающегося делению, но, находясь в тесной взаимосвязи, представляют собой то, что они есть, лишь в силу своего вхождения в иерархически упорядоченные целые». На 40а, 452 (см. также *Структуральная лингвистика*) — «Структурализм — это не теория или метод, а коэстетическая точка зрения. Он исходит из того построения, что каждый элемент данной системы определяется другими элементами этой системы и что сам по себе ни один элемент не имеет полного значения; такой элемент становится однозначным лишь при вхождении в систему, причем их структура носит характер той структуры, частью которой они являются и в которой они занимают определенное неизменное место». Nr41, 203 — «Структурализм можно определить как тенденцию в лингвистике, представители которой занимаются анализом отношений между сегментами языка, рассматриваемого как иерархически упорядоченное целое. Можно задать вопрос, что следует считать первичным — сегменты или отношения; однако эту проблему нельзя решить на современном этапе наших знаний. ...Ясно, однако, что сами соотносимые и отношения являются сосуществующими и коррелятивными единствами, которые не могут мыслиться отдельно друг от друга. ...Структуралист понимает лингвистическую реальность как систему знаковых явлений, т. е. как систему лингвистических коррелятов к инелингвистической реальности». Th58b, 33.

Стилистика (Stylistics. Stilistik. Stilistika) «Стилистика — это наука о стиле в речи». На40с, 472 (см. также *Стиль, — Варианты*).

Синтагма (Syntagme. Syntagma. Syntagma) «Синтаксическое единство, которое не может быть разделено на более мелкие синтаксические единицы, например слово по отношению к фразе». Pr31, 321 — «Синтагмой мы называем, следуя за Бодуэном де Куртене, слово в его отношении к связи слов, т. е. слово как составную часть предложения». Ja31a, 165 (см. также *Фонология синтагмы, Вершина синтагмы*) [после 1939 г. этот термин больше не употребляется в указанном смысле, а используется скорее в значении, вкладываемом в него женевской школой].

Везде, где надо, даются ссылки на другие статьи («aussi...») или отсылки к другим статьям («v.», т. е. voir). После словаря помещены три индекса: англо-французский, немецко-французский и чешско-французский. В отношении обработки редакционного аппарата «Словарь» Й. Вахка должен быть признан образцовым.

Заключая рассмотрение этого труда, приходится посоветовать, что в работе советских языковедов вопросы терминологии пока не заняли должного места. Нельзя же считать достаточным выход в свет словаря

Е. В. Кротевича и Н. С. Родзевича (на украинском языке с русским указателем)⁴ и русского перевода словаря Ж. Марузо.

Со времени ликвидации ВЦК Нового алфавита (1938) терминологическая работа вообще не была централизована, продолжаясь в национальных республиках по традиции, заложенной еще в период деятельности ВЦК НА. В 1959 г., по инициативе Института языкознания АН СССР, была организована Всесоюзная терминологическая конференция, на пленарных заседаниях и в секциях которой были обсуждены как общетеоретические, так и прикладные и методические вопросы терминологии⁵. В работе конференции деятельное участие принимал Комитет технической терминологии (КТТ), функционирующий в системе Академии наук СССР при Отделении технических наук (КТТ со дня своего основания ведет работу по систематизации терминов различных областей знания; результаты этой работы публикуются в виде «Бюллетеней КТТ», классифицированных по отраслевым признакам). Вопросы русской лингвистической терминологии на этой конференции не стояли, так

⁴ Е. В. Кротевич, Н. С. Родзевич, Словник лінгвістичних термінів, Київ, 1957.

⁵ Текст основных докладов этой конференции издан отдельными брошюрами (Ин-т языкознания АН СССР, 1959): Т. А. Берутагаев, Ю. Д. Дешериев (руководитель), М. И. Исаев, В. И. Лыткин, С. Г.-М. Хайдаков, А. К. Шагиров, Роль русского языка в развитии словарного состава языков народов СССР, М., 1959; Н. А. Баскаков, Современное состояние терминологии в языках народов СССР, М., 1959; Н. К. Сухов, Об основных направлениях современной терминологической работы в технике, М., 1959; Т. Г. Брянцева, О словарях терминологических словарей, М., 1959; А. А. Реформатский, Что такое термин и терминология, М., 1959.

J.-P. Vinay, J. Darbelnet. Stylistique comparée du français et de l'anglais. Méthode de traduction. — Paris, M. Didier, 1958. 331 стр. («Bibliothèque de stylistique comparée», sous la direction de A. Malblanc, I).

В наши дни все больше растет интерес к изучению языков в сопоставительном плане¹. Сопоставительный метод широко применяется к исследованию звукового строя, грамматики и лексики самых различных языков. Он, наконец, проникает и в такую область, как стилистика. Элементы сопоставительной стилистики (в плане сравнения французского языка с немецким) содержались в «Traité de stylistique

как внимание участников было ориентировано на теоретическую проблему термина и терминологии вообще и на отдельные области терминологии и их разработку в языках народов СССР.

Изжить оставшиеся в области разработки лингвистической терминологии и ее нормализации особенно необходимо в связи со стихийно нахлынувшими терминологическими новеллами, отражающими в очень хаотическом виде и новые сферы лингвистической мысли (лингвистическая статистика, машинный перевод, математическая лингвистика и т. д.), и области, связывающие лингвистику с акустикой, физиологией, психологией, теорией связи и т. п. Для этого необходимо прежде всего организационно и материально поддержать те начинания, которые в этом нуждаются и без чего терминологическая работа в области лингвистической терминологии обречена на *regretium mobile* по закодированному кругу. Здесь время не терпит. Стихийность, проявленная в указанных выше новых сферах участия лингвистов, породила очень много нежелательных омонимов (*артикуляция, слово, фраза, фонема* и др.) и случайных суррогатов терминов, да и старая лингвистическая терминология полна неясностей, противоречий и разнобоя.

Для того чтобы избежать скопления подобных опасностей и чтобы привести русскую лингвистическую терминологию к более систематизированному и упорядоченному состоянию, необходимо всячески стимулировать терминологическую работу лингвистов, где не последнюю роль могут сыграть словари лингвистических направлений и отдельных корифеев языковедной науки (казанская школа, московская школа в разных ее этапах; Фортунатов, Бодуэн де Куртене, Щерба и др.), для чего, к счастью, есть и удачный образец — «Словарь лингвистики пражской школы» Й. Вахка.

А. А. Реформатский

¹ В последние годы в советской лингвистике все четче проводится различие между сравнительным (сравнительно-историческим) и сопоставительным методами изучения языков. Французское прилагательное *соптрагэ* соответствует обоим русским определениям. Рецензируемая книга написана в сопоставительном плане.

française» и других работах Ш. Балли, в трудах К. Фосслера, Л. Шпитгера, Ф. Штрамайера. Однако первой попыткой создания систематической сопоставительной стилистики двух языков является книга А. Мальблана «Pour une stylistique comparée du français et de l'allemand»². Идеями этой книги в значительной мере пронизано рецензируемое исследование Ж.-П. Вине и Ж. Дарбельне, которое представляет собой первый выпуск выходящей в Париже под руководством А. Мальблана серии «Bibliothèque de stylistique comparée». Со-

² Paris, 1944 [см. рецензию Ж. Вандриеса в BSLP, XLII (1942—1945), 2, 1946, стр. 115—120]. В ближайшее время ожидается выход в свет переработанного издания этой книги.

поставительная стилистика — молодая отрасль лингвистики. Монографических работ подобного направления в советском языкознании нет. Поэтому ознакомление с содержанием рассматриваемой книги и методологией исследования может представить большой интерес.

Важнейшую практическую цель своего труда авторы видят в том, что он может оказать большую помощь переводчикам. Проблемам перевода в книге уделено исключительно большое внимание (сам труд имеет подзаголовок «Руководство по переводу»), в связи с чем в ней ставится вопрос о соотношении теории и практики перевода и сопоставительной стилистики.

Книга состоит из введения, трех основных частей, а также глоссария употребляемых в работе терминов (90 единиц) и приложений.

Во «Введении» Ж.-П. Вине и Ж. Дарбельне излагают принципы своих сопоставительно-стилистических исследований и освещают некоторые вопросы теории перевода. Авторы, как и их предшественник А. Мальблан, основываются на лингвистических концепциях Ф. Соссюра и особенно Ш. Балли. Вслед за Балли они понимают стилистику как науку, изучающую в широком плане отношение средств выражения к выражаемому содержанию. Развивая положения швейцарского языковеда, авторы подчеркивают, что если внутриязыковая стилистика (*stylistique interne*) стремится анализировать средства выражения языка прежде всего в свете противопоставления аффективных и интеллектуальных элементов, то межязыковая сопоставительная стилистика (*stylistique externe ou comparée*) выявляет различия в формах выражения, используемых разными языками для передачи аналогичного содержания (стр. 32). Так, например, уничтожительные элементы лексики могут быть обнаружены и изучены внутри языка, без сопоставления с другим языком, в то время как, скажем, преобладание проминального глагола во французском языке при одновременной тенденции английского языка к употреблению пассивных форм может быть выявлено только путем сопоставления этих языков. Внутриязыковая и сопоставительная стилистики по-разному относятся к самому материалу языка. Если первая изучает принципы выбора между синонимическими средствами выражения языка (*options*), то вторая, по мнению авторов, изучает как различия, обусловленные системой языка (*servitudes*), так и различия, возникающие в связи с неодинаковым отбором из ряда синонимичных и структурно одинаково возможных вариантов. В этом отборе проявляются привычные способы выражения мысли, свойственные индивидууму, говорящему на данном языке. Сопоставительная стилистика дает возможность глубже проникнуть в «дух» иностранного языка, следовательно — в «дух» родной речи.

Основными приемами, которыми пользуются авторы, являются изучение переводов с одного исследуемого языка на дру-

гой и собственный лингвистический эксперимент. Последний позволяет выявить типичные формы выражения, употребляемые говорящими на разных языках в сходной ситуации. Этот эксперимент тем более ценен, что авторы, работавшие в Канаде, свободно владеют обоими языками. Следуя Ш. Балли, указывавшему, что стилистика может строиться только в синхронном плане, Ж.-П. Вине и Ж. Дарбельне оперируют исключительно фактами современного языка, привлекая данные не только литературно-художественных произведений, но и обиходно-разговорного языка, печати, рекламы, объявлений и т. п. Во многих случаях авторы не ограничиваются выявлением расхождения, но стремятся подвести его под какую-либо лингво-психологическую категорию, отражающую своеобразные языковые привычки, устойчивые формы выражения мысли, свойственные говорящим на данном языке. Номенклатура этих категорий во многом заимствована у Ш. Балли, А. Мальблана и других авторов.

Некоторые категории представлены в виде оппозиций: генерализация/конкретизация; субъективность/объективность; статичность/динамичность; образность/знаковость и т. д.

Что касается общих вопросов теории перевода, рассматриваемых во «Введении», то здесь следует отметить выделение авторами в контексте «единиц перевода» (*unités de traduction*), т. е. элементов предложения, которые при переводе не дробятся, а передаются как единое целое. В последних параграфах «Введения» приводится интересный анализ технических приемов перевода. Авторы насчитывают их семь: три прямых и четыре косвенных (предполагающих разнообразие замены). К первым относятся: заимствование, калька, дословный перевод. Косвенными способами перевода являются: транспозиция (термин заимствован у Ш. Балли и обозначает замену при переводе частей речи или членов предложения); модуляция (термин взят у Ж. Паннетона), т. е. замена, связанная с модификацией внутренней формы выражения, с изменением образа, лежащего в основе высказывания³, эквивалент, т. е. различные по форме средства выражения, объединяемые общностью ситуации, в которой они употребляются⁴, и, наконец, адаптация, используемая в том случае, когда аналогичная ситуация отсутствует в иноязычном коллективе (при переводе подыскивается эквивалент самой

³ Ср. англ. *to hang up the washing* «развешивать стирку (т. е. белье для просушки)» и франц. *tendre le linge*, буквально: «расстелить белье» (некогда белье для сушки расстилали на траве).

⁴ Ср. дорожный знак со значением «Тихий ход. Дорожные работы»: англ. *Slow. Men at work*, буквально: «Медленно. Люди за работой» и франц. *Ralentir. Travaux en cours*, буквально: «Замедлить. Продолжающиеся работы».

ситуации⁵). Последний прием выводит нас за пределы собственно языка в сферу металингвистики, под которой авторы, вслед за Дж. Л. Трейджером, понимают совокупность отношений, которые связывают социальные, культурные и психологические факты с элементами языковой структуры (см. стр. 259).

Переходя непосредственно к исследованию фактического материала, авторы строят свой сопоставительно-стилистический и технико-переводческий анализ в следующих трех планах: в плане лексики, грамматики (*agencement*) и сообщения в целом (*message*). План сообщения включает в себя общие приемы построения способов выражения мысли в данном языке, коммуникативное членение высказывания, стилистическую тональность и т. п. Этим трем аспектам соответствуют три основных раздела книги.

Исследуя расхождения двух языков в области лексики, авторы устанавливают, что английский язык более подробно передает детали объективной реальности (так называемый *plan du réel*), в то время как французский язык выражает эту действительность в более общей отвлеченной форме (так называемый *plan de l'entendement*)⁶. Это основное различие проявляется в следующих фактах: 1) В тенденции французского языка к преимущественному употреблению немотивированного слова-знака, в то время как английский язык использует значительно чаще мотивированные слова-образы. Ср. франц. *inaugurer une statue* «открыть памятник» (в современном языке глагол не мотивирован) и англ. *to unveil* буквально «снять покрывало») *a statue*. 2) В большей абстрактности значения французского слова по сравнению со значением английского. Так, франц. слову *promenade* «прогулка» в английском языке соответствуют: *walk* (прогулка пешком), *ride* (на лошади), *drive* (на автомобиле), *sail* (на лодке). Французское слово *coup* «удар» гораздо шире по значению, чем англ. *blow*, и ему могут соответствовать: *cut* (удар саблей), *thrust* (удар копьем), *shot* (выстрел), *kick* (пинок), *clap* (удар грома), *gust* (порыв ветра), *crack* (удар бичом), *stroke* (взмах весла, мазок кистью) и др. 3) В большей живописности английской речи, что выражается в относительном обилии глаголов и отглагольных существительных, тонко детали-

зирующих звуковые, зрительные и другие ощущения. Там, где француз употребит одно и то же слово: *un bruit de soie* «шелест шелка», *un bruit de chaises* «шум отодвигаемых стульев», англичанин скажет: *the rustle of silk, the scraping of chairs*. 4) В том факте, что во французском слове объединяются нередко прямое и переносное, интеллектуальное и аффективное значения, для выражения которых английский язык использует разные вокабулы. Ср. франц. *maigre* «худой», перен. «скудный» и англ. *thin* и *meagre*; франц. *ivresse* «опьянение», перен. «упоение» и англ. *drunkenness* и *rapture*.

Помимо общего обзора семантических особенностей слова в обоих языках, в этой части книги авторы изучают лексические способы выражения видовых значений в этих языках. Кроме того, сопоставляя лексику двух языков, они особое внимание уделяют классификации и иллюстрации различных видов лексической модуляции. Здесь приводятся такие соответствия, как: *с а с т ь* — *ц е л о*: франц. *envoyer un mot*, буквально «послать слово», англ. *send a line* «послать строчку» (т. е. «послать записку»); *з а м е н а ц в е т а*: англ. *goldfish* «золотая рыбка»; франц. *poisson rouge*, буквально «красная рыбка»; в и д, ф о р м а — н а з н а ч е н и е: англ. *high chair*, буквально «высокий стул», франц. *chaise d'enfant* «детский стульчик» и т. п. Из чисто переводческих вопросов в разделе лексики подробно освещается проблема так называемых «ложных друзей переводчика» (т. е. слов, имеющих сходный облик, но разное значение в двух языках).

В т о р о й р а з д е л книги представляет собой в основном сжатый очерк сопоставительной грамматики двух языков, построенный по схеме: значение → форма. Здесь разбираются способы выражения в обоих языках значений рода, числа, времени, залога, модальности, вида, характеристики предмета или действия. С точки зрения теории перевода заслуживает внимания классификация различных видов транспозиции при переводе: наречие/глагол, глагол/имя, прилагательное/существительное и т. д., иллюстрируемых в двустороннем плане. Из проблем сопоставительной стилистики в этом разделе наиболее подробно рассматриваются преобладание во французском языке субстантивных средств выражения над глагольными, а также так называемое «подкрепление» (*étouffement*) служебных элементов во французском языке. Последнее явление действительно характерно для французского языка, в котором служебные элементы (предлоги, союзы) настолько грамматизировались, что часто оказываются неспособными самостоятельно выразить те или иные отношения и нуждаются в «подкреплении» знаменательными словами, выступающими в связующей функции. Ср. англ. *British military aid to France* «Британская военная помощь Франции» и франц. *l'aide apportée à la France par l'armée anglaise* «Помощь, оказанная Франции английской армией».

⁵ Так, об отце, приехавшем домой, англичанин скажет: *He kissed his daughter on the mouth* «Он поцеловал дочь в губы», а француз: *Il serra tendrement sa fille dans ses bras* «Он нежно обнял дочь» (таковы различия в обычаях в обеих странах). Переводчик вправе при переводе ставить одну формулу вместо другой, если он не стремится сохранить так называемый местный колорит (см. стр. 53).

⁶ К аналогичному выводу пришли в свое время Ш. Балли и А. Мальблан при сопоставлении французского языка с немецким. Ср. также W. Pollak, *Die deutsche Sprache im Spiegel der Französischen*, Wien, 1955.

В третьем разделе книги суммируются данные первых двух частей. Авторы стремятся проследить различия между двумя языками, проявляющиеся в построении сообщения в целом, в отборе и взаиморасположении элементов, используемых для передачи одной и той же информации.

В общем построении сообщения, как и раньше при анализе словарного состава, авторы опять-таки подчеркивают прежде всего тенденцию английского языка оставаться на уровне «реального», в то время как французский язык стремится к «концептуальному». Излагая факты, говорящий может их представлять по мере их восприятия, по мере их возникновения в объективной действительности. При этом создается как бы «фильм действительности». Английская фраза, по мнению авторов, дает яркий пример объективности и динамизма в изложении. Но говорящий может как бы «подождать» до конца событий, вскрывая при изложении их последовательность и внутреннюю связь между ними. Такой ход изложения, отражающий не столько чувственные восприятия, сколько логическое мышление говорящего, свойствен предложению французского литературного языка.

«Рассудочность» французской фразы проявляется также в тенденции начинать предложение с логического субъекта, с чем связана широкая распространенность презентативных оборотов в этом языке, в более четком членении абзаца на логические отрезки, в связи с чем французское предложение изобилует так называемыми «шарнирами», т. е. элементами, показывающими членение целого на смысловые отрезки и связь между последними (предлоги, союзы, вводные слова). Из других черт, свойственных французской фразе в отличие от английской, в книге отмечаются «субъективизм» и примыкающий к нему «анимизм». Первый проявляется в том, что во французском предложении имеется тенденция обязательно вводить упоминание о говорящем лице. Этим объясняется чрезвычайная распространенность во французском языке оборотов с местоимением *on* и меньшая по сравнению с английским языком роль «бессубъектных» и «объектных» конструкций, таких, как безличные предложения или пассивные обороты. «Анимизм» состоит в приравнивании неодушевленных предметов к лицам, в связи с чем неодушевленное существительное выступает часто в функции подлежащего, хотя по смыслу оно выражает обстоятельство или объект действия, а глагол при этом получает метафорическое значение. Например, *Au XVIIIe siècle la peinture délaissait les grands sujets d'histoire*, буквально: «В XVIII веке живопись оставляет большие исторические сюжеты».

Разбирая различия в точках зрения на предмет, проявляющиеся в оформлении сообщения (модуляция), авторы и здесь отмечают большую «рассудочность» французского языка, обходящегося без многих из тех конкретизаций и уточнений, которые характерны для английской фразы. Так,

французский язык пренебрегает различными пространственными уточнениями, даже если лексические ресурсы позволяют ему сделать это. Например, во французской фразе *en allant à Brighton* не отмечается специально, откуда мы направляемся в Брайтон: с севера или с юга. Говорящий по-английски в аналогичном высказывании считает для себя почти обязательным уточнить это при помощи наречных частиц *on the way down (или up) to Brighton* (стр. 165).

В заключение авторы останавливаются на значении металингвистических данных для оформления и понимания сообщения. В приложении дается обзор источников материала, который можно использовать для сопоставительного изучения языков, пример членения связанного текста на «единицы перевода», а также анализ нескольких текстов и их переводов с точки зрения установленных закономерностей перевода и сопоставительной стилистики.

Таково основное содержание книги Ж.-П. Вине и Ж. Дарбельне. Наше краткое изложение могло дать лишь отдаленное представление о богатстве и разнообразии фактического материала, собранного в этом труде. Эту книгу с большим интересом и пользой прочтет всякий, кто занимается французским или английским языками, теорией перевода или стилистикой. Но в данный момент нас интересует прежде всего не фактический материал книги, а ее методология.

Два вопроса возникают при ознакомлении с этой работой: 1) правомерна ли вообще постановка вопроса о сопоставительной стилистике? Если да, то каковы предмет и методология этой отрасли языкознания? 2) удалось ли авторам рецензируемой книги дать систематический сопоставительный-стилистический очерк двух языков?

На первый вопрос следует ответить утвердительно. Сопоставительная стилистика имеет право на существование хотя бы потому, что выбор средств выражения определяется не только особенностями индивидуального стиля автора, но также функционально-стилистической направленностью всего высказывания, но и общими тенденциями данного языка по сравнению с другими в использовании языковых средств. Одну и ту же мысль люди, говорящие на разных языках, выражают нередко по-разному, и различие это не всегда определяется непосредственно расхождениями в структуре языков.

Как и внутриязыковая стилистика, сопоставительная стилистика может быть подразделена на стилистику литературно-художественной речи и стилистику общественного языка. В первом случае объектом исследования является сравнительное использование тех или иных стилистических приемов в художественной литературе данного языка вне зависимости от индивидуального стиля авторов. Что же касается сопоставительной стилистики общественного языка, то ее задачей может быть сравнение общей системы функциональных стилей, форм и типов

речи в двух языках, а также различное использование сходных элементов структуры, стилистических приемов и способов выражения мысли в разных языках. Последней задаче и посвящена, собственно, книга Ж.-П. Вине и Ж. Дарбельне.

Однако, несмотря на обильный материал, авторам не удалось построить четко разработанную сопоставительную стилистику двух языков. Переводческий подход к явлениям выражен в книге намного сильнее, нежели сопоставительно-стилистический. Приходится признать, что подзаголовок книги — «Méthode de traduction» заслонил собой ее основное заглавие — «Stylistique comparée». Объясняется это, по-видимому, тем, что методологически сопоставительная стилистика оказалась недостаточно отчетливо отграниченной от смежных дисциплин: сопоставительной лексикологии и грамматики, с одной стороны, и теории перевода — с другой.

Различие информации, передаваемое двумя языками при описании одной и той же ситуации, может объясняться как различиями в самой структуре языков (это изучает сопоставительная лексикология или грамматика), так и различиями в употреблении структурно возможных вариантов. Итак, сопоставительная грамматика (лексикология) имеет дело с обязательными схождениями и расхождениями языков (*servitudes*), а сопоставительная стилистика — с расхождениями и схождениями вследствие выбора (*options*). Если мы сопоставим французскую фразу *Il a sauté par-dessus la haie* с русской *Он перепрыгнул через забор*, то увидим, что русский глагол несет большую информацию, чем французский, сообщая не только о способе действия, но и его направлении. Это различие — структурного, лексического плана, поскольку французские глаголы движения вообще редко выражают одновременно способ действия и его направление⁷. Изучение подобных различий — задача в большей степени сопоставительной лексикологии, нежели стилистики. Однако в приводившемся выше примере (*français en allant à Brighton*, англ. *on the way up to Brighton*) дополнительная информация о направлении движения в английской фразе связана не с особенностями отдельных слов, но с общей потребностью говорящего на английском языке к детализации направления движения. Этот факт относится уже к области сопоставительной стилистики. Разумеется, стилистические тенденции (таков и разбираемый случай) нередко продолжают тенденции, заключенные в строе языка. Но тем более тщательно исследователь должен проводить различие между необходимостью и выбором.

Смещение стилистики с грамматикой и

лексикой в рецензируемой книге объясняется, по-видимому, гипертрофией переводческой точки зрения. В самом деле, для переводчика оба приведенных выше расхождения аналогичны. В обоих случаях при переводе с французского языка следует ввести дополнительную информацию, а при переводе с английского или русского на французский — уменьшить количество информации. Чем же обусловлено это расхождение — лексико-грамматическими или же стилистическими нормами — для переводчика не так уж важно. Перевод, особенно художественный, нередко сводится к сопоставительной стилистике. Это не значит, однако, что сопоставительная стилистика эквивалентна теории перевода. Как это ни парадоксально, именно переводческий уклон книги помешал детальному изучению стилистических тенденций рассматриваемых языков. Отмечая различные расхождения, авторы часто ограничиваются тем, что приводят некоторые двуязычные соответствия. Это достаточно хорошо иллюстрирует данное явление как переводческий прием, и с точки зрения теории перевода этим можно вполне ограничиться. Но сопоставительная стилистика должна идти дальше. Ее цель — выявить тенденцию в преимущественном употреблении того или иного способа выражения в каждом из двух языков. А для этого необходим сравнительно-статистический анализ явления в обоих языках, который позволит увидеть в обнаруженном расхождении стилистическую закономерность данного языка.

Изучение таких частных тенденций может принести, как нам кажется, сопоставительной стилистике больше пользы, нежели поспешные заключения о том, что такой-то язык является «статическим», а такой-то «динамическим», такому-то свойственна «образность», а такому-то «концептуальность», такой-то отличается «субъективной точкой зрения», а такой-то «объективной» и т. п. Тем более, что такие выводы не всегда согласуются с фактами. Так, авторы говорят о преобладании в английском языке «слова-образа» (стр. 58) и вместе с тем констатируют, что во французском языке чаще, чем в английском, глаголы употребляются в переносном метафорическом значении (стр. 201). Не правильное ли говорить, что такие категории, как образность, живописность, динамизм в изложении, субъективность в изложении и т. д., выражаются в обоих сопоставляемых языках, но в разных условиях и разными средствами, и видеть одну из задач сопоставительной стилистики в изучении этих различий?

В заключение отметим, что несмотря на некоторые методологические непосредственность книга Ж.-П. Вине и Ж. Дарбельне, помимо богатого фактического материала, дает наглядное представление о проблематике в области сопоставительной стилистики — этой чрезвычайно интересной и практически ценной отрасли языкознания.

⁷ Они передают или характер движения без уточнения направления (*sauter* «прыгать, выпрыгнуть, прыгнуть» и т. д.), или же направление движения независимо от способа передвижения (*traverser* «пересечь, перейти, переплыть» и т. д., *arriver* «приехать, прийти, приплыть» и т. д.).

A. H. Kuipers. Phoneme and morpheme in Kabardian (Eastern Adyghe). — 's-Gravenhage. 1960. 124 стр. (Japua linguarum. Studia memoriae Nicolai van Wijk dedicata). Edenda curat C. H. van Schooneveld, VIII).

Работа голландского лингвиста Э. Койперша «Фонема и морфема в кабардинском языке» стоит в одном ряду с другими исследованиями последних лет, посвященными выявлению существующих моновокалических языковых структур, которые подтвердили бы реальность реконструкции наиболее древнего облика индоевропейской фонологической модели с единственным «гласным»¹. Безусловно, не случайно и то обстоятельство, что именно абхазо-адыгские языки, общий структурный тип которых в известных отношениях весьма близко подходит к типологической модели «архаических языков человечества» (Ж. Ван-Гиннекен)², стали в последнее время на Западе одним из наиболее притягательных объектов применения структуральной методики лингвистического исследования³. Поэтому, естественно, рецензируемая книга, не говоря уже о том, что она является одним из первых опытов применения структуральной методики к иберийско-кавказским языкам, представляет значительный теоретический интерес.

Соответственно со своей основной задачей выявления и описательного анализа фонемных и морфемных единиц в кабардинском языке работа Э. Койперша состоит из двух основных частей — «Фонемные единицы» (стр. 15—66) и «Морфемные единицы» (стр. 67—103), краткого введения (стр. 7—13), заключения (стр. 104—115) и добавлений (стр. 116—124). Введение ценно признанием того, что хотя теория, излагаемая ниже, во многом отлична от старших точек зрения Н. С. Трубецкого и Н. Ф. Яковлева, она в целом все же ближе к теории Н. Ф. Яковлева и даже может рассматриваться как построение на фундамен-

те, заложенном Яковлевым. После введения автор переходит к центральной части исследования — к выявлению фонологической модели кабардинского вокализма. Решительно выступая здесь против так называемой «вертикальной» (по степени открытости артикуляции) классификации кабардинских гласных Н. С. Трубецкого — /э/ — /а/ — /ā/⁴ — и следуя в этом отношении скорее за Яковлевым, он считает, однако, что классификация последнего сама по себе влечет к значительной редукции состава гласных фонем (стр. 33). Далее, используя метод дистрибутивного анализа, Э. Койперш последовательно устраняет с фонологического уровня долгий гласный ā и краткий э. Первый из них устраняется на основании: а) некоторых фонетических фактов, например чередования ā по говорам с комплексом ha, где h есть звонкий ларингальный, следовательно — согласный⁵; б) фонемного моделирования: ā, единственный гласный, встречающийся в кабардинском языке в начале слога и слова и в то же время не встречающийся в заударной позиции, находится в так называемой неконтрастной дистрибуции с сегментом ha, влияющим морфемой мн. числа и выступающим исключительно в заударной позиции; сведение ā на фонологическом уровне к комплексу ha, естественно, преодолевает странную дефектность дистрибуции звонкой ларингальной фонемы /h/ в кабардинском; в) поведения ā в отношении ударения: в кабардинском языке ударение падает на гласный, находящийся перед конечным согласным [или «скоплением» (cluster) согласных], обычно независимо от возможного присоединения к слову аффиксов⁶. Однако при присоединении префиксов к слогу типа 2ā, где 2 есть символ любого согласного [или «скопления» согласных], ударение остается на ā; иными словами, ā ведет себя не как гласный, а как комплекс, заканчивающийся согласным элементом, очевидно, — ah; и, наконец, г) морфологических соображений: суффикс мн. числа -ha может быть идентифицирован с другой морфемой плюрализма -a, т. е., по-видимому, с -ah- в глагольных формах типа jātx

¹ Как известно, сомнения относительно реальности такой реконструкции были высказаны Р. Якобсоном. См. его работу «Typological studies and their contribution to historical comparative linguistics», стр. 9 («Reports for the Eight International congress of linguists», Suppl., Oslo, 1957).

² Ср.: J. van Ginneken, La reconstruction typologique des langues archaïques de l'humanité, Amsterdam, 1939; е р о ж е, Contribution à la grammaire comparée des langues du Caucase, Amsterdam, 1938, стр. 3—11.

³ См.: J. C. Catford, The Kabardian language, «Le Maître phonétique», 3-me ser., 78, London, 1942, стр. 15 и сл.; A. Kuipers, A contribution to the analysis of the Cabardian language, Columbia university, 1951; е р о ж е, The North-West Caucasian languages, «Analecta slavica», I, Amsterdam, 1955, стр. 193 и сл.; W. S. Allen, Structure and system in the Abaza verbal complex, «Transactions of the Philological society», Hertford, 1956, стр. 127 и сл.; ср. также G. Dumézil, Le vocalisme de l'oubykh, BSLP, 53 (1957—1958), 1, 1958.

⁴ См. N. Trubetzkoy, Zur allgemeinen Theorie der phonologischen Vokalsysteme, TCLP, 1, 1929, стр. 41—42; ср. также Ch. F. Hockett, A manual of phonology, Baltimore, 1955, стр. 85, где та же «вертикальная» классификация опирается на степень подъема языка.

⁵ Ср. Н. Ф. Яковлев, Грамматика литературного кабардино-черкесского языка, М.—Л., 1948, стр. 343.

⁶ В кабардинском языке есть отдельные морфемы, как, например, аффикс им. падежа -r и аффикс эргативно-косвенного падежа -m, не влияющие на позицию ударения в слове.

«они пишут то», *jātx:nš* «они должны написать то» или в формах типа *jāwɔna* «их дом», где показателем 3-го лица является *jə* или *ja*. Здесь сочетание *jə* // *ja*, символически обозначаемое *Σy*, с *-ah-* дает *jah*, т. е. *Σah*, подобно тому как всякое сочетание *Σv* с морфемой, содержащей другие два ларингальных *ja* и *wa*⁷, дает в итоге *Σaj* или *Σaw*. Таким образом, *ā* в начале слога рассматривается как сочетание *ha-*, а в конце слога как сочетание *-ah*.

Затем подобным же образом из фонологической системы устраняется и краткий гласный *ə*. Автор считает, что *ə* не является «различительным» на уровне морфемы. Отсутствие или наличие этой гласной зависит от фонетических критериев («автоматические» позиции, т. е. позиции, где *ə* появляется автоматически между согласными, имеют своими границами начало ударного слога, с одной стороны, и конец слова, с другой), частью же от синтагматических («различительные» позиции заключены в пределах от второго слога до предударного). Э. Койперш считает, что рассмотрение *ə* в качестве отдельной фонемы ведет к серьезным осложнениям в описании морфологии, вызывает произвольные определения морфемных границ, не разрешает четко разграничить фонологический и морфологический уровни и ведет к неудобным (*unelegant*) правилам в объяснении самых простых фактов языка. Эти трудности устраняются, по словам автора, если рассматривать последовательности согласного и краткого высокого гласного как единую фонему, которая имеет безгласные импозитивные варианты (стр. 49).

После устранения на фонологическом уровне гласных *ā* и *ə* в кабардинском языке остается единственная «гласная фонема» */a/*, которая ввиду отсутствия ее противопоставления другим гласным трактуется в дальнейшем автором как дополнительная черта открытости (*feature of openness*) предшествующей согласной фонемы — черта такая же, как палатальность или лабиальность (стр. 51). Так, форма */sa-/* «продавать», по Э. Койпершу, — единая фонема, отличающаяся от простого */s/* «три» тем, что имеет черту открытости, подобно тому как, например, */x°/* «делаться» отличается от */x/* «сеть» наличием черты лабиальности. Черта открытости */a/* стоит все же несколько обособленно, так как она возможна при всяких иных связках (*bundles*) консонантных черт, в то время как *'u°* ограничены употреблением лишь со специфическими типами артикуляций. Таким путем автор и приходит к наиболее важному выводу своей работы, что современный кабардинский язык принадлежит к редчайшему типу моновокалических языков, не знающих противопоставления согласных и гласных⁸ и подтвержда-

дающих типологическую реальность реконструкции древнейшего облика протоиндоевропейской фонологической модели.

В дальнейшем используя методику дистрибутивного анализа и проверку на фонематичность путем введения принципа коммутации (эта проверка предложена в специальной литературе впервые А. Мартине⁹), автор усматривает в кабардинском языке не только последовательности «отдельных» согласных фонем, но и «скопления» (*clusters*) их. Автор сознает неудачность последнего термина, так как использование его предполагает как будто последовательность двух, трех и т. д. фонем, в то время как кабардинские *Ps*, *Tx*, *PSk'* и т. п., которые покрываются этим термином, состоят, по Э. Койпершу, не из последовательности двух (или трех) фонем, а являются самостоятельными фонемами: по сравнению с фонемами */s/*, */x/* и */k'/* они только обладают дополнительной чертой лабиальности *P*, дентальности *T*, лабиодентальности *PS*. Автор все же предпочитает называть такие единицы не фонемами, а более нейтральным термином — сегменты, так как они, с одной стороны, необычны по своему составу, а с другой — более многочисленны, чем в иных языках (стр. 55). Согласно сказанному выше, Э. Койперш приходит к идее о слоговом характере кабардинского сегмента, который условно обозначается знаком */Σ(a)/*, где */Σ/* обозначает его согласную часть, а */a/* — факультативную черту открытости; отсюда сегмент с */a/* характеризуется как открытый, а без него — как закрытый. В итоге устанавливается, что кабардинское слово в фонетическом плане может быть описано в терминах следующих элементов: а) сегментов, состоящих из ротовых черт (*buccal features*) (*P*, *F* и др.), черт ротового резонатора ('— палатальность, ° — лабиальность, а — открытость) и ларингальной черты, б) «соединений» (*junctures*) и, наконец, в) ударения.

Морфологическую часть исследования автор начинает с рассмотрения так называемых «центробежной» и «центростремительной» глагольных форм, обусловленных, по автору, чередованием 0 (ноль звука) // */a/* после корневого согласного¹⁰, и выявления подсегментных (*subsegmental*) морфем (стр. 69—75). Затем выявляются различные безударные элементы, связывающие отдельные сегменты, и производится классификация полносегментных морфем. Односегментной морфемой назы-

⁷ Знаками *i* и *w* Э. Койперш обозначает соответственно палатализованный и лабиализованный ларингальные (стр. 18).

⁸ Ср. N. S. Troubetzkoy, *Grundzüge der Phonologie*, TCLP, 7, 1939, стр. 86—87.

⁹ См. A. Martinet, *Un ou deux phonèmes?*, «Acta linguistica», I, 1, 1939; ср. также: F. Hintze, *Zur Frage der monophonematischen Wertung*, «Studia linguistica», année IV, 1—2, 1950; C. L. Ellis, *Linguistic units*, 's-Gravenhage, 1960, стр. 59 и сл.

¹⁰ Ср.: Н. Яковлев, Д. Ашхам ф, Грамматика адыгейского литературного языка, М.—Л., 1941, стр. 40; Н. Ф. Яковлев, указ. соч., стр. 81.

вается морфема, состоящая из одного сегмента, например: /t(a)/ «давание», /pa/ «нос», /-r/ — окончание им. падежа. Автор устанавливает, что последний тип составляет свыштрех четвертой общего числа кабардинских морфем, так как сюда входят практически все аффиксальные морфемы языка и очень многие корневые. Многосегментные морфемы в своей значительной части состоят из композитов, иногда из неанализирующихся или лишь частично анализирующихся основ, а также из редуплицированных основ. С семантической стороны обращает на себя внимание тот факт, что кабардинские композиты обозначают массу совершенно элементарных понятий, для выражения которых в индоевропейских языках используются отдельные морфемы (стр. 90—91). На основании обобщения всего материала исследования автор приходит к формальному определению кабардинской морфемы как единицы типа /Σ(a)/, т. е. к отождествлению в языке морфемы и сегмента (стр. 95—99).

В интересном заключении систематизирован очевидный параллелизм фонологической модели кабардинского и древнейшего индоевропейского — богатый консонантизм с наличием ларингальных, отсутствие гласных фонем, развитие последних по пути комбинации элемента /a/ с различными ларингальными (см. схему на стр. 105). Автор оставляет за индоевропейцами суждение о том, помогут ли отдельные детали кабардинской фонологической структуры, такие, как, например, чередование 0 (нуль звука) // /a/, фузия или наличие или отсутствие соединительного *-ah-*, решить некоторые другие вопросы индоевропеистики.

Должно быть очевидным, что основные результаты исследования Э. Койперша вытекают прежде всего из фонологической трактовки автором кабардинского вокализма и отчасти консонантизма. Можно даже сказать, что как морфологический раздел, так и общие выводы работы находятся в прямой зависимости от ее первой части. Следует отметить, что в фонологической части исследования Э. Койперша много нового и в подходе к конкретным фактам, и в самой их интерпретации. Ее бесспорным преимуществом по сравнению с наиболее значительными для этой области работами Н. Ф. Яковлева является то, что здесь не смешивается синхрония с диахронией и ориентировка проводится исключительно на системно обусловленные явления. Именно поэтому автор делает большой шаг вперед, когда в отличие от Н. Ф. Яковлева, допуская, как известно, существование восьми гласных фонем в современном кабардинском языке, непосредственно исходит из факта, что лишь три из них — /a/, /ə/ и /ā/ — могут действительно претендовать на значимость на фонологическом уровне (любопытно, что именно эти три гласные фонемы Г. Фохт выявляет для убыхского языка ¹¹).

При этом необходимо упомянуть, что позиционную обусловленность пяти остальных «фонем» фактически доказал еще сам Н. Ф. Яковлев, не сделавший, однако, соответствующего фонологического обобщения ¹².

Следует, на наш взгляд, согласиться с устранением из состава фонем *ā* путем его сведения к комплексу *ha-/-ah* не только в плане диахронии, как это предполагалось в свое время и Н. Ф. Яковлевым, но и в строго синхронном плане, что с точностью осуществляется в рецензируемой работе. Это доказывается как наличием дополнительной дистрибуции звонкого ларингального *h* и *ā*, так и очевидной фонетической близостью проявлений устанавливаемой здесь архифонемы /h/ в виде *-ha* и *ā-* (ср. чередование *ha/ā* в ряде языков) ¹³. В этой связи нельзя не отметить, что в свое время А. Н. Генко подобным образом был склонен устранить *ā* из числа абхазских фонем на основании случаев его чередования с комплексом *γa* и объяснить его как комбинаторное проявление звонкой гортанной «полуфонемы» /γ/ ¹⁴.

Если устранение на фонологическом уровне *ā* вызвано у Э. Койперша чисто структурной аргументацией, то устранение на этом же уровне гласного *ə* обусловливается у него во многом принципом удобства анализа, чтобы не затруднять описание кабардинской морфологии (нахождение морфемных границ, разграничение фонологического и морфологического уровней и т. п.). Если даже согласиться с автором, что ряд случаев как бы фонематического противопоставления *ə* и *a*, например *tza!* «нищи (что-то)!» и *tza!* «нищи (вообще)», или *sə* «один» и *za* «однажды», или *še* «лошадь» и *ša* «молоко», объясняется появлением автоматического *ə*, то иногда сам автор признает наличие действительно различительных позиций, связанных с синтагматическими критериями. Таким образом, приходится признать, что хотя случаи фонематического противопоставления *ə* и *a* в кабардинском языке действительно несколько ограничены, имеются основания синхронно различать в его фонологической системе две гласные фонемы. А это значит, что тогда трудно констатировать слоговой характер выделенных автором фонемных единиц типа /Σ(a)/ и, следовательно, считать кабардинский язык образцовым представителем моновокалической структуры. Следует отметить также, что соображения удобства анализа, играющие определенную роль в лингвистическом исследовании, не должны вли-

¹² См. Н. Ф. Яковлев, указ. соч. стр. 343—346.

¹³ Впрочем неясно, является ли *ā* единственной гласной, возможной в анлауте кабардинского слова (А. К. Шагиров полагает, например, что в словах *ad'γa* «кабардинец», *ažar'ə'd'ma* «подснежник» начальный *a* — краткий).

¹⁴ См. А. Н. Генко, Абхазский вокализм, ИАН СССР. VII серия, Отд-ние гуманит. наук, 1928, 1, стр. 54.

¹¹ Cp. H. V o g t, Phonemes of Ubykh, Oslo, 1960.

ять на решение принципиально важных вопросов.

Вместе с тем нельзя не признать, что аргументации автора вполне достаточно, чтобы обнаружить как большую близость кабардинского языка к моновокалическому типу, так и возможность его выведения из последнего. Тем самым в рецензируемом исследовании много сделано для обоснования известного предположения Н. Ф. Яковлева о том, что современная фонологическая система кабардинского языка восходит к такому состоянию, когда гласный и согласный элементы составляли единую слогафонему и когда в истории языка существовала выдержанная моновокалическая структура¹⁵. Работа Э. Койперша подтверждает и общую близость абхазо-адыгской фонологической модели к моновокалической (как известно, У. Аллен в абазинском языке находит одну гласную фонеому в неударном слоге и две гласных в ударном, а Ж. Дюмезиль в убыхском языке усматривает две гласные фонемы¹⁶).

Таким образом, перед сравнительно-типологическим языкознанием по-прежнему стоит актуальная задача выявления моновокалических языков в реальной действительности¹⁷. В то же время надо ответить на вопрос, насколько последовательно мог выдерживаться принцип моновокализма в древнейшем индоевропейском; в связи с последним можно, например, отметить, что хотя примеры, приводимые обычно в доказательство наличия в индоевропейском редуцированного гласного (*schwa secundum*) и соответственно этому редуцированной ступени огласовки корня наряду с нулевой ступенью, допускают и иную интерпретацию¹⁸, сама мысль о появлении сла-

бого или редуцированного гласного в автоматических позициях между согласными во избежание трудно произносимых комплексов в принципе допустима¹⁹.

Ряд замечаний вызывает и фонологическая интерпретация кабардинского консонантизма в рецензируемой работе. Если автор принимает методику определения фонем типа /Ps/, /PSk'/ и т. п., предложенную А. Мартине, то неоправданным оказывается обозначение их посредством термина «сегмент» (см. стр. 55). Из книги нельзя получить четкого представления о составе согласных фонем в языке, так как нигде нет их сводной таблицы. Неясно, в частности, все ли сегменты, перечисленные в схеме на стр. 57, являются самостоятельными фонемами (например, сегменты, встречающиеся лишь в заимствованных словах). Анализ кабардинской морфологической структуры представляет собой логически вполне законченное построение, во многом закономерно опирающееся на фонологические предпосылки, сформулированные в первой части работы. Здесь, следовательно, под сомнением оказывается ряд положений, непосредственно связанных с признанием моновокалического типа кабардинского языка, и, в частности, тезис о том, что морфемные единицы в этом языке с формальной точки зрения совпадают с фонемами.

Исследование Э. Койперша затрагивает актуальную тему структурно-типологической проблематики и в связи с этим интересно во многих отношениях²⁰. С методической точки зрения рецензируемая книга является также ценным вкладом в абхазо-адыгское языкознание, где особенно долго объективная методика лингвистического анализа заменялась субъективными выкладками марристского характера.

Г. А. Климов

and the allophones of laryngeals, «Language», 33, 1, 1957, стр. 1 и сл.

¹⁹ См. Т. В. Гамкрелдзе, Хеттский язык и ларингальная теория, «Труды Ин-та языкознания [АН ГрузССР]», III. Серия восточных языков, 1960, стр. 21—22.

²⁰ Отметим, что в появившейся краткой рецензии английского грузиноведа Д. Лэнга на книгу Э. Койперша содержится лишь самая общая характеристика этого исследования. См. D. M. Lang, [рек. на кн.:], A. Kuipers, Phoneme and morpheme in Kabardian (Eastern Adyghe), «Bull. of the School of Oriental and African studies. University of London», XXIII, pt. 3, 1960, стр. 597—598.

A. G. Oettinger. Automatic language translation (lexical and technical aspects, with particular reference to Russian). Cambridge (Mass.), Harvard university press, 1960. 381 стр.

Рецензируемая книга — итог работы по автоматическому переводу, начатой в 1950 г. в вычислительной лаборатории Гарвардского университета (США). Она обсуждает широкий круг вопросов, относящихся как к лингвистике, так и к автоматической

обработке информации; автор особенно подчеркивает лексический аспект проблемы и технику составления словаря. Последнее мыслится как необходимая основа для глубокого изучения синтаксиса и семантики. Поскольку работа по автоматиза-

ции перевода в значительной степени определяется современными техническими условиями, автор приводит описание основных характеристик универсальных машин, используемых для автоматической обработки информации, в особенности цифровой машины Унивак (UNIVAC) I, на которой производились эксперименты с автоматическим словарем.

Несколько глав книги посвящено некоторым основным проблемам лингвистики и автоматической обработки информации (automatic data processing), так как исследование по автоматическому переводу основаны главным образом на изучении этих двух дисциплин. Например, рассматриваются свойства ряда классов знаков, изучение которых необходимо для понимания методов, используемых при хранении и обработке информации в цифровых машинах. Автор сопоставляет основные свойства естественных и искусственных языков и, несмотря на отсутствие в естественных языках простоты и регулярности, приходит к заключению, что способы изучения простых искусственных систем применимы и для лингвистического анализа, так как: 1) некоторые свойства искусственных систем присущи естественным языкам, хотя и не в явной форме; 2) машина не может обрабатывать естественные языки без предварительного установления удовлетворительных соответствий между этими языками и искусственной системой знаков машины.

Для ясности изложения рассматриваемых проблем вводятся понятия знака (sign), его изображения (representation) и «тока» (token), составляющие основу изучения перевода письменных языков. Во избежание смешения этих понятий разработана специальная система обозначений.

Автор ограничивается изложением некоторых элементарных понятий современной математики, существующих в плане строгого и точного определения ряда свойств системы знаков: множества, изоморфизма, гомоморфизма, трансформации, — и объясняет практическое значение введения этих понятий для целей автоматической обработки языковых данных. В той степени, в которой слова имеют свойства, присущие также и числам (например, упорядоченность), изменение буквенного изображения на числовое может рассматриваться как трансформация. Однако между числами и словами значительного изоморфизма не прослеживается, поскольку нет существенных операций над словами, которые бы соответствовали сложению чисел.

При решении сложных задач автоматического перевода трудно перейти от словесного описания сразу к программе, так как последняя будет очень сложной и неэкономичной в смысле затрат времени (как человеческого, так и машинного) и памяти. Поэтому естественный язык сначала стандартизуется, превращаясь в язык задач, а потом переводится в язык машины. В идеале этот процесс перевода языка задач на язык машины должен был бы происхо-

дить без вмешательства человека, но современная техника пока не достигает этого идеала, что, однако, не мешает уже сейчас выполнять автоматически значительную часть трудоемкой работы по программированию. В будущем предполагается иметь такие программирующие программы, которые будут способны воспринимать команды на языке как псевдоинструкции (т. е. инструкции, соответствующие совокупности машинных инструкций, в которые они переводятся автоматически).

Исследования по автоматизации перевода подняли ряд интересных лингвистических проблем, ранее не исследованных лингвистами в достаточной степени. С другой стороны, использование машин предъявляет к лингвистам требования теоретической строгости. По мысли автора, способы исследования, избранные в процессе описываемых экспериментов, могут быть полезными и при чисто лингвистической работе.

Процесс перевода с одного естественного языка на другой определяется автором как процесс преобразования знаков (изображений)¹ одной системы в знаки (изображения) другой системы при сохранении их значения инвариантным, т. е. перевод может рассматриваться как особый вид трансформации. С этой точки зрения преобразование печатного сообщения в азбуку Морзе, транслитерация одного алфавита в другой, шифровка в криптографических целях, перевод чисел из десятичной системы в двоичную и т. п. могут рассматриваться как простейшие виды перевода, отличающиеся различными степенями свободы в выборе образа для начального элемента области данной трансформации. Алгоритм перевода с одного естественного языка на другой должен состоять из «достаточно сложной последовательности простых трансформаций», что дало бы возможность осуществить перевод автоматически. Исследования по машинному переводу имеют целью точное определение критерия эквивалентности (инвариантности) при замене элементов одного языка (области трансформации) элементами другого языка (рядом) и разработку эффективных и точных технических средств получения образов для начальных элементов.

А. Г. Эттингер вкратце рассматривает особенности грамматики при межкузыковых переводах. Эти особенности определяются спецификой подхода к построению алгоритма, назначением данной грамматической модели, выбором языковых элементов определенного уровня в качестве объекта анализа. Как пример простой грамматики приводится алгоритм табличного поиска, более сложной — алгоритм, предложенный В. Ингве. Сходные структурные методы исследования должны применяться для описания переводимого и переводящего языка, так же как и соответствий между ними. При таких условиях

¹ В целях практического удобства для анализа письменного текста автор отождествляет понятие знака и его изображения.

алгоритмы анализа, трансформации и синтеза могут рассматриваться как единая грамматика того рода, которую З. Харрис назвал *transfer grammar*.

Большая часть книги занята подробным описанием системы составления Гарвардского автоматического русско-английского словаря и принципов его действия. Структура словаря (словарь основ) обусловлена как техническими условиями, так и лингвистическими методами решения некоторых связанных с этим проблем. В качестве теоретической основы исследования берется аналитическая точка зрения структуралистов, которая, по мнению автора, является необходимым руководством при лингвистических поисках правил перевода. Эта точка зрения дополняется синтетической, которая удобна для описания применения этих правил. Традиционные лингвистические понятия (например, флексия, основа) применяются исключительно в эвристических целях и являются отправной точкой для более строгого исследования. При работе над словарем используются существующие грамматики и словари русского языка.

Словарь задуман как часть автоматической переводящей системы. Главная его функция — снабжение слов, встреченных в тексте, словарной информацией, на основе которой может производиться дальнейший анализ. В этом смысле следует понимать положение о том, что словарь — главное средство исследования семантических и синтаксических свойств рассматриваемой пары языков. Словарь выполняет также более или менее самостоятельную задачу, предшествующую анализу текста: из первоначальных русских традиционных основ (десять тысяч) полуавтоматически подбираются новые основы (двадцать две тысячи), необходимые для автоматического снабжения морфологической информацией слов текста. Словарь предусматривает добавление вновь появившихся слов, не сохранившихся в нем ранее.

Для объяснения действия словаря вводится понятие сокращенной парадигмы, включающей множество различных форм, а также понятие трансформации двух видов: 1) трансформация, порождающая члены сокращенной парадигмы при наличии канонической формы (в начальном словаре) и при указании на морфологический класс слова; 2) трансформация, порождающая каноническую форму (в конечном словаре) из членов сокращенной парадигмы.

Трансформация первого типа была разработана для составления словаря парадигм, хотя в принципе она применима и для синтеза предложений переводящего языка. Трансформация второго типа применима для составления словаря канонических форм. В системе Гарвардского сло-

варя обе эти трансформации производятся полностью автоматически при условии, что классификация первоначальных канонических основ и некоторые другие операции (например, приписывание русским основам английских эквивалентов) производятся вручную или полуавтоматически. Несмотря на последнее обстоятельство, самый факт использования машины для составления словарей означает «революцию в лексикографии благодаря сокращению времени и увеличению точности составляемых словарей».

Основной недостаток словаря заключается в значительной омонимии основ и необходимости применения правил определения аффиксов. Основное его преимущество перед словарем парадигм — в его большей компактности. В последнее время его преимущество сокращается в связи с развитием техники: увеличивается память машин и скорость их операций, удешевляется их стоимость. Однако, даже если будет доказано, что составлять словари парадигм выгоднее, техника составления канонического словаря будет бесполезной.

Описываемый словарь экспериментально использовался для выполнения и других задач, например для получения грубых пословных переводов, автоматического составления контекстов слова (нечто вроде конкорданции). В качестве ближайшей Эттингер ставит задачу получения для русского языка сочетаемости классов слов на основании списков контекстов слов с указанными признаками. Рассматривая свой словарь как основу для будущего перевода, автор обсуждает некоторые основные синтаксические и семантические проблемы, возникающие при переходе от русского языка к английскому. Автор считает, что значение работ по автоматическому переводу, в том числе и Гарвардского словаря, заключается пока не столько в получении конкретных переводов при помощи машины, сколько в более глубоком понимании уровней языковой системы и природы автоматической обработки информации. Описанные способы составления словаря могут применяться для изучения других проблем русского языка, а также для перевода между другими парами языков.

Книга содержит обобщение ценного материала, частично еще не опубликованного и большей частью разбросанного в журналах и отчетах Гарвардской группы, и представляет интерес как для специалистов, так и для тех, кто мало знаком с этой областью. Изложение носит достаточно популярный характер; в работе приводятся многочисленные примеры и специальные упражнения для уяснения основных положений.

Г. А. Тарасова

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ РАБОТА ПО СЕРБОЛУЖИЦКОМУ ЯЗЫКУ В ИНСТИТУТЕ СЕРБОЛУЖИЦКОЙ ЭТНОГРАФИИ (ГДР)

За столетия угнетения серболужицкого народа не было создано ни одного специального учреждения, занимающегося исследованием и нормированием серболужицкого языка. Только после разгрома фашизма и освобождения лужицких сербов от социального и национального гнета в Верхней и Нижней Лужице открылись широкие возможности свободного развития и изучения серболужицкого языка.

В 1951 г. в Будышине (ГДР), центре Верхней Лужицы, был создан Институт серболужицкой этнографии, который в 1952 г. был присоединен к Немецкой Академии наук. Институт серболужицкой этнографии во главе с д-ром П. Новотным состоит из серболужицкой центральной библиотеки¹ и пяти научных секторов: серболужицкой истории (во главе с д-ром Я. Шолтой), демографии (во главе с д-ром Ф. Метпком), этнографии (во главе с Я. Равпом), истории серболужицкой литературы (во главе с д-ром П. Новотным) и серболужицкого языка (во главе с д-ром Р. Йенчем). Ниже речь будет идти об исследовательских работах этого последнего сектора.

Наследство, оставленное фашизмом во всех областях хозяйства и культуры, затруднило также и возобновление работы в области изучения серболужицкого языка. В первую очередь это было связано с отсутствием научных кадров. После смерти д-ра Э. Муки и П. Вирта² не осталось

никого, кто мог бы продолжить исследования в области серболужицкого языка³. Поэтому прежде всего необходимо было воспитание молодых научных кадров. В настоящее время в секторе серболужицкого языка работают только молодые ученые. Кроме д-ра Р. Йенча (заведующего сектором), который занимается также и вопросами истории серболужицкой литературы⁴, в секторе работают М. Мешканк, Г. Йенч и Г. Фаска. Кроме того, в проведении своих обширных исследований сектор пользуется помощью целого ряда сотрудников, не работающих непосредственно в институте.

Основной задачей языковедческого сектора является создание полного немецко-верхнелужицкого нормативного словаря. В этот словарь должна быть включена вся лексика современного серболужицкого языка. В связи с этим были произведены выпуски из произведений серболужицкой литературы, начиная с 1870 г. до наших дней. К настоящему времени сделано 60 тыс. выписок. Такие выписки совершенно необходимы, ибо в прежние словари⁵ включалась только старая лексика. Прежние словари являются устаревшими и потому, что они составлялись в период господства в языке пуристических тенденций. То же в определенной мере можно сказать и о словаре Якубаши, появившемся в 1954 г.⁶. Выписки для немецко-верхнелужицкого словаря, который запланировано издавать отдельными выпусками, должны быть закончены в 1965 г. Этот словарь, хотя он задуман как двуязычный, выйдет за рамки подобных работ и будет одновременно и толковым словарем (такие словари обычно бывают одноязычными).

¹ После окончания войны всю библиотеку пришлось восстанавливать заново путем покупки серболужицких книг из частных собраний. Богатые фонды старой библиотеки лужицкого научного общества «Матица Сербска» (1847—1937 и 1945—1947 гг.) были уничтожены фашистами. Только незначительный остаток книжного фонда библиотеки был обнаружен в 1945 г. в фабричном погребе. В настоящее время библиотека располагает 35 тыс. томов книг.

² Э. Мука (ум. в 1932 г.) известен в научном мире своим трудом «Wörterbuch der niederwendischen Sprache und ihrer Dialecte» (St. Petersburg — Prag, 1911—1928) и своей «Historische und vergleichende Laut- und Formenlehre der niedersorbischen (niederlausitzisch — wendischen) Sprache», Leipzig, 1891. Основной труд П. Вирта (ум. в 1946 г.) «Beiträge zum sorbischen (wendischen) Sprachatlas», Leipzig, 1936.

³ Появившиеся после 1945 г. учебники (P. W o w č e r k, Kurzgefaßte ober-sorbische Grammatik, Bautzen, 1951; 2-e Aufl., Berlin, 1954 и ряд других) были переработками старых работ, обусловленными практической необходимостью.

⁴ В 1954 г. в «Трудах» Института серболужицкой этнографии появилась первая часть его «Stawizny serbskeho pismowstwa»; вторая часть вышла в 1960 г.

⁵ См. С. Т. P f u h l, Łužiski-serbski słownik, Budissin, 1866; J. K r a l, Serbsko-němski słownik hornjołužiskeje řeče, Budyšin, 1927.

⁶ F. J a k u b a š, Hornjoserbsko-němski słownik, Budyšin, 1954.

Небезынтересны с научной, а в особенности с практической точки зрения работы, проводимые комиссией по разработке вопросов научной и технической терминологии. Эти работы заслуживают особого внимания в связи с тем, что за столетия угнетения лужицких сербов серболужицкий язык, вытесняемый из жизни общества, не имел возможности самостоятельного развития в области науки и техники. Необходимо было создать новые термины. Первым результатом работы комиссии явился терминологический словарь⁷, который содержит важнейшие термины, употребительные в практике школьного обучения. Вскоре появится обширный словник по сельскому хозяйству, подготавливается и выйдет в ближайшие годы ряд отраслевых словарей, охватывающих терминологию из области транспорта, спорта, биологии, химии, физики и др. Все эти словари будут двуязычными (немецко-серболужицкими).

Большое внимание также уделяется нормированию верхне- и нижнелужицкого языков. В институте работают две специальные комиссии, которые занимаются разрешением спорных вопросов письменной нормы обоих языков. Результаты работы обеих комиссий, в которые, кроме теоретиков — сотрудников языковедского сектора, входят еще и практики, регулярно публикуются в серболужицкой специальной и периодической печати. До настоящего времени рассматривались такие вопросы, как нормирование написания *r* и *l* в конце слова, написание сложных наречий, транслитерация кириллического письма латинским письмом, склонение иностранных собственных имен.

В языковедском секторе под руководством д-ра Р. Йенча ведется работа над созданием обратного словаря верхнелужицкого языка, который намного облегчит работу комиссии по нормированию верхнелужицкого языка. Работы над этим словарем, который составляется на основе словаря К. Т. Пфуля и должен служить чисто научным целям, будут окончены в 1961 г.

После 1945 г. область применения серболужицкого языка намного расширилась. В связи с этим возникла необходимость его подробного научного и описательного исследования. Поэтому в перспективный план языковедского сектора института включено создание описательной грамматики, в первую очередь верхнелужицкого языка. Вышедшие до сих пор серболужицкие грамматики⁸ сейчас

уже не отвечают требованиям практики. Создание упомянутой описательной грамматики осуществляется совместно Институтом серболужицкой этнографии в Будишине и Серболужицким институтом (отделение языка и литературы) при университете им. Карла Маркса в Лейпциге. Сейчас появились некоторые отдельные подготовительные работы⁹ для этой грамматики. Однако загруженность языковедских секторов обоих институтов не позволяет осуществить создание указанной грамматики в сжатые сроки. Запланировано, что к 1964 г. будет закончена выработка тезисов к этой грамматике, а после окончания текущих исследований (1965) можно будет приступить к работе над самой грамматикой.

Также совместно с Серболужицким институтом при Университете им. Карла Маркса в Лейпциге проводятся исследования в области диалектологии, основные задачи которых сводятся к следующему: а) создание фонетики верхне- и нижнелужицких диалектов; б) монографическое описание наиболее характерных серболужицких диалектов; в) создание диалектологического атласа серболужицкого языка.

В 1952 г. началась работа по широкому собиранию диалектологического материала. На первом этапе основной целью была запись диалектных текстов на магнитофонную ленту; в настоящее время это в основном уже сделано. Запись более длинных текстов проводилась в определенных населенных пунктах, выбранных в соответствии с намеченной сеткой (около 200 деревень).

Второй этап работы начался в 1960 г. со сбора диалектного материала, необходимого для создания задуманного диалектологического атласа. С этой целью был выработан специальный вопросник, содержащий около 3 тыс. вопросов по фонетике, морфологии и лексике. В результате диалектологической экспедиции, которая проводилась в течение трех месяцев в 1960 г. (с участием диалектологов из СССР, Польской Народной Республики и Чехословацкой Социалистической Республики), был получен богатый материал из 22 пунктов Нижней Лужицы. Второй этап работы окончится в 1965 г.

ков см.: J. Wja c s l a w k, *Serbska bibliographija*, 2-e Aufl., Berlin, 1952 и J. M l y n k, *Serbska bibliografija*, Budyšin, 1959.

⁹ Назовем лишь некоторые из них: Fr. Mich a l k, *Über den Aspekt in der obersorbischen Volkssprache*, ZfS, IV, 2, стр. 241—253; ег о ж е, *Słowoslěd w serbsčinjje*, «Lětopis Instituta za serbski ludospyt», A4, 1956—1957, стр. 3—41; R. J e n č, *Městno finitnych formow pomocneho słowjesa a participia wuznamoweho słowjesa w serbskej sadže* «Lětopis Instituta za serbski ludospyt», A6, 1959, стр. 3—47; H. F a s k a, *Někotre syntaktiske a stilistiske wosebitosće kongruency predikata ze subjektom*, «Lětopis Instituta za serbski ludospyt», A6, 1959, стр. 48—72.

⁷ «Pomocny termonologiski słownik němsko-serbski», Berlin, 1957; издан подобный же словарь нижнелужицкого языка («Pomocny terminologiski słownik němsko-dolnoserski», Budyšin, 1960).

⁸ См.: P. W o w č e r k, *Kurzgefaßte obersorbische Grammatik*, 2-e Aufl., Berlin, 1954; E. M u c k e, *Historische, und vergleichende Laut- und Formenlehre...*; B. Š w e l a, *Grammatik der niedersorbischen Sprache*, 2-e Aufl., Bautzen, 1952. О грамматической литературе серболужицких язы-

Большое внимание обращается на монографическое описание отдельных диалектов. В настоящее время имеется ряд подобных исследований, представленных в виде дипломных работ¹⁰. В печати находится обширная монография Фр. Михалка, посвященная диалекту Нойштадта (Верхняя Лужица). Подготавливаются и другие работы, в том числе монография о шпреевальдском диалекте (Нижняя Лужица).

К настоящему времени имеется лишь немного работ в области ономастики. Неотложные задачи серболужицкого языкознания оттесняют ее изучение, хотя она чрезвычайно важна для истории языка; названия поселений являются почти единственным источником для реконструкции древнейших языковых явлений в серболужицком языке¹¹.

Сейчас ведется работа над монографией по топонимике округов Хойерсверда (Воепреци) и Вайсвассер (Белая вода), которая выйдет в серии «Deutsch-slawische Forschungen zur Namenkunde und Siedlungsgeschichte» («Немецко-славянские исследования по ономастике и истории поселений»), издаваемой проф. Р. Фишером¹².

В связи с широтой стоящих перед языко-

ведческим сектором задач и небольшим числом сотрудников, вопросам истории серболужицкого языка и вопросам изучения нижнелужицкого языка до сих пор внимания не уделялось.

Институт серболужицкой этнографии публикует результаты научной работы языковедческого сектора в продолжающемся издании «Lëttopis Instituta za serbski ludospyt», rjad A. K. Настоящему времени выпшло шесть томов этой серии. Кроме того, крупные работы публикуются в «Трудах Института серболужицкой этнографии» (вышло 12 томов). Поддержка, которую оказывает Институту серболужицкой этнографии в Будышине правительство ГДР, обеспечивает успешное проведение запланированных научных работ. 20—21 октября 1960 г. в Будышине проходила организованная Институт серболужицкой этнографии конференция на тему «Современное состояние и дальнейшие задачи серболужицкой литературы и языкознания». Эта конференция, в которой приняли участие видные ученые из ГДР и других стран¹³, показала, насколько Институт серболужицкой этнографии сумел использовать свои возможности.

Г. Фаска

¹⁰ См.: H. F a s k a, Rogowska narěč. Wopisowaca a historiska fonetika; H. R ó ž a, Dialekt wjeski Černsk (fonetika); D. H a m m e r, Der Dialekt von Bluno; J. L i b š, Dialekt wjeski Njebjelčicy; J. Š o l t a, Konjugacijski system Košynskeje narěče.

¹¹ Древнейшим засвидетельствованным языковым памятником серболужицкого языка является формула клятвы жителей города Будышина (вторая половина XV в.).

¹² В этой серии выпел ряд ценных работ; ср., например: E. E i c h l e r, Die Orts- und Flussnamen der Kreise Delitzsch und Eilenburg (1958); L. H o f f m a n n, Die slawischen Flurnamen des Kreises Löbau (1959).

¹³ Тезисы и труды конференции будут напечатаны в специальном выпуске «Lëttopis Instituta za serbski ludospyt».

ВОПРОСЫ АФРИКАНИСТИКИ НА XXV МЕЖДУНАРОДНОМ КОНГРЕССЕ ВОСТОКОВЕДОВ

В отличие от предшествующих конгрессов востоковедов (Кембридж, 1954, и Мюнхен, 1957), на Московском конгрессе в 1960 г. на секции африканистики наряду с лингвистической тематикой были широко представлены также проблемы истории, этнографии и современного положения народов Африки; число же лингвистических докладов превышало количество их на Мюнхенском конгрессе.

Заседания лингвистической группы начались с докладов, посвященных изучению языков банту. Проф. А. Н. Т а к к е р (Лондон) рассказал в своем сообщении «Филология банту» о работах английских африканистов лондонской Школы изучения Востока и Африки, в частности о направлениях, в котором ведутся исследования проф. М. Гасри, возглавляющего африканское отделение Школы. Продолжая начатые в свое время К. Мейнхофом работы по восстановлению праязыка банту, М. Гасри на основании новых материалов, главным образом языков бассейна Конго и северо-западной группы языков банту, которые были изучены в последние

десятилетия, предложил иную реконструкцию системы звуков праязыка. В отличие от Мейнхофа, который называл реконструированный им язык праязыком — Ur-Bantu, Гасри дает ему название «общий банту» — common bantu. При реконструкции этого «общего» языка банту Гасри учитывает тональность, значение которой выяснилось относительно недавно [на это впервые указал Гринберг в своей статье «Тональная система протобанту» («Word», 1948)].

Проф. Э. Д а м м а н (Берлин) в своем докладе «Аппликатив в языках банту» собрал одну из так называемых производных форм глагола, оформленных в языках банту суффиксами. В течение последних лет Э. Дамман опубликовал много работ, посвященных выяснению значения различных производных форм — каузатива, ассоциатива и др., которые передают сложные оттенки значений глагола и имеют залоговый характер. До сих пор эти вопросы не были предметом специальных исследований, как, впрочем, почти все проблемы структуры глагола и все проблемы, связанные с видо-временными категориями

ми, так как внимание бантуистов привлекали в большей мере проблемы именных классов.

Доклад Н. В. Охотиной (Ленинград) «О классификации частей речи в языке зулу» явился откликом на дискуссию, которая прошла на страницах специальных африканистических журналов, где столкнулись две школы: функциональная школа южноафриканских лингвистов, возглавляемая К. Доком, и английские бантуисты, взгляды которых в известной степени отражают направления современной американской лингвистики. Английские бантуисты, вождем которых является М. Гасри, выдвигают примат формы и на основании формальных признаков производят классификацию частей речи. В своем докладе Н. В. Охотина, признавая части речи лексикограмматическими категориями, дает свою классификацию, отличающуюся от взглядов обеих школ.

Доклад К. Ф. Ружички (Прага) был посвящен некоторым проблемам синтаксиса банту и представлял собою частное исследование в этой еще очень мало разработанной области бантуистики.

Большое внимание на заседаниях лингвистической секции было уделено проблемам изучения семито-хамитских языков, в частности изучению языков Эфиопии. Проф. В. Леслау выступил с очень интересным сообщением о пересмотре уже установившихся взглядов относительно влияния купшитских языков на семитские языки Эфиопии. Доклад этот был в высшей степени поучителен, так как В. Леслау показал на примере южноэфиопских языков, как в результате звуковых изменений создаются омонимы, в действительности представляющие собою слияние самых различных основ. Метод, примененный Леслау, на мой взгляд, может быть очень полезен при решении вопроса о связи языка хауса с языками семито-хамитской семьи языков.

Доклад Ф. Р. Палмера (Химел Хэмпстед) «Относительные предложения в языке тигринья (эфиопском, семитском)» по своей методике представлял полную противоположность докладу В. Леслау. Ф. Р. Палмер — представитель дескриптивного направления в лингвистике, для которого, как это вылилось в дискуссии, все рассуждения о диахронии не имеют никакого значения.

Доклад проф. Ст. Стрельцина (Варшава) был посвящен медицинским текстам на языке геес. Ст. Стрельцин, дожив о новых рукописях, приобретенных им во время его пребывания в Эфиопии в 1959 г., рассказывал также о результатах своих исследований в этой специальной области эфиопистики.

Проф. Тубиана (Париж) сообщил о своих исследованиях языка загава. Этот язык, еще очень мало изученный, относится к группе языков канури. Тубиана имел возможность сделать записи во время своего пребывания в Судане среди загава.

Доклад Ю. Ж. де Диану (Париж)

был посвящен вопросу о заимствованных словах в языке сонгаи — языке, который до настоящего времени очень мало изучен и стоит особняком среди всех языков Африки.

Л. Фузелла (Неаполь) посвятил свое выступление изложению амхарской басни Мохаммеда Шатера с комментариями к ней.

О берберских языках говорилось в докладе Ш. Пелла (Париж). Тема его выступления: «Изучение берберской лингвистики со времени Кембриджского конгресса» (т. е. с 1954 по 1960). В своем докладе, весьма характерном для современной французской берберологии, Ш. Пелла говорил только о проблемах берберской диалектологии, причем докладчиком не были упомянуты ученые берберологи или лингвисты, занимающиеся семито-хамитскими языками и привлекающие берберские диалекты для освещения общелингвистических проблем, как, например, польский ученый Левицкий или немецкий исследователь Ресслер. Надо сказать, что за последние десятилетия берберология стала почти исключительно предметом изучения одних французских ученых. К сожалению, приходится отметить, что французские берберологи, начиная с А. Бассе, ограничивают себя узкими рамками диалектологии, нимало не интересуясь проблемами семито-хамитского языкознания. Между тем именно в этой области за последние годы ведется интенсивная работа и выясняются интересные проблемы связи акадского языка с берберскими (Ресслер), определяется положение берберских языков в среде семито-хамитских (М. Коэн), выясняется структура берберского глагола в отношении к системе семитского глагола (Клингенхен) и т. д.

Все это было обойдено в докладе Ш. Пелла молчанием, и проблемы берберологии получили, таким образом, одностороннее освещение.

Кроме всех этих докладов, зачитанных на лингвистической секции, на общих собраниях секции были заслушаны доклады филологического или историко-филологического характера. Так, В. В. Матвеев (Ленинград) в своем докладе «О северных пределах распространения восточных банту (зинджей) в X в. по арабским источникам» доказывал, что границей страны зинджей была р. Джуба. Л. Е. Кубель (Ленинград) доложил об обнаруженном им у ал-Хамдани (X в.) упоминании об обычаях сохранения брата и сестры, хорошо известном африканистам. Это — древнейшее упоминание об обычаях, существовавших у многих народов Африки, имевших матрильный счет родства.

К сожалению, на африканской секции почти не рассматривались проблемы изучения языков Судана. Это объясняется отчасти тем, что на конгрессе не были представлены лингвисты Лондонской школы изучения Востока и Африки, занимающиеся языками Западного Судана. Не нашли также отражения в работах секции проблемы классификации африканских языков—

проблемы, которые очень оживленно обсуждаются в среде лингвистов-африканистов за последние годы. Не было, к сожалению, и ни одного доклада, посвященного проблеме койсанских языков, хотя именно в этой области намечается пересмотр

уже установившихся взглядов на соотношение готтентотских и бушменских языков и положение языка нарон среди них.

Д. А. Ольдерогге

НАД ЧЕМ РАБОТАЮТ УЧЕНЫЕ

В настоящее время я подготавливаю второе издание своего этимологического словаря чешского и словацкого языков — первое издание, вышедшее в 1957 г., уже разошлось (о первом издании см. ВЯ, 1958, 4, стр. 131—135). В моем словаре приводится много совершенно новых объяснений; во втором издании их количество значительно увеличилось. Подробную разработку этих объяснений я оставляю для последующих моих работ. К числу их относятся также мои заметки и поправки к многим словам литовского этимологического словаря Френкеля; они начали выходить в «Zeitschrift für slavische Philologie» (XXVIII, 1, 1959); в этом году следует продолжение (буква Б).

Кроме того, я подготавливаю в настоящее время несколько статей для юбилейных сборников. Приведу здесь лишь две из них: 1) объяснение загадочной, так называемой бодуновской палатализации (в -сь, -сье, -ьса, -ьса, -ьсати); я нашел зачатки параллельного развития на индийской почве. Такие же зачатки были и в балтийских языках (эта палатализация, следовательно, является общей балтийско-славянской инновацией); например, литов. *jaun-ikis* из *-ikjos* и т. п. Статья выйдет в сборнике в честь проф. Э. Петровича (в Бухаресте); 2) объяснение усиленного суффикса -*ot-j-* в славянских прилагательных (русс. *здоровущий*). Это древний тип; он имеет аналогию в хеттском языке, как это было уже мной указано в «Archiv orientální» (XVII, 2, 1949) и в других журналах. Теперь я обращаю внимание славистов как на этот тип, так и на другие, возникшие через посредство данного типа, формы. Статья выйдет, вероятно, в этом году, в сборнике в честь проф. Ф. Ливера.

Если буду жив и здоров, то в будущем хотел бы развить свои взгляды на религию древних индоевропейцев в эпоху их праязыкового единства. До настоящего времени считалось, что мы знаем о ней очень мало; тем не менее о ней можно составить довольно полное представление. Изложение моих взглядов уже было опубликовано в четырех статьях журнала «Archiv orientální» (в томах 12, 15, 22, 28) и в одной статье «Revue des études slaves» (23, 1947). Я хотел бы снова их разработать, чтобы дать, таким образом, полную картину.

В. Махек (Брно)

Сербскохорватский литературный язык в наше время можно вполне определенно охарактеризовать как орудие культуры и литературы, т. е. как вполне сложившийся литературный язык. В то же время он не перестал быть языком народного типа, сохраняя основы первого периода караджиче-

вевой литературно-языковой революции. Наконец, он все определеннее становится общим языком сербов и хорватов. Перечисленные три постулата характеризуют современную специфику и современное состояние сербскохорватского языка, а разъяснить его характер должно помочь нам историческое рассмотрение этого языка. Произведя предварительные исследования и дав характеристику языка некоторых типичных писателей и отдельных периодов, я и приступил к редактированию труда по истории литературного языка, куда вошли те соображения и факты, которые я излагал в университетском курсе, посвященном этой проблематике. Исчерпывающее исследование деятельности Бука Караджича, его творчества и его влияния на развитие языка составляет базу для изучения проблематики, поставленной мной в широком масштабе, хотя язык самого Караджича нуждается в более точной характеристике. Эта проблема подводит нас, в свою очередь, к проблематике более широкой и комплексной, требующей постановки вопроса о совокупном охвате и о специфических особенностях эволюции литературного языка, особенно о принципе и методе его изучения.

На основе исследования подобного материала общие проблемы выдвинул акад. В. В. Виноградов на IV Международном съезде славистов в докладе «Наука о языке художественной литературы и ее задачи». «Изучение языка художественной литературы», — писал В. В. Виноградов, — еще не оформилось в самостоятельную филологическую дисциплину. Оно, с одной стороны, вливается в литературоведение и здесь то растворяется в истории отдельных национальных литератур, то становится базой теории поэтического языка или художественной речи, а отчасти стилистики и эстетике слова. С другой стороны, оно связывается с историей литературного языка и вливается в сферу лингвистической стилистики». Поэтому В. В. Виноградов справедливо указал на целесообразность выделения самостоятельной филологической дисциплины — науки о языке художественной литературы.

Путь ведет, по моему мнению, через проблематику, которую подсказывает конкретный материал, отражающий стилистические явления и эстетические ценности поэтического языка, а также функциональные и структурные явления языка в общем.

Литературный язык и стиль лучше, чем литературные произведения сами по себе, отражают три основные обусловленности художественного творчества: индивидуальные особенности писателя, воздействие

объективной среды и социальную обусловленность творческой динамики. В результате исключительно интенсивного развития сербского и хорватского литературного языка в течение полутора веков исследователь может достаточно отчетливо выделить ступени его эволюции. Это позволяет получить в методологическом отношении более точные выводы, чем если бы был применен один только литературоведческий метод. Таким образом задуманная история сербскохорватского литературного языка и стиля позволяет наметить несколько отчетливо разграниченных периодов, ясно обусловленных историческими обстоятельствами, а также культурной и социальной эволюцией общества.

Начало сербскохорватского литературного языка связано с деятельностью такой значительной личности, как Вук Караджич. Творчество его несомненно послужило фундаментом новой литературы и современного языка, так как Вук Караджич олицетворял свою эпоху. Идея о признании народного языка в литературу возникала и не могла не возникать и до Караджича, но только он в духе революционной борьбы Сербии за освобождение из-под турецкой власти смог ввести чистый народный язык в литературу, определив направление развития литературного языка в соответствии с устным народным творчеством. Таким образом, литература того времени приобрела черты основных романтических взглядов, революционный, а не реформаторский характер. Таким же образом я и характеризую литературное творчество Вука Караджича.

Со времени, когда победили идеи Вука Караджича, и до наших дней можно наметить несколько периодов развития литературного языка и стиля сербских и хорватских писателей. Литературный язык сербов и хорватов несомненно сохраняет черты народного характера, но в то же время, будучи орудием литературы, он ни на шаг не отстает от нее, развивается и представляет собой сейчас тип литературного языка в полном смысле слова, являясь абсолютным средством художественного выражения. Исследование понятой таким образом эволюции и совершенствования сербского и хорватского языка и стиля составляет проблематику, которая не привлекала достаточного внимания ученых и для которой поэтому приходится намечать основные линии и определять ее общее значение.

Дальнейшее развитие сербского и хорватского языка шло параллельно с развитием литературы, но эти две линии не следует отождествлять. Изучение линий развития языка и стиля может отчасти уточнить и дополнить характеристику творчества отдельных писателей. Настоящая сущность творчества писателя, часто затененная взглядами его времени, обнаруживается ярче при анализе выразительных средств его языка. Таким образом, проблематика эволюции литературного языка как средства художественного оформления переплетается с проблематикой об-

разования типа литературного языка — параллельность этих двух проблематик я прослеживаю в своем труде, посвященном стабилизации и эволюции сербскохорватского литературного языка.

Принятие вуковского типа литературного языка младшим поколением писателей-сербов не могло не повлиять на хорватов — сторонников иллиризма, и в 1850 г. был формально заключен литературный договор, на основании которого самые выдающиеся писатели согласились принять в качестве единственного тип вуковского языка. Однако во второй половине XIX в. единство этого типа языка обнаруживается лишь в общих чертах, хотя создается конкретная основа для общего языка в трудах Дж. Даничича, а позднее и в нормативной грамматике вуковского языка, составленной Т. Маретичем. Тот же тип литературного языка, но с некавказской нормой произношения был принят в хорватской литературе, только здесь чаще встречались диалектные особенности и несоответствия норме. У сербов между тем младшее поколение писателей-романтиков приняло экавское произношение. Таким образом, существование двух вариантов литературного языка свидетельствовало о том, что единство, правда, еще не абсолютное, было в основных чертах достигнуто¹. Это время характеризуется исключительно романтическими стилем, эпитетами, художественными приемами, но все же путем анализа языковых особенностей и стиля можно прийти к выводу, что, например, И. Стерия Попович отыскал свой собственный путь как раз благодаря реализму языка и фразеологии своих комедий (особенно таких, как «Кир-Яня», «Злая жена», «Тыква, вообразившая себя кувшином»). Изучение характерной реалистичности выражения в стихотворениях для детей И. Йовановича-Змая, равно как в его сатирических и политических стихотворениях, позволяет выявить двойственность творчества писателя, для которого склонность к сентиментализму являлась только одной из характерных черт. Совершенно иным по стилю и выбору слов является творчество П. Прерадовича и И. Мажуранича.

Писатели сербского и хорватского реализма активно способствовали развитию и формированию сербского и хорватского литературного языка, повышая его культурную роль и эстетическую ценность. Реалисты вносят в литературу новые политические и социальные идеи, выраженные Светозаром Марковичем, учеником русских социалистов, а в литературном языке они используют диалектные элементы как атрибут реализма и таким образом обогащают литературный язык, приближая его к жизни, к разговорному языку.

Поэты «Модерны» (начало XX в.) вносят тонкий анализ интроспекции и психологического реализма, обогащают стиль и

¹ См. М. Павловић, Значај војвођанских писаца, «Зборник Матице српске за књижевност и језик», 1. 1953.

поднимают сербскохорватский литературный язык до уровня других, более старых литературных языков великих народов современной цивилизации.

Наряду с распространением идеи единства южных славян созрела мысль об унификации литературного языка, что нашло свое отражение, в частности, в анкете, предложенной «Сербским литературным вестником» («Српски књижевни гласник») в 1911 г.

Одновременно с идеологическими блужданиями литературы и искусства, с исканием новых путей в литературной тематике продолжают поиски новых способов выражения в области литературного языка и стиля. В это же самое время делается очень многое для изучения языковых фактов; проводится также сбор материала для большого словаря Сербской Академии наук. После второй мировой войны появляется ряд писателей, творчество которых носит печать индивидуальной экстравагантности, однако, большинство писателей сохраняет стремление к реалистическому стилю. Они пользуются установленным типом литературного языка, добываясь его лексического обогащения. Это стремление идет параллельно с литературным течением социалистического реализма. Оно совпадает также с общим стремлением к единству литературного языка и к единообразию в орфографии, осуществленному по инициативе Матицы Сербской и Матицы Хорватской.

Таким образом, комплексно изложенная эволюция литературного языка является в полной мере отражением общественных стремлений и идеологического подъема. В свете всего изложенного мои наблюдения имеют своею целью не только охарактеризовать творчество писателей и специфику их стилистических и иных средств художественного выражения, их связь с окружающей средой, но и роль литературы в эволюции общества, равно как и ее параллелизм с течениями в изобразительном искусстве². Этот метод изучения стилистического и языкового выражения с обращением к анализу истории литературного языка является не только опорой, но и необходимой основой для изучения как самой литературы, так и общих синкретических процессов в истории культуры.

Замечу с удовольствием, что, работая над своей книгой, я имел перед собой ценный труд В. В. Виноградова по истории русского литературного языка.

М. Павлович (Белград)

В настоящее время я продолжаю изучать основные вопросы синтаксиса, которые меня, ученика И. Зубатого и А. А. Шахматова, интересуют уже долгое время. Некоторыми своими исследовательскими результатами я воспользовался в книге «Историческая грамматика чешская» (III — «Синтаксис», Прага, 1956), второе издание которой я в настоящее время

подготавливаю. Кроме того, я сдал в печать статью «О так называемом актуальном членении предложения», анализирующую взгляды покойного проф. В. Матеизуса, и статью «Лексические и синтаксические значения и средства выражения». Почти уже подготовил монографию о связке, где, между прочим, касаюсь вопроса о русской нулевой связке и о возникновении русского глагольного типа *я писал*.

Дальнейшая цель моих исследований — выяснение сущности предложения в его диалектической связи с мышлением, познанием. Я убедился в том, что предложение — средство выражения актуальной мысли — является основной формой языковых высказываний и выражает связь между предметами и явлениями объективной действительности. С точки зрения коммуникативной функции связи реализуются в виде предложения или его членов. По характеру своей реализации различаются связи: а) между словами-лексемами, б) между словами-лексемами и актуальным отрезком действительности, в) между двумя предложениями, г) между говорящим и содержанием предложения. Таким образом, возникли разные типы предложений: с одной стороны, предложения самостоятельные, с другой — сложные. Выразительными средствами этих типов предложения и отношений, в них содержащихся, являются: а) слова-лексемы и грамматические слова, образующие разные категории частей речи; б) словесные формы; в) ударение — динамическое и музыкальное, интонация; г) порядок слов; д) слитное или неслитное произношение.

За последнее время большую помощь мне оказали две теоретические советские работы: статья П. С. Попова «Диалектика суждения» («Академику В. В. Виноградову к его шестидесятилетию. Сб. статей», М., 1956) и книга А. С. Чикобава «Проблема языка как предмета языкознания» (М., 1959). Хотелось отметить всю плодотворность международного сотрудничества в области языкознания.

Ф. Травничек (Брно)

В центре моих занятий по балтийским языкам сейчас находится структура литовского предложения. Направление моей работы синхроническо-типологическое, но она не лишена исторической перспективы. В своей работе я исхожу последовательно из теоретического понимания предложения как величины относительной, а не абсолютной. Из числа моих исследований в области балтийско-славянских языковых отношений выйдет в свет раньше всего статья, в которой аргументируется тезис о специфически балтийско-славянском характере полного прилагательного. В центре моих германистических занятий остаются историческая фонология немецких диалектов, с одной стороны, и анализ (на уровне современного прогрессивного языкознания) современного немецкого литературного языка — с другой. Я также обязан вести исследовательскую

² Ср. М. Павлович, Проблемы стиля, Белград, 1960.

работу по говорам бывшего немецкого меньшинства в ЧССР и по исчезнувшим видам идиш, на которых говорило еврейское население на территории ЧССР.

II. Трост (Прага)

Чешский славист А. Фринта (Прага), выйдя в возрасте 74 лет на пенсию в качестве профессора Карлова университета, продолжает свою научную деятельность преимущественно в области сорабистики.

1. В 1960 г. в сборнике «*Rusko-české studie*» (II) появилась его статья «*Počátky rustiky u nás, zvláště na universitě Karlově*».

2. В начале текущего года (1961) напечатана в сборнике «*Minulost Plzně a Plzeňska*» (III) большая работа А. Фринты «*Chodové — srbský kmen z Bavor*». Автор собрал множество языковых фактов уже исчезающего диалекта племени ходов, обитающего на баварской границе Чехии. Язык этого племени, о происхождении которого у нас нет никаких исторических сведений, очень похож на наречия сербских лужичан. В соответствии с выводами историка Фр. Махачека Фринта на основе полученных им лингвистических данных доказывает, что предки ходов пришли в половине X в. из Баварии, где с VI в. жили *habavindi*, язык которых известен только по географическим названиям.

3. В Варшаве должна выйти монография о так называемом *ř* в серболужицком языке, включенная в сборник в честь проф. В. Доршевского.

4. В середине текущего года в журнале «*Listy filologické*» (Прага) выйдет этимологическая статья «*Brandenburg—Brani-bor?*».

5. В органе будишинского Института сербской этнографии «*Lëtopis Instituta za serbski ludospyt*» (rjad A, 7) будет опубликована статья «*J. Blahoslav a J. A. Komenský o lužické srbštině*», в которой специально освещены заслуживающие внимания взгляды этих ученых XVI и XVII вв.

6. К печатанию в познанской «*Slavia occidentalis*» подготавливается монография о долгих гласных в обоих серболужицких языках и их диалектах.

7. По просьбе будишинского Института сербской этнографии будет написан очерк орфоэпии обоих литературных языков лужичан.

8. Для польского журнала «*Onomastica*» планируется статья об изменениях местных названий в Чехословакии и Польше.

9. В «*Chrestomatii slovanských jazyků*» будут включены избранные лужицкие тексты, а также составлено «Введение».

Кроме этих лингвистических исследований, планируются работы по истории серболужицкой и болгарской литературы.

Основным пунктом моего индивидуального плана в настоящее время является подготовка к печати очередных тетрадей «Лингвистического атласа давней Лемковщины». Цель этой работы — показать внутреннюю раздробленность западных карпатско-украинских говоров (в пределах современной Польской Народной Респуб-

лики), которые в результате миграции населения в 1945 и последующие годы ныне практически уже не существуют. Материал был собран мною в 1934—1936 гг. Результаты исследований по говорам лемков частично я опубликовал уже перед второй мировой войной в «Трудах ПАИ», в «Бюллетене Польского лингвистического общества» и т. д. «Атлас» выпускается тетрадями, каждая из которых содержит 50 карт с кратким комментарием. До настоящего времени, с 1956 по 1961 г. вышло из печати пять тетрадей (в издании Лодзенского научного общества). Шестая должна появиться в ближайшем будущем. Весь «Атлас» будет состоять из 8—10 тетрадей или 400—450 карт.

Старому говору лемков посвящены и некоторые мои послевоенные работы, о которых, пожалуй, здесь уместно вспомнить, так как они могут быть интересны советским языковедам, особенно украинистам. Самая большая — это «Топономастика Лемковщины», две части которой вышли в 1948—1949 гг. в издании Лодзенского научного общества. Небольшая статья «Дополнения к работе „Топономастика Лемковщины“» была напечатана в «Известиях» этого общества за 1949 г. В «Исследованиях по польской и славянской филологии» (III, 1958) помещена моя более обширная работа «Вопросы исторической фонетики говора лемков», в журналах «*Slavia orientalis*» (VIII, 1959) статья «Акцентологические материалы давней Лемковщины» и в «*Slavia*» (XXIX, 1960) — статья «Системы вокализма давней Лемковщины». Наконец, недавно я сдал в подготовляемый в настоящее время к печати сборник славистических статей работу «Системы лемковского консонантизма». Намереваюсь также провести исследования в области словоизменения и словообразования старых лемковских диалектов.

Помимо трудов по старым говорам Лемковщины, в настоящее время еще занимаюсь проблемами сравнительной фонетики славянских языков. В печати — в Польше и за границей — находятся статьи: «Судьба праславянского *x* в славянских языках и диалектах», «Как звучало праславянское *yatʹ*?» и «Процессы деназализации в славянских языках». В ближайшее время (1961 г.) хотел бы написать работу «Как звучало праславянское *yʹ*». Продолжаю исследование в области польской фонологии. Недавно закончил статью «Взаимоотношения фонем *s*, *z*, *š*, *ž*, *s'*, *z'* в литературном польском языке». Думаю также написать большой очерк по фонологической системе польского современного языка. И, наконец, мне бы хотелось подготовить второе, в значительной степени обновленное издание «Основ диалектологии западнославянских языков».

Наряду с собственными исследованиями я осуществляю руководство тремя коллективными работами в Отделении славяноведения ПАН. Первой из них является «Лингвистический атлас Кашубщины и соседних говоров». Материал по этому «Атласу» в основном уже готов, необходимо

только кое-что дополнить и еще раз проверить отдельные факты на местах. Вскоре мы приступаем к редактированию первых тетрадей «Атласа». Второй работой является сравнительный словарь польско-чешских пограничных областей в Силезии, третьей — разработка проблемы влияния чешского языка на польский литературный язык XVI в. В целом вопросы влияния чешского языка на польский изложены

мною в статье, которая должна скоро появиться в «Revue des études slaves». Методика коллективной работы над этими проблемами, проводимой в Отделении славяноведения ПАН, описана Я. Сятковским в «Отчете о научной деятельности Отдела общественных наук ПАН» за 1956 г.

Зд. Штибер (Варшава)

Перевод с польского

ХРОНИКАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

С 23 по 27 декабря 1960 г. в Харькове проходила III республиканская славистическая конференция, организованная Харьковским гос. университетом в связи со 125-летием со дня рождения выдающегося языковеда и мыслителя профессора Харьковского университета А. А. Потемни. На конференции было заслушано и обсуждено около 60 докладов и сообщений, как непосредственно посвященных научной деятельности Потемни, так и касающихся наиболее актуальных проблем современного украинского языкознания. Помимо языковедческой на конференции работала также литературоведческая секция.

Конференция открылась докладом академика АН УССР И. К. Белододе «Труд А. А. Потемни „Язык и народность“ в свете современности». Доктор филол. наук С. П. Самойленко выступил с докладом «Исследование исторической морфологии украинского языка в работах А. А. Потемни». Доклады К. К. Целуйко и Т. В. Баймута были посвящены проблемам изучения украинских гидронимов и составления украинского гидронимического атласа. Дискуссия, развернувшаяся на конференции, способствовала выявлению некоторых актуальных лингвистических проблем, требующих дальнейшей углубленной разработки. С. П. Самойленко отметил необходимость более смело ставить вопросы широкого филологического профиля, стоящие на грани между языкознанием и литературоведением. К. К. Целуйко от имени всех участников конференции высказал настоятельное пожелание об издании неопубликованных и переиздании опубликованных работ А. А. Потемни.

О. Л.

Столетию со дня выхода первого выпуска «Филологических записок» (издавались до 1917 г.) была посвящена научная конференция филологического факультета Воронежского гос. университета, состоявшаяся 23 января 1961 года. Конференция открылась пленарным заседанием, на котором со вступительным словом о «Филологических записках», их роли, значении и научно-теоретических позициях выступила зав. кафедрой русского языка доц. В. И. Собинова. В секции языкознания было заслушано 8 докладов. З. Д. Попова сделала доклад «Проблемы общего языкознания в „Филологических записках“». «Филологические записки» о преподавании древних языков — такова тема сообщения С. А. Рыковой. Вопросам

практического синтаксиса русского языка в журнале посвятил свое выступление Б. В. Кривенко. В докладе Н. К. Соколовой рассматривались вопросы лексикологии и словообразования в «Филологических записках». О разработке старославянского языка на страницах журнала говорила А. И. Чирик-Полейко. В. И. Собинова выступила с докладом «Изучение воронежских говоров по материалам „Филологических записок“». О трудах А. А. Потемни в «Филологических записках» говорилось в сообщении М. В. Федоровой.

Е. П. Артеменко, Б. В. Кривенко
(Воронеж)

С 24 по 27 января 1961 г. в Москве проходило совещание, созванное Институтом славяноведения АН СССР. Оно было посвящено вопросам координации исследований в области истории, литературы, фольклора и языка зарубежных славянских народов. В работе совещания приняли участие свыше 500 человек — научные сотрудники Академии наук СССР, УССР, БССР, ЛитССР, преподаватели ряда университетов и институтов, сотрудники издательств, библиотек и других организаций и учреждений многих городов Советского Союза. Совещание было открыто вступительной речью академика-секретаря Отделения исторических наук АН СССР Е. М. Жукова. С докладом «Об актуальных проблемах славяноведения» выступил директор Института славяноведения АН СССР И. И. Удальцов, охарактеризовавший общее состояние изучения в нашей стране истории, литературы и языка южных и западных славян и выделивший ту славяноведческую проблематику, которая требует координации исследований советских славистов. Акад. В. В. Виноградов в докладе «О подготовке к V Международному съезду славистов» остановился на работе, проделанной за последнее время Международным комитетом славистов, подробно изложил предварительную программу предстоящего V съезда славистов (в котором примут участие не только филологи, но и историки) и указал на возникающие в связи с этим перед советскими учеными задачи. На том же пленарном заседании с информацией об исследованиях в области славяноведения выступили представители многих научных учреждений, вузов, издательств, библиотек. После этого работа совещания проходила по секциям. Лингвистическая секция провела 4 засе-

дания, на которых были заслушаны 6 докладов.

С первым докладом на тему «Задачи изучения южно- и западнославянских языков в СССР» выступил канд. филол. наук Н. И. Толстой. Докладчик отметил, что определение названных задач связано с общим объемом и характером проблем изучения этих языков в международном масштабе, с состоянием исследований этих языков в других странах, прежде всего в славянских, и с состоянием и возможностями изучения этих языков в СССР. Среди проблем, исследование которых, по мнению докладчика, является наиболее реальным и целесообразным, надо указать на: 1) фонологические и грамматические модели славянских языков, 2) морфологическую характеристику склонения и спряжения отдельных славянских языков, 3) типы синтагм в отдельных славянских языках, 4) словообразовательно-типологическую характеристику современных славянских языков. Важное значение приобретает также изучение литературных языков как донациональной эпохи, так и эпохи существования нации. Докладчик указал, что успешное решение поставленных задач невозможно без уяснения связи методов и задач изучения современных славянских языков с методами и задачами славянского сравнительно-исторического и типологического языкознания. Н. И. Толстой отметил, что хотя и не следует отказываться от «традиционно-описательных работ, надо все же добиваться более широкого внедрения новых точных методов анализа языка» (применение дистрибутивного и трансформационного анализа, статистического обследования и др.). В частности, дальнейшее изучение синтаксиса славянских языков, по мнению Н. И. Толстого, должно быть подчинено прежде всего задачам типологического исследования, а не задачам реконструкции праязыкового состояния.

Доклад «Очередные проблемы сравнительно-исторического изучения славянских языков» был сделан доктором филол. наук С. Б. Бернштейном. В настоящее время перед славистами, сказал докладчик, стоит прежде всего задача углубленной разработки важнейших теоретических проблем сравнительной грамматики и истории праславянского языка с привлечением новых материалов и использованием новых методов исследования. Далее С. Б. Бернштейн остановился на ближайших конкретных задачах (имеющих большое значение не только для истории праславянского языка), решение которых требует координации работы многих учреждений и отдельных лингвистов. Кроме общеславянского лингвистического атласа, по мнению докладчика, в настоящее время имеется две такие конкретные задачи: создание регионального западноукраинского атласа и изучение диалектной лексики Полесья. Необходимость создания атласа западноукраинских говоров по программе, учитывающей специфику этих говоров и южнославянских говоров, объясняется тем, что в закарипатских и буковинских украинских

говорах содержится много явлений, характерных прежде всего для южнославянских языков. Большое значение для дальнейшего сравнительно-исторического изучения славянских языков имеет и диалектная лексика Полесья, изученная еще крайне недостаточно. Значение этой лексики определяется тем, что она локализована на древнейшей праславянской территории.

Теме «Об общеславянском лингвистическом атласе» посвятил свой доклад член-корр. АН СССР Р. И. Аванесов. Сложность создания атласа требует тщательных предварительных работ, сказал докладчик, важнейшей из которых является в настоящее время составление вопросника. Для этого следует заранее учесть все разнообразие соотносительных различительных элементов систем славянских языков и диалектов, которое может быть сведено, однако, к трем основным типам, выделяемым на базе общности: 1) материальной (общности слова, морфемы, парадигмы), 2) структурно-типологической (вне зависимости от общности слов и морфем) и 3) семантической. Второстепенное место в атласе должно быть уделено непротопооставляемым языковым особенностям. Составление и издание всех вариантов вопросника необходимо закончить в ближайшее время, чтобы уже в 1962 г. Академией наук СССР, УССР и БССР организовали первые экспедиции для пробного сбора материала. По вопросу о сетке обследования Р. И. Аванесов высказался за установление единой минимальной сетки в 50 км², которая нигде не может быть разрежена, но может быть сгущена для территорий с глубокими диалектными различиями и с переходными говорами.

С содокладом на тему «Принципы составления региональных атласов» выступил канд. филол. наук И. А. Дзензелевский. Он подчеркнул, что составление региональных лингвистических атласов является одной из важнейших задач современной диалектологии. Оно должно вестись параллельно с созданием национальных атласов, от которых региональные атласы отличаются рядом специфических задач. В содокладе были подробно изложены принципы выбора диалектной территории, охарактеризованы особенности вопросника для составления регионального атласа. Особое внимание И. А. Дзензелевский уделил значению комментариев к лингвистическим картам, подчеркнув, что бедность комментариев, а тем более их отсутствие значительно снижает научную ценность самого атласа.

Доклад на тему «Задачи этимологических исследований в области славянских языков» сделал канд. филол. наук О. Н. Трубачев. Указав в начале доклада на «идеальные» условия для работы этимолога и отметив активизацию этимологических исследований в нашей стране за последние годы, докладчик охарактеризовал далее состояние работы и задачи по составлению этимологических словарей восточнославянских языков. По вопросу об объеме этимологического словаря он ука-

зал, что современная этимологическая лексикография требует включения в словарь широкого круга историзмов, диалектизмов, заимствований и прочей лексики. «Объем этимологического словаря — это лексика данного языка в полном объеме». Далее О. Н. Трубачев кратко изложил план подготовки в Москве этимологического словаря славянских языков. Большое внимание докладчик уделил проблеме исследования этимологии тематических групп лексики в объеме всего славянского материала или на материале отдельных славянских языков. Подобные работы особенно важны и при подготовке этимологического словаря славянских языков. Характеризуя состояние монографических исследований по этимологиям отдельных слов, О. Н. Трубачев отметил, что большинство этих работ носит более или менее локальный характер и что славянские этимологии с широким привлечением индоевропейского материала разрабатываются слабо. Почти не известен сейчас старый вид этимологического исследования по принципу «слова и вещи».

С докладом «К проблеме балто-славянских языковых отношений» выступил канд. филол. наук В. Н. Топоров. Отметив основные недостатки в современной постановке вопроса о балто-славянской проблеме, В. Н. Топоров изложил затем подробно свой взгляд на задачи изучения древнейших балто-славянских отношений. Прогресс в этой области, по его мнению, зависит прежде всего от умения правильно ставить вопросы, которые должны быть сформулированы таким образом, чтобы «они имели в виду не конкретные праславянские или общеславянские диалекты (задача все равно недостижимая), а лишь их модели, понимаемые как условное выражение функциональной зависимости этих построений от конкретно засвидетельствованных исторических данных балтийских и славянских языков». Кроме такого подхода к проблеме, необходимо вести и исследование о пространственной и временной интерпретации древнейших балто-славянских отношений. Особый интерес представляет изучение гидронимов и их стратиграфии. Для интерпретации древних балто-славянских отношений большое значение имеет углубленное изучение балтийскогоклада в язык и быт славян, изучение типично балтийских изоглоссов за пределами предполагаемых древних балтийских территорий, а также и изучение вопроса о древнем диалектном членении славянской территории и о возможно разной степени близости отдельных славянских диалектов к балтийским. Важно также изучение довольно значительной области на стыке балтийского и славянского миров (а в ряде случаев и финского), в которой проявляются черты, характерные для языкового союза. В связи с этим был поднят вопрос о целесообразности создания лингвистического атласа данной области.

Коллективный доклад М. И. Бурлаковой, Т. М. Николаевой, Д. М. Сегала и В. Н. Топорова был

представлен на тему «Вопросы структурно-типологических исследований в области славянских языков». Основной задачей изучения структурной типологии славянских языков авторы считают построение моделей славянских языков, начиная с фонологического уровня. В плане общей проблемы структурной типологии важное значение имеет создание полного инвентаря всех отношений внутри славянских языков. С этим тесно связан вопрос о необходимости использования вычислительных устройств и создания центра по статистическому обследованию разных языковых систем. Работу целесообразно начать с синхронного описания современного русского языка. По образцу этой модели можно будет построить и модели других славянских языков.

*

По прочитанным докладам развернулись оживленные прения, в которых приняло участие 40 человек: Р. Г. Пиотровский, Б. А. Ларин, Р. М. Цейтлин, Ю. С. Маслов, А. В. Бондарко, А. И. Багмут, В. Т. Коломиец, Е. И. Демина, В. В. Мартынов, А. С. Посвянская, Т. В. Лукинова, Л. И. Ройзензон, А. Г. Широкова, В. М. Иллеч-Свитич, М. О. Овчинников, С. Ф. Самойленко, Н. В. Павлюк, А. Е. Супрун, Г. А. Лилич, А. П. Критенко, Г. Г. Мельниченко, В. А. Никонов, Л. Э. Калынин, Н. В. Бирилло, Е. В. Чешко, С. Б. Бернштейн, А. С. Мельничук, А. И. Сабалиускас, Ю. А. Карпенко, К. К. Целуйко, В. А. Дыбо, В. В. Нимчук, В. П. Мажюлис, Л. Л. Гумецкая, М. А. Михайлов, И. И. Ревзия, Л. А. Калужнин, П. С. Кузнецов, Н. Н. Денисов и А. А. Леонтьев (список дан в порядке выступлений). Давая положительную оценку докладам, некоторые из участников совещания выразили и свое несогласие с отдельными положениями докладчиков. Так, Б. А. Ларин, не отрицая большой важности исследования западноукраинских говоров и диалектной лексики Полесья для решения поставленных в докладе С. Б. Бернштейна вопросов, отметил, что ограничение исследования только указанными районами не может дать необходимого материала для достаточно мотивированных выводов. В. Т. Коломиец возражала против тезиса Н. И. Толстого о необходимости предпочесть методам традиционного языкознания новые методы лингвистического анализа, в частности, и при изучении синтаксиса, полагая, что такая ориентация могла бы «нанести ущерб как дальнейшему развиртыванию синтаксических исследований, так и подготовке кадров в этой области». А. С. Мельничук, касаясь вопроса о структурно-типологическом изучении языков, говорил о необходимости отказаться от признания имманентности языковой структуры. В. А. Никонов считает, что в общеславянском атласе обязательно должны быть учтены и количественные показатели языковых фактов. Некоторые из выступавших (А. С. Мельничук, В. В. Нимчук) возражали против предложенного в докладе О. Н. Трубачева объема этимологического словаря.

На совещании остро стал также вопрос о неотложной необходимости издания и переиздания памятников славянской письменности (Р. М. Цейтлин, Е. И. Демина, С. Ф. Самойленко, А. Е. Супрун). Много внимания было уделено разгруппированию и координации работы по исследованию топонимии (Ю. А. Карпенко, К. К. Целуйко, Л. Л. Гумецкая), истории литературных языков, в частности лужицкого и македонского (С. Б. Бернштейн, М. О. Онышкевич, А. Е. Супрун, Л. И. Ройзензон, А. Г. Широкова). Говорилось о важности изучения словообразования в славянских языках (А. Г. Широкова, С. Б. Бернштейн, Т. Б. Лукинова), вопросов глагольного вида (А. С. Маслов, А. В. Бондарко, Л. И. Ройзензон), славяно-германских языковых отношений (В. В. Мартынов), балто-славянской акцентологии (В. А. Дыбо) и др. Во многих выступлениях прозвучала тревога в связи со снижением уровня славистической подготовки в вузах (В. Т. Коломиец, С. Б. Бернштейн, А. Г. Широкова, Н. В. Павлюк).

В решении совещания (издается отдельной брошюрой) определены конкретные ближайшие задачи, стоящие перед славянским языкознанием, и указаны координационные мероприятия по их выполнению в нашей стране. В числе этих задач, в частности указаны: создание общеславянского лингвистического атласа, создание регионального западноукраинского атласа, составление диалектного словаря Полесья, расширение топонимических исследований, изучение вопросов становления и развития славянских литературных языков и межязыковых связей, расширение работы по структурной типологии славянских языков и др. Совещание поддержало инициативу Ленинградского университета о созыве в 1962 г. в Ленинграде теоретической конференции по вопросам сравнительно-исторической грамматики славянских языков. Совещание единодушно признало необходимым организацию специального славистического журнала. Материалы совещания будут изданы в очередных выпусках «Кратких сообщений» Института славяноведения АН СССР.

Л. К. Венедиктов (Москва)

С 24 по 31 января 1961 г. в МГУ им. Ломоносова проходила конференция по обработке информации, машинному переводу и автоматическому чтению текста, организованная ВИНТИ АН СССР. В связи с многообразной тематикой представленных докладов (до 140) работа конференции проводилась в четырех секциях: 1) обработки информации, 2) машинного перевода и математической лингвистики, 3) автоматического чтения текста и 4) устройств информационной техники.

В докладе директора Института научной информации А. И. Михайлова (Москва) «Современные проблемы научно-технической информации» было подчеркнуто огромное народнохозяйственное и научное значение работ по автоматизации информационного дела. Докладчик рассказал о планах исследований в этом

направлении, которые будут вести ВИНТИ АН СССР в течение ближайших лет. В совместном докладе В. ч. В. И. Иванова и И. А. Мельчука (Москва) «Некоторые вопросы разработки машинного перевода в СССР и за рубежом» были подведены итоги теоретических и практических исследований в этой области за последние 5—6 лет. Как указывалось в их докладе, для настоящего этапа исследований по машинному переводу характерно наметившееся разделение лингвистической стороны исследований (машинный перевод как прикладная типология языков) и математической задачи выбора оптимального алгоритма для языка данного типа. В докладе Ю. В. Кнорозова (Ленинград) «К вопросу об изучении теории сигнализации» излагалась подробная классификация систем сигнализации в живой природе и человеческих обществах по характеру их отношения к системам, использующим сигнализацию.

Сходным проблемам был посвящен доклад В. ч. В. И. Иванова «Язык в сопоставлении с другими средствами передачи и хранения информации». В докладе, в частности, анализировались некоторые современные средства передачи информации, связанные с использованием новейших технических устройств, и соотношение таких систем сигнализации с исторически сложившимися системами устного и письменного языка. Был высказан ряд соображений о специфике языковых и внеязыковых систем в новейшее время, в частности указывалось на значение креолизации систем и, в особенности, на возможности взаимодействия человеческих языков с языками машин.

Подобный интерес к наиболее общим вопросам передачи и хранения информации в человеческом обществе связан с экспоненциальным прогрессом в области автоматизации процессов умственного труда и с вытекающей отсюда необходимостью анализировать, насколько полной может явиться передача машине некоторых функций человеческого мышления. Этим вопросам было посвящено, в частности, выступление А. А. Ляпунова.

Доклады, затрагивающие лингвистическую проблематику, охватывали самый широкий круг проблем. В ряде докладов рассматривались вопросы лингвистического описания, моделирования возможных способов выражения грамматических значений внутри одного языка, что является необходимой предпосылкой для типологического сравнения нескольких языков. Доклад Т. М. Николова (Москва) «Алгоритм независимого грамматического анализа русских текстов» был посвящен общим проблемам составления аналитических грамматик и описанию алгоритма автоматического анализа русского языка, построенного автором в ИТМ и ВТ АН СССР. В докладе Л. Н. Иорданской (Москва) «Два оператора обработки словосочетаний с „сильным управлением“ (для анализа при МП)» было дано формальное описание синтаксических связей некото-

рых словосочетаний русского языка. Представление определенных последовательностей операций, нужных для обработки информации к членам словосочетаний с «сильным управлением» в операторной форме, оказывается удобным при составлении алгоритма анализа для машинного перевода.

Описанию словосочетаний методом трансформаций был посвящен доклад З. М. Волцкой (Москва). Словосочетания описываются в терминах морфем, которые распределяются по трем типам: а) носители лексического значения, б) носители дериивационного значения и в) носители реляционного значения. Формальная процедура порождения и трансформации слитных конструкций (т. е. конструкций, компоненты которых объединены сочинительной связью) была изложена в докладе А. Л. Шуминой (Москва). Процедура распадается на два этапа операций: а) над конструкциями, компоненты которых распространяются согласованными определениями; б) над конструкциями, компоненты которых распространяются существительными в разных падежах.

В докладах, представленных на конференции С. Я. Фитиловым и И. Л. Братчиковым (Ленинград), дается описание некоторой формализованной системы, моделирующей морфологический анализ. Формальная система записи языковой дистрибуции излагалась в докладе Ю. К. Лекомцева (Москва). Предложенная система записи сочетаемости позволяет одновременно фиксировать дистрибутивную структуру как целое и, с другой стороны, выводить по твердым правилам конкретные последовательности элементов, допустимые в данном языке. Таким образом, дистрибутивная структура оказывается порождающим устройством определенного вида. В докладе В. В. Бородина (Горький) описывается построение грамматики, порождающей предложения русского языка. Грамматика состоит из двух частей: первая из них производит элементарные предложения и конструктивные объекты, а к ним применяются трансформации второй части, являющейся совокупностью этих трансформаций. В. М. Григорян (Ереван) посвятил свой доклад описанию структуры языка в виде набора правил (аксиом), из которых одни должны быть справедливы всегда, а другие должны характеризоваться некоторой вероятностью их выполнения. Каждая аксиома должна удовлетворять требованию предельной четкости и краткости, что позволит довести полный набор утверждений до уровня формализованной системы.

Целая группа докладов содержала описание бинарных алгоритмов перевода с одного языка на другой, причем в одних докладах излагались алгоритмы, охватывающие всю структуру языка, а в других содержалось описание правил машинного перевода для фрагментов языка. К докладам, описывающим полные алгоритмы перевода, относится уже упомянутый доклад Т. М. Николаевой, доклады Л. Н. Быковой

и Г. А. Тарасовой (Москва) «О структуре алгоритма независимого анализа английского языка», В. М. Жеребина (Москва) «Об алгоритме машинного перевода с китайского языка», Л. П. Маргвелани (Тбилиси) «Алгоритм перевода с русского языка на грузинский». К докладам, описывающим алгоритмы перевода фрагментов языка, можно отнести доклады А. П. Белопольской и А. Б. Ковригина (Ленинград) «Структуры и их трансформации в немецком языке», «Членение немецкого сложного предложения», доклад В. К. Войнова и др. (Харьков) «Выбор синтаксического синонима при машинном переводе» и ряд других.

Значительное количество докладов было посвящено проблемам описания семантики языка. При этом важно, что во всех докладах понимание семантики было единым и опирающимся на весьма точные предположения: семантика — это описание соотношения системы языка или ее элементов с некоторой внеязыковой формальной системой или ее элементами. В докладе А. К. Жолковского (Москва) «Опыт составления списка слов для семантического анализа» были изложены правила семантического анализа, под которым понимается сведение всех синонимичных предложений к единому виду.

Доклад Н. Н. Леонтьевой (Москва) «Модель синтеза русской фразы на основе семантической записи» содержал описание синтезирующей части алгоритма, анализирующая часть которого была сообщена в докладе А. К. Жолковского. Под синтезом понимается переход от смысловой записи, полученной в результате анализа, к предложению конкретного языка. Задача синтеза — построение максимального количества фраз, соответствующих одной смысловой записи. Источник множества перифраз — обилие вариантов, приписанных каждому понятию в словаре. Построение множества предложений достигается многократным повторением работы алгоритма синтеза. Процент правильных предложений из общего количества теоретически возможных определяется машиной. Смысловая запись, подобная описанной в докладах А. К. Жолковского и Н. Н. Леонтьевой, может считаться языком-посредником.

Вопросам конструирования языка-посредника был посвящен целый ряд докладов, представленных на конференции Н. Д. Андреевым и другими сотрудниками ЭИМН ЛГУ (Ленинград). В этих докладах были освещены вопросы моделирования семантики языка-посредника статистико-комбинаторным методом, рассматривалась связь алгоритмов анализа и синтеза с грамматикой языка-посредника, а также вопросы построения словаря языка-посредника как функции языкового поля. Вопросы структуры языка-посредника были изложены в докладе Б. М. Лейкиной (Ленинград).

Во многих докладах затрагивались вопросы взаимоотношения естественных языков или языков, близких к ним (типа стандартизованного русского языка, разрабатываемого в ЛЭ ВИНТИ), с информационно-логическими языками. В докладе Е. В. Падучевой (Москва) «Классификация сложных предложений в связи с построением правил образования для стандартизованного русского языка» и «О правилах порождения предложений стандартизованного языка геометрии» излагался опыт построения стандартизованного языка, подчиняющегося более строгим законам и более близкого по структуре к информационно-логическому языку, чем естественный русский язык. В докладах рассмотрена возможность применения трансформационного метода, предложенного Н. Хомским, для выделения ядра языка, из предложений которого при помощи преобразований получаются все остальные предложения языка.

Вопросам моделирования семантики стандартизованного языка при помощи информационно-логического языка был посвящен доклад М. М. Ланглебен (Москва). В докладе Г. С. Цейтина (Ленинград) «О промежуточном этапе при переводе с естественного языка на язык исчисления предикатов» высказана идея построения серии логических языков, постепенно приближающихся к естественному.

Некоторые общие вопросы методологии лингвистики были освещены в докладах С. К. Шаумяна (Москва), Е. В. Падучевой и Г. С. Цейтина. С. К. Шаумян в своем докладе «Преобразование информации в процессе познания и двухступенчатая теория структурной лингвистики» предлагал распространить дихотомию плана непосредственного наблюдения и плана конструкторов на морфологический и синтаксический уровни. Вопросы применения математических методов в языкознании освещались в докладах Е. В. Падучевой «Возможности изучения языка методами теории информации» и Г. С. Цейтина «К вопросу о построении математических моделей языка». Е. В. Падучева осветила некоторые проблемы теоретико-информационного изучения языка как кода с вероятностными ограничениями. Г. С. Цейтин изложил общие вопросы построения математических моделей и дал характеристику синтезирующей модели. Под синтезирующей моделью понимается такая модель, в которой первоначально создается независимо от языка некоторая математическая конструкция, а затем проверяется ее соответствие действительному языку. Выделяется несколько уровней моделирования в зависимости от того, какой круг явлений языка эта модель должна описывать.

Конференция заслушала несколько докладов, в которых сообщались практические результаты лингвистических экспериментов на электронно-счетных машинах. Т. М. Молошная (Москва) рассказала о результатах экспериментального машинного перевода, осуществленного на ма-

шине «Стрела». Большой интерес вызвало сообщение Э. В. Евреинова, Ю. Г. Косарева и В. А. Устинова о работах, проведенных в Сибирском филиале АН СССР по расшифровке системы письма древних майя при помощи электронной вычислительной машины М-20. Результаты этих работ известны широкой общественности по многочисленным публикациям.

Конференция по обработке информации, машинному переводу и автоматическому чтению текста показала, что применение современных технических средств для автоматизации различных аспектов переработки информации имеет не только неопределенное практическое значение, но и является стимулом для развития лингвистической теории, для постановки таких лингвистических задач, решение которых невозможно без вычислительной техники.

Д. М. Сегал (Москва)

Как сообщают из Польской Народной Республики, на сентябрь 1961 г. Институтом литературных исследований Академии наук ПНР намечена организация конференции по проблемам статистических методов и теории информации в поэтике и стилистике.

Конференцию, к участию в которой приглашены и зарубежные ученые, предполагается провести в виде дискуссий по вопросам: 1) структуры языковых единиц (от фонемы до текста), 2) иерархии управления этими единицами языка и 3) слоев переносимой ими информации.

Ф. Х. К.

Лингвистические семинары последние годы стали входить в практику ряда институтов. В Казахском гос. пед. институте им. Абая регулярно работает лингвистический семинар. Участниками его являются преподаватели кафедр русского, германского и романского языкознания. За три года существования семинара состоялось около 40 занятий. В первую половину 1960—1961 учебного года были прочтены доклады: Б. Бобер «Конструкции и обороты современного английского языка»; Л. Шеляховской «Аббревиатуры в русском языке. История и современное состояние вопроса»; М. Черкасского «Некоторые проблемы языковых изменений в свете кибернетики»; М. Копыленко «О парадигматике и синтагматике в языке и речи»; С. Ахметовой «О разграничении языка и речи»; А. Басенко «Структуральное изучение языка»; М. Клименко «Об устойчивости и идиоматичности в языке»; В. Анастасьевой «Некоторые синтаксические конструкции английского языка в свете дистрибутивного анализа»; В. Сосновской «О некоторых методах структурального анализа»; Е. Головенко «Проблемы формирования предложения».

М. Копыленко, А. Комаров
(Алма-Ата)

Общее собрание Отделения литературы и языка АН СССР

31 января — 1 февраля 1961 г. в Москве состоялось общее собрание Отделения литературы и языка Академии наук СССР. С докладом «Об итогах научно-исследовательской деятельности Отделения литературы и языка АН СССР за 1960 г.» выступил академик-секретарь Отделения акад. В. В. Виноградов. Остановившись на отчетах, представленных академиками и членами-корреспондентами, докладчик отметил, что членами Отделения ведется большая работа над методологическими и теоретическими проблемами литературоведения и языкознания. Так, например, готовится к печати книга акад. А. И. Белецкого «Вопросы методологии истории украинской литературы». Член-корр. АН СССР М. Б. Храпченко занимается исследованием художественного метода и индивидуального стиля писателя в советской литературе. Член-корр. АН СССР Л. А. Булаховский написал «Очерки по общему языкознанию» и заканчивает «Акцентологический комментарий по сербско-хорватскому языку».

Далее В. В. Виноградов отметил, что ряд членов Отделения (члены-корреспонденты Д. С. Лихачев, Б. А. Серебряников, М. Б. Храпченко, А. С. Бушмин и др.) в своих отчетах вносят предложения по улучшению организации научно-исследовательских работ нашего Отделения. Давая характеристику проблематики в области литературоведения и языкознания, В. В. Виноградов подчеркнул, что общее направление работ 1960 г. определяется решениями XXI съезда КПСС, а также постановлением ЦК КПСС о партийной пропаганде в современных условиях. Докладчик подробно остановился на положительных итогах литературоведческой работы, проделанной соответствующими институтами за отчетный период, особенно в области разработки теоретических проблем литературоведения.

Характеризуя работу в области языкознания за отчетный период, В. В. Виноградов отметил, что в соответствии с принятым Президиумом АН СССР постановлением «О применении структурных и математических методов исследования языка» в Институте языкознания был создан сектор прикладного языкознания, а в Институте русского языка — сектор структурной лингвистики. В последнем сразу началась работа над несколькими темами по проблеме «Методы структурного языка». Проблематика этого сектора и перспективность его работы были обсуждены на заседании Ученого совета Института русского языка. В связи с изложенным Отделение составило проект и другого постановления Президиума Академии наук, который предложило принять по докладу академика-секретаря, намеченному на февраль 1961 г.¹

¹ Указанный доклад состоялся на заседании Президиума АН СССР 24 февраля с. г., после чего был принят и представленный Отделением проект.

В этом проекте отмечается неправомерность и антиисторичность противопоставления некоторыми языковедами так называемого структурного языкознания традиционному, или классическому. В свете такого противопоставления разделы языкознания, не пользующиеся «структурными» методами, рассматриваются как устарелые, отживающие свой век и обреченные целиком уступить место «новой» лингвистике, методы которой будут основаны на приложении выводов кибернетики и теории информации к изучению языка.

Для успешного развития советского языкознания на единой методологической основе, сказал В. В. Виноградов, необходимо равномерное развитие четырех взаимосвязанных основных направлений лингвистического исследования: описательного языкознания, исторического языкознания, сравнительно-исторического изучения семей и групп родственных языков, а также сравнительно-типологического изучения различных языков. Особого внимания требует изучение экспериментальной фонетики, лингвистической географии, социальной диалектологии, ономастики, топонимики, лингвистической стилистики и изучение языка художественной литературы, поскольку развитие их до сих пор отстает от других разделов языкознания. Необходимо также усилить разработку некоторых общих лингвистико-теоретических проблем, разрешение которых будет способствовать успешному развитию советской науки о языке.

Учитывая необходимость развития проблем общего языкознания в первую очередь, Институт языкознания расширил тематику плановых исследований по общему языкознанию, подготовил к печати сборник «Вопросы теории языка в трудах современных зарубежных лингвистов» и приступил к работе над коллективным трудом «Проблемы структуры слова». В. В. Виноградов отметил, что в области сравнительно-исторического языкознания за прошедший год дело заметно улучшилось. Подготовлен к печати один том «Сравнительной грамматики германских языков» (коллективная монография сектора германских языков в пяти томах).

Большее внимание докладчик уделил состоянию изучения русского языка. Продолжается работа описательного характера над созданием диалектологического атласа русского языка, параллельно с ней подготовлена монография «Принципы и методы советской лингвистической географии». Переиздана с необходимыми исправлениями и дополнениями двухтомная (в трех частях) Академическая грамматика. Ведется работа по имеющей важное теоретическое значение проблеме «Русский язык и советское общество» и над «Очерками по истории русского литературного языка». Успешно ведется работа над словарями: закончены «Словарь языка Пушкина» в четырех томах и составление четвертого то-

ма «Словаря современного русского языка». Хотя и недостаточно широко, продолжают исследования в области культуры современной русской речи. Подготовлен словарь «Правильность и чистота русской речи». Осуществлено переиздание «Орфографического словаря» с соответствующими поправками и дополнениями.

В. В. Виноградов обратил внимание общего собрания на то, что в настоящее время остро чувствуется недостаток трудов по истории русского языка широкого профиля, а также по сравнительному изучению русского языка и других славянских языков. Докладчик выразил свое согласие с мнением акад. АН ЛитССР Б. А. Ларина, высказанным им в его последней статье², о том, что русская диалектология до сих пор остается по преимуществу описательной.

М. А. Бакина (Москва)

В докладе М. Б. Храпченко (Москва) было отмечено существующее в настоящее время отставание в разработке проблем поэтики и стилистики художественной литературы. Незавершенностью этих проблем тормозит развитие науки. Кроме того, концепции зарубежного литературоведения, где названные проблемы интенсивно разрабатываются, должны вызвать решительную наступательную позицию со стороны русских ученых. Буржуазным теориям мы обязаны противопоставить свои исследования, выполненные на основе марксистско-ленинской методологии. Значительная часть доклада М. Б. Храпченко была посвящена рассмотрению предварительной программы, тематики и задач намеченной на ноябрь текущего года Конференции по вопросам поэтики и стилистики художественной литературы. Докладчик осветил основное направление каждого из планируемых докладов.

По докладам В. В. Виноградова и М. Б. Храпченко развернулись оживленные прения. В. Г. Орлова (Москва) согласна с мнением В. В. Виноградова о том, что настало время для пересмотра форм и планов диалектологической работы, которая должна решительно вступить на новый путь широких исторических исследований. В. Г. Орлова поставила задачу создания академического курса русской диалектологии, который обобщит богатейший материал атласов, до последнего времени остающийся архивным.

В выступлениях Д. С. Лихачева, В. И. Бороковского, Н. И. Кравцова, Д. Д. Благого, В. М. Жирмунского, Б. А. Серебряникова, А. С. Бушмина и Н. И. Конрада нашли отражение вопросы орга-

низации работы в Отделении литературы и языка и в институтах, входящих в его систему. Общую поддержку получила мысль В. В. Виноградова о том, что труды глубокого обобщающего значения могут создавать лишь специалисты широкого профиля.

Г. И. Миськевич (Москва)

1 февраля на утреннем заседании с докладом «Место стиховедения в литературоведческом анализе» выступил член-корр. АН СССР Л. И. Тимофеев (Москва). Докладчик отметил известную изолированность стиховедения, его искусственное отграничение от учения о языке художественной литературы. Хотя благодаря работам Б. М. Эйхенбаума, Ю. Н. Тынянова, В. М. Жирмунского, Б. В. Томашевского и др. мы обладаем разработанной методикой анализа стиха, остается нераскрытой та художественная роль, которую он играет в конкретном литературном произведении. Благодаря этому и внутри самого стиховедения возникают существенные противоречия и «белые пятна». Это относится, например, к определению ритма. Докладчик остановился на прочитанном в 1960 г. в Варшаве докладе Р. Якобсона, пытавшегося определить эстетическую значимость стиха за счет отбора грамматических форм, безотносительно к их семантическому наполнению, и показал, что этот путь приводит к сочетанию внешнего объективизма и «научного импрессионизма», произвольного толкования. Разрыв между анализом стиха и его сущностью сказывается в том, что многие исследователи пытаются найти соответствие между стихотворной речью и смысловым содержанием стихотворения, переходя от звука прямо к реальному смыслу (А. Слонимский и др.).

Конечно, именно закономерностями языка определяются закономерности стиха. Но все элементы звучащего слова в стихе приобретают своеобразное выражение. Стих есть целостная выразительная система в пределах языка. Поэтому первой задачей в развитии нашего стиховедения является определение языковых предпосылок специфической структуры стихотворной речи. Но вместе с тем стих входит в систему языка художественной литературы, подчиняясь ее закономерностям; при этом целостность структуры языка художественного произведения заключена в авторской речи. Стихотворная речь — такая форма поэтического языка, в которой повествователь становится центральной фигурой, и в этом главное своеобразие стиха, что докладчик показал на материале лирики Пушкина. Определить природу и составляющие элементы стиха мы можем, только соотнеся его с языком. А определить его конкретный художественный смысл возможно лишь связав его с образом лирического героя, с проблемой художественного образа вообще.

Выступая в прениях по докладу Л. И. Тимофеева, член-корр. АН СССР В. М.

² Б. А. Ларин, Историческая диалектология русского языка в курсе лекций акад. Шахматова и наши современные задачи, сб. «Очерки истории языка», Л., 1960.

Жирмунский (Ленинград) высказал некоторые соображения о специфике стихотворного ритма. По его мнению, совершенно неверна формула Ю. Н. Тынянова, что основной единицей стихотворной речи является стих. Стих, как и строфа, является композиционной единицей, ритм же определяется общей закономерностью чередования сильных и слабых моментов речи. В. М. Жирмунский считает, что докладчик ошибочно объединил вопрос о специфике стиха с вопросом о специфике лирики. Б. В. Горнунг (Москва) подчеркнул значение изучения стиха для вопросов лингвистики, иллюстрировав свою мысль на материале языка гомеровских поэм. А. М. Абрамов (Воронеж) поддержал докладчика в вопросе о специфике лирики. П. С. Кузнецов (Москва) отметил важность проблемы соотношения метрического и синтаксического членения речи в связи с вопросом об интонации. В. В. Виноградов указал, что проблема стиховедения является сейчас одной из центральных проблем поэтики; в частности, остро стоит вопрос о взаимоотношениях поэтики и лингвистики. В. В. Виноградов отметил преемственность традиций русского стиховедения, остановившись на работах С. И. Бернштейна.

Доклад члена-корр. АН СССР Д. А. Ольдерогге (Ленинград) «Современное состояние и проблемы изучения языков Африки» открылся кратким изложением истории изучения африканских языков.

Охарактеризовав научные воззрения гамбургской школы африканистов, виднейшим представителем которой является К. Майнгоф, докладчик показал спорность классификационной схемы, предлагавшейся этой школой (так называемая «хамитская теория»). Далее Д. А. Ольдерогге отметил основные трудности, возникающие при классификации африканских языков, и дал развернутую критику двух новейших попыток такой классификации (Дж. Гринберг и коллектив авторов «Справочника по африканским языкам», изданного в Лондоне). Основными теоретическими задачами, стоящими сегодня перед африканской лингвистикой, Д. А. Ольдерогге считает: выявление распространения и функции тонов в языках банту и связей их с тональными языками Судана; изучение некоторых мало доступных языков, например языков Кордофанского нагорья; уточнение степени родства бушменских и готтентотских языков; углубленное изучение сравнительной морфологии языков банту и т. д. Заключительная часть доклада была посвящена характеристике наиболее важных межплеменных и государственных языков Африки и их роли в создании национальных культур освободившихся и освобождающихся от колониальной зависимости африканских народов.

Н. Д. Андреев (Ленинград) в своем выступлении по докладу отстаивал важность применения новых методов при изучении языков Африки. Такое изучение уже начато в Ленинграде на материале языков

хауса и суахили. Г. П. Сердюченко (Москва) посвятил свое выступление вопросу о государственных языках стран Африки, подчеркнув целесообразность использования в этой функции местных, а не европейских языков. По мнению Г. П. Сердюченко, необходимо создать общесоюзный научный центр по изучению языков Африки. П. С. Кузнецов указал, что в докладе Д. А. Ольдерогге нечетко различались структурно-типологический и генетический аспекты классификации языков. Он остановился также на некоторых вопросах письменности. М. В. Райт (Москва) говорила о литературных языках Африки и о развитии современной художественной литературы на этих языках. В. А. Аврорин (Ленинград) считает, что неучет материала африканских языков является одним из важных недостатков нашего общего языкознания. В. В. Виноградов указал на необходимость координации работ по литературе и языку, ведущихся в Академии наук вне рамок Отделения литературы и языка. В заключительном слове Д. А. Ольдерогге остановился на некоторых потребностях советской африканистики.

А. А. Леонтьев (Москва)

На вечернем заседании 1 февраля был заслушан доклад члена-корр. АН СССР А. Г. Шанидзе (Тбилиси) — участника делегации деятелей грузинской науки и литературы в Иерусалим (Израиль), выезжавшей туда с целью собрать новые сведения о культурных сношениях Грузии с Палестиной. Прибыв в Иерусалим 25 октября 1960 г. делегация обследовала знаменитый крестный монастырь (бывший в свое время центром книжной деятельности палестинских грузин), в котором, по дошедшим до нашего времени сведениям, издавна существовал портрет великого грузинского поэта Шота Руставели. Действительно, на правом подкупольном столбе монастырской церкви оказался портрет, который, после удаления химическим составом покрывавшего его слоя краски, удалось восстановить. Над обнаруженным изображением имеется надпись: «Руствли». Таким образом, выяснилось, что портрет бессмертного создателя «Витязя в тигровой шкуре» не погиб, как сообщалось разными лицами, а относительно хорошо сохранился под слоем поздней краски. Как известно, ни исторические хроники, ни другие письменные памятники средневековья не сохранили каких-либо сведений о точных датах жизни и вообще о деятельности Руставели, поэма которого датируется, однако (по ее содержанию), концом XII — началом XIII в. А. Г. Шанидзе допускает, что поэт Шота Руставели идентичен с государственным казначеем по имени Шота.

Обнаружение портрета ставит ряд новых вопросов: является ли он древним произведением, подновлен ли позднее во время реставрации церкви (1643 г.) или был написан заново по какому-либо образцу; был ли Шота Руставели лично в Иерусалиме и т. п. Но каковы бы ни были отве-

ты на эти вопросы, представляется бесспорным, что делегации удалось обнаружить достоверный портрет Шота Руставели — автора великого произведения, сыгравшего огромную роль в формировании новогрузинского литературного языка и

оказавшего сильнейшее влияние на последующее развитие языка грузинской художественной литературы.

Г. А. Климов (Москва)

Топонимическая комиссия, организованная в 1959 г. при московском филиале Географического общества, за второй год своего существования провела шесть заседаний¹, на которых были обсуждены доклады по различным проблемам топонимики и сообщения о работе зарубежных топонимистов. Так, большой интерес у присутствовавших лингвистов и географов вызвал доклад И. П. Литвина о топонимии Мексики (февраль 1960 г.) и сообщение проф. Э. М. Мурзаева о топонимическом словаре Юзефа Сташевского (март). На апрельском заседании, посвященном памяти В. И. Ленина, был заслушан доклад Е. М. Поспелова о географических названиях, связанных с именем вождя. О работе над ульяновским топонимическим словарем доложил председатель комиссии В. А. Никонов. О гидронимике

Тамбовской области был сделан доклад М. Н. Морозовой. Вопросы применения топонимики в картографии освещены в докладе Е. М. Поспелова, который комиссия рекомендовала для представления на VII Международный конгресс топонимистов.

В 1961 г. заслушаны два доклада о географических названиях Новгородской земли. А. С. Потресову на материалах топонимики удалось проследить путь Александра Невского между Новгородом и Чудским озером и уточнить место Ледового побоища. Н. В. Подольская исследовала вопрос о славянизации иноязычных (финских) названий Новгородской земли.

Кроме обсуждения докладов, комиссия ведет консультационную работу с топонимистами на местах (рассмотрены материалы, представленные за 1960 г. по Запорожской, Белгородской, Курганской областям). По московскому областному радиовещанию проведено несколько передач по истории подмосковных названий.

Г. П. Бондарук (Москва)

¹ О заседаниях Топонимической комиссии в 1959 г. см. ВЯ, 1959, 4, стр. 136—137, и 5, стр. 150, а также см. «Историю СССР», 1959, 4, стр. 227—228.

КНИГИ, ЖУРНАЛЫ И БРОШЮРЫ, ПОСТУПИВШИЕ В РЕДАКЦИЮ

Информационный бюллетень ЮНЕСКО.— 1960, 87—88; 1961, 89—91.

Германские языки. Методика преподавания иностранных языков (вып. 1), 1960. 250 стр. [Харьк. авиац. ин-т].

Пособие-инструкция для подготовки и составления региональных словарей русского языка. [Отв. ред. В. Г. Орлова].— М., 1960. 239 стр. [Ин-т русского языка АН СССР].

Русский язык в узбекской школе.— 1960. 6. 74 стр. [Прилож. к журн. «Совет мактаби»].

Э. Б а л е ц к и й. Венгерские *kert* в закарпатских украинских говорах.— Budapest, 1960. Стр. 247—265. [Отд. отт. из «Studia slavica», VI].

Р. А. Б у д а г о в. Проблемы изучения романских литературных языков.— М., 1961. 37 стр.

Г. Н. М и х а й л о в. Опыт лексикографического анализа пяти узбекско-русских словарей, изданных в 1927—1942 гг.— Ташкент, 1960. Стр. 38—47 [Отд-ние общественных наук АН УзССР] [Отд. отт.].

Г. Н. М и х а й л о в и С. Ф. А к а б и р о в. Руководство для составления узбекско-русского словаря и литературы.— Ташкент, 1960. Стр. 77 (Ин-т языка и литературы АН УзССР) [Ротапринт].

А. Н. Т и х о н о в. Категория состояния в современном русском языке. 1960. 41 стр. [Самаркандский гос. ун-т].

А. Ш е р м а т о в. Каршинский говор узбекского языка.— 1960. 32 стр. (Авто-

реф. канд. диссерт.) [Ташкентск. гос. пед. ин-т].

С. П. Б е в з е н к о. Исторична морфологія української мови.— Ужгород, 1960. 415 стр.

Slavia orientalis. IX, 3. Стр. 419—522; 4. Стр. 527—646.— Warszawa, 1960.

Slovník spisovného jazyka českého. I.— Praha, 1960. 1311 стр.

Sovietico-turcica. Beiträge zur Bibliographie der türkischen Sprachwissenschaft in russischer Sprache in der Sowjetunion 1917—1957.— Budapest, 1960. стр. 320 (Bibliotheca Orientalis Hungarica, IX).

Studia slavica. VI.— Budapest, 1960. 473 стр.

Wissenschaftliche Zeitschrift der Karl-Marx-Universität Leipzig. 9 (1959—1960). 5. Стр. 677—957; 10 (1961). 1. Стр. 1—168. [Als Manuskript gedruckt].

Zpravodaj, Místopisné komise ČSAV. I. Číslo 5. Prosinec 1960.— Praha. Стр. 253—340.

O. P a r l a n g è l i. Studi messapici (iscrizioni, lessico, glosse e indici).— Milano. 1960. 475 стр. [Istituto Lombardo di Scienze e Lettere].

W. M a ŋ c z a k. Origine de l'apophonie *e/o* en indo-européen. [Отд. отт. из «Lingua», IX, 3, 1960].

H. Z i k m u n d. Marx-Engels und Lenin. Eine biobibliographische Leninstudie.— Berlin, 1960. Стр. 293—312 (Sonderdruck aus Forschungen und Wirken, Festschrift zur 150-Jahr-Feier der Humboldt-Universität zu Berlin. III).

СОДЕРЖАНИЕ

В. М. Жирмунский (Ленинград). О границах слова	3
Ю. С. Сорокин (Ленинград). Об общих закономерностях развития словарного состава русского литературного языка в XIX в.	22

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Э. Бенвенист (Париж). Проблемы армянского консонантизма	37
Г. Фогт (Осло). Заметки по армянскому консонантизму	40
Ян Отрембский (Познань). По поводу армянского консонантизма	44
Об общеславянском лингвистическом атласе.	46
В. В. Мартынов (Минск). К лингвистическому обоснованию гипотезы о висло-одерской прародине славян	51
В. В. Акуленко (Харьков). Существует ли интернациональная лексика	60
Р. Б. Лиз (Нью-Йорк). Что такое трансформация	69
Т. М. Николаева (Москва). Письменная речь и специфика ее изучения	78

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

П. С. Попов (Москва). О логическом ударении	87
О. М. Барсова (Москва). О трех степенях слитности именного предложения	98
Г. Г. Лебедева (Москва). К проблеме относительного будущего в итальянском языке	104
Е. М. Быкова (Москва). Предложения с инфинитно-глагольными оборотами в бенгальском языке	110

ИЗ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО НАСЛЕДСТВА

Н. И. Конрад (Москва). О тангутском языке и тангутской письменности	115
---	-----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Рецензии

А. А. Реформатский (Москва). «Словарь лингвистики пражской школы»	126
В. Г. Гак (Москва). <i>J.-P. Vinay, J. Darbelnet. Stylistique comparée du français et de l'anglais</i>	129
Г. А. Климов (Москва). <i>A. H. Kuipers. Phoneme and morpheme in Kabardian (Eastern Adyghe)</i>	134
Г. А. Тарасова (Москва). <i>A. G. Oettinger. Automatic language translation</i>	137

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Г. Фаска (Будышин). Исследовательская работа по серболужицкому языку в Институте серболужицкой этнографии (ГДР).	140
Вопросы африканистики на XXV Международном конгрессе востоковедов	142
Над чем работают ученые	144
Хроникальные заметки	148
Книги, журналы и брошюры, поступившие в редакцию	158

Articles: V. M. Žirmunskij (Leningrad). Sur les limites du mot; Y. S. Sorokin (Leningrad). Lois générales du développement lexique en russe littéraire du XIX siècle; **Discussions:** E. Benveniste (Paris). Problèmes du consonantisme arménien; H. Vogt (Oslo). Remarques sur le consonantisme arménien; Jan Otrębski (Poznań). A propos du consonantisme arménien; Sur l'atlas linguistique slave; V. V. Martynov (Minsk). Bases linguistiques de l'hypothèse selon laquelle l'habitat primitif des slaves se trouvait à la région de Vistule — Oder; V. V. Akulenko (Kharkov). Y-a-t-il la lexique internationale?; R. Lees (New York). Qu'est-ce que la transformation?; T. M. Nikolaeva (Moscou). Langue écrite et méthodes spécifiques de son étude; **Matériaux et communications:** P. S. Popov (Moscou). Sur l'accent logique; O. M. Barsova (Moscou). Trois degrés de l'emploi conjoint des propositions nominales; G. G. Lebedeva (Moscou). Sur le problème du futur relatif en italien; E. M. Bykova (Moscou). Propositions avec tournures de verbum infinitum en benghal; **De l'héritage linguistique:** N. I. Konrad (Moscou). Sur la langue tangoute et l'écriture tangoute; **Critique et bibliographie; Vie scientifique:** H. Faska (Budyšin). Oeuvre scientifique sur la langue sorbe à l'Institut de l'ethnographie sorbe (République Démocratique Allemande); Problèmes d'études africaines au XXV Congrès international des orientalistes; Plans de travail des savants.

C O N T E N T S

Articles: V. M. Žirmunskij (Leningrad). On word-limits; Y. S. Sorokin (Leningrad). On the general laws of lexical development of the Russian literary language in the XIX century; **Discussions:** E. Benveniste (Paris). Problems of Armenian consonantism; H. Vogt (Oslo). Remarks on Armenian consonantism; Jan Otrębski (Poznań). On the problem of Armenian consonantism; On the Slavonic linguistic atlas; V. V. Martynov (Minsk). Linguistic bases of the hypothesis on the Vistula — Oder area as the original home of the Slavs; V. V. Akulenko (Kharkov). Are there international words?; R. Lees (New York). What are transformations?; T. M. Nikolaeva (Moscow). Written language and specific ways of its study; **Materials and communications:** P. S. Popov (Moscow). On the logical stress; O. M. Barsova (Moscow). Three degrees of the conjunct use of nominal sentences; G. G. Lebedeva (Moscow). On the problem of relative future in Italian; E. M. Bykova (Moscow). Sentences with non-finite verb locutions in Benghali; **From the linguistic inheritance:** N. I. Konrad (Moscow). On the Tangut language and the Tangut writing; **Critics and bibliography; Scientific life:** H. Faska (Budyšin). Research work on the Sorb language at the Institute of Sorb ethnography (German Democratic Republic); Problems of africanistics at the XXV International congress of orientologists, Working-plans of scientists.

Технический редактор Д. А. Фрейман-Крупенский

Т-07009	Подписано к печати 31.V.1961 г.	Тираж 5550 экз. Зак. 1674
Формат бумаги 70×108 ¹ / ₁₆ . Печ. л. 13,7	Бум. л. 5	Уч.-изд. листов 16,5